

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. Ф. Орешкова

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XV – XVI вв.

**(К вопросу о роли османского вассала
в политическом становлении
постордынской Восточной Европы)**

Том 1

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 63.3
О-63

Ответственный редактор: д.и.н. М. С. Мейер
Рецензенты: д.и.н. Ш.М. Мустафаев, к.и.н. А. В. Витол

*Утверждено к печати Издательской комиссией
Ученого совета Института востоковедения РАН*

Орешкова С. Ф.

О-63 Крымское ханство в XV–XVI вв. (К вопросу о роли османского вассала в политическом становлении постордынской Восточной Европы) : в 2 т. Т. 1 / Отв. ред. М. С. Мейер; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. – 306 с.

ISBN 978-5-907384-55-2 (общ.)

ISBN 978-5-907384-56-9 (Т. 1)

В предлагаемой вниманию читателей книге рассматривается внешнеполитическая ситуация в регионе Восточной Европы в XV – XVI вв., т. е. в период, когда шло становление постордынских государств и вырабатывались принципы взаимоотношений между ними. Межгосударственные отношения региона строились тогда на базе нового геополитического разграничения земледельческого и кочевнического хозяйственных ареалов и складывания особой культуры международных отношений, вобравшей в себя многое из политико-идеологического наследия Золотой Орды, мусульманской практики взаимоотношений с христианским миром, опыта становления Османской империи, территориальные интересы которой еще не нашли своих ограничительных рамок, и того влияния европейской международной практики, которую внедряли (сами еще не совсем её освоив) северные соседи тюркского мира – Московское княжество и Великое княжество Литовское. Крымское ханство становится в это время вассалом Османской империи, что вселяло в него особую уверенность в своей неуязвимости и получении в случае каких-либо затруднений помощи от этого могущественного государства, что порождало особый авантюризм в политике, но в то же время и некую осторожность, не позволявшую крымским ханам переходить рамки той вассальной дозволенности, которые ставила ему османская метрополия.

© Орешкова С. Ф., 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	6
----------------	---

ГЛАВА 1. Становление новых постордынских государств в Восточной Европе. Появление независимого Крымского ханства8

Приложение:

Иосафат Барбаро и Амброджо Контарини о татарах Юго-Восточной Европы в середине XV в.	26
Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану	29
Амброджо Контарини. Путешествие в Персию	65
Сочинение Михалона Литвина	85
1-й фрагмент текста	86
2-й фрагмент текста	89
Список ханов, правивших в Крыму в 1419–1436 гг.	95
Письмо золотоордынского хана Улу-Мухаммеда османскому султану Мураду II (март 1428 г.)	96

ГЛАВА 2. Османская империя и ее интересы в северном Причерноморье99

Приложение:

Из хроники Ашик-паша-заде «Таварих-и Ал-и Осман»	121
Из поэмы Ахмеди «Искендер-наме» (конец XIV – начало XV в.)	123
Из хроники «Тарих-и Нешри»	125
Хюсейн. «Беда’и ул века’и (отрывок)	125
Хюсейн Хезарфен. «Телхис ал-бейан фи каванын-и ал-и османн (глава)	128

ГЛАВА 3. Борьба за сохранение крымской государственности в 60–70-х годах XV в. Установление вассальных отношений с Османской империей134

Приложение:

Письмо Менгли-Гирея (5–15 мая 1475 г.)	162
--	-----

ГЛАВА 4. Крымское ханство и Московия.

Первые дипломатические контакты166

Приложение:

Отклики русских летописей на события 1465 г. и завоевание османами крымского побережья (1475 г.)	184
Документы посольства боярина Никиты Васильевича Беклемишева к крымскому хану Менгли-Гирею (март 1474 г.)	185
Перевод шертной грамоты крымского хана Менгли-Гирея, утвержденной крестным целованием Великого князя Ивана III Васильевича, о сохранении взаимной дружбы и братства. Писана в 1474 г.	194
Документы посольства Ивана Белого от Великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею (30 апреля 1474 г.)	195
Документы посольства Ивана Звенца от Великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею	197
Грамота Крымского царя Менгли-Гирея к Великому князю Ивану III Васильевичу (1480 г.)	204
Грамота Великого князя Ивана III Васильевича к Крымскому царю Менгли-Гирею (апрель 1480 г.)	205
Грамота к Великому князю Василию Ивановичу от Царя Менгли-Гирея	206
Ярлык Крымского хана Менгли-Гирея Литовскому Великому князю Сигизмунду	207
Документы первых межгосударственных контактов Москвы с сюзереном Крымского ханства – Османской империей	210

ГЛАВА 5. Включение Крыма в систему османской государственности.

Кочевничество, земледелие, проблемы Дикого Поля

и отношений с соседними государствами216

Приложение:

Турецкое повествование некоего нишанджи-паши	232
Отрывок из хроники Али «Кюнгю-ль-ахбар»	234
Послание Крымского хана Мухаммед-Гирея османскому султану Сулейману (1521 г.)	237
Письмо представителей клана Ширин в Стамбул, которое, как предполагают, было передано находившемуся тогда при султанском дворе Саадет-Гирею (начало 1523 г.)	240

ГЛАВА 6. Крымское ханство в период правления Саадет-Гирея и Сахиб-Гирея. Усиление османского влияния242

Приложение:

Грамота, посланная Бургану аге азовскому	276
Грамота, посланная к беккулу азовскому	276
Прием купца Искендера при дворе Московского Великого князя	277
Грамота султану Сулейману от Московского Великого князя Василия	280
Письмо хана Сахиб-Гирея султану Сулейману (ноябрь–декабрь 1533 г.)	282
Послание Ислам-Гирея султану Сулейману	283
Письмо представителей крымской знати в Высокую Порту	285
Письмо Ислам-Гирея в Москву (1535 г.)	287
Грамота крымского хана Сахиб-Гирея Великому князю Ивану IV (ноябрь 1537 г.).	289
Грамота крымского хана Сахиб-Гирея Великому князю Ивану IV (Май 1538 г.)	291
Послание султана Сулеймана к крымскому хану Сахиб-Гирею (март 1545 г.)	294

ГЛАВА 7. Девлет-Гирей и московско-казанские отношения296

От автора

Вскоре после распада СССР приезжавшие в Институт востоковедения РАН зарубежные коллеги очень часто заходили в Сектор Турции, где я работаю, и просили для себя, а чаще для кого-то из своих соразработчиков, текст Кючук-Кайнарджийского мира. Я была очень удивлена: ведь этот документ широко известен и не представляет библиографической редкости. К этому времени мы с Н.Ю. Ульченко выпустили популярную брошюру «Россия и Турция. Проблема формирования границ» (имеется два издания – 1999 и 2006 гг.), в которой как приложение были помещены тексты наиболее важных договоров, решавших проблему территориального разграничения России и Турции. Первым там был помещен как раз текст Кючук-Кайнарджийского договора (1774 г.). Мы раздавали эту свою книжечку, посмеиваясь, что вот неожиданно попали в полосу популярности, а сами удивлялись, почему возник такой ажиотаж. В конце концов уяснили, что этому способствовали две причины.

Первая заключалась в том, что, не очень доверяя утверждениям нашей историографии, многие на Западе подозревали, что в российских дипломатических документах есть что-то тайное, какой-то подвох, найдя который, можно выявить некие не замечаемые ранее коварно-агрессивные намерения России, обвинения в чем и так в избытке присутствуют во многих исторических сочинениях. К сожалению, такова традиция, господствующая во многих внешнеполитических исследованиях. Уж очень большая территория и чересчур значительные природные богатства достались нашей стране. Это до сих пор кажется нашим недоброжелателям несправедливым.

Вторая же прямым образом связана с историей Крыма, судьба которого уже тогда для многих казалась неопределенной.

Мой коллега по институту Анатолий Рудольфович Вяткин, в последние годы своей жизни плодотворно работавший по крымской тематике, предложил тогда подготовить к изданию сборник

документов по истории Крыма и его отношений с Россией. Идея мне показалась плодотворной, и мы начали готовить такую совместную работу. К огромному сожалению, Анатолий Рудольфович в результате автомобильной катастрофы безвременно ушел из жизни. Мои же научные интересы и познания касались лишь османского периода крымской истории. Идея предполагавшегося издания не была воплощена в жизнь. Собранный тогда мною материал послужил основой для этой книги. Я безмерно благодарна Анатолию Рудольфовичу за полученный от него побудительный совет заняться более глубоким изучением османо-крымско-российских отношений и Крымского ханства как вассала Османской империи. С благодарностью посвящаю эту работу памяти А.Р. Вяткина.

Мой предыдущий опыт изучения истории Османской империи и османо-российских отношений помог мне войти в новую для меня область крымских исследований. В настоящей книге рассматривается история Крымского ханства того периода, когда оно входило в состав Османской империи, искало внутриимперские возможности сохранения собственной государственной обособленности и пыталось найти приемлемые для себя формы взаимоотношений с северными соседями – Московией и Великим княжеством Литовским, а также родственными тюркскими государственными образованиями Восточной Европы.

В процессе работы была избрана следующая форма подачи материала: авторский текст, а за ним к каждой главе приложение, содержащее принципиально важные источники, позволяющие автору сделать те или иные выводы. Надеюсь, что это будет интересно и читателю, так как позволит ему самостоятельно осмыслить предлагаемые сведения и согласиться с выводами автора или подумать об их опровержении.*

* Настоящая книга представляет собой дополненный и переработанный вариант текста, который был выполнен автором в 2016–2018 гг. при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 16-0100490 – ОГН.

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ В ПОСТОРДЫНСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. ПОЯВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОГО КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Золотая Орда (или Джучиев улус) во второй половине XIV в. переживала период смут, «*Великую Замятню*», как называли эти события в русских источниках. Страна оказалась втянутой не просто в политические неурядицы, но все сильнее и сильнее входила в социально-экологический кризис, период, когда на ее судьбу особенно активно воздействовали не только общественно-политические, но и природные факторы (См. Слепцов А.М., 1997, с. 73–75; Пантин В.И., 1995; Мордкович В.Г., Галяров А.М., Тишков А.Л., Баландин С.Л., 1997; Кульпин Э.С., 1998, с. 87–114; Кульпин – Губайдуллин Э.С., 2014; Абрамова Т.А., Турманина В.И., 1982 и др.). Менялся климат, усложнялись условия для кочевого скотоводства. Экологическое неблагополучие вызывало небывалые подвижки населения и страшные эпидемии. Середину XIV в. историки вообще оценивают как глобальный кризис, когда «пришло в упадок все сразу, как на Западе, так и в монгольском Китае» (Бродель Ф., 1986, с. 446). Эпицентром кризиса оказалось подчиненное Золотой Орде Северное Причерноморье (Kedar B.Z., 1976; Карпов С.П., 1994, 1999, 2016), где явно стали проявляться попытки нового переустройства мира.

Для Московии, располагавшейся к северу от эпицентра кризисного региона, это также отозвалось несколькими эпидемиями чумы и опаснейшим для ее существования походом Мамай (1380). Разгром его войска на Куликовом поле не только спас Москву, но и сказался на судьбе Золотой Орды.

Мамай не был чингизидом, следовательно, он не мог провозгласить себя новым ханом, хотя фактически управлял всей западной частью Джучиева улуса с 1359 по 1380 гг., объединив ее под своей властью. Формально же на ордынском престоле за эти годы сменилось множество ханов (Сафаргалиев М.Г., 1960, с. 111–112; Усманов М.А., 1979, с. 74; Миргалиев И.М., 2011, с. 18–21). В ногайском эпосе есть немало песен, воспевающих деяния и великие замыслы мирзы Мамай (См. Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 104, 133). Для ханов-джучидов он, однако, оставался лишь выскочкой, временщиком. Эта неустойчивость положения во власти, возможно, и толкнула Мамай в 1380 г. на организацию столь мощного и ожесточенно целеустремленного похода на Русь, подобного которому она не знала со времен Батыя. В русском языке сохранилось выражение «Как Мамай прошел», относимое к сильному опустошению и разрушению, но есть и другое вполне обоснованное предположение о целях этого эмира. Он стремился не разорить Русь, «яко же Батый», а попытаться завладеть там великокняжеским престолом, говоря современным языком, официально утвердиться во властных структурах (Кульпин Э.С., 1998, с. 115–120). Это предположение объясняет и приведенное в русских летописях сообщение о том, что князь Дмитрий, не желая кровопролития, пытался откупиться – «выход дать», но Мамай его «не восхотел» (Хорошкевич А.П., 2001, с. 125).

После разгрома на Куликовом поле Мамай не смог противостать Тохтамышу (О нем см. Миргалеев И.М., 2003, 2011; Селезнев Ю.В., 2010) – хану, происходившему не из рода Джучи, а из другой, не Батыевой, ветви чингизидов (потомок Тука – Тимура) (см. Почекаев Р.Ю., 2010). В борьбу за власть в Восточной Европе, как видим, стали включаться не только джучиды, но и ханы восточных татаро-монгольских владений, устремлявшиеся вместе со своими племенами на западные территории Золотой Орды (Григорьев А.П., 1968, с. 9–54).

Арабские историки, в частности, Ибн Халдун и другие, возвышение Мамай связывали с тем, что он сумел утвердиться в Крыму и уже только после этого двинулся на Сарай. (Тизенгаузен В., 1884, т. 1, с. 368–391, 413; Григорьев А.П., 1983; Зайцев И.В., 2014; История татар, т. 4, с. 131–132; Краморовский М.Г., 2003).

О крымских истоках власти Мамаея говорит и ногайский эпос. В.Д. Смирнов подчеркивал, что до появления Мамаея этот район Орды (т. е. Крым) «оставался совершенно без призора» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 133; см. об этом также Чиперис А.М., 1962; Мыщ В.Л., 2009 и др.).

Крым был одним из уделов Золотой Орды, управляемых ханскими наместниками. Но иногда, как отмечает В.Д. Смирнов, «появлялись там авантюристы и узурпаторы, из которых иные стяжали себе громкую известность в истории своими деяниями и печальной судьбой, другие же исчезали бесследно, едва оставив по себе память лишь по имени» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 108). Официальные наместники Джучиева Улуса назначались в Крым из старших эмиров, вельмож первого разряда, а бывало, что и из джучидов (Гаев А.Г., 2002, с. 20–21). Иногда крымская территория делилась на два, а то и три самостоятельных тумена. Главными центрами полуостровных владений были Солхат и Кырк-Йер (см. статью Зайцева И.В. в книге «История татар», т. 4, с. 131; Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 97–123).

Через Азов (Тану, Азак) и Крым в ордынское время шла активная евроазиатская торговля. Именно там располагались торговые фактории Генуи и Венеции, главных торговых посредников и поставщиков восточных товаров в Европу. Известно, что хан Джанибек (1342–1357) сделал попытку отвоевать Кафу (Феодосию), главную базу генуэзцев. Тогда же ордынские власти попробовали играть на противоречиях и соперничестве этих двух итальянских городов (Карпов С.П., 1994; Григорьев А.П., Григорьев В.П., 1998, с. 155–159 и др.), заключив союзы (в 1347 и 1356 гг.) лишь с венецианцами и предоставив им на полуострове новые опорные пункты. (Григорьев А.П., Григорьев В.П., 1997, с. 147–154; они же, 1995, с. 24–66). Однако именно в эти годы Крым и Орду охватила страшнейшая эпидемия чумы (в 1345–1346 гг. чума шла из Азии в Европу, а затем была возвратная волна эпидемии из Европы в 1362–1363 гг.). По свидетельству арабских очевидцев, в Крыму в период эпидемии в день умирало до тысячи человек (Тизенгаузен, 1884, т. 1, с. 550). Торговля была сведена до минимума. Эта «Черная смерть» и разрыв прямых контактов Европы и Азии, как считают

историки, стали пиком социально-экологического кризиса XIV в. (Карпов С. П., 1990, с. 97; он же, 1999, с. 225–229; его же об этом раздел в «Истории Крыма», т. 1, М., 2017).

В 1365 г., пытаясь восстановить свои былые торговые позиции, генуэзцы смогли почти беспрепятственно овладеть морским побережьем в районе Судака (Солдеи). Однако Мамай, утверждаясь в Крыму, отобрал у них эти территории. При Тохтамыше же генуэзцы получили назад все отвоеванные было Мамаем селения, а в 1380 и 1387 гг. были заключены и новые торговые соглашения (Смирнов В. Д., 2005, т. 1, с. 133–140). Генуэзцы объединили под своей властью приморские крымские города и сельские районы вокруг них, окружив мощными фортификационными сооружениями не только Кафу, но и Солдайю, и Воспоро (Босфоро), создав там, по сути дела, некое государственное образование, подчиненное Генуе. В современной научной литературе его называют Генуэзской Газарией (Balard M., 1978, т. 1; Карпов С. П., 2000; Бочаров С. Г., 2011; Бочаров С. Г., Масловский А. Н., 2015).

Торговые связи в этом регионе, однако, за период чумы и татаро-итальянских конфликтов изменили свой характер. Европейские купцы утратили непосредственные связи с Индией и Китаем, стали больше зависеть от мусульманских посредников. Товары так называемой «дальней торговли» – шелк, хлопок, пряности и др. стали поступать на рынок в меньших объемах. Главным предметом торговли постепенно становится продукция местной аграрной полукочевой периферии. Особую массовость с этого времени приобретает работорговля (Карпов С. П., 1999, с. 231).

Нарушение регулярности в функционировании караванных путей приводило к сокращению в татарском обществе многочисленного ранее слоя ремесленников, обслуживавших торговые караваны, а потому и к запустению многих поселений, особенно в Поволжье. К тому же, вдобавок к другим экологическим бедствиям, в это время начинается повышение уровня Каспийского моря (так называемая трансгрессия), постепенно приведшая к исчезновению многих населенных пунктов и даже городов Нижнего Поволжья.

В. Д. Смирнов, анализируя крымские договоры времен Тохтамыша, подчеркивает, что в них проявлялось некое «заискивание татар

перед франками». Очевидно, это было следствием расчетов на получение определенных выгод от европейской торговли и надежд на ее возобновление. Иначе вел себя Тохтамыш в отношении северных иноверных данников. Там он был безжалостен. Он снова заставил признать зависимость от себя литовского князя Ягайло и московского Дмитрия. Чтобы принудить к этому последнего, во время похода 1382 г. на Русь войска Тохтамыша сожгли Москву.

Судьба Золотой Орды решалась тогда, однако, не в этом регионе, а на Юге и Востоке. Против Тохтамыша выступил Тимур Ленк, или Аксак Тимур (Тамерлан в европейском произношении), самаркандский эмир, выходец из улуса, предоставленного в свое время сыну Чингиз-хана Чагатаю. Внутренние усобицы позволили в 60-х годах XIV в. и в этом улусе возвыситься человеку, как и Мамай, не принадлежавшему к ханскому роду. Приобретя неограниченную власть в своем эмирате, Тимур сумел подчинить себе не только Самарканд, но и Хорезм, Пенджаб, Хорасан, мусульманские владения на иранских территориях, Закавказье, разгромить османских правителей в Малой Азии и попытаться контролировать Золотую Орду. В 1391 г. эта Орда впервые подверглась его разрушительному нашествию. В 1394 г. различные тюркско-татарские государства попытались договориться о совместном противостоянии Тимуру. В Дамаске эта проблема обсуждалась на совещании египетского султана аз-Захир Баркука с послами от Тохтамыша, османского султана Баязида и Бурхан ад-Дина, правителя Сиваса, тогда еще сохранявшего свою независимость. Новый поход Тимура на Золотую Орду, состоявшийся в 1395 г., положил конец этим планам (см. подробнее Зайцев И. В., 2004, а также его раздел в «Истории татар», т. 4, с. 95).

На этот раз тяжелейший разгром Тимуром ордынских владений привел к тому, что хан Тохтамыш потерял власть, а в Орде выдвинулся поддерживаемый Тимуром еще один самовластный эмир. В русских источниках его имя чаще всего передается как Едигей (но встречаются и другие прочтения – Идики, Идику, Идике, Идиге, Идигай, Эдиге, Эдигу, Эдигей и т. п.). На протяжении 1396–1410 гг. он самостоятельно вершил всеми делами государства, определяя политику и внешние сношения. Возвышение Еди-

гея (как ранее и Тохтамыш) началось с утверждения его влияния в восточной части Улуса Джучи, которая меньше других пострадала от походов Тимура, сохранила свои материальные и людские (главным образом кочевые) ресурсы. Сам он был выходцем из племени мангыт, считается патриархом и вождем ордынской кочевой знати (Трепавлов В. В., 2001, с. 52–89), воспевается в героических сказаниях многих тюркских народов (см. Семенов Н., 1830; Мелиоранский П. М., 1905; Жирмунский В. М., 1974; Сикалиев А. И., 1994; Идигей. Татарский народный эпос, 2005 и др.).

Едигей способствовал утверждению на ордынском престоле ханов Тимур-Кутлука (1391–1399), Шадибека (1400–1409), Пулада (1409–1410), Тимура (1410–1412), которые фактически были лишь его марионетками. Для объединения своих владений он пытался жесткими мерами упрочить позиции ислама среди кочевых племен. Ведь сам он, по легендам, происходил из рода исламского проповедника Баба-Туклеса, сыгравшего в свое время заметную роль в обращении джучидов в мусульманство. По матери же он будто бы вел свое происхождение от первого халифа Абу-Бекра (De Weise D., 1994).

При Едигее Золотая Орда вернула себе район нижнего Буга, потерянный ею в 1363 г., подчинила Хорезм. Походом на Москву Едигей заставил Василия I заплатить огромный выкуп и возобновить прерванные было даннические отношения. О нашествии Едигея на Москву была сложена дошедшая до нас русская народная повесть (см. ПСРЛ, 1948, т. 25; Памятники литературы..., 1981).

Для дальнейшей судьбы восточно-европейского региона большое значение имело то, что Едигей запретил продажу за границу рабов тюркского происхождения. В результате этого запрета среди рабов, вывозимых генуэзско-венецианскими торговцами в Египет, стали преобладать черкесы (Тизенгаузен В. Г., 1988, т. 1, с. 474; Бартольд В. В., 1963, т. 2, с. 892–894), а правившая там мамлюкская тюркская династия сменилась черкесской. Позднее среди рабов, которые поступали из Восточной Европы в Османскую империю, возобладали славяне.

В борьбе с Едигеем хану Тохтамышу, спасавшемуся тогда в литовских землях, пытался помогать Великий князь Литовский

Витовт (1392–1430) (Греков И. Б., 1975, с. 208–214; Флоря Б. Н., 2001, с. 174 и др.). Широко известны сообщаемые русской летописью надежды, которые питал в связи с этой помощью литовский князь (об этом см. Греков Б. Н., Якубовский А. А., 1950, с. 385–386; Колодзейчик Д. в «Истории татар», т. 4, с. 110 и др.): «...посадим в Орде на царство её царя Тахтамышша и на Кафу и на Озов и на Крым и на Азтархань и на Заяицкую Орду и на всем Приморье, и на Казань, и будет все наше и царь наш» (ПСРЛ, 1965, т. 11, с. 172). Однако в 1399 и 1400 гг. совместно выступившие литовско-татарские войска были разбиты в районе р. Ворсклы (левого притока Днестра). Войска Едигея опустошили литовские владения вплоть до Луцка. Киев для своего спасения, как и Москва, был вынужден дать огромный выкуп. Витовт после этих событий стал селить в своих пограничных землях обращающихся к его защите представителей ордынской знати и рядовых татар, в результате чего в Великом княжестве Литовском начало складываться свое татарское население, позднее еще не раз пополнявшееся, в том числе и потерпевшими неудачу в борьбе за власть в Орде ханскими отпрысками со своими свитами. (Abrahamowicz Z., 1986, с. 765; Зайцев И. В. в «Истории татар», 2014, т. 4, с. 128–129; о присутствии и более ранних тюрко-монгольских вкраплений в «стационарных поселениях и даже городах» этого региона см. Толочко П. П., 1999, с. 184).

Напомним, что еще предшественник Витовта Ольгерд (1345–1377) значительно расширил территорию Литовского княжества. В 1363 г. в районе реки Синие Воды (близ устья Южного Буга) он разгромил войска местных татарских эмиров, что дало Литве выход к Черному морю и возможность присоединения к своим владениям земель Киевщины, Черниговщины и Волыни. Ранее ею уже были включены в свой состав часть Подолии, район Новгорода Северского, Брянщина и Смоленщина. При Витовте же под его властью оказались и ордынские улусы, располагавшиеся на восточных границах Киевщины и Подолии, в том числе и те, что составили позднее владения рода Глинских (Флоря Б. Н., 2001, с. 174).

Литовское государство представляло собой тогда политическую федерацию под военным руководством Великого князя, во все вновь присоединяемые земли направлявшего князей из династии

Гедиминовичей. Даже потеряв при Едигее полученный в 1363 г. выход к Черному морю, оно оставалось одной из сильнейших держав Восточной Европы. К тому же в 1386 г. литовский князь Ягайло был избран польским королем. Персональная уния с Польшей еще более усилила авторитет этого государства. Князь Витовт, автономно управлявший Литвой от имени Ягайло, в своей восточноевропейской политике действовал самостоятельно и исходя из собственно литовских интересов. Киевское княжество и другие юго-восточные приграничные земли Литвы продолжали выплачивать дань Орде. (Смирнов В. Д., 2005, т. 1, с. 147–152; Сафаргалиев М. Г., 1960, с. 147–155, 234–255). Само же Великое княжество Литовское, признавая верховенство Золотой Орды, приняло от Тохтамыша, разгромленного тогда Едигеем и укрывшегося в литовских владениях, ярлык, отдававший ей в управление юго-западные славянские территории. Этот документ в последующие полтора столетия будет постоянно фигурировать как юридическое обоснование для литовского владычества в регионе. В дипломатических документах Литвы не раз упоминалось, что ордынские ханы, «коли их кони потны были, до литовского паньства, до князя Витовта... гостем были» (Цит. по Kolodziejczyk D., 2011, с. 595; то же в его статье в «Истории татар», т. 4, с. 110; а также Шабульдо Ф., 2005), Выражение «кони потны» означало «находиться в затруднительном положении».

Внутренние распри, эпидемии, неурожаи и явное изменение климата толкали отдельные татарские юрты и их предводителей переселяться не только в Литву, но и в Московию, где находили приют как рядовые татары, так и представители ордынской знати, в Среднюю Азию, в принадлежавшие туркам районы Балкан и Малой Азии, где, однако, после разгрома Тимуром султана Баязида (1402) также шла междоусобная борьба (Вельяминов-Зернов В. В., 1863–1887; Лихачев Н. П., СПб., 1900; Зимин А. А., М., 1988; Бычкова М. Е., М., 1975, 1986; Думин С. В., 1989; Ахмедова А. О. и Муртузалиев С. И., 2001; Gökbilgin M. T., 1957 и др.). Относительная легкость таких переселений говорит о тогдашней социально-культурной близости всего этого огромного региона.

Во втором десятилетии XV в. начинается безвозвратный распад татарской Орды на отдельные самостоятельные государ-

ственные образования. Первыми обособливаются ее восточные окраины – Сибирские и Среднеазиатские ханства, Ногайская орда (см. Исхаков Д. М., 2009, с. 67). К западу от Волги, т. е. на территориях, больше всего пострадавших от нашествия Тимура и экологических бедствий, разгорается ожесточенная борьба за власть. После Едигея объединить эти владения больше никому не удалось, хотя, как справедливо отметил Б. Н. Флоря (Флоря Б. Н., 2001, с. 172), это не был прямолинейный процесс: периоды глубокого упадка Орды временами сменялись периодами ее повторного усиления, когда она опять становилась серьезной угрозой для соседей.

Вначале наибольшую силу приобретают там ханы Давлет-Берды и Улу-Мухаммед (Тизенгаузен В. Г., 1884, т. 1, с. 534; Сафаргалиев М. Г., 1960, с. 232–234 и др.), при которых Орда еще пыталась блюсти свое единство, но по сути дела, как подметил А. Л. Пономарев, оно «сохранялось лишь в амбициях претендентов на ханский престол» (Пономарев А. Л., 2013, с. 161). Этот же исследователь, опираясь на нумизматический материал и бухгалтерские книги генуэзского казначейства Кафы, платившей ханам за свое право иметь торговые фактории в Крыму и фиксировавшей это в своих счетах, сохранившихся в архивах, сумел проследить, как менялась власть в Крыму в 20-х – 30-х гг. XV в. и в каких отношениях регион был с центральными властями.

В то время как Улу-Мухаммед метался по Восточной Европе, пытаясь сохранить свою власть над ордынскими степными владениями, в Крыму с 1419 г. утверждаются «ханы Солхата», чеканившие свою монету, имевшие поддержку местной знати, устанавливавшие свои отношения с европейскими торговцами. У них не было претензий (и сил для таких претензий) на общеордынский трон, но они претворяли в жизнь собственную политику, имели свою армию и финансы, и при этом главным, как считает А. Л. Пономарев, было то, что они относились к одной чингизидской династии – Таш-Тимуридов, а появление династии, по его мнению, является «главнейшим признаком» средневековой государственности. Он же подчеркивает, что обычно от начала династии историки ведут отсчет времени существования того или иного государства (там же, с. 176).

Отношения солхатских правителей с ордынским центром складывались по-разному. Порой, как представляется, сарайские правители добровольно уступали им часть своих полномочий, но бывали и конфликты. А. Л. Пономарев в составленной им хронологии крымских правителей того времени (список их см. в Приложении к этой главе) конфликтные периоды обозначает как «междоусобицы», хотя зачастую после такого смутного времени у власти оказывался тот же правитель, что властвовал там и прежде, а ханы центра покидали этот район, отвлеченные проблемами своего государства, обострявшимися в иных местах. Генуэзцы Кафы внимательно следили за этими внутриордынскими отношениями и в платах и подарках татарским властям явно учитывали их. Любопытно, что в своей документации и солхатских, и сарайских правителей они называли «императорами».

За происходившим в степи внимательно наблюдали и литовские князья. Крымский регион явно находился в сфере их интересов и влияния. Известно, что в 1429 г. литовский князь Витовт сообщал о том, что Улу-Мухаммед завладел всей Ордой и «через посла предложил нам [т.е. литовцам – *С.О.*] прочный союз» (Сафаргалиев М. Г., 1960, с. 234). Союзу не получилось. Витовт в 1430 г. умирает. В самом литовском княжестве начинается борьба за власть. К тому же, по свидетельствам очевидцев, в 1429–1430 гг. «в землях сарайских и дештских и в степях кипчакских была сильная засуха и чрезвычайно большая моровая язва, от которой погибло множество народу, так что уцелели из них (татар) со стадами только немногие роды» (Тизенгаузен В. Г., 1884, т. 1, с. 448). В русских летописях есть сообщение, что в 1432–1433 гг. против Улу-Мухаммеда выступил новый ордынский царь Мехмет Кичих Амет (в дальнейших сообщениях он фигурирует еще и как Кичи-Мухаммед, правильно следует его называть Кючук Мухаммед), а в оставшихся под властью Улу землях стремление «отступить от него» выказывала крымская знать», в частности, один из вождей местных племен Тэгенэ Ширин (ПСРЛ, т. 8, с. 96).

В дальнейшем, как известно, потерпев поражение вначале от Сеид-Ахмеда (1436), еще одного чингизида, претендовавшего на власть в западной части Золотой Орды и, наконец,

разбитый Кючук-Мухаммедом, Улу-Мухаммед уходит на север (см. Зимин А. А., 1991), где он и его потомки становятся в конце концов ханами отпавшего от Орды Казанского ханства, а позже и вновь созданного Касимовского (Сафаргалиев М. Г., 1960, с. 235, 246–259; Вельяминов-Зернов М. Г., 1863, ч. 3, с. 3–27; История татар, 2014, т. 4).

Орда Кючук-Мухаммеда также стала основой нового государственного образования в Дешт-и Кыпчак (т. е. степях Восточной Европы) – так называемой Большой Орды. Она действительно была самой большой по численности объединившегося в ней кочевого населения. Отсюда и произошло ее название (см. Горский А. А., 2014), но сравниться по мощи с Великой Ордой, как именовалась ее предшественница Золотая Орда (Усманов М. А., 1979, с. 193), конечно, не могла. Ханы ее, однако, продолжали считать себя главными среди ордынских правителей, а свое государство тронным, престольным, домениальным владением (Тахт иль, иногда Тахт мемлекет), верховенствующим над всем бывшим Джучидским улусом (см. Сафаргалиев М. Г., 1960, с. 258, 263–254; Исхаков Д. М., 2009, с. 20–22; Зайцев И. В., 2004, с. 99, 113, а также фундаментально-обобщающую статью об этом государственном образовании В. В. Трепавлова в т. 4 «Истории татар», Казань, 2014, с. 180–196). Претензии эти базировались не просто на политических амбициях и исторической инерции, которая шла от Золотой Орды, но и вытекали из тех социально-экономических потребностей, без которых это государственное образование не могло в новых условиях обеспечить свое существование.

Политические уособицы предшествующего периода, разрушительные походы Тимура, экологические изменения в регионе, «Черная смерть», поражавшая прежде всего места скопления оседлого населения – все это стало причиной исчезновения многих бывших ордынских городов Нижней Волги. Население Поволжья значительно обновилось за счет восточных орд. В результате всего этого там произошло почти полное возвращение к кочевому быту и в то же время из-за экологического кризиса заметно сократились территории, пригодные для зимних пастбищ кочевников (см. Федоров-Давыдов Г. А., 1973; Сафаргалиев М. Г., 1960 и др.). В этих условиях

Большая Орда не могла не становиться очень агрессивно настроенной по отношению к начинавшим обособливаться от нее окраинам. Особенно это касалось проявлявших наибольшую самостоятельность владетелей Крыма и южных дештских районов, к нему тяготевших. Крым был ключом к значительному массиву пастбищ, особенно необходимых для зимовок кочевников, и к торговле с Европой, сократившейся, но все еще продолжавшей давать значительный доход причастным к ней транзитным территориям.

Мы уже говорили, что различные тюркские правители не раз использовали Крым как трамплин для восхождения на золотоордынский трон или приобретения в этом государстве особых властных полномочий. В то же время в самом Крыму все большую роль начинает играть местная татарская аристократия, так называемые карачи-беи (Смирнов В. Д., 2005, т. 1; Schamiloğlu U., 1986; Исхаков Д. М., 2009), к которым в Крыму относились представители родов (или, как писали в старых русских тюркологических работах, – поколений) Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак. К концу XIV в. они уже прочно утвердились на территориях полуострова. Эти аристократические семейства не были только специфически крымскими. Родственные им семейные кланы встречаются и в других юртах. Как подметил Д. М. Исхаков, их представители обладали правом свободного перехода из одного позднеордынского этнополитического объединения в другое, что порождало некое клановое единство вновь возникавших государств (Исхаков Д. М., 2009, с. 9). К второму-третьему десятилетиям XV в. тюркская аристократия повсеместно начинает все активнее «искать себе опору на местах», поддерживая тех или иных оказавшихся в их местностях представителей рода Джучидов и не надеясь на ханов центра (Сафаргалиев М. Г., 1960, с. 201). Особенно заметно эти стремления проявлялись в тех районах, где имелись традиции оседлой жизни или проходили пути международной торговли.

Начало самостоятельного существования крымского улуса обычно связывают с именем хана Хаджи-Гирея. Он был внуком Таш-Тимура, в 1395 г. недолго ханствовавшего в Орде, т. е. при-

надлежал к той же династийной линии, представители которой в 20-х – 30-х гг. не раз становились правителями Крыма. К власти он шел непросто. Отец его Гиас-ад-дин, не сумев получить ханского звания, переселился в Литву, очевидно, в период пребывания там Тохтамыша.

Сам Хаджи-Гирей, по-видимому, в Литве и родился. Это наиболее убедительная версия его происхождения, хотя имеются и иные (о них см.: Абдуль-Гази-Бахадур-хан, 1906, с. 100–102; Флоря Б.Н., 2001; Гаев А.Г., 2002, с. 37–39; Краморовский М.Г., 2003, с. 520–521; Зайцев И.В., 2007, 2014 и др.). Существует множество легенд, порой противоречащих друг другу, не только о происхождении, но и о ранних годах жизни этого чингизида (пересказ их см. у Смирнова В.Д., 2005, т. 1, с. 183–187; у Гайворонского А., 2007, 2010 и др.), но в одном источники единогласны – в Крыму он появился благодаря литовской помощи. Правда, не совсем ясно, когда и с благословения какого литовского князя. М.Г. Сафаргалиев обратил внимание на то, что это не могло случиться при Витовте, о чем принято говорить в литовской историографии и что утверждает Михалон Литвин, сообщение которого (как литовскую версию произошедших тогда в Крыму событий) мы приводим в нашем Приложении.

Витовт, как известно, умер в 1430 г. и до конца своей жизни поддерживал владевшего в те годы западными ордынскими землями хана Улу-Мухаммеда (Сафаргалиев М.Г., 1960, с. 238–239). Поэтому, очевидно, Хаджи-Гирей мог быть ставленником лишь нового литовского князя – Сигизмунда. В польской дипломатической переписке есть сообщение, что находившегося тогда в Литве Хаджи-Гирея Сигизмунд Кейстутович «в Орде перекопской вспоможением своим, накладом и выправою на царство посадил» (Флоря Б.Н., 2001, с. 182–183 с отсылкой на документы, введенные в научный оборот Kolankowski L., 1930, т. 1, с. 257–258). Не совсем понятно, правда, когда это произошло.

Есть предположение, что в 1433 г. Хаджи-Гирей находился в Крыму и вместе с христианскими правителями Мангупа и Чембало (Балаклавы) и имевшимися в его распоряжении татарскими войсками пытался противостоять усилившим к этому времени

свои позиции кафинским генуэзцам. В генуэзских источниках есть сообщение о некой победной для татар стычке с ними под Солхатом. Они же свидетельствуют о заключении ими 13 июля 1434 г. некоего примирительного договора (Колли Л.П., 1913; Зевакин Е.С., Пенчко М.А., 1940). По предположению Сафаргалиева, уже этим договором Кафа могла признать Хаджи-Гирея ханом Крыма (Сафаргалиев М.Г., 1960, с. 240), что, однако, не помогло ему надолго удержаться ни в этом звании, ни вообще в Крыму. В 1434 г. он был изгнан оттуда другими татарскими вождями и снова нашел убежище в Литве (подробнее об этом периоде истории Крыма см. Мыщ В.П., 2009).

Об этом первом опыте исполнения Хаджи Гиреем в Крыму в 30-е гг. каких-то управленческих функций пишут многие авторитетные исследователи (Смирнов В.Д., 2005, т. 1; Inalcik H., статья «Hadjî Giray» в *Encyclopaedia of Islam*, 2-ed., Leiden, т. III, р. 44 и др.), но есть и возражающие. Например, Гайворонский А. (т. 1, с. 32), опираясь в своих доводах на то, что сообщающие о конфликте с татарами в 1428–1434 гг. генуэзские источники не называют действовавшего против них чингизида по имени, предполагает, что они могли иметь в виду не Хаджи-Гирея, а Сеид-Ахмеда, пытавшегося тогда потеснить Улу-Мухаммеда в западной части ордынской территории. Однако нет оснований возражать против того, что Хаджи-Гирей в эти годы действительно побывал в Крыму, хотя, конечно, он мог действовать там и как простой вольный ханыч (казак-султан), ищущий властного пристанища, желающий показать себя, но пока не нашедший вакантного ханского места. Известно, что Крым в эти годы был раздираем междоусобицами (см. Колли Л.П., 1913; Акчокракли, 1926; Ürekli M., 1989; Зайончковский А., 1969; Краморовский М.П., 2003; Зайцев И.В., 2007; Якушечкин А.В., 2016; История Крыма, 2017, т. 1 и др.), но о сути их мы мало знаем, и наличие у Хаджи-Гирея каких-то властных полномочий в Крыму в 30-е годы, как подчеркивает В.П. Мыщ, «абсолютно не подтверждается каким-либо документом» и является «чисто умозрительно логическим ... предположением» (Мыщ В.П., 2009).

После возвращения Хаджи-Гирея в Литву отношение там к нему было неоднозначным. Сигизмунд вел борьбу за литовский

престол с Свидригайлом (Флоря Б. Н., 2001; Коцебу А., 1835). Как утверждает В. Шпулер, Улу-Мухаммед потребовал от Сигизмунда не отпускать больше Хаджи-Гирея в ордынские владения, за что обещал отказаться от поддержки Свидригайло (Spuler B., 1943, с. 161–162). Следовательно, возможно, Хаджи-Гирей оказался в это время в Литве в положении пленника.

Между тем события в Крыму постепенно начинают складываться для него благоприятно. Некоторое время там правил Сеид-Ахмед, главной опорой которого было племя кунгратов, тогда чужаков для Крыма. Позднее на недолгий период власть на полуострове переходит непосредственно к новому хану Большой Орды Кючук-Мухаммеду, привлечшему туда племена мансуров. Все это ставило местную знать в зависимое положение от дештских пришельцев (Лашков Ф. Ф., 1887; он же, 1891, с. 32). Назревало стремление к созданию собственного государства, независимого и обособленного от других ордынских владений. Для этого был нужен свой хан-чингизид.

Кандидатура Хаджи-Гирея, принадлежавшего к своим для Крыма Таш-Тимуридам, для местной знати оказалась весьма привлекательной. Нумизматический материал, выявленный еще во времена Ретовского (1893, с. 76–77), позволяет говорить о беспорном воцарении Хаджи-Гирея в Крыму в 1441 г. (Сафаргалиев М. Г., с. 262; Ürekli M., 1989), хотя в литературе расхождения и по этому поводу опять-таки имеются (анализ их см. в разделах, написанных Зайцевым И. В. в «Истории татар», т. 4 и «Истории Крыма», т. 1., 2017).

Польский историк Л. Колановский обратил внимание на сообщение, содержащееся в письме нового (с 1440 г.) литовского князя Казимира магистру Тевтонского ордена, в котором тот писал, что отправил в Орду по просьбе ордынцев некоего «татарина», который смог стать там ханом. Б. Н. Флоря логично связывает это известие с рассказом «Летописи Быховца» о том, что к литовскому князю обратились представители ордынской знати из родов Ширин и Барын и просили отпустить к ним Хаджи-Гирея. Далее сообщается, что его «именем великого князя Казимира» литовский посол Радивил Остикович, сопроводив до места назначения, «посадил

на царстве». Исходя из этих известий, делается предположение, что под татарским царством в этих сообщениях предполагался не только Крым, но и более обширные ордынские владения, подвластные ранее Сеид-Ахмеду. Этот более широкий, общеордынский, план осуществить не удалось, и Хаджи-Гирею пришлось ограничиться только властью над Крымом (Kolanowski L., 1930, т. 1, с. 265; Флоря Б.Н., 2001, с. 188; ПСРЛ, т. 32, с. 160). Думается, однако, что если даже столь широкие планы – вершить делами всей Орды – и возникали у польско-литовских правителей, реальных возможностей для этого они не имели. Орда все еще была сильна, а польско-литовские земли раздирались внутренней борьбой. Вероятнее вывод А.Л. Пономарева о том, что Гедиминовичи, будучи не в силах удерживать гегемонию над Степью, были заинтересованы в том, чтобы силы кочевников были раздроблены и параллельно существовало несколько татарских орд во главе со своими ханами (Пономарев А.Л., 2013, с. 183). Успешность этого процесса была связана, разумеется, не только с политикой Литвы, но и с тем переживаемым тогда периодом человеческого развития, который порождал необходимость крушения кочевых империй и создания новой организации человеческого сообщества.

Общепринято считать, что при Хаджи-Гирее единственным союзником Крымского ханства была Литва (Грушевский М.С., 1993, с. 310–311.), но ведь и в ней самой шла ожесточенная внутренняя борьба, в которую были вовлечены и Орда, и Польша, и даже Тевтонский и Ливонский ордена (см.: Флоря Б.Н., 2001, с. 172–196). Разные группы польско-литовской знати были связаны и в Крыму с разными местными политическими силами и порой продвигали к власти в ханстве разных претендентов на власть. В 1456 г. несколько месяцев на крымском престоле пребывал сын Хаджи-Гирея Айдар. В ноябре того же года отец вернул себе власть, а Айдар, выступавший против него, вернулся в Литву. В соседней Молдавии укрывались потерявший к этому времени власть Сеид-Ахмед и его сыновья, которых молдавский господарь Стефан долгое время отказывался выдать проявлявшим интерес к их персонам правителям Литвы, Венгрии, Османского государства и Крымского ханства,

но в конце концов согласился отпустить под гарантию польского короля Казимира (см. Уляницкий В. А., 1887, с. 102). Позднее они также оказались в Литве и были поселены в районе Ковно (Каунаса) (Сафаргалиев М. Г., 1960, с. 102). Все это говорит о том, что вокруг крымской государственности шла сложная политическая борьба восточноевропейских государств, а сам Крым при этом не освободился еще окончательно от большеордынской опеки. Единственно, что явно можно уже констатировать, – борьба в это время стала вестись именно за крымский престол. Какие-то посягательства из Крыма на общедештскую гегемонию уходили в прошлое, так же, кстати, как и стремление нетюркских соседей к собственному завладению Крымом. Связь татарского этноса с этой территорией за более чем два предшествовавших века установилась прочно. Местная тюркская знать не нуждалась более в общеордынской поддержке, да и ордынские власти, более занятые проблемами Поволжья, на какой-то момент выпустили Крым из-под своего влияния.

В исторической литературе бытует и такое мнение о Хаджи-Гирее: «Недавно посаженный вассал Витовта и враг Турции» (Крымский А., 1916, с. 43, 117). Как уже было сказано, Витовта ко времени воцарения Хаджи-Гирея уже не было в живых. Что же касается вассальных отношений, то практика литовско-татарских отношений, очевидно, была иной. «Резерв ханов», проигравших во внутритатарских распрах и укрывавшихся на литовской территории в XIV–XVI вв., как мы увидим и далее, был величиной постоянной и порой значительной. Это волновало соседние татарские государства и не раз было предметом дипломатической переписки. Отправление Хаджи-Гирея в Крым оказалось, пожалуй, единственным удачным опытом воцарения в татарском государстве литовского ставленника. Однако не стоит говорить о каких-то вассальных отношениях нового крымского хана с литовским князем. Здесь не было никакой вассальной зависимости (ни формальной, ни фактической). Политика поддержки отдельных татарских вождей и раскол единой Орды – вот что отвечало интересам Великого княжества Литовского. На большее сил у него не хватало, а потому в литовско-крымских отношениях мы видим в это время лишь союзническую помощь, надежды на дружеские отношения в будущем, и все это на фоне

и с учетом внутренних распрей и поддержки соперничающих соправителей. Напомним также, что ордынскими ярлыками, восходящими к ярлыку Тохтамыша Витовту, литовские власти еще долгое время (ярлыки Хаджи-Гирея 1461 г. и Менгли-Гирея 1472 и 1507 гг.) продолжали оправдывать свое владычество над юго-восточными славянскими землями (Флоря Б. Н., 2001, с. 181).

Нельзя согласиться и с прозвучавшим у А. Крымского утверждением о враждебных отношениях ханства с Турцией (для этого времени точнее говорить – с создаваемой тогда турками Османской империей). Возможно, что основанием для такого предположения было известие о том, что в январе 1424 г. на территории Польско-Литовского государства в г. Луцке состоялся съезд европейских монархов, стремившихся к созданию широкой коалиции для борьбы против продвижения османов в Европу. На этом съезде присутствовал некий Перекопский хан. Хаджи-Гирей не был тогда ханом, и даже его крымская авантюра с антигенуэзским выступлением произошла значительно позже. Так мог быть назван в источниках, например, Улу-Мухамед, правивший этой частью Орды (подробнее об этих событиях см. И. В. Зайцев, 2004, с. 49–65 и его же раздел в «Истории татар», т. 4, с. 98–110). Антиосманскую коалицию создать в это время не удалось, но к идее вовлечения мусульманских государств в борьбу с османским продвижением в Европу европейцы и в будущем возвращались еще не раз. Улу-Мухаммед имел собственные посольские пересылки с османскими султанами (см. письмо-битик хана к османскому султану 1428 г. в приложении к этой главе), хотя каких-либо тесных отношений между ними не установилось. Государственные интересы их держав (османов и Орды) лежали в разных геополитических плоскостях. Не было оснований и для конфликтов. Другие условия сложились, как мы увидим далее, для Крымского ханства Хаджи-Гирея. Ему и его наследникам пришлось самостоятельно строить свои отношения с этим поднимающимся тюркским, к этому времени уже становящимся имперским, государственным образованием.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Иосафат Барбаро и Амброджио Контарини
о татарах Юго-Восточной Европы в середине XV в.**

Итальянские дипломаты, торговцы и путешественники оставили очень интересные описания далеких от Европы восточных стран, в том числе о татарском юге Восточной Европы второй половины XV в. Наиболее информативными и особенно часто цитируемыми являются «Записки» Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини. Барбаро провел в Тане (Азове), венецианской фактории в устье Дона, шестнадцать лет (1436–1452), а позже проезжал через Северное Причерноморье, направляясь как посол Венецианской республики к Узун Хасану, правившему в 1453–1478 гг. иранскими территориями и Восточной Анатолией. Контарини был послом Венеции к тому же владельцу в 1474–1477 гг., ехал к нему по причерноморским степям, а возвращался по Волге и далее через Москву. Оба этих венецианца были наблюдательными и литературно одаренными людьми. Их описание увиденного – это интересное чтение и добросовестное свидетельство современников о регионе, мало известном тогда в Европе. Итальянскими путешественниками подмечены многие особенности быта и условий существования местных народов, природы и взаимоотношений между местными народами и государственными образованиями. Это взгляд со стороны, который выхватывает из общей панорамы жизни этого региона многие такие привычные для него детали, которые обычно не замечают местные бытописатели. «Записки» Барбаро и Контарини давно введены в научный оборот. Они не раз издавались в Италии, переведены на многие языки. По-русски впервые отрывки из этих сочинений были опубликованы в XIX в., причем дважды (анонимный перевод в разделе «Путешествия» в журнале «Сын отечества», т. 24, СПб, 1831 и в т. I «Библиотеки иностранных писателей о России», СПб, 1838. Последняя публикация была подготовлена В.Н. Семеновым), но, как отмечают современные исследователи, издатели этих переводов были слабо подготовлены к работе над средневековыми источниками.

Научное издание этих материалов было осуществлено лишь в 1971 г. Е. Ч. Скржинской.

Е. Ч. Скржинская привлекла для своей публикации новые рукописи сочинений этих авторов, хранящиеся в итальянских архивах, опубликовала не только перевод, но и итальянский текст со своим критическим анализом его. Издание снабжено подробным комментарием и большой исследовательской статьей. Это не просто публикация источника, а серьезное фундаментальное научное исследование. Однако обращаем внимание на ту особенность этой работы, которая отражена в ее заголовке: «Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей». Именно это прежде всего и интересовало публикатора. Восток и татарский мир исследуется в этой работе, но лишь как дополнительный материал. В Комментариях автор уделила татарской проблематике должное внимание, но, не будучи специалистом в этой области, не подчеркнула наиболее важные детали, рисующие этот второстепенный для ее исследования восточный мир. А между тем сочинения Барбаро и Контарини до сих пор остаются одними из наиболее интересных источников о периоде распада Золотой Орды и татарском обществе того времени. Здесь содержатся уникальные описания жизни кочевников, их жилищ, способе передвижения, питания, ведении хозяйства, взаимоотношениях с оседлыми соседями, торговле и т. п. Особенно впечатляет описание движения огромных масс кочевых переселенцев по степи, наблюдавшегося И. Барбаро, его же оценки размеров их стад и, конечно, чуть ли не единственное из известных в настоящее время свидетельство о формах земледелия кочевников в Дикой степи (параграф 35). Барбаро доброжелателен и внимателен по отношению к местному населению, улавливает его менталитет, внутренние связи в татарском обществе. Контарини более высокомерен и пишет больше о верхушке общества. Этим они как бы дополняют друг друга. Маршруты их поездок не совпадали, так что, описывая свои поездки, и в этом они обогащают свидетельства друг друга дополнительным материалом.

Нам представляется, что знакомство с этими источниками позволит читателю лучше почувствовать татарский мир того времени и воспринять дальнейшее наше изложение политической истории этого региона.

Публикуемый нами материал заимствован из книги Е. Ч. Скржинской 1971 г. Комментарий ее же с некоторыми сокращениями материала и библиографических отсылок, не относящихся к изучаемой нами теме, и совсем небольшими нашими уточнениями.

На что хотелось бы особо обратить внимание читателей, так это на то, что венецианские послы ездили к правителю Ак-Коюнлу Узун Хасану (о нем см. в следующей главе нашей работы), представителю той «туркменской» кочевой среды, которая противостояла османам, вырвавшимся из нее и строившим свое государство на иной культурно-хозяйственной основе. Чувствуя близость туркменского и татарского обществ того времени, венецианские (и вообще европейские) политики пытались установить дружеские отношения и с теми, и с другими и использовать их в борьбе против османов.

Во времена И. Барбаро и А. Контарини государство Узун Хасана Ак-Коюнлу в Европе продолжало называться Персией, что было явным анахронизмом и следованием сохранявшимся в Европе традициям античной географической литературы. Само же это государство являлось полиэтническим объединением, управляемым тюркской династией. Отсюда происходило и его самоназвание (Ак-Коюнлу означает белобаранные). В доиздательской рецензии на эту книгу Ш. М. Мустафаев обратил мое внимание на то, что в современной западной научной литературе вместо названия Персия для того времени используют выражение «центральные мусульманские земли» (см. J. E. Wood., 1976 и др.). Очевидно, это действительно более адекватно соответствует историческим реалиям той эпохи. Однако в текстах источников мы, разумеется, сохраняем их географическую терминологию.

Помещаемые здесь отрывки из этих итальянских описаний юга Восточной Европы довольно велики по объему, но мы рискнули включить их в эту книгу, так как они дают читателю представление о той обстановке в регионе, в которой начинала складываться крымско-татарская государственность, в определенной степени являясь как бы предысторией тех событий, о которых у нас пойдет речь далее.

*Из книги «Барбаро и Контарини о России. К истории
итало-русских связей в XV веке». Ленинград, 1971.*

Иосафат Барбаро

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАНУ

§ 1. Здесь начинается рассказ о вещах, виденных и слышанных мною, Иосафатом Барбаро, гражданином Венеции, во время двух моих путешествий: одного в Тану и другого в Персию.

§ 4. В 1436 году я предпринял свое путешествие в Тану, где год за годом и оставался в течение целых шестнадцати лет. Я объездил те области как по морю, так и по суше старательно и с любопытством.

§ 5. Равнина Татарии¹ представляется человеку, стоящему посредине, в таких границах: с востока она имеет реку Ледиль²; с запада и северо-запада — Польшу; с севера — Россию; с юга, там, где земли обращены к Великому морю, — Аланию³, Куманию, Газарию⁴; последние страны все граничат с Забакским морем⁵. Итак, равнина эта лежит между названными пределами.

§ 6. Для того чтобы меня лучше поняли, я поведу рассказ, двигаясь вдоль Великого моря, частью по его побережью, частью же по более глубоко расположенным землям, вплоть до реки Эличе⁶, которая находится уже за Каффой⁷, примерно в сорока милях от нее. Перейдя эту реку, идут по направлению к Монкастро⁸. Там находится Данубий, река знаменитейшая⁹. О местах еще дальше отсюда я уже не скажу ничего, так как они хорошо знакомы.

§ 13. Магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад¹⁰. Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпочным истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Едигея¹¹, военачальника татарского хана, которого звали Сидахаметхан¹². Этот Едигей был отцом Науруза; о нем-то и пойдет теперь речь.

§ 14. В степях Татарии в 1438 г. правил хан по имени Улумахмет-хан¹³, что значит великий Магомет-император. Правил он много лет. Когда со своей ордой, т. е. со своим народом¹⁴, он находился в степях, лежащих в сторону России, а военачальником у него был этот Науруз¹⁵, сын Едингея, при котором Татария обратилась в магометанскую веру, возникло между Наурузом и его императором некоторое разногласие. Вследствие этого Науруз отделился от императора и ушел от него с тем войском, которое захотело за ним [Наурузом] следовать. Он направился к реке Ледиль, где стоял некий Кезимахмет¹⁶, что значит малый Магомет, происходивший из рода татарских императоров. Оба они объединили как свои замыслы, так и военные силы и решили вместе идти против того Улумахмета.

§ 15. Пройдя около Астрахани, они пришли в Таманские степи¹⁷, затем, обогнув Черкессию, они направились по пути к реке Дону¹⁸ и к заливу Забакского моря¹⁹; и море, и река Дон были покрыты льдом. Ввиду того, что и народу было много, и животных было немалое число, им пришлось двигаться широким фронтом, чтобы идущие впереди не уничтожили всю солому и другую пищу, нужную для тех, которые шли сзади. Поэтому один головной отряд этого племени со стадами дошел до места, называемого Паластра²⁰, а другой — до реки Дона в том месте, которое называется Бозагаз; это слово значит «серое дерево». Промежуток между этими местами составляет сто двадцать миль; на такое расстояние растянулся этот движущийся народ, хотя не все эти места были удобны для прохождения.

§ 16. За четыре месяца до прихода [татар] к Тане мы уже знали об этом; за месяц же до появления упомянутого царевича [Кезимахмета] начали приближаться к Тане отдельные сторожевые разъезды²¹; разъезд состоял из трех или четырех юношей на конях, причем каждый [всадник] имел еще одну лошадь на поводу.

Тех из них, которые заезжали в Тану, приглашали к консулу; им оказывался ласковый прием и подносились подарки. На вопрос, куда они едут и что собираются делать, они говорили, что это все молодежь и что ездят они просто для своего удовольствия. Ни о чем другом не удавалось заставить их говорить. Они задерживались не более одного-двух часов и уезжали. Ежедневно повторялось одно и то же, кроме только того, что с каждым разом число их становилось

несколько больше. Когда царевич приблизился к Тане на расстояние пяти-шести дней пути, они стали появляться в числе от двадцати пяти до пятидесяти человек, в полном вооружении; когда же он подошел еще ближе, они насчитывались уже сотнями.

§ 17. Наконец, царевич²² прибыл и расположился около Таны на расстоянии выстрела из лука, в старой мечети. Консул немедленно решил отправить ему подарки и послал одну новенну ему, другую – его матери, третью – Наурузу, его военачальнику. Новенной называется дар, состоящий из девяти различных предметов, например шелковой ткани, scarлатового сукна и других вещей, числом до девяти: таков обычай при подношениях правителям в этих областях.

Случилось, что именно я должен был отправиться с подарками; мы повезли ему хлеб, медовое вино, бузу – иначе пиво – и другие вещи, числом до девяти. Войдя в мечеть, мы застали царевича возлежащим на ковре и опирающимся на военачальника Науруза. Царевичу было года двадцать два, а Наурузу лет двадцать пять.

Поднеся ему все привезенные подарки, я препоручил [защите] город вместе с населением, сказав, что оно пребывает в его власти. Он отвечал мне самой вежливой речью, но затем, глядя на нас, принялся хохотать и бить в ладони, говоря: «Посмотри, что это за город, где на троих людей приходится только три глаза». Это было действительно так; Буран Тайяпштра²³, наш переводчик, имел всего один глаз; некий Дзуан, грек, консульский жезлоносец, – также только один; и человек, который нес медовое вино, равным образом был одноглазый.

Получив от царевича разрешение удалиться, мы вернулись в город.

§ 18. Если бы кто-нибудь попал в эти места, ему могло бы показаться малоразумным, что упомянутые сторожевые отряды ездят группами по четыре, по десять, по двадцать и тридцать человек по этим равнинам, оставаясь вдали от своих людей на расстоянии добрых десяти, шестнадцати, а то и двадцати дней пути; и он мог бы спросить, чем же они питаются. Я отвечаю ему, что каждый из этих [наездников], когда он отделяется от своего народа, берет с собой небольшой мешок из шкуры козленка, наполненный мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. У них всегда есть с собой

несколько деревянных мисок. Если у них не хватает дичины, — а ее много в этих степях, и они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки, — то они пользуются этой мукой, приготовляя из нее с небольшим количеством воды род питья²⁴; этим они и обходятся.

Когда я спросил одного из них, что же едят они в степи, он тут же задал мне встречный вопрос: «А разве кто-нибудь умирает от того, что не ест?», — как будто бы говоря: «Иметь бы мне лишь столько, сколько нужно, чтобы слегка поддержать жизнь, а об остальном я не забочусь». Они ведь довольствуются травами, кореньями и всем, чем только возможно, лишь бы была у них соль. Если они не имеют соли, то рот их покрывается нарывами и гноится; от этого заболевания некоторые даже умирают; случается у них и понос.

§ 19. Но вернемся к тому, на чем мы остановились. После отъезда царевича начал подходить народ со стадами. Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести и более голов в табуне; потом появились верблюды и волы, а позади них стада мелкого скота²⁵. Это длилось в течение шести дней, когда в продолжение целого дня — насколько мог видеть глаз — со всех сторон степь была полна людьми и животными: одни проходили мимо, другие прибывали. И это были только головные отряды; отсюда легко представить себе, насколько значительна была численность [людей и животных] в середине [войска].

Мы все время стояли на стенах²⁶ (ворота мы держали закрытыми) и к вечеру просто уставали смотреть²⁷. Поперечник равнины, занятой массами этих людей и скота, равнялся 120 милям: все это походило на некую паганею.

Это греческое слово, которое я впервые узнал, будучи в Морее²⁸, на охоте у одного князька. Он привел с собой сто вилланов; каждый из них держал в руках дубину. Они были размещены на расстоянии десяти шагов один от другого и подвигались вперед, ударяя дубинами в землю и выкрикивая какие-то слова, чтобы заставить зверей выбежать [из лесу]. Охотники же, кто верхом, а кто пеший, с птицами и собаками, расставались по местам, где им заблагорассудится. Когда наступал подходящий момент, они бросали [в воздух] птиц и спускали собак.

§ 20. Среди другой дичи, которую этот народ [татары] гнал перед собой, были куропатки и еще один вид птиц, который у нас называют индейками²⁹: у них короткий хвост, подобный куриному, а когда они стоят, то голову держат прямо, как петухи; по величине они почти равны павлинам, на которых похожи и своей окраской, но не хвостами.

Тана лежит среди многих земляных валов и рвов, тянущихся на пространстве примерно десяти миль (там, где некогда была древняя Тана)³⁰, и большое количество птиц обычно скрывается в этих заброшенных валах и рвах. Одним словом, вокруг стен Таны и внутри рвов было столько куропаток и дроф, что все эти места казались [птичьими] дворами каких-нибудь добрых фермеров. Местные мальчишки ловили этих птиц и продавали их по аспру³¹ за пару, что по-нашему равно восьми багatinaм³² за одну птицу.

В то время жил в Тане некий брат Термо, францисканец. При помощи сети он устроил из двух обручей один большой обруч и укрепил в земле за городской стеной изогнутый кол. Таким образом он ловил от десяти до двадцати птиц сразу. От их продажи он набрал столько денег, что купил на них черкесского мальчика, которому дал прозвище «Куропатка» и сделал его монахом. Кроме того, если в городе ночью оставляли окна открытыми, а внутри был свет, то иногда птицы влетали даже в дома.

Что же касается оленей и других диких животных, то можно представить себе, сколь много их было, но они не подходили близко к Тане, оставаясь на равнине, где обитали татары.

§ 21. Если попытаться установить приблизительно общую численность [татар, пришедших тогда к Тане], то окажется, что их было весьма много. Так, в одном только месте, называемом Бозагаз³³, где была одна моя тоня [произошло следующее]. После того, как сошел лед, я отправился туда на лодке, а это место расположено примерно в сорока милях от Таны. Тамошние рыбаки рассказали, что за зиму они наловили и засолили много морены и заготовили много икры; когда же этот народ частично побывал там, то оказалось, что взята вся рыба — как соленая, так и несоленая (там были и такие сорта, которые у нас не употребляются в пищу), вплоть до голов, и похищена вся икра, и начисто забрана вся соль (она здесь крупная, как соль с Иви-

сы)³⁴ — до того, что, ко всеобщему удивлению, не осталось на месте ни крупницы. Они унесли доски от бочек, вероятно для того, чтобы приспособить их к своим телегам. Они разломали три мельницы для размола соли, так как в них внутри имелись железные стерженьки, которые они взяли.

То же самое, что причинили мне, постигло решительно всех, даже Дзуана да Валле, который, как и я, имел тоню. Узнав, что приближается тот самый царевич, он велел вырыть большую яму и сложить туда до тридцати тачек икры; затем приказал забросать яму землей, а сверху — чтобы не было заметно — поджечь дрова. Однако они [татары] обнаружили маскировку и не оставили ему ровно ничего.

§ 22. У этого народа в употреблении бесчисленные повозки на двух колесах, повыше наших. Они устланы [сверху] камышовыми циновками и покрыты одни войлоком, другие сукнами, если принадлежат именитым людям. На некоторых повозках помещаются дома, которые они строят следующим образом: берут деревянный обруч диаметром в полтора шага и на нем устанавливают несколько полуобручей, пересекающихся в центре; промежутки застилают камышовыми циновками, которые покрывают либо войлоком, либо сукнами, в зависимости от достатка. Когда они хотят остановиться на привал, они снимают эти дома с повозок и живут в них³⁵.

§ 23. Спустя два дня после того, как царевич удалился, явились ко мне несколько жителей Таны и сказали, чтобы я шел на стену, что там какой-то татарин желает говорить со мной. Я отправился туда, и он сообщил мне, что тут поблизости находится некто Эдельмут, родственник царевича, и что он — если это будет мне угодно — охотно вошел бы в город и стал бы моим кунаком³⁶, иначе — гостем. Я спросил разрешения на это у консула и, получив его, пошел к воротам и провел его внутрь вместе с троими его спутниками [ворота все еще держали на запоре]. Я привел его к себе в дом и всячески оказал ему честь, особенно вином, которое ему очень понравилось. Одним словом, он пробыл у меня два дня. Собираясь уходить, он сказал, что желал бы, чтобы я отправился вместе с ним, что он стал моим братом и что везде, где он будет рядом, я смогу путешествовать в полной безопасности. Он сказал еще кое-что об этом купцам, из которых не было ни одного, кто бы не подивился его словам.

Я же решил пойти с ним и взял двоих татар из местных городских; они пошли пешком, а я — верхом на лошади. Мы выехали из города в три часа дня; он был мертвецки пьян³⁷, потому что пил до того, что кровь хлынула у него из носа. Когда я говорил ему, чтобы он так не напивался, он делал какие-то обезьяньи жесты, приговаривая: «Дай же мне напиться, где я еще смогу это добыть!».

Когда мы спустились на лед, чтобы перейти реку, то я старался ехать там, где лежал снег, но он, одолеваемый вином, ехал туда, куда шла его лошадь, и попал на место без снега. Там его лошадь не могла устоять на ногах, так как их лошади не имеют подков, и упала; он принялся хлестать ее плетью (ведь они не носят шпор), и лошадь то поднималась, то снова падала. Вся эта штука длилась, быть может, до трети часа. Наконец мы переправились через реку, подъехали к следующему руслу и перешли его также с огромными затруднениями, все по той же причине. Он до того устал, что обратился к каким-то людям, которые уже остановились здесь на отдых, и тут-то мы приютились на ночь среди всевозможных неудобств, как легко себе представить.

На следующее утро мы вновь пустились в путь, однако уже без той удали, какую проявили накануне. Перейдя еще одно русло реки, мы следовали все время по той дороге, по которой двигался народ, а он напоминал настоящих муравьев. Проскакав еще два дня, мы подошли к месту, где находился царевич. Здесь [Эдельмуту] было оказано всеми много почета; ему дали всего, что только там было: и мяса, и хлеба, и молока, и много других вещей, так что у нас ни в чем не было недостатка.

§ 24. На другой день — так как мне хотелось посмотреть верховую езду этого народа и каких обычаев они придерживаются в своем быту — я увидел столько поразительных вещей, что, полагаю, получился бы целый большой том, если бы я захотел и сумел, шаг за шагом, описать [все виденное].

Мы отправились к ставке царевича, которого нашли под шатром и в окружении бесчисленных людей. Те, которые стремились получить аудиенцию³⁸, стояли на коленях, каждый в отдалении от другого; свое оружие они складывали вдалеке от царевича, на расстоянии брошенного камня. Каждому, к кому царевич обращался со словами, спрашивая, чего он хочет, он неизменно делал знак рукой, чтобы тот

поднялся. Тогда [проситель] вставал с колен и продвигался вперед, однако на расстояние не менее восьми шагов от царевича, и снова падал на колени и просил о том, чего хотел. Так продолжалось все время, пока длился прием.

§ 25. Суд происходит во всем лагере, в любом месте и без всякой подготовки. Поступают таким образом.

Когда кто-то затевает с другим ссору, причем оба обмениваются бранными словами (однако не совсем так, как это бывает у нас, а без особенной оскорбительности), то оба – а если их было больше, то все – поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с каким-нибудь положением: «Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились». Он же, сразу остановившись, выслушивает, что ему говорят, и затем решает, как ему покажется, без всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, высказав свое решение, говорит: «Вы будете свидетелями!». Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю, если же какая-либо распря случится в походе, то они соблюдают то же самое, приглашая быть судьей всякого встречного и заставляя его судить.

§ 26. Однажды, находясь в орде³⁹, я увидел на земле опрокинутую деревянную миску. Я подошел и, подняв ее, обнаружил, что под ней было вареное просо. Я обратился к одному татарину и спросил, что это такое. Он мне ответил, что это положено «hibuth peres», т. е. язычниками. Я спросил: «А разве есть язычники среди этого народа?». Он же ответил: «Хо, хо! Их много, но они скрываются»⁴⁰.

§ 27. Начну с численности этого народа и скажу [о ней] предположительно – потому что пересчитать его нет возможности, – приводя [цифру] ни больше, ни меньше, чем я думаю. Я уверен и твердо этого держусь, что их было триста тысяч душ во всей орде, когда она собрана воедино. Делаю такое замечание потому, что частью орды⁴¹ владел Улумахмет, как я уже сказал выше.

§ 28. Военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуются «талубагатер», что значит безумный храбрец⁴². Такое прозвище рождается в народе, подобно тому как у нас «мудрый» или же «красивый», отчего и говорят – Петр такой-то, по прозвищу

«Мудрец», или Правел такой-то, по прозвищу «Красавец». Эти богатыри имеют одно преимущество: все, что бы они ни совершали, даже если это в известной мере выходит за пределы здравого смысла, считается правильным, потому что раз это делается по причине отваги, то всем кажется, что богатыри просто занимаются своим ремеслом. Среди них есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов. Прозвище их кажется мне весьма подходящим, потому что я не представляю себе отважного человека, который не был бы безумцем. Разве, по-вашему, это не безумство, когда один отваживается биться против четверых? Разве не сумасшествие, когда кто-нибудь с одним ножом готов сражаться с многими, да еще вооруженными саблями?

§ 29. По этому поводу расскажу, что однажды случилось при мне, когда я был в Тане. Стоял я как-то на площади; пришли в город татары и сообщили, что в роще, мили за три отсюда, спрятались черкесы-наездники числом около сотни, которые задумали совершить набег под самый город, как это было у них в обычае. Я сидел в лавке мастера по выделке стрел; там же был еще один купец-татарин, пришедший туда с цитварным семенем⁴³. Узнав о черкесах, он встал и сказал: «Почему бы нам не отправиться захватить их? Сколько там этих всадников?». Я ответил ему: «Сто человек». — «Вот и хорошо, — сказал он. — Нас пятеро, а у вас сколько найдется всадников?». Я ответил: «Сорок». А он сказал: «Черкесы не мужчины, а бабы. Идем, схватим их!». Услышав все это, я пошел искать мессера Франческо и рассказал ему об этих речах, он же со смехом спросил меня, хватит ли у меня духу пуститься туда. Я ответил, что хватит.

И вот мы сели на лошадей, приказали нашим людям прибыть по воде и к полудню налетели на этих черкесов. Они стояли в тени, некоторые из них спали, но, к несчастью, случилось так, что немного раньше, чем мы достигли их, наш трубач затрубил. Поэтому многие успели бежать; тем не менее и убитыми, и пленными нам досталось около 40 человек. Но вся красота этого дела относится к тому, что говорилось о «безумных храбрецах». Тот татарин, который предлагал ехать хватать черкесов, не удовольствовался добычей, но в одиночку

бросился в погоню за беглецами, хотя мы все кричали ему: «Ты же не вернешься, никогда ты не вернешься!». Он возвратился спустя почти целый час и, присоединившись к нам, жаловался, говоря: «Горе мне, не смог я поймать ни одного!» — и сильно сокрушался. Судите сами, каково было его безумство, — ведь если бы хоть четверо из черкесов обернулись против него, они изрубили бы его на мелкие куски. Более того, когда мы упрекали его, он все обращал в шутку.

§ 30. Сторожевые отряды (я говорил о них выше)⁴⁴, которые подходили к Тане раньше, чем пришло все войско, двигались впереди него по восьми разным направлениям, чтобы со всех сторон разузнавать о возможной опасности, находясь в отдалении от него на много дней пути и действуя соответственно его нуждам.

Лишь только правитель остановился, они сразу же раскидывают базары⁴⁵, оставляя широкие дороги. Если это происходит зимой, то от множества ног животных образуется величайшая грязь; если же летом, то величайшая пыль. Тут же, немедленно после того, как поставлены базары, они устраивают свои очаги, жарят и варят мясо и готовят свои кушанья из молока, масла, сыра. У них всегда бывает дичина, особенно же олени.

В их войске есть ремесленники — ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла.

Если бы ты спросил меня: «Они, значит, бродят, как цыгане?»⁴⁶ — я отвечу отрицательно, так как — за исключением того, что их станы не окружены стенами, — они представляются [нам] огромнейшими и красивейшими городами⁴⁷. В связи с этим [скажу следующее]: однажды, когда я находился в Тане, где над воротами была очень красивая башня, около меня стоял один купец-татарин, рассматривавший эту башню; я спросил его: «Не кажется ли тебе эта вещь замечательной?». Он же, взглянув на меня и усмехнувшись, сказал: «Ба! Кто боится, тот и строит башни!». В этом, мне думается, он был прав.

§ 31. Упомянув о купцах, но возвращаясь к нашему предмету, а именно к татарскому войску, скажу, что при нем всегда находятся купцы⁴⁸; одни различными путями привозят сюда товары, другие же лишь проходят через орду с намерением идти в иные страны.

§ 32. Татары — прекрасные охотники с соколами, и у них много кречетов; они ловят птиц на репейник⁴⁹ (что у нас не применяется),

ходят на оленей и на другого крупного зверя. Кречетов они носят на кулаке одной руки, а в другой держат посошок; когда устанут, потому что ведь [эти птицы] вдвое больше орлов, они подставляют посошок под руку. Временами над их войском проносится стая гусей; тогда люди из лагеря пускают стрелы толщиной в палец, изогнутые и без оперения. Стрелы летят прямо, затем повертываются и летят наперерез птицам, раздробляя — когда настигнут их — то шею, то ноги, то крылья. Иногда кажется, что этими гусями полон воздух; от крика людей они, оглушенные, путаются и падают на землю.

§ 33. Расскажу, раз уж мы заговорили о птицах, об одном случае, который показался мне примечательным. Проезжая верхом по орде, я оказался на берегу маленькой речки, где повстречал одного человека, знатного, судя по его виду. Он стоял и разговаривал со своими слугами, затем окликнул меня, предложив сойти с лошади и приблизиться к нему, и стал спрашивать, по какому делу я еду. Я ответил, что еду по своей надобности, и, обернувшись, увидел около него четыре или пять кустов ворсянки; на них сидело несколько щеглов. Он велел одному из слуг поймать щегла; тот взял два конских волоса, сделал силок, накинул его на ворсянку и, поймав одну птицу, поднес ее своему господину. Тот сказал ему: «Поди, зажарь это». Слуга быстро ошпичил [щегла], сделал деревянный вертел, зажарил [птицу] и поднес [хозяину], который взял ее и, поглядев на меня, промолвил: «Мы не в таком месте, где я мог бы оказать тебе честь и [проявить] обходительность, которых ты заслуживаешь, но удовольствуемся тем, что я имею и что даровал мне господь бог!». Тут он разодрал щегла на три части: из них одну дал мне, другую съел сам, а третью, совсем крошечную, отдал тому, кто поймал птицу.

§ 34. Что же рассказать о великом, даже бесчисленном множестве животных в этой орде?⁵⁰ Поверят ли мне? Это как угодно, но я все же решусь сказать, сколько их там.

Начну с лошадей. Среди этого народа есть торговцы лошадьми; они выводят лошадей из орды и гонят их в различные места. В одном караване, пришедшем в Персию еще до того, как я оттуда уехал, их было четыре тысячи голов⁵¹. Не удивляйтесь этому: действительно, если бы вы пожелали за один день купить в орде сразу тысячу или даже две тысячи лошадей, вы нашли бы их там, потому что лошади

ходят табунами, как скот. Обычно отправляются в табун и говорят продавцу, что желательно достать сотню таких-то коней. У него есть дубинка с арканом на верхнем конце, и он настолько привычен к своему делу, что едва лишь покупатель укажет ему – «слови, мол, мне этого коня или слови того», – как он уже накинул петлю коню на голову, вытащил его из среды других и поставил в стороне. Таким способом он вылавливает столько коней, сколько требуется покупателю, и тех именно, каких тот желает. Мне случалось встречать в пути купцов, гнавших лошадей в таком количестве, что они покрывали пространство целых степей.

Но вот что удивительно: страна эта не производит очень породистых лошадей; они низкорослы, с большим брюхом и не едят овса. Когда их гонят в Персию, то наибольшее достоинство, которое можно за ними признать, состоит в том, что они едят овес, потому что если бы они его не ели, то не могли бы, в случае надобности, переносить усталость.

Второй вид животных, которых имеет этот народ, – прекрасные крупные быки, причем в таком количестве, что их вполне хватает даже на итальянские бойни. Их гонят в Польшу, а некоторую часть направляют через Валахию в Трансильванию; кроме того – в Германию, а оттуда уже ведут в Италию. В тех местах [в степях] быки носят поклажу и выюки, когда это требуется.

Третий вид животных, которых держит этот народ, – высокие мохнатые двугорбые верблюды. Их гонят в Персию и продают там по двадцать пять дукатов за каждого. Верблюды с востока имеют один горб и малы ростом; их продают по десять дукатов за каждого.

Четвертый вид животных, которых разводит этот народ, – крупнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и с такими хвостами, что некоторые весят до двенадцати фунтов каждый. Я видел подобных баранов, которые тащили за собой колесо, а к нему был привязан их хвост. Салом из этих хвостов [татары] заправляют свою пищу; оно служит им вместо масла и не застывает во рту.

§ 35. Не знаю, кто, кроме очевидца, мог бы рассказать о том, о чем я сейчас сообщу⁵². Ведь вы могли бы спросить: «Чем же питается такое количество народа, если он находится в пути целыми

днями? Откуда берется хлеб, который они едят? Где они находят его?». Я, сам видевший все это, так отвечу вам.

Около февральского новолуния устраивается клич по всей орде, чтобы каждый, желающий сеять, приготовил себе все необходимое, потому что в мартовское новолуние будет происходить сев в таком-то месте, и что в такой-то день такого-то новолуния все отправятся в путь. После этого те, кто намерен сеять сам или поручить сев другим, готовятся и уговариваются между собой, нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и вместе с женами и детьми — или же с частью семьи — направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда. Там они папуг, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду.

Хан поступает со своей ордой так же, как мать, пославшая детей на прогулку и не спускающая с них глаз. Поэтому он объезжает эти посевы — сегодня здесь, завтра там, не удаляясь [от своих людей] больше чем на четыре дня пути. Так продолжается, пока хлеба не созреют. Когда же они созреют, то он не передвигается туда со всей ордой, но уходят туда лишь те, кто сеял, и те, кто хочет закупить пшеницу. Едут с телегами, волами и верблюдами и со всем необходимым, как при переезде в свои поместья. И там земли плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят — причем она высотой равна падуанской пшенице, — а урожай проса сам-сто. Иногда получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи.

§ 36. Расскажу здесь, кстати, и о следующем. Был тут сын одного из сыновей Улумахумета; он правил несколько лет и все опасался, как бы один его двоюродный брат, находившийся по ту сторону реки Ледиль, не лишил его той части его народа⁵³, которая обычно уходила туда на посевы и потому подвергалась особенной опасности. Одиннадцать лет подряд не разрешал он сеять, и в течение этого времени все они питались только мясом, молоком и подобными вещами; на базаре все же бывало немного муки и проса, но по дорогой цене⁵⁴. Когда я их спрашивал, как же они обходятся, они лишь усмехались, говоря, что у них есть мясо. Тем не менее упомянутый [царевич] был все же изгнан этим своим двоюродным братом.

В конце концов Улумахумет (о котором мы говорили выше)⁵⁵ – после того как в пределы его владений пришел Кезимахумет, – видя, что не сможет ему сопротивляться, покинул орду и бежал вместе со своими сыновьями и другими своими людьми. А Кезимахумет объявил себя ханом всего того народа⁵⁶.

§ 37. Он пришел к Дону в июне месяце и переправлялся через реку в течение почти двух дней со своим многочисленным народом, с телегами, со скотом и со всем имуществом. Поверить этому удивительно, но еще более удивительно самому видеть это! Они переправлялись без всякого шума, с такой уверенностью, будто шли по земле. Способ переправы таков: начальники посылают своих людей вперед и приказывают им сделать плоты из сухого леса, которого очень много вдоль рек. Затем им велят делать связки из камыща, которые прилаживают под плоты и под телеги. Таким образом они и переправляются, причем лошади плывут, таща за собой эти плоты и телеги, а обнаженные люди помогают лошадям⁵⁷.

Спустя месяц [после виденной мною переправы] я отправился по реке на тони и встретил такое количество брошенных плотов и фашин, которые плыли по течению, что мы едва смогли пробиться. По берегам в этих местах я видел, кроме того, также огромное множество плотов и фашин и был просто поражен. Когда мы прибыли на тони, то обнаружили, что здесь был нанесен вред гораздо больший, чем тот, о котором я уже писал выше⁵⁸.

§ 38. Тогда же (приведу этот случай, чтобы не забывать о своих друзьях) родич хана, Эдельмут, вернувшийся для переправы через реку (о чем я рассказывал выше), приехал в Тану. Он привел ко мне одного из своих сыновей и, бросившись меня обнимать, сказал: «Я привез тебе моего сына и хочу, чтобы он стал твоим». Тут же он стащил со спины этого сына кафтан и надел его на меня⁵⁹. Кроме того, он подарил мне восемь рабов, русских по национальности, говоря: «Это часть добычи, которую я забрал в России»⁶⁰. Он прожил у меня два дня и в свою очередь получил от меня соответствующие подарки.

§ 39. Бывают иногда люди, которые, расставаясь с другими и не предполагая возвращаться в те края, легко забывают о дружбе, думая, что больше никогда уже не увидятся. Отсюда происходит то, что часто они поступают не так, как должны были бы поступать. Они,

конечно, делают неправильно; ведь есть поговорка, что гора с горой не сходится, а человек с человеком сойтись может.

Случилось так, что при возвращении моем из Персии вместе с послом Ассамбека я хотел проехать через Татарию и через Польшу и таким образом попасть в Венецию. Впоследствии я не проделал этого пути. Тогда в нашей компании было много купцов из татар. Я спросил их, что случилось с Эдельмугом, и они сказала мне, что он умер и оставил сына по имени Ахмет. При этом они описали признаки его лица, так что и по имени, и по внешним чертам я узнал в нем именно того человека, которого его отец когда-то отдал мне в сыновья. Как говорили те татары, он занимал высокое положение при хане, и, если бы мы проезжали тем путем, мы без сомнения попали бы в его руки. Я уверен, что имел бы у него наилучший прием, потому что сам всегда хорошо принимал и его отца, и его самого. А кто подумал бы, что спустя тридцать пять лет⁶¹, при крайней отдаленности друг от друга обеих стран, встретятся татарин с венецианцем?

§ 40. Я добавляю к этому еще один рассказ (хотя событие относится к другому времени), потому что он касается того же, о чем я только что говорил. В 1455 г., будучи на складе одного виноторговца на Риальто и расхаживая по помещению, я вдруг заметил за бочками, в конце склада, двух закованных в цепи людей. По внешнему виду я узнал в них татар⁶² и спросил, кто они такие. Они ответили мне, что были в рабстве у каталонцев, что потом бежали на лодке, но в море были захвачены здешним купцом. Тогда я сразу же пошел к начальникам ночной стражи⁶³ и подал им жалобу по поводу этого дела. Те немедленно прислали несколько служащих, которые привели татар в контору и в присутствии того купца их освободили, а его осудили.

Я взял этих татар, привел их к себе в дом и расспросил, кто они такие и из какой страны. Один из них сказал, что он из Таны и что был слугой Коцадахута. Последнего я когда-то знал, потому что он был коммеркиnaireм⁶⁴ хана, который через него сдирал пошлину с товаров, ввозимых в Тану. Вглядевшись в лицо татарина, я как будто узнал его, потому что он много раз бывал в моем доме. Тогда я спросил, как его зовут, и он сказал мне, что его имя Кебекчи, что на нашем языке означает «отделяющий отруби, высевки» или же «просеиваю-

щий муку». Я посмотрел на него и сказал: «А меня-то ты узнаешь?». Он ответил: «Нет». Но лишь только я упомянул о Тане и об Юсуфе (так меня называли в тех краях), как он бросился к моим ногам и хотел их облобызать, говоря: «Ты дважды спас мне жизнь, один раз теперь, потому что, оказавшись в рабстве, я считал себя умершим; в другой же раз, когда горела Тана; ты тогда пробил пролом в стене, через который выбралось наружу много людей и в их числе мой хозяин и я». Это действительно так и было. Когда случился в Тане тот пожар, я сделал пробойну в стене против одного пустыря, где скопилось много народу; через пролом вышло наружу до сорока человек и между ними этот самый татарин и Коцадахут.

Я продержал обоих [татар] у себя в доме почти два месяца, а когда отплывали корабли в Тану, я отправил их домой.

Итак, расставаясь с кем-либо в предположении никогда больше не возвращаться в те края, никто не должен забывать о дружбе, как будто никогда уже не придется свидеться. Может случиться тысяча вещей так, что снова придется повстречаться и, быть может, тот, кто более силен, будет нуждаться в том, кто менее силен.

§ 41. Возвращаясь к рассказу о Тане, я пройду по западному побережью, следуя вдоль Забакского моря, а после выхода из него поверну налево; затем пройду немного по Великому морю вплоть до провинции, называемой Мингрелия.

§ 42. Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через три дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремук⁶⁵. Правитель ее носит имя Биберди, что значит «богом данный». Он был сыном Кертибея, что значит «истинный господин». Под его властью много селений, которые по мере надобности могут поставить две тысячи конников. Там прекрасные степи, много хороших лесов, много рек. Знатные люди этой области живут тем, что разъезжают по степи и грабят, особенно [купеческие] караваны, проходящие с места на место. У [здешних жителей] превосходные лошади; сами они крепки телом и коварны нравом; лицом они схожи с нашими соотечественниками. Хлеба в той стране много, а также мяса и меда, но нет вина.

Дальше за этим народом лежат области, населенные племенами с различными языками, однако они не слишком удалены друг от друга.

§ 45. Возвращаясь еще раз в Тану [как в исходное место], я перехожу реку, где раньше была Алания, как я сказал об этом выше⁶⁶, и двигаюсь направо вдоль берега Забакского моря, идя вперед вплоть до «острова Каффы»⁶⁷; здесь я нахожу полосу земли, которая тянется между [этим] «островом» и материком, вроде перешейка в Морее, называющегося Цукала⁶⁸. Там [около перешейка к «острову Каффы»] находятся огромнейшие соляные озера⁶⁹, которые непосредственно тут же на месте и застывают. Следуя по упомянутому «острову», раньше всего на побережье Забакского моря находится Кумания⁷⁰, население которой получило свое имя от племени Куманов. Затем – край «острова», где расположена Каффа; там была Газария⁷¹; ведь до нынешнего дня «шико»⁷², т.е. локоть, которым меряют [ткани] в Тане, по всем этим местам называется «газарским локтем».

§ 46. Степь на «острове Каффы» подвластна татарам⁷³. Их правителем является Улуби⁷⁴, сын Азихаря. Татар очень много, и при надобности они могли бы поставить от трех до четырех тысяч конников. У них есть два поселения, обнесенные стенами, но не представляющие собой крепостей. Одно – это Солхат⁷⁵, который они называют Инкремин, что значит «крепость», другое – Керкнард⁷⁶, что на их наречии означает «сорок селений».

На этом «острове» при устье⁷⁷ Забакского моря находится прежде всего поселение, именуемое Керчь⁷⁸; у нас она называется Босфором Киммерийским. Далее лежит Каффа, за ней – Солдайя, Грузун, Чимбало, Сарсона и Каламита⁷⁹. Все эти места в настоящее время подвластны турецкому султану. О них я больше ничего не скажу, так как все они достаточно известны.

§ 47. Однако я хотел бы только рассказать о гибели Каффы – именно то, что я узнал от одного генуэзца, Антонио да Гваско, который там находился, затем бежал по морю в Грузию, а оттуда пришел в Персию как раз в то время, когда я там был⁸⁰. Послушайте, каким образом этот город достался в руки туркам.

Тогда правителем в том месте, а именно – в степях был один татарин по имени Эминакби⁸¹. Он ежегодно брал с каффинцев определенную дань, что было обычным явлением в тех краях. Случились между ним и каффинцами некоторые разногласия, по поводу которых консул Каффы – это был тогда генуэзец – решил обратиться

к хану, чтобы призвать [правителем] кого-либо из родичей этого Эминакби. При его содействии и при помощи его сторонников консул намеревался изгнать Эминакби. Поэтому он послал [из Каффы] корабль в Тану. На корабле был посол от консула, который и отправился в орду, где находился хан. Когда там был найден какой-то родич Эминакби по имени Менглиери, посол, получив разрешение, отвез его в Каффу через Тану. Эминакби, узнав об этом, пытался установить мир с каффинцами путем договора, по которому они должны были отослать Менглиери обратно. Но каффинцы не согласились на подобный договор; тогда Эминакби, опасаясь за свое дело, отправил посла к Оттоману, обещая ему (если он пошлет свой флот для осады Каффы с моря) осадить город с суши и таким образом отдать ему Каффу, которой тот хотел овладеть.

Оттоман, который весьма желал этого, послал флот и в короткое время взял город; Менглиирей был захвачен и отослан к Оттоману, у которого оставался в тюрьме многие годы.

§ 48. Некоторое время спустя Эминакби из-за дурного отношения к себе со стороны турок начал жалеть, что отдал город Оттоману, и перестал допускать туда ввоз какого-либо продовольствия. Поэтому там начал [ощущаться] большой недостаток хлеба и мяса, так что город находился как бы в осаде. Тогда Оттоману напомнили, что если бы он послал Менглиирея в Каффу и держал его внутри города под домашней охраной, в городе наступило бы изобилие [питания], потому что этот самый Менглиирей пользовался большой любовью у окрестного населения. Оттоман, рассудив, что такое напоминание полезно, отослал Менглиирея [в Каффу]. Лишь только стало известно, что он вернулся, тотчас же в городе наступило великое изобилие, потому что Менглиирея любило также и городское население. Он содержался под нестрогой охраной и мог ходить повсюду в пределах города. Тогда-то однажды и были устроены состязания по стрельбе из лука.

В этих местах состязания происходят следующим образом. К деревянной балке, положенной горизонтально на два деревянные столба (это устройство похоже на виселицу), привешивают на тонкой бечевке серебряную чашу. Состязающиеся на приз стрелки имеют стрелы с железной частью в виде полумесяца с острыми краями. Всад-

ники скачут с луками на своих конях под эту виселицу и, едва только минуют ее — причем лошадь продолжает нестись в том же направлении, — оборачиваются назад и стреляют в бечевку; тот, кто, срезав ее, сбросит чашу, выигрывает приз.

И вот Менглигирей, воспользовавшись случаем, когда происходили эти игры, устроил так, что сотня всадников из татар, с которыми он сговорился, спрятались в одной долинке неподалеку за городом. Он сделал вид, что также хочет состязаться в стрельбе, поскакал во весь опор и скрылся бегством среди своих сообщников. Немедленно же, лишь только узнали об этом событии, множество людей из населения «острова» последовало за Менглигиреем. Вместе с ними в полном порядке он ушел к Солхату — этот город отстоит от Каффы на шесть миль — и захватил его. Убив Эминакби, Менглигирей стал правителем тех мест.

§ 49. На следующий год он решил пойти к Астрахани, которая находится в шестнадцать дней пути от Каффы; она была тогда подвластна Мордасса-хану⁸². Последний в это время находился вместе с ордой на реке Ледиль. Менглигирей вступил с ним в сражение, взял его в плен и забрал себе его народ, большую часть которого послал на «остров Каффы», а сам остался зимовать на упомянутой реке. В нескольких днях пути оттуда стоял другой татарский правитель, который, узнав, что Менглигирей зимует в том месте — а река уже замерзла, — решил сделать на него неожиданное нападение, одолел его и освободил Мордасса-хана, которого Менглигирей держал в заключении. Потерпевший поражение Менглигирей вернулся с расстроенным войском в Каффу.

На следующую весну Мордасса с ордой пошел на него прямо к Каффе, сделал несколько набегов и причинил вред внутренним частям «острова». Однако, не располагая достаточными силами, чтобы подчинить своей власти эти земли, он повернул обратно. Тем не менее, как мне говорили⁸³, он снова собирает войско с намерением вернуться на «остров» и изгнать Менглигирея.

§ 50. Все это само по себе достоверно, но в то же время послужило поводом к вымыслу, а именно: люди, которые не понимают, почему ведутся войны между этими двумя правителями, и не представляют себе разницы между великим ханом и Мордасса-ханом, но

слышали, что Мордасса-хан собирает новое войско с намерением вернуться на «остров», говорят и распространяют известие, что сам великий хан идет на Каффу вместо Оттомана и собирается двинуться дальше по пути на Монкастро, в Валахию и Венгрию, и вообще всюду, куда ни захочет Оттоман⁸⁴. Все это – ложные сведения, хотя они и получаются через письма из Константинополя.

§ 51. Далее за Каффой⁸⁵, по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней – Алания, которая тянется по «острову» в направлении к Монкастро⁸⁶, как мы уже сказали выше.

Готы говорят по-немецки. Я знаю это потому, что со мной был мой слуга-немец; они с ним говорили, и [обе стороны] вполне понимали друг друга подобно тому, как поняли бы один другого фулаонец⁸⁷ и флорентиец. Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами⁸⁸. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесы.

§ 52. Мы упомянули о Тамани и об Астрахани⁸⁹ и поэтому не хотим обойти молчанием эти места и предметы, достойные внимания. Скажем следующее: если идти с Тамани на восток в течение семи дней, то встретится река Ледиль, на которой стоит Астрахань. Теперь это почти разрушенный городишко, но в прошлом это был большой и знаменитый город. Ведь до того, как он был разрушен Тамерланом⁹⁰, все специи и шелк шли в Астрахань, а из Астрахани – в Тану (теперь они идут в Сирию)⁹¹. Только из одной Венеции в Тану посылали шесть-семь больших галей⁹², чтобы забирать эти специи и шелк. И в те времена ни венецианцы, ни представители других заморских наций⁹³ не торговали в Сирии.

§ 53. Эдиль – многоводная и необычайно широкая река; она впадает в Бакинское море⁹⁴, которое находится на расстоянии около двадцати пяти миль от Астрахани. В реке, как и в море, неисчислимое количество рыбы; в море добывается много соли.

Вверх по течению по этой реке можно почти доплыть до Москвы, города в России.

КОММЕНТАРИЙ:

¹ La pianura – равнина, здесь лучше – степь. Это слово в приложении к степным южнорусским территориям встречается у Барбаро часто, иногда в значении, весьма близком к слову «самрагна». Таким образом, и «pianura», и «samragna» в текстах, относящихся к Северному Причерноморью, надлежит понимать как «равнинная местность», «степь»... У арабских и персидских авторов южнорусские степи между Днестром и Волгой и за Волгой к Аральскому морю, как правило, обозначались названием Дешт-и Кыпчак, т. е. Кыпчацкая, Половецкая степь. Это название удержалось в течение веков; Ибн Батута, в 1333–1334 гг. посетивший Золотую Орду и ряд ее городов, записал: «Дешт на тюркском языке значит степь. Степь эта зеленая, цветущая, но нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема. Нет на ней и дров, а жгут огни (жители степи) только сухой помет. Видишь, как даже старейшины их подбирают его и кладут в полы одежды своей. Ездят по этой степи не иначе, как на телегах, а расстилается она на шесть месяцев пути; из них три (едешь) по землям султана Мухаммед Узбека, а три по другим владениям» (Тизенгаузен, т. I, стр. 279). Употребление названия Дешт-и Кыпчак продолжалось до XVI в. включительно (см. Тизенгаузен, т. I–II о походах Тимура, о ханах XV и XVI вв.).

² Ledil, Edil – Итиль, Эдиль, общеизвестное средневековое название Волги, происходящее от ее тюркского названия. Таково имя Волги у кочевых племен: хазар, печенегов, половцев, татар. Западноевропейские и восточные писатели – географы и путешественники – широко распространили это название величайшей в Европе реки. Оно проникло в ранние византийские источники.

³ Великое море, *mar Mazor*, *mare Maius* – обычное название Черного моря, употреблявшееся итальянцами. Так оно называется на итальянских портоланах и в любых письменных источниках XIII–XV вв. В русских летописях, начиная с Повести временных лет, встречается название «Понтьское», «Понетьское» море; употребляются иногда определения «Русское», «Сурожское» море.

Относительное названия Сурожское следует сделать оговорку: либо так названо Азовское море, потому что в летописи указано, что князь Михаил Ярославич тверской отправился к хану Узбеку в Орду в 1319 г., «доиде до Орды... на усть реку Дону, иде же течет в море Сурожское»; либо это название Черного моря, потому что, во-первых, Сурож лежал на берегу Черного, а не Азовского моря, а во-вторых, устьем Дона нередко считали Керченский пролив, рассматривая Азовское море как расширение нижнего Дона; в таком случае хан Узбек должен был находиться или на Таманском, или на Керченском полуострове, близ южной части Керченского пролива, где тот как бы является «устьем Дона». Полагаем, что здесь могла быть ошибка летописца и дело обстоит так: хан Узбек, к которому приехал князь Михаил Ярославич, стоял при устье Дона, впадающего в Азовское море, а Сурожским морем в Москве называли Черное море – по Сурожу, расположенному на черноморском берегу Крыма. В XIII в. Черное море, по-видимому, часто называлось Хазарским. Так у персидского историка Ибн-ал-Биби (Тизенгаузен, т. I, стр. 25–26); так же у арабского писателя Ибн-ал-Асира, который, в известном сообщении о Судаке как о городе кипчаков приводит это название Черного моря, связанное с давней историей Поволжья и Подонья. Но в XV в. в арабском сочинении Ибн-Арабшаха Черное море неожиданно названо Египетским; «Граница Дештской земли с юга – море Кользумское (Хорезмское, Каспийское), злобное и своенравное, и море Египетское,

завернувшее к ним (к обитателям Дешта) на области Румской (византийской). Эти два моря почти сталкиваются, не будь промеж них гор Черкесских...» (Тизенгаузен, т. I, стр. 459).

⁴ Алания, Кумания, Газария – три области, не имеющие, разумеется, четких границ, которые располагались вокруг Азовского («Забакского») моря; Алания примыкала к его восточному побережью, простиралась далее по Северному Кавказу; Кумания – к северному побережью (на портолане Бенин-казы 1474 г. Здесь помещена Chumania); Газария, соответственно позднее (к XIII–XIV вв.) утвердившемуся названию, лежала в Таврике, преимущественно в восточной, не-готской ее части. Указанием на эти три области, с названиями этнического происхождения, Барбаро заканчивает рассказ о намеченных им в самых общих чертах границах Татарии, причем, говоря о севере (Россия) и западе (Польша), он действительно называет области, куда не распространялись ни поселения, ни кочевья татар; но говоря о востоке и юге, он называет места, которые вполне были районами распространения татар.

⁵ Mar delle Zabache – Забакское море, нынешнее Азовское море. Возможно, что в слове Zabache скрывается название рыбы: «чабак» до сих пор на Нижнем Дону значит лещ. Азовское море и устья впадающих в него рек богаты, как известно, рыбой (ценные породы осетровых рыб – осетр, севрюга, белуга; судак, лещ, сазан, чехонь). Как видно по запискам Барбаро, он и другие венецианские купцы имели рыбные ловли на Дону – *le peschiere*. Следует отметить, что восточные авторы называли Тану (XIV–XV вв.) Азак. Отсюда название Азовского моря – Озачьское – в «Хоже-нии» Игнатия Смолянина: «проидохом устье (т. е. Боспор Киммерийский, Керченский пролив) Озачьского моря и взидозом на Великое (т. е. Черное) море»... Иногда Азовское море определялось как Франкское. Так назвал его персидский писатель Аб-ар-Раззак Самарканди (1413–1482): «Они (царевичи и эмиры Тимура) опустошили и ограбили эту область (улус черкесский) до берегов Франкского моря, называемого морем Азакским» (Тизенгаузен, т. II, с. 181, примеч. 1).

⁶ Elise – Днепр. Это отчетливо объяснено в сочинении Контарини: «В Киеве (Chio) есть река, которая на местном языке называется Danambre (Данапр, Днепр), а на нашем – Leresse; она протекает около города и впадает в Великое море» (Contarini, p. 60 v). Заметим, что еще в середине XIII в. Иоанн Плано Карпини, говоря о четырех реках татарской равнины – Neper, Don, Volga, Iaes, привел местное название Днепра (и Плано Карпини, и Контарини, каждый в свое время, проехали через Киев). На итальянских мореходных картах, или портоланах, Днепр отмечается названием Egehe, Eresse, Elehe, Elise. Так, как правило, называли эту реку авторы самых известных портоланов: Петр Весконтес из Генуи (1311–1321 гг.), Франциск Пициган из Венеции (1373 г.), Грациоз Бенниказа из Анконы (1469 г.) и многие другие. ...Повторяющиеся надписи на мореходных картах свидетельствуют о том, что названия Egehe и т. п. были в практике западноевропейских моряков XIV–XVI вв. Однако похожим именем называли Днепр и за много столетий до этого времени. В сочинении Иордана (оно написано в 551 г.) упомянута река Egas в связи с борьбой между остготами и антами и победой гуннов над остготами. ... (Здесь же приведены и другие названия Днепра: Данапр, Борисфн, Вар, Варух, Аликс, Еликс, Лякс)...

⁷ Capra, Caffa – самая значительная итальянская колония Северного Причерноморья. Город Каффа, предшественник нынешней Феодосии, принадлежал генуэзцам с 60-х годов XIII в. до 1475 г., когда был взят турками. В последние годы существования

генуэзской Каффы там – кроме основного, генуэзского – был и венецианский консул. Каффа, предоставленная генуэзцам татарами, платила им дань.

⁸ Moncastro – итальянское название крепости в устье Днестра. У Константина Порфирородного эта крепость обозначена словом ..., которое было переводом местного печенежского названия ..., а в списках епископий встречается название Аспрокострон – Белая крепость. Отсюда современное название Белгорода-Днестровского. В XV в. Монкастро был отправным пунктом для путешественников, приходивших по Черному морю с Кавказского побережья (на пути из Грузии, из Персии) и отправлявшихся в Польшу, Германию, Италию (Via de Monde Caffa), так как, идя через Монкастро вверх по Днестру, можно было миновать трудный переход по татарским степям, направляясь к Днепру и Киеву

⁹ Эпитеты, даваемые Барбаро крупным рекам, неодинаковы. «Знаменитейшая река» (fiume nominatissimo) относится им к действительно очень известным рекам; так он определяет Дунай и Евфрат ... Волгу, тогда менее известную, он называет «fiume grosso e l; argissimo» (Тана, 53).

¹⁰ По данным ряда арабских писателей, мусульманство среди татар распространялось постепенно, по-видимому, под влиянием уже бывших мусульманскими областей, которые подчинились кочевникам-монголам, а именно – среднеазиатского Хорезма и отчасти приволжского Булгара. Официальное принятие ислама (правящей в Орде группой) началось при хане Берке (1256–1266), но заметное усиление исламизации произошло позднее, при хане Узбеке (1312–1342). Барбаро отметил некоторые проявления «язычества» в татарской среде ... Принуждение принять ислам наступило, по сведениям Барбаро, лишь при Едигее (ум. в 1419 г.).

¹¹ Едигей был полновластным правителем Золотой Орды в течение 1397–1419 гг. В записях арабского историка ал-Айни (ум. в 1451 г.) сообщается, что Едигей (Идики) отнял у Тохтамыша Дештские земли (Дешт-и Кыпчак) со столицей Сараем и правил ими ряд лет (Тизенгаузен, т. I, с. 531–532). Едигей не был ханом, так как не был чингизидом, и носил титул эмира, главнокомандующего (темника) всего войска Улуса Джучи. Барбаро правильно назвал Едигея не «императором» (как западно-европейские писатели называли золотоордынских ханов), а «капитаном народа». Примечательно, что почти одновременно с Едигеем всесильный Тимур тоже носил титул эмира. Номинальными ханами при Едигее были «подставные» незначительные лица из чингизидов. В русских летописях, весьма богатых сведениями о татарах, ханы-чингизиды называются царями, их наследники – царевичами, огланами, а эмиры – князьями.

¹² Sidahmethcan – неправильная у Барбаро транскрипция имени татарского хана Шадибека. Такая транскрипция более подходила бы к имени Сайид-Ахмеда (1433–1465), но время его правления выходит за пределы жизни Едигея, который умер в 1419 г. Шадибек был одним из «подставных ханов» при Едигее в 1400–1407 гг. В персидском сочинении, условно называемом «Аноним Искендера» (начало XV в.), сказано, что после смерти хана Тимур-Кутлуга (1395–1400) «государство пришло в беспорядок, и улус узбекский (т. е. улус хана Узбека, умершего в 1342 г.) по своему обычаю стал искать славного урука Чингиз-хана (т. е. потомка Чингиз-хана). Идигу (Едигей) по необходимости посадил на трон Шадибег-оглана (оглан – царевич), который по праведности и способностям был известнейшим и старейшим» (Тизен-

гаузен, т. II, с. 133). При Шадибеке закончилась в Золотой Орде борьба с Тохтамышем, который был ханом в 1377–1395 гг., но умер позднее, в 1406–1407 гг.

¹³ Улуг-Мехмед (Улу-Мухамед, Улумахмет-хан, царь Махмут в русских летописях) был ханом Золотой Орды после смерти Едигея.

¹⁴ Барбаро правильно поясняет, что «орда» – это «народ», «население» (*lordt zoi populo*). То, что русские именовали Золотой Ордой, восточные писатели называли Синей Ордой или Улусом Джучи.

¹⁵ Науруз, сын Едигея, был нойоном (или эмиром) хана Улуг-Мехмеда, главнокомандующим его войск (*capitano*); он имел ту же высокую должность, какую имел его отец – «*capitano della gente*», как правильно определил его Барбаро (см. примеч. 11). Однако власть Науруза была гораздо слабее, чем почти неограниченное могущество его отца при ничтожных ханах-чингизидах. Все же сын стремился к власти, подобно его несомненно более талантливому отцу, и потому в 1438 г. покинул Улуг-Мехмеда (Барбаро правильно указывает 1438 г. – последний год хана Мехмеда в Золотой Орде) и перешел с частью войска, следовавшего за ним, к малоизвестному еще тогда некоему (*uno*) чингизиду (*de sangue de questi imperatori*) Кичик-Мехмеду (*Chezimehameth*).

¹⁶ Кичик-Мехмед (1435–1465) – хан Золотой Орды, соперник предшествовавшего хана Улуг-Мехмеда.

¹⁷ Барбаро говорит о хорошо известной ему дороге с нижней Волги на нижний Дон. В данном случае войско Кичик-Мехмеда прошло мимо Астрахани и направилось далее на запад по Таманским степям (*Le camprague de Tumen*), обогнув Черкессию. Следует подчеркнуть, что здесь *Tumen* может означать только Тамань.

¹⁸ Барбаро называет Дон описательно: «река Таны» (*fiume della Tana*). Восточные писатели неоднократно называют древний Танаис Таном (ставшим впоследствии Доном). См. например, у Рашид-ад-Дина – хан Тохтай сражался с Ногаем на берегу реки Тан, – а также в «Зафар намэ» Низам-ад-дина Шами и Шереф-ад-дина Иезди о битвах войска Тимура на берегах реки Тан. У последнего автора прямо говорится о реке Тан в связи с Азаком, т. е. Азовом или Таной (Тизенгаузен, т. II, с. 71, 121, 179, 180).

¹⁹ Залив (*colpho, golfo*) Забакского моря соответствует нынешнему Таганрогскому заливу.

²⁰ Паластра – селение на северном берегу Азовского моря, отмечавшееся на портоланах (например, на портолане Бенинказы 1474 г.) около Бердянского залива.

²¹ Сторожевые отряды, которые высылались татарскими военачальниками вперед для разведки пути, прежде чем по нему пройдет основное войско, назывались «караулами» (Тизенгаузен, т. II, с. 111 и 157).

²² Барбаро, делегированный венецианским консулом поднести подарки пришедшему со своей ордой Кичик-Мехмеду, его матери и его нойону Наурузу, повидал молодого еще хана, уже занявшего, по-видимому, господствующее положение на Нижней Волге. Барбаро, однако, в своих записях не называет его «императором», как западноевропейские люди называли золотоордынских ханов, но определяет его общим термином «синьор». Возможно, что соперничество Кичик-Мехмеда с Улуг-Мехме-

дом еще продолжалось или же в тот период временно одержал верх другой претендент на ханство в Золотой Орде – Сайид-Ахмед, – по некоторым сведениям, сын Тохтамыша.

²³ Неясно, что в данном случае обозначает слово «*taia Pietra*», – скульптора (или просто каменотеса) или же фамилию, известную в XIV–XV вв. в Венеции.

²⁴ Описанию у Барбаро способа приготовления мучной похлебки татарами во время похода, особенно в конных отрядах, выезжавших на разведку и таким образом отрывавшихся от всего войска, которое двигалось по степям с большим обозом, соответствует сообщение персидского автора Абд-ар-Раззака Самарканди (1413–1482) в его сочинении «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей»: перед тем, как войско Тимура должно было выступить в поход из Ташкента и направиться в Дешт-и Кыпчак, оно съедало в месяц 1 ман амбарного веса муки, и чтобы никто не пек ни хлеба, ни лепешек, ни лапши, а довольствовался бы похлебкой (Тизенгаузен, т. II, с. 192). Барбаро рассказывает (в письме к епископу падуанскому Пьеро Бароччи от 23 февраля 1491 г.), что татары, отправляющиеся в далекий путь по пустынным степям (*per quelli gran dexteri e solitudini, dove non si trova da mangiar*), выбирают время, когда вырастает трава «балтракан», которой можно хорошо поддерживать силы людей, – настолько она питательна.

²⁵ Ср.: Тана, § 34 – о торговле лошадьми, рогатым скотом, верблюдами, курдючными баранами.

²⁶ Стены Таны, на которых стояли наблюдающие за подходом к городу татарской орды (являясь укреплениями последнего периода существования самостоятельного города), были возведены после 1395 г., когда Тимур разрушил Тану (Азак).

²⁷ Слова “*strachi de guarder*” – «были утомлены от того, что смотрели» (со стен на степь в течение целых дней, пока подходила к Тане орда) – неправильно переведены Семеновым (Библ. иностр. писателей, стр. 19) как «утомляясь от бессилия от продолжительной стражи».

²⁸ Барбаро узнал Морею, когда был проведитором в Албании в 1464 г. по организации сопротивления туркам. Одно из впечатлений от этой страны и вспомнилось Барбаро, когда он писал, как движущиеся массы татар и их стад гнали по степи к городу огромное количество куропаток и дроф. Это было похоже на охоту с организованной облавой, которую он видел во владениях какого-то морейского князька. Однако и у монголов бывали настоящие охоты-облавы. Персидские авторы описывают, как Тимур, когда в его войске стал ощущаться недостаток продовольствия, «назначил охоту», после чего войско «отправилось на облаву»: «Оцепив всю ту бесконечную равнину, они погнали бесчисленное множество зверей и птиц и через два дня произвели травлю». См. об этом в двух книгах с одинаковым названием «Зафер-нама» («Книга побед»), созданных в честь военных успехов Тимура двумя персидскими писателями – Низам-ад-дином Шами и Шереф-ад-дином Иезди (Тизенгаузен, т. II, с. 113 и 161; ср.: Якубовский. Зол. Орда, с. 342–343, 358).

²⁹ Буквально слово “*galinaccia*” (правильно – *gallinaccia*) значит крупная или старая, плохая курица. Барбаро либо не знал местного названия этой степной птицы, либо не стал транскрибировать его в итальянском тексте. Он ограничился тем, что старательно описал внешние признаки: короткий хвост, как у курицы, высоко и прямо

поднятая голова, как у петуха, оперение и размер, как у павлина, но без сходства с павлиньим хвостом. Судя по этому описанию, словом “*gallinaccia*” определена дрофа.

³⁰ Барбаро отмечает, что вокруг Таны много холмов или пригорков, мелких возвышенностей (*monticelli de terreno*) и рвов; он объясняет, что некогда здесь была «древняя Тана» (“*la Tana antiqua*”). По точным данным археологии, античный Танаис при устье Дона, наиболее удаленный к северу пункт Боспорского царства, лежал на северном рукаве или протоке донской дельты у самой реки, на правом ее берегу (теперь этот обмелевший рукав Дона именуется Мертвым или Гнилым Донцом). Здесь, на возвышенном берегу, находится Недвиговское городище – остатки боспорского города Танаиса, который существовал с III–II вв. до н.э. Местонахождение античного Танаиса около хутора Недвиговки установлено еще И. А. Стемпковским, одним из старейших русских археологов, в 1829 г. и остается бесспорным до сих пор.

Итальянская колония Тана (известная как оживленный торговый город в XIV–XV вв.) была расположена на месте Азова (арабские и персидские писатели XIV–XV вв. называют его Азак), т.е. на южном рукаве донской дельты, на левом его берегу. Таким образом, территории древнегреческой и итальянской колоний не совпадали, а находились в разных местах, на двух разных рукавах дельты Дона. Следы защитных сооружений, заброшенных и заплывших земель, относились к валам и рвам не античного Танаиса, но Таны XIV в., которая занимала более обширную территорию и была целиком разрушена войсками Тимура в 1395 г., тогда же, когда пострадали Астрахань и Сарай. После этого бедствия венецианцы вернулись в Тану и спешно возвели новые укрепления, чтобы не оставить свою колонию в не защищенном от обитателей степи состоянии. Консулам, отправляемым из Венеции в Тану, давались специальные средства для восстановления стен и башен города. Новые укрепления, выросшие после нашествия Тимура вокруг венецианской Таны (генуэзцы в XV в. имели здесь своего консула), охватывали теперь меньшую территорию; город сузился, и остатки разрушенных прежних укреплений оказались вне его стен.

³¹ Аспр, *aspro* (от греческого слова «белый») – серебряная монета, ходившая в Северном Причерноморье (Каффа, Тана) и в Трапезунде. Пеголотти в части, касающейся Таны, сообщает, что в Тане употребляют соммы и серебряные аспры. Сомм – слиток серебра (*verga d'argento*), который может быть отдан на монетный двор (*zecca*) и должен весить 45 *saggi* (*saggio* = 1/6 унции). Из сомма чеканили в Тане 202 аспра, но на руки давали только 190, удерживая в пользу цекки 12 аспров.

³² Бараттин (*bagattino*) – в Венеции народное название малого денария, мелкой серебряной монеты. Барбаро переводит аспр на багаттины: в аспре 8 багаттинов.

³³ Это название – Бозагаз – с объяснением, что оно значит «серое дерево», уже упоминалось в § 15, где говорилось, что Бозагаз находится на берегу Дона. Здесь выясняется, что это местность, где располагались рыбные ловли – «пескьеры» – итальянских купцов, где жили рыбаки, занимавшиеся ловлей и засолкой рыбы, приготовлением и упаковкой икры. У Барбаро и у других итальянцев (он называет, например, имя Дзуана да Валле) были свои участки реки для рыбного промысла.

³⁴ *Gieviza* – один из Балеарских островов на Средиземном море (*Iviza*, *Ивиса*), известный добычей соли.

³⁵ Говорят о них параллельно с Барбаро другие писатели. Так, например, персидский автор Шереф-ад-дин Али Иезди (ум. в 1454 г.) писал: «Жилищем степняков в той безграничной пустыне являются шатры кутарме, которые делаются так, что их не разбирают, а ставят и снимают целиком; во время передвижений и перекочевок едут, ставя их на телеги» (Тизенгаузен, т. II, с. 172–179). Знаменитый арабский путешественник Ибн-Батута (1303–1377) в книге своих странствий («Подарок наблюдателям по части диких стран и чудес путешествий») оставил ряд описаний того, что повидал в Золотой Орде, где он был в 1333–1334 гг. Он обратил внимание и на татарские повозки со съёмными «домами»; Барбаро сообщает только о двуколках (*da doe rote*), но Ибн-Батута говорит о телегах на четырех колесах (см.: Тизенгаузен, т. I, с. 281–282).

³⁶ В рукописи – “*mio conato*”. Следует “*conato*” изменить на “*conaso*”, т. е. кунак, приятель.

³⁷ О пьянстве одного из монгольских правителей Барбаро писал в «Путешествии в Персию». Этот правитель по имени Туменби (Барбаро тут же поясняет, что это значит «начальник десятитысячного войска») проводил жизнь в непрерывном пьянстве.

³⁸ Такое же описание прихода людей (*visitation*) к ханскому шатру, чтобы получить аудиенцию, Барбаро поместил в рассказе об одном из туркменских правителей в своем «Путешествии в Персию».

³⁹ Выше Барбаро употребил слово «орда» (*lordo*) в основном смысле – улус, население, народ; здесь же в смысле – земля, кочевье, территория улуса, что обычно выражалось тюркским термином «юрт». Ср. примеч. 14.

⁴⁰ В истории внедрения мусульманства в Золотой Орде заметны три этапа (см. примеч. 10: при хане Берке, при хане Узбеке, при Едигее). Тем не менее язычество (шаманизм) не исчезло в массах татар-кочевников, что и отражено в ответе, полученном Барбаро на его вопрос о существовании язычников (*idolari*) среди татар. Это же подтверждается сообщением арабского писателя Ибн-Арабшаха (ум. в 1450 г.), который побывал и в Астрахани, и в Сараях, и в Крыму, и в Средней Азии; он записал о Дешт-и Кыпчаке: «Некоторые из них [местных людей] до сих пор еще поклоняются идолам» (Тизенгаузен, т. I, с. 457).

⁴¹ Барбаро, зная подробности сложных политических отношений в Орде, жившей в атмосфере непрерывных междоусобиц и соперничества среди представителей рода Чингисхана, правильно говорит, что хан Улуг Мехмед, Улумахумет (1419–1424; 1427–1438) властвовал лишь над частью всей Золотой Орды.

⁴² *Bagater*, бахадур – монгольский титул XIII–XV вв., присваивавшийся за военные заслуги, за акты безудержной, рискованной храбрости. «Бахадур» значит витязь, храбрец, удалец, отважный рубака, смельчак. Как титул это слово прибавлялось к имени прославившегося воина: Сунджек-бахадур, Осман-бахадур, Абас-бахадур (Тизенгаузен, т. II, с. 110, 111); Едигея называли Идигу-бахадур (там же, с. 192, 194). Иногда «бахадур» – лишь определение очень храброго человека: например, войско из 5 тысяч бахадуров стояло в засаде (там же, с. 30). Персидский писатель Ибн-ал-Биби, автор истории малоазийских сельджуков XIII в., называет одного из отличившихся храбрецов «тудун бедахыр» (см.: В. А. Гордлевский. Государство сельджуков

Малой Азии. М.-Л., 1941, с. 59). Другой, более поздний (XV в.) персидский писатель Шереф-ад-дин Иезди описывает, как храбрецы-бахадурь отправились в опасную разведку, посланные Тимуром: Тимур приказал одному из эмиров «отправиться с храбрецами (бахадур) и доставить точные сведения о том, где находятся неприятели и пришло ли их много или мало... Эмир двинулся в путь... и присоединился... к другим сторожевым отрядам» (Тизенгаузен, т. II, с. 166). В книге акад. А. С. Орлова «Героические темы древней русской литературы» (М.-Л., 1945, с. 44) сказано, что «восточный термин “богатырь” утвердился в русском употреблении не ранее XV в.». Барбаро применяет эпитет “*talubagater*” к некоторым татарским воинам (“*homēnē da fatt*” – военные); они «храбрейшие» (*valentissimi*), каждый из них «безумный смельчак» (*matlo bvalente*).

⁴³ *Semencina* – так называемое цитварное семя, весьма широко употреблявшееся в средние века глистогонное средство, которое привозилось как товар во все крупные города Леванта и Западной Европы из причерноморских и приазовских степей. “*Semencina*” получалось не из семян, а из соцветий цитварной полыни, содержащих сантонин. У Пеголотти много раз назван этот товар (“*santonico*” или “*seme da vermini*”), относящийся к специям, но не из числа тех, которые назывались “*spezierie minute*” (мелкие и более ценные), а из числа “*spezierie grosse*” – грубые, крупные специи, такие как мыло, квасцы, воск, сахар, масло животное и растительное и т. п.

⁴⁴ См.: Tana, § 16; примеч. 21.

⁴⁵ Татарское войско («орда» вместе со ставкой хана, или царевича, или нойона), если располагалось станом, всегда раскидывало рынки, «базары», на которых продавалось как все необходимое (пища, предметы обихода, оружие и т. п.), так и военная добыча. Барбаро, сам неоднократно бывавший в татарских станах, правильно и живо описывает походные базары, перечисляя при этом некоторых ремесленников (*artesiani*), которые продавали свои изделия: одежду и сукна, металлические предметы, военное снаряжение и др. Кроме временных базаров при кочевом войске Барбаро отметил, попутно со своим рассказом, лавки ремесленников в Тане; например, он вспоминает, как однажды он сидел в лавке, где хозяин (*maestro*) изготовлял и продавал столь необходимые в степи стрелы (*freze* – § 29). Однако в городах на территории кочевого феодального государства Золотой Орды – особенно в городах золотоордынского Поволжья, таких как Сарай Берке, Астрахань, где большую часть населения составляли ремесленники, они не были из числа кочевников. По словам А. Ю. Якубовского, «караванная торговля была поставщиком не только товаров, но и культурных людских сил...; вместе с товарами караваны привозили ремесленников, купцов» (Якубовский А. Ю. Ремесл. промышл., с. 12). Эти люди, которые развивали многообразное ремесло в крупных городах Золотой Орды, приходили сюда – или бывали иногда собраны здесь как пленники – из более культурных центров в завоеванных татарскими ханами областях (Хорезм, Крым, Булгар). Памятники материальной культуры, добытые археологами на городищах Нижнего Поволжья, более всего в Сарае, Берке, столице Золотой Орды, показывают, что здесь были развиты металлообработка, керамическое и кожевенное производство, работали литейщики, кузнецы, оружейники, ювелиры, медники, гончары, кожевники, сапожники, шорники, седельники, а также деревообделочники и большая группа строителей, но слабее было развито текстильное производство, так как в Нижнем Поволжье не было ни шелководства, ни хлопководства. Шелковые и хлопчатобумажные

ткани были в здешних городах привозными и занимали не последнее место среди разнообразных товаров, которые стекались сюда из Средней Азии и с Кавказа или же из Китая и Персии. Несомненно, выделялись шерстяные ткани, вырабатывались сукна (Барбаро упоминает о них, называя их совершенно точно – “dgarı”), но сведений об этом и в письменных источниках, и в археологическом материале мало.

⁴⁶ По приводимому здесь автором вопросу видно, что (в Тане?) определение ‘cingan’ было понятным и употребительным в смысле людей бродячих, не имеющих домов и хозяйства. Ясно также, что этим словом не называли (в Тане же) окружающих кочевников-степняков. Считается, что упоминание о цыганах в письменном источнике XV в. было одним из ранних упоминаний об этом племени.

⁴⁷ Барбаро говорит о своем впечатлении от лагеря татарского войска: занятая им территория похожа на громадный город. То же впечатление было у Ибн-Батуты, побывавшего в Дешт-и Кыпчаке на сто лет раньше Барбаро. Ибн-Батута пишет о приближающейся к месту привала орде: «мы увидели большой город, движущийся со своими жителями: в нем мечети и базары да дым от кухонь, взрывающийся по воздуху» (Тизенгаузен, т. I, с. 289). Нельзя не отметить необыкновенно подробного и обстоятельного описания, которое сделал Барбаро по своим наблюдениям во время похода Узун Хасана с места его стоянки в степи в сторону города Шираза, захваченного его сыном в связи со слухами о смерти отца. Двигалось войско Узун Хасана, его ставка, его приближенные, члены его семейства, слуги и служанки; за ними следовало множество сопровождавших войско людей – мужчины, женщины, дети и грудные младенцы (et in cuna) – верхом на лошадях или в повозках; за войском шли различные ремесленники и купцы. Наконец, тут же следовали массы животных; одни из них были вьючные, другие парадные (son menatı per rompa) в дорогом убранстве. Гнали стада крупного и мелкого рогатого скота. Везли животных и птиц для охоты (леопардов, собак, соколов, коршунов и др.).

⁴⁸ Ценное замечание Барбаро о том, что в татарских станах (и, конечно, в городах) всегда были купцы, сходявшиеся в различные пункты Дешт-и Кыпчака по разным путям (per diverse vie), отовсюду привозившие свои товары (robbe). Как известно, при татарах торговые пути по разным, установившимся веками, направлениям были более безопасны, чем при половцах, и караваны купцов – всегда, впрочем, вооруженных – проходили по ним чаще всего беспрепятственно.

⁴⁹ Samaleone – вид сорной травы с колючими, цепкими плодами вроде репейника. По-видимому, “uccellarte a camaleoni” значит ловить мелких птиц при помощи этих цепких плодов, которые своими шипами прикрепляются к перьям и мешают птицам улететь. Барбаро замечает, что в Италии не знают такого способа ловли птиц.

⁵⁰ Этим вопросом о бесчисленности (innumerabil multitudine) животных (лошадей, крупного и мелкого рогатого скота) в степи, во владении татар Большой Орды, Барбаро подготавливает итальянского читателя к представлению о немыслимых для Италии огромных стадах и табунах на просторах Дешт-и Кыпчака. Арабский писатель Ибн-Арабшах, почти современник Барбаро, знавший как очевидец степи и города Золотой Орды, так определяет свое впечатление: «Это область исключительно татарская, переполненная разными животными и тюркскими (т. е. немонгольскими) племенами» (Тизенгаузен, т. I, с. 459).

⁵¹ О массовой продаже лошадей из Татари в Персию Барбаро писал и в «Путешествии в Персию», повторяя, что табуны (le mandre) лошадей, пригонявшихся из причерноморских и приволжских степей, достигали 4–5 тысяч голов. Эти лошади не отличаются красотой; они малорослы, стоят по 4–6 дукатов и употребляются для выюков. О пригоне продажных лошадей говорится и в летописи: татары гнали свои многочисленные табуны не только на юг, но и на русский север. Летом 1474 г. вместе с послом хана Ахмеда Кара Кучуком в Москву пришли не только «пословы татары» (600 человек), но и «гости с коньми и со иным товаром». Гостей было «3 тысячи и двести, а коней продажных было с ними боле 40 тысяч, и иного товару много». В посольском караване, с которым Контарини пришел с Волги в Москву в 1476 г., тоже были лошади для продажи в России. Ибн-Батута подтверждает, что у татар много лошадей и что они дешевы; их бывает в караванах по шести тысяч (Тизенгаузен, т. I, с. 286–287).

⁵² Барбаро сообщает о весьма интересной черте экономической жизни Золотой Орды – о земледелии у татар. Это сообщение считается единственным, так как если и есть сведения о земледелии на территории Орды, то они относятся к исконному земледельческому населению края, такому, каким был Булгар или Крым. Недаром автор предпосылает своему рассказу о полеводстве у татар некоторое вступление, в котором предполагается удивление читателей: с одной стороны – откуда же хлеб у кочевников, с другой стороны – как же кочевники могут обрабатывать землю? Относительно первого ответ прост: часто, даже почти всегда, многие группы кочующих татар обходились без хлеба. Арабский писатель первой половины XIV в. Ал-Омари пишет, что у татар «посевов мало и меньше всего пшеницы и ячменя... чаще всего встречаются у них посевы проса – им они питаются» (Тизенгаузен, т. I, с. 230), но в другом месте заявляет, что во владениях татарских ханов жители кочуют и имеют скот, но «у них нет заботы о посевах» (там же, с. 233). Контарини, наблюдавший быт в Большой Орде почти одновременно с Барбаро, хотя и более поверхностно, пишет без всяких оговорок, что пища татар состоит исключительно из мяса и молока, другого питания у них не бывает (*neniun altro alimento hanno*): «Они не знают, что такое хлеб, кроме немногих купцов, которые побывали в России» (Contarini, p. 93 г.). А Барбаро рисует картину систематического сева в марте с выездом на определяемое ханом место; на эти поля отправляются с женами и детьми, гонят необходимых для работы животных, везут семена. После пахоты и сева все возвращаются в орду. Когда хлеб созреет, хан снова выводит своих земледельцев на поля для уборки; туда же съезжаются закупщики зерна (*quelli che han seminato e quelli che voleno comprar li formenti, con carri, boi e cam, elli*). Урожай бывает иногда настолько богат, что часть его оставляют в степи.

⁵³ Раздоры между мелкими ханами случались постоянно. Здесь указывается, что предводители стремились защитить не столько свой юрт – территорию, на которой они кочевали, сколько свой улус – подчиненных им людей, свою часть орды (*parte del popolo*).

⁵⁴ См.: § 18, примеч. 24.

⁵⁵ См.: § 14, примеч. 13.

⁵⁶ Кичик-Мехмед получил власть в 1435 г. (см. хронологическую таблицу в книге Шпулера), но Барбаро наблюдает связанные с этим ханом события несколько позже, так как приехал в Тану в 1436 г.

⁵⁷ Таким же способом переправился через Днепр и Волгу Контарини (см. *далее* – С.О.)

⁵⁸ См.: § 21.

⁵⁹ Это весьма выразительное место в сочинении Барбаро, фиксирующее одну из бытовых черт в жизни кочевнической степи – отдачу сына отцом в сыновья уважаемому лицу – находится в связи с эпизодом, включенным в «Путешествие в Персию»: там Барбаро повторил, что Ахмед (Hagmeth) был отдан ему в сыновья его отцом Эдельмугом, родственником хана («императора»); по свидетельству татарских купцов, с которыми Барбаро беседовал на пути в Татарию, когда решил этой стороной (Каффа была уже взята турками) возвращаться из Персии на родину, его приемный сын стал могущественным человеком у хана (он был как будто племянником хана). Этим ханом был тогда (конец 1477 г.) последний значительный правитель Золотой, или Большой, Орды хан Ахмед (1465–1481), противник Ивана III. Барбаро не без основания полагал, что если бы он попал в Татарию в руки важного ныне человека, когда-то отданного ему в сыновья, то имел бы у него лучший прием.

⁶⁰ Здесь имеется конкретное свидетельство об обычном в XV в. явлении – татарских набегах на пограничные русские, польские и литовские территории, в результате чего татары вывозили на юг как весьма доходный товар захваченных пленников. Простым, хотя и богатым подарком от знатного татарина венецианскому купцу были восемь человек русских невольников – часть добычи (*preda*), захваченной в России. Подаренные рабы названы у Барбаро словом «головы» (*teste*).

⁶¹ Барбаро покинул Тебриз после получения разрешения венецианского сената на выезд из Персии. Оно было дано в феврале 1477 г. (Cornet *Le guerre*, p. 131; N. di Lepna, p. 82, п. 1) и могло прийти в Тебриз месяца через 3–4, а то и больше: Барбаро – по-видимому, осенью 1477 г. – отправился на Кавказ, чтобы продолжать путь на родину через Татарию, но из-за войн на Кавказе не смог двигаться дальше и вернулся в Тебриз. На этом пути Барбаро и получил сведения о данном ему в сыновья сыне Эдельмуга и допускал возможность встречи с ним в Татарию. Если вычесть 35 (число лет, прошедших с того дня, когда Эдельмуг в Тане отдал ему своего сына) из 1477 (это год, когда Барбаро мог встретиться с сыном Эдельмуга), то окажется, что первый рассказ о сыне Эдельмуга относился к 1442 г.

⁶² За годы жизни в Тане Барбаро не только привык к виду и образу жизни татар и научился говорить на их языке, но даже проникся к ним некоторой симпатией. Он не только сразу по лицу (*alla ciega*) узнал двоих татар, посаженных в оковах в винный погреб одной из лавок в Венеции, но вспомнил одного из них как человека из Таны.

⁶³ *Signori di note* – коллегия (с XIII в.) из шести человек; каждый из них надзирал за порядком в одном из шести “*sestieri*” (*sextarii*), на которые была поделена Венеция. В ночное время в городе охранялась общественная безопасность, производились аресты всяких преступников и нарушителей порядка.

⁶⁴ *Commerchier* – коммерciarий, таможенный чиновник, собирающий пошлину.

⁶⁵ «Область, называемая Кремук (*Cremuch*)», – первая страна, которую назвал Барбаро в описании приазовских и причерноморских областей, начав обзор от Таны и следуя «налево» (*amanò manca*) вдоль восточного побережья Азовского моря.

Кремук расположен на три дня пути вглубь от морского берега. Судя по описанию страны Кремук – прекрасные степи, обильные реки, леса, хорошие хлеба (*biave*), достаточно мяса, много селений (*casali*) – она находилась на Прикубанской равнине, примерно там, где ныне живут адыгейцы.

⁶⁶ См.: § 5 и 7 – Барбаро упомянул Аланию «основную», т. е. ту, которая была расположена (еще в IV в., по описаниям Аммиана Марцеллина) на Северном Кавказе и в степях к востоку от Азовского моря. Подтверждая, что речь идет об этой первоначальной Алании («другая» Алания была в Крыму – см. примеч. 86), Барбаро пишет о своем «возвращении» в Тану (после обзора мест к востоку от нее) и для конкретности сообщает: «Я перехожу реку, где раньше была Алания»; он имеет в виду Кубань и этим уточняет, какая именно Алания здесь подразумевается. Надо пояснить, что выше (в § 5 и 7) нет никакого упоминания ни о Кубани, ни о какой-либо реке, связанной с Аланией.

⁶⁷ Остров Каффы, или Каффинский остров (*l'insula de Capha*) – название, которым итальянцы определяли Крымский полуостров; иногда так называли только его восточную часть, где находилась Каффа.

⁶⁸ «Каффинский остров» соединялся с материком, с сушей (*tyerra ferma*) посредством перешейка, о «перекопе» которого в виде рва писал еще Константин Порфирородный. Барбаро, знавший о Коринфском перешейке, присоединявшем Пелопоннес, или Морею, к Аттике, сравнил крымский «Перекоп» или «Суду» с морейским «Истомом» (*Istmus*) или, как его называли в средние века, «Гексамилием» (*Hexamilion*).

⁶⁹ Места добычи соли на мелководьях к западу от Перекопа обычно отмечались на итальянских портоланах словом “*saline*”.

⁷⁰ *La Comania* – название, идущее от XII–XIII вв., когда в восточном Крыму было много половцев (куманов). Известно, что восточные – арабские и персидские – писатели называли всю территорию причерноморских и приазовских степей Половецкой степью – Дешт-и Кыпчак – и что это название удержалось даже в XV в. Несмотря на долгое господство татар, степи продолжали именоваться половецкими, куманскими, кыпчаками.

⁷¹ *La Gazaria* – весьма стойкое название среди итальянцев для восточной части Крыма.

⁷² Как опытный купец, Барбаро знал меры, применявшиеся в торговых городах Северного Причерноморья, и в связи с названием Газария он отметил меру длины для тканей, называвшуюся “*pico de Gazaria*”.

⁷³ Здесь ясно показано, как распределялись земли в Таврике, когда о ней писал Барбаро, т. е. к середине XV в. (то же самое было и в XIV в.). В западной горной части полуострова было государство Феодоро, о котором Барбаро ничего не сказал, хотя писал о готах и об их языке. Степная часть принадлежала татарам и управлялась сначала зависимыми от Золотой Орды правителями (в итальянских документах – “*domini*”, “*signori*”), а в середине XV в. – крымскими ханами из рода Гиреев. Правители имели центром город Солхат, Гирей – город Кырк-йер (ср. ниже, примеч. 75 и 76). Приморские города, находившиеся в руках генуэзцев, с центром в Каффе были самостоятельны, но правительство (консул и его администрация) Каффы платило дань (*tributum*) степным татарам (см. примеч. 21).

⁷⁴ Это имя крымского хана не выясняется по источникам. Возможно, что это был один из десяти сыновей Хаджи Гирея (ум. в 1466 г.).

⁷⁵ Солхат, Солхад – нынешний Старый Крым (Эски Крым), находился в 25 км к западу от Феодосии и примерно на таком же расстоянии прямо на север от Судака. Солхат был (в XIV – первой половине XV в.) центром степной области в Крыму, которой управляли особые правители, подчиненные ханам Золотой Орды. Таковыми были, например, Зени-эд-дин Рамадан (в 1349/50 гг.), определявший торговые привилегии венецианцев в Крыму; Мамай (в 1374/75 гг.) и др. В «Сельджук-Наме» (история малоазийских сельджуков) Ибн-ал-Биби (XII в.) рассказано, что хан Берке пожаловал города «Солхат и Сутак» изгнанному из своего государства сельджукскому султану Изз-эд-дину Кей Кавусу II (Тизенгаузен, т. II, с. 26). В арабском руководстве для ведения официальной переписки, составленном ал-Калькашанди, есть среди прочих правило обращения к «правителю Крыма», причем дано следующее объяснение: «Крым – это местность к северу от Черного моря; столица ее – Солгат, город на полдня пути от моря; теперь ему большей частью дается имя Крыма» (Тизенгаузен, т. I, с. 413).

⁷⁶ Cherchiarde, правильное Кырк-йер, в русских грамотах Кыркор отождествляется с Чуфут-Кале в западном Крыму, неподалеку от Бахчисарая. Правители крымских татар (ср. примеч. 75) имели в своей степной области два города – Солхат и Кырк-йер. Значение второго названия, по Барбаро, – «сорок селений». Когда образовалось Крымское ханство, значение столицы в нем приобрел как раз Кырк-йер. В донесениях русских послов Ивану III многократно упоминается Кыркор как резиденция Менгли Гирея. У Контарини отмечено, что в 1474 г. его спутник от Киева до Крыма, литовский посол, направился к крымскому хану в Chercher (см. примеч. 11 к Контарини).

⁷⁷ Устье (босса) Забакского моря – Керченский пролив.

⁷⁸ На итальянских портоланах на крымском берегу Керченского пролива обычно писалось название *Vospro*, т. е. Боспор. Но Барбаро приводит местное название – Керчь.

⁷⁹ Барбаро не описывает ни Каффы и Солдаи, ни мелких поселений или городков на побережье Крыма, так как они достаточно известны, но только перечисляет их: Каффа (Феодосия), Солдаия (Судак), Грузуи (Гурзуф), Чимбало (Балаклава), Сарсона (Херсон-Херсонес), Каламита (Инкерман) – порт готского княжества Феодоро.

⁸⁰ Описание Барбаро «потери» или «гибели» Каффы (*la perdita de Capra*), взятой турками в июне 1475 г. (Тапа, § 47–48), можно считать достоверным, так как рассказ о падении Каффы был передан ему по самым свежим впечатлениям человеком, спасшимся бегством из Каффы, где турки перебили всех христиан. [С.О. – Сведения, полученные Барбаро о происходивших тогда в Крыму событиях, односторонне генуэзские и потому не очень точны. Достоверно описаны лишь те панические настроения, которое царили тогда в среде вынужденных бежать из Кафы генуэзцев, но суть-то была в том, что жители этого города сдали его османским войскам добровольно. Армяно-греческое и татарское население Кафы не пожелало защищать генуэзских правителей этой торговой фактории, да и среди итальянских торговцев многим удалось сохранить свои жизни, покинув город (подробнее см.: Мыц, 2009)].

⁸¹ Сведения о событиях 1475 г., не будучи их свидетелем, И. Барбаро получил от генуэзца, бежавшего из Каффы и, конечно, плохо информированного о том, что проис-

ходило в стане кафинских противников. Более подробно эти события, в том числе и по материалам, исходящим из турецко-татарских источников, приводятся нами далее в тексте этой работы. Описание Барбаро, однако, интересно тем, что передает общее настроение того времени и ту неразбериху во властных структурах татарского общества, которая царилась не только в Крыму. Нарушенное османами бывшее равновесие в регионе нужно было снова как-то восстанавливать. Описанные Барбаро бытовые детали интересны. Суть же военно-политических событий того времени ему явно была плохо знакома и понятна. Опираясь на сведения о внутренних взаимоотношениях в Крымском ханстве, сообщаемые Барбаро, В. Мыц рисует свою картину происходящего. Нам представляется, что события там тогда происходили иначе, о чем далее и говорится в нашей книге (см. главу 3).

⁸² Мордасса или Муртеза, Муртаза – сын хана Ахмеда; Мордасса был ханом Большой Орды, соправителем двух своих братьев – Шигахмеда (или Шихахмата) и Сейид-Ахмеда. Эти братья-соправители враждовали друг с другом и с крымским ханом Менгли-Гиреем. Барбаро отметил один из моментов этих междоусобий, когда Менгли-Гирей воевал с Муртазой на Волге около Астрахани и взял его в плен; скоро появился там же «другой хан» – по-видимому, один из братьев-соправителей – и освободил Муртазу. Это случайно отразившийся в сочинении Барбаро эпизод, каких было много в период полного распада Большой Орды, наступившего после смерти ее последнего более или менее сильного правителя – хана Ахмеда.

⁸³ Барбаро, уже будучи в Венеции, продолжал интересоваться положением Большой Орды (в 80-х годах XV в.) и отметил, что сведения, которые он записал, были ему кем-то переданы.

⁸⁴ Из слов Барбаро следует, что один из трех братьев – сыновей хана Ахмеда – был «великим ханом» (*“gran can”*; раньше его называли «императором»), т.е. имел больше власти, чем его соправители. «Великим ханом» был Шигахмед (1481–1502), соправителями – Сейид-Ахмед и Муртаза.

⁸⁵ Слово *“dretro”*, совр. *“dietro”* – позади – может вызвать здесь недоумение. Трудно представить себе какую-то территорию «позади острова». Однако это наречие все же остается обстоятельством наречия места, только не в смысле «позади», а в более широком значении «далее за». Вероятно, надо было написать не «далее за островом Каффы», а «далее за Каффой», так как действительно западнее Каффы (вернее, западнее Солдайи) тянется прибрежная полоса (до Чембалы, или Балаклавы), которая в средние века называлась «Готией». Это разъяснение нужно для того, чтобы подтвердить свойственную Барбаро точность в описаниях географического характера. На его географические определения можно полагаться.

⁸⁶ Барбаро хорошо знал Крым и его части. Здесь он говорит об аланском населении Таврики, а не об исконной Алании к востоку от Азовского моря и на Северном Кавказе. Эта «крымская» Алания находилась на «острове» (т.е. на «острове Каффы»). Таким образом, Барбаро определил три части полуострова Таврика: на востоке находилась Газария; далее за Каффой, по побережью Великого (Черного) моря, лежала Готия; за ней, внутри страны, причем в западном направлении, располагалась Алания. Монкастро (пункт вне Крыма) упомянут лишь для конкретности, чтобы подчеркнуть, называя хорошо известную крепость на Днестре, протяженность Алании к западу от Газарии. Это очень четкое представление о делении земель Крыма,

хотя границы между Газарией на востоке и Аланией на западе не видно. По-видимому, присутствие аланов на крымском побережье исключалось. Татарские же владения составляли весь полуостров (включая и территорию, обжитую генуэзцами), но за вычетом Готии, иначе – княжества Феодоро.

⁸⁷ Из рассказа Барбаро следует, что он посетил места расселения готов в Крыму, может быть, столицу их крымского государства – Феодоро. Сам не знавший немецкого языка, Барбаро был свидетелем беседы на этом языке, которую вел с готами его слуга, немец по происхождению; категорическое заявление Барбаро о том, что «готы говорят по-немецки» (*parlano in todesco*), основано на собственном наблюдении... Барбаро заметил, однако, разницу в говорах слуги-немца и крымских готов и вместе с тем близость между этими говорами. Для наглядности он сопоставил два разных, но обоюдопонятных итальянских наречия: флорентийский правильный язык и наречие из области Фриуль, лежащей к северу от Венеции.

⁸⁸ Слово «готаланы» дает основание предполагать, что в XV в. было в употреблении такое этническое название, причем исходившее, вероятно, от самих его носителей: ведь Барбаро пишет, что они сами себя так называют.

⁸⁹ Об Астрахани и Тамани говорилось в § 15. В данном контексте, в сочетании с Астраханью, ясно, что Тимеп не что иное, как Тамань. Она была начальным пунктом пути к востоку, на Волгу, к Астрахани. Через Тамань, несомненно, направлялись к Поволжью из Крыма, с Керченского полуострова, достигая Астрахани через 7–8 дней пути. Весьма возможно, что иногда не миновали Тамани и купцы из Таны: на Тамань было нетрудно приплыть по морю, а оттуда шла известная в течение столетий дорога на нижнюю Волгу. Татары тоже двигались этим путем на Астрахань – в таманские степи, огибая Черкессию.

⁹⁰ Здесь имеется в виду разрушительный поход Тимура по городам южного Дешт-и Кыпчака в 1395–1396 гг. После крупнейшего сражения на Тереке (15 апреля 1395 г.), когда Тимур разгромил войска Тохтамыша, он – Тимур – совершил губительный поход по Дешту, начав с западных улусов Золотой Орды на Днепре (Узи). Побывав на севере и пограбив Рязанскую землю, Тимур вернулся на юг и осенью 1395 г. обрушился на Азак-Тану, за ней – на Прикубанье и Дагестан. Суровой зимой 1395–1396 гг. он уничтожил волжские города Хаджи-Тархан (Астрахань) и Сарай Берке. Обо всем этом подробно и ярко повествуется в обеих «Книгах побед» – «Зафер-намэ» – Низам-ад-дина Шами и Шереф-ад-дина Иезди (Тизенгаузен, т. II, с. 121–122 и 183; 123 и 184–185). В рассказе первого из этих писателей так подводится итог завоеваний Тимура: «Когда... Тимур стал действовать во владениях Дешт-и-Кипчака, и все те области от Сарая до Азака и Крыма и границ франков (до Каффы и Солдайи) подчинились, когда такая обширная страна очистилась от противников и ослушников, он под победной звездой вернулся в место пребывания славы и престола государства, то есть в Самарканд» (Тизенгаузен, т. II, с. 125, под 1396/97 гг.). В рассказах обоих упомянутых персидских писателей не заметно разницы в степени разрушения Астрахани и Сарая. Оба города были разграблены, сожжены, сравнены с землей; жители погибли или были уведены в плен. Барбаро свидетельствует, что во время его пребывания в Тане (1436–1452) Астрахань не оправилась после удара, нанесенного ей Тимуром в 1395 г.; она была почти разрушенным городишком (*una terraciola quasi destruta*). А за сто лет до того Пеголотти называл Астрахань (*Gittarcen*) первой станцией на грандиозном почти 10-месячном пути от Таны до Ханбалыка –

Пекина. Утеряно было прежнее значение Хаджи-Тархана как ключевого пункта международной торговли, и пути, его пересекавшие, заглохли. Купец Барбаро отметил результат катастрофы конца XIV в.: восточные товары, во всяком случае, наиболее прибыльные из них – специи и шелк стали поступать в средиземноморские страны из портов Сирии (Soria), минуя Астрахань и Тану. О судьбе Сарая Барбаро не сказал ничего, не назвав, впрочем, этого города ни разу на всем протяжении «Путешествия в Тану». Не назвал Сарая и Контарини, рассказавший только об Астрахани, где прожил более трех месяцев. По летописи известно, что Сарай продолжал быть столицей Орды, а в позднем сообщении (от 1471 г.) сказано, что когда «вятчане, шед суды Волгою на низ», захватили Сарай в отсутствие хана Ахмеда, они ушли оттуда с богатой добычей – «взяша Сарай, много товара взяша, и плен мног поймаша».

⁹¹ Барбаро констатирует одно из явлений средневековой международной торговли – перемещение торговых путей по причине тех или иных политических перемен. В данном случае – после разгромных войн Тимура – путь специй и шелка (эти товары отмечает Барбаро) стал выходить к Средиземноморью не через Тану, а через Сирию (Soria – в такой форме это слово употреблялось именно в XV в.). Например, Барбаро писал о Дербенте как о проходе с юга, из Закавказья, в Татарию («Скифию»): «Кто хочет, идя из Персии, Турции, Сирии, пройти в Скифию, ему надо войти через одни ворота этого города (т. е. Дербента) и выйти через другие». ... В секретной инструкции («комиссии») Барбаро, послу в Персию, давались указания на случай, если Узун Хасан решит идти на турок не через Анатолию, а через Сирию. Когда Контарини размышлял, каким путем выбраться с Кавказа в Венецию (он избрал путь через Шемаху, Дербент, Татарию и Москву), то некоторые предлагали ему двинуться через Сирию. ... Невероятным кажется переход в изложении Барбаро от нижней Волги и Астрахани... к Сирии. Могло возникнуть соображение относительно Сарая (Soria?), который был бы в состоянии заменить для международной торговли разрушенную Тимуром Астрахань, тем более что Сарай, по-видимому, возник (чего не произошло с Астраханью) как значительный город и столица Большой Орды. ... Однако Сарай XV в. не воспринял роли Астрахани как места концентрации восточных товаров, откуда они шли в Тану, исходный пункт морских путей. Шелк и специи с юга Каспийского моря, из Гургана и из Гиляна, повернули в сторону Сирии. В связи со сказанным выше следует вспомнить об однократном употреблении названия Soria в «Путешествии в Персию» Контарини: пересекая степи от Волги к землям Московского государства, он упомянул о долготе Сарая, столицы Большой Орды, но, конечно, не «Сирии» (в рукописи возможна перестановка гласных: Soria, Sarai, Sara).

⁹² Здесь Барбаро употребил известное на Средиземном море определение торгового судна: “galea grossa” – тяжелая галей, галера.

⁹³ Очевидно, Барбаро хотел подчеркнуть значительные размеры торговли восточными товарами в XIV в. через Астрахань, чем и вызвано его категорическое утверждение о том, что до конца XIV в. совсем не было торговли специями и шелком через Сирию.

⁹⁴ Бакинское море (mar de Bachu) – Каспийское море. Это один из многочисленных примеров, когда море называлось по имени какого-либо крупного города на его берегах – например, море Каффинское, море Сурожское, море Стамбульское – Черное море и др.

Амброжо Контарини ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕРСИЮ

§ 1. Мы выехали из Польши 20 апреля [1474 г.] и вступили в Нижнюю Россию,¹... подчиненную польскому королю.

§ 2. 1 мая [1474 г.] мы приехали в город, именуемый Киев или Маграман,² который находится вне Нижней России. Этим городом управлял некий пан Мартин³, поляк-католик.

Город стоит у границ с Татарией⁴, в нем собирается некоторое количество купцов с пушниной, вывезенной из Верхней России; объединившись в караваны, они идут в Каффу⁶, однако часто бывают захвачены, как бараны, татарами. Город изобилует хлебом и мясом.

§ 3. Пан Мартин сказал мне, что ждет посла из Литвы, который должен идти с дарами к татарскому хану⁷. Поэтому хан высылает навстречу ему двести татар-всадников для сопровождения и безопасности. Так он успокаивал меня, высказывая пожелание, чтобы я дождался упомянутого посла: таким образом, у меня будет сопровождающая охрана и безопасное путешествие. Так я и решил поступить.

...В городе есть река, которую на их языке называют Днепром, а на нашем – Лерессе⁸. Эта река протекает около города и впадает в Великое море⁹.

§ 5. Вместе с упомянутым послом мы отправились из Киева 11 мая. Проскакав до 13 числа, мы прибыли в деревню по названию Черкассы, также подчиненную тому королю. Здесь мы оставались до 15 мая, когда посол узнал, что татары пришли к Черкассам. В сопровождении этих татар мы уехали и вступили в пустынную степь¹⁰.

Затем, 15 числа, мы приблизились к уже упоминавшейся реке, которую нам надо было пересечь. Эта река отделяет Татарию от России, (отсюда идут) в сторону Каффы. Ширина реки более мили; она очень глубока. Татары принялись рубить деревья и связывать их вместе, а сверху клали ветки; поверх всего они положили наши вещи. Затем татары вошли в реку, держась за шеи лошадей, а мы привязали их за хвосты веревками, которые были приделаны к этим плотам. Все мы погрузились на них и погнали лошадей по реке, которую с божьей

помощью и пересекли невредимыми. Предлагаю будущему читателю представить себе величину опасности; я, по крайней мере, не знаю, что могло быть страшнее этого!

§ 6. Переправившись на противоположный берег и сойдя на землю, мы привели в порядок свое имущество и на весь тот день остались там вместе с татарами. Некоторые из вожаков усиленно меня разглядывали и толковали между собой. Наконец мы снялись с берега этой реки и пустились в путь по пустынной степи, что повлекло за собой всяческие трудности. Когда мы проходили по лесу, посол через своего переводчика велел сказать мне, что татары решили отвести меня к своему хану; они говорили, что не могут поступить иначе и допустить, чтобы такой, как я, человек (а они это поняли) прошел в Каффу, не будучи представлен их хану. Я почувствовал большое беспокойство, когда услышал такие вещи; я доверительно обратился к переводчику [литовского посла], прося его припомнить то обязательство, которое было дано пану Мартину во исполнение воли польского короля, и пообещал ему саблю. Он проявил желание успокоить меня: вернулся к своему послу, передал ему мои слова, а затем уселся с татарами, начал с ними пить и своими речами уверил их, что я генуэзец; так он уладил дело при помощи 15 дукатов. Однако я, пока не узнал об этом, пережил величайшее волнение.

§ 7. Утром мы поскакали и ехали так до 24 мая с многочисленными трудностями, даже один день и одну ночь были лишены воды. Затем прибыли к такому месту, где упомянутому послу и татарам надлежало повернуть по пути к хану, который находился в замке по названию Керкер¹¹. Посол дал мне одного татарина для сопровождения, который должен был довести меня до Каффы. Я простился с послом, и мы разъехались. И хотя мы остались одни и продолжали пребывать в непрестанной опасности, боясь, как бы те татары не вернулись, все же мне было приятно, что я отделился от тех проклятых псов, настолько воняющих кониной, что было невозможно стоять с ними рядом.

Мы шли дальше с нашим проводником-татарином и к вечеру сделали привал в степи, посреди нескольких татарских телег с их войлочными покрывками. Внезапно вокруг нас оказалось много татар, старавшихся узнать, кто мы такие. Когда наш проводник сказал, что я генуэзец, они предложили нам кислого молока.

§ 8. Утром, еще до рассвета, мы двинулись оттуда и к вечеру 26 мая [1474 г.] вступили в город¹² Каффу с пением *Te deum*¹³, вознося благодарение господу богу, который избавил нас от столь великих тревог. Нас потайно отвели в какую-то церковь, и я послал своего переводчика отыскать нашего консула¹⁴; тот сразу же прислал своего брата, который сказал мне, что надо дожидаться позднего времени, чтобы перейти незаметно в один его дом в пределах города. Так мы и поступили. В надлежащий час мы вошли в дом консула, где нас приняли с почестями и где я встретил мессера Поло Оньибен¹⁵, посланца нашей светлейшей синьории, который выехал [из Венеции] за три месяца до меня.

Я не могу подробно рассказать о состоянии города¹⁶ Каффы, потому что оставался почти непрерывно в стенах дома, чтобы не быть замеченным; скажу лишь о немногом, что удалось увидеть и услышать. Город этот расположен на Великом море и ведет большую торговлю; он плотно населен людьми разных национальностей¹⁷ и, по слухам, весьма богат.

(Далее нами пропущено описание пути в Персию и сути дипломатической миссии (не связанной с событиями изучаемого нами региона), выполнявшейся там венецианским дипломатом – С.О.).

§ 14. 1 ноября [1475 г.] мы приехали в Шемаху, город Ширваншаха.

Пока мы жили в этом городе, мы встретили Марка Россо, посла великого князя Московского. Он любезно пришел повидать меня в караван-сараях, где я остановился; я крепко обнял его и в самых добрых и вежливых словах попросил его принять меня в компанию; он на это согласился.

6 ноября мы уехали оттуда вместе с Марком и направились в Дербент, город того же Ширваншаха на границе с татарскими степями. Мы ехали верхом то по горам, то по равнине и останавливались несколько раз в какой-нибудь турецкой деревне, где нас принимали должным образом. На половине пути нам попался довольно хороший городок, где родится такое количество фруктов, особенно яблок, что просто трудно этому поверить, причем все яблоки превосходные.

§ 15. 12 ноября мы приехали в Дербент. Ввиду того, что мы хотели направиться в Россию, а для этого необходимо пересечь татар-

скую степь¹⁸, нам посоветовали перезимовать в этом городе, а в апреле плыть по Бакинскому морю в Астрахань.

Город Дербент расположен на Бакинском море¹⁹ (оно также называется Каспийским). Говорят, что Дербент был построен Александром Великим²⁰ и называется Железными воротами по той причине, что войти из Татариин в Медию и в Персию невозможно иначе, как через этот город. Здесь есть глубокая долина, которая тянется до Черкесии. В Дербенте великолепные каменные стены, очень толстые и хорошо сложенные, но под горой, по направлению к замку, город заселен едва на одну шестую часть [своей площади], а в сторону моря он весь разрушен. В нем огромное количество могил. Город надлежащим образом снабжен продовольствием и торгует винами, а также разнообразными фруктами.

Названное выше море является, собственно, озером, так как не имеет никакого устья; говорят, что оно по величине таково, как Великое море, и очень глубоко. Там ловят осетров и белугу²¹, причем в громадном количестве; но другую рыбу даже не умеют ловить. Там множество рыб-собак, у которых голова, ноги и хвост подобны собачьим. Ловят там еще один вид рыб — длиной они с полтора локтя, толстые и почти круглые²², так что не видно ни головы, ни чего-либо другого. Из этих рыб приготавливают особую жидкость, которую жгут для освещения и ею же мажут верблюдов; ее развозят по всей стране.

§ 16. Мы оставались в этом городе с 12 ноября [1475 г.] по 6 апреля [1476 г.], после чего отправились в плавание на боте.²³ Мы жили в хорошем окружении, так как люди там прекраснейшие, и нам ни разу не было нанесено никакого вреда. Они спрашивали, кто мы такие, а после ответа, что мы христиане, они больше ничего не доискивались. Я носил на плечах совершенно драный казакин, подбитый овечьим мехом, а сверху довольно жалкую шубу; на голове у меня была баранья шапка. В таком виде я ходил по городу и на базары и много раз приносил домой мясо, но слышал, как кто-то говорил: «Этот человек не кажется привычным носить мясо». Марк указал мне на это и упрекал меня, говоря, что я хожу в таком виде, будто вышел из приюта для бедных; но я отвечал, что не могу ничего поделать и только удивляюсь, как, видя меня настоящим оборванцем,

люди могли иметь обо мне подобное суждение. Однако, несмотря ни на что, к нам хорошо относились.

Пока мы находились в Дербенте, нам очень хотелось узнать все новости об Узун Хасане и о мессере Иосафате Барбаро; поэтому я решил послать моего переводчика Димитрия в Тебриз; туда было 20 дней пути. Он отправился и возвратился через 50 дней, принеся мне письмо от самого Иосафата, который писал, что шах пребывает там, но что он – Иосафат – не мог ни о чем у него узнать.

§ 17. Через Марка было заключено соглашение с одним владельцем ботов, чтобы доставить нас в Астрахань. Эти боты были на всю зиму вытащены на берег, так как плавать было тогда невозможно. Их строят похожими по форме на рыб (так их и называют), потому что они сужены к корме и к носу, а посередине имеют как бы брюхо; они скреплены деревянными гвоздями и просмолены. Когда они выходят в открытое море, у них два правильных весла и одна длинная лопатина; при помощи последней ботом управляют в хорошую погоду, а в бурную – теми двумя веслами.

У здешних моряков нет компасов, они плавают по звездам и всегда в виду земли. Эти боты – суда весьма опасные. Иногда эти люди ходят на веслах, управляя своим ботом диким способом, но говорят, что других моряков, кроме них, вообще нет. Добавляю еще, что тамошнее население – магометане.

С 5 апреля [1476 г.] мы ждали целых восемь дней хорошей погоды, погрузив в бот на берегу все наши пожитки; Марк же все время оставался в городе, и мы испытывали страх, оставаясь в одиночестве. Наконец, господу богу стало угодно послать нам благоприятную погоду; мы собрались на берегу, и бот был спущен на воду. Усевшись в него, мы пошли на парусах. Всего нас было 35 человек, считая хозяина и шесть матросов; другие были купцы, которые везли в Астрахань куски атласа, кое-какие шелковые изделия и еще босса-сины на продажу русским; было еще несколько татар, которые ехали за товаром, а именно – за пушминой, которую они продают затем в Дербенте.

§ 18. Как уже сказано, мы пошли в тот день на парусах с попутным ветром, держась все время берега и склонов гор на расстоянии около 15 миль. На третий день, миновав эти горы, мы увидели пло-

ские берега. Подул противный ветер, и оказалось необходимым бросить якорь, чтобы остановиться. Это было часа за четыре до вечера. Ночью ветер посвежел, море стало очень бурным, и мы увидели, что погибаем. Было решено поднять якорь и дать боту возможность по воле волн выброситься на берег. Когда подняли якорь, то нас отбросило в море, а страшное волнение с сильным ветром швырнуло нас к берегу, но по воле господа бога мы все же спаслись: бурное море отогнало нас от камней и снова бросило к берегу; тогда бот врезался в какую-то канаву, равную ему по длине, так что казалось, будто мы вошли в порт, и хотя море кидалось гораздо дальше, чем были мы, оно не могло уже нам повредить. Всем нам пришлось выскочить в воду, и каждый вынес на берег свои сильно подмоченные вещички. Наш бот дал течь от удара об камни. Было очень холодно, как оттого, что мы промокли, так и от ветра. Утром было решено не разводять огня, потому что мы находились в местах как нельзя более опасных из-за татар. На берегу было много конских следов и валялся челн, только что разбитый. Мы поняли, что всадники приезжали, чтобы забрать своих – живых или мертвых – из этого челна. Так мы и сидели в сильном страхе, все время ожидая нападения. Однако, на наше счастье, позади берега виднелись обширные болота, так что татары должны были находиться вдали от берега.

Здесь мы оставались до 13 апреля, когда прояснилось и наступила благоприятная для нас погода.

§ 19. 15 апреля утром подул ветер, и мы пошли на парусах, продвигаясь все время около берега, а именно около тех островков, заросших камышом, иногда высаживаясь на них. Так продолжалось до 26 апреля, когда мы вошли в устье Волги, величайшей реки, которая течет из пределов России. Говорят, что Волга имеет 72 рукава, впадающих в Бакинское море, и во многих местах очень глубока. От ее устья до Астрахани – 75 миль. Из-за сильного течения – то при помощи бечевы, то при некотором ветре – мы прибыли только 30 апреля в город Астрахань. По эту сторону Астрахани – в направлении к морскому берегу – есть огромное соляное озеро²⁴; говорят, что оно дает столько соли, что могло бы снабдить ею большую часть мира. Этой солью – а она превосходного качества – пользуется почти вся Россия.

Татары (т.е. правитель Астрахани) не пожелали, чтобы мы в тот же день сошли на берег. Однако Марк высадился, получив эту возможность, потому что имел друзей в этих местах. В первый же вечер и меня вместе с моими спутниками отвели в тот домик, где остановился Марк, и поместили в каком-то закутке; там мы и переночевали. Утром пришли трое татар с плоскими, как доска, лицами и вызвали меня. Они сказали Марку, что он – желанный гость, потому что он друг их правителя, но что я – раб последнего, потому что франки²⁵ его враги. Мне этот прием показался странным; однако Марк стал отвечать за меня и не разрешил мне сказать ни слова, кроме только вежливого приветствия. Это было 1 мая [1476 г.].

Я вернулся в свою комнатенку, охваченный страхом, и не знал, что со мной будет дальше; затем опасность стала нарастать с каждым днем. Явились коммерciarии²⁶, которые сказали, что, конечно, у меня есть драгоценные камни; в результате этого тот пустяк, который мы привезли из Дербента, чтобы приобрести лошадей для дальнейшего путешествия, был от нас целиком отобран. Потом через Марка мне было сказано, что меня хотят продать на базаре. Все же при его посредстве и [при содействии] некоторых купцов, которые должны были ехать в Москву²⁷, после множества притеснений и опасностей, которым мы подвергались в течение ряда дней, дело было сведено к двум тысячам алермов²⁸ в пользу правителя, не считая всяких подачек остальным. Не имея ни маркета в кармане, мы взяли эти деньги у русских и татарских купцов, направлявшихся в Москву, причем с громаднейшим процентом и с поручительством самого Марка. Так было улажено дело с правителем. Однако, когда Марка не было дома, являлся главный коммерciarий и стучал в дверь моей комнаты, угрожая отвратительным голосом, что он посадит меня на кол, и повторяя, что у меня много драгоценностей. В меру своих возможностей я был принужден приглушать его гнев. Затем еще много раз приходили разные татары; они являлись ночью в пьяном состоянии (от употребления того напитка, который они готовят из меда) и кричали, чтобы им выдали франков. Поистине, нельзя себе представить столь храброго человека, который при этом не испугался бы! И снова приходилось чем-то заставлять их замолчать.

Мы оставались в этом месте с 1 мая до 10 августа [1476 г.], т. е. до дня св. Лаврентия.

§ 20. Город Астрахань²⁹ принадлежит трем братьям; они сыновья родного брата главного хана³⁰, правящего в настоящее время татарами, которые живут в степях Черкесии и около Таны. Летом из-за жары они уходят к пределам России в поисках прохлады и травы. Зимой эти три брата проводят несколько месяцев в Астрахани, но летом они поступают так же, как и остальные татары³¹.

Город невелик и расположен на реке Волге; домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной; видно, что совсем недавно в нем еще были хорошие здания³².

Рассказывают, что в старые времена Астрахань была местом крупной торговли, и те специи, которые отправлялись в Венецию из Таны, проходили через Астрахань. Насколько я слышал и мог понять, специи свозились именно сюда и затем переправлялись в Тану — ведь до нее, как говорят, всего восемь дней пути³³.

Как было сказано, мы уехали из Астрахани 10 августа, в день св. Лаврентия; я расскажу об этом ниже.

Правитель Астрахани, по имени Касим-хан³⁴, посылает ежегодно своего посла в Россию к московскому великому князю, скорее для получения какого-нибудь подарка, чем для чего-либо иного. Вместе с послом идут многие татарские купцы; они образуют караван³⁵ и везут с собой шелковые изделия из Иезда³⁶ и боккасины, чтобы обменять их на меха, седла, сабли, уздечки и всякие другие нужные им вещи.

Ввиду того, что от Астрахани до Москвы приходится идти все время по пустынным равнинам,³⁷ необходимо, чтобы каждый нес с собой продовольствие для пропитания. Татары мало заботятся об этом, так как они гонят с караваном великое множество лошадей и ежедневно убивают их в пищу себе; ведь их питание неизменно состоит из мяса и молока, и у них не бывает никакой другой еды; они даже не знают, что такое хлеб³⁸, за исключением, быть может, каких-нибудь купцов, которые бывали в России. Но нам было необходимо как можно лучше запастись пищей.

Обычно мы брали немного рису, из которого делали смесь с молоком, высушенным на солнце, — у татар это называется «тур»;

такое молоко становится очень твердым и слегка отдаст кислым; они считают эту вещь весьма подкрепляющей. У нас были также лук и чеснок; с трудом я достал еще около кварты сухарей из довольно хорошей пшеничной муки. Из всего этого и состояла наша еда. Кроме того, чуть ли не в последний час перед отъездом я добыл засоленный бараний хвост³⁹.

Наш путь должен был пролегать прямо между двумя протоками⁴⁰ Волги, но из-за того, что главный хан находился в состоянии войны с Касим-ханом, своим племянником (а этот Касим считал, что он сам должен быть главным ханом, так как таковым был его отец⁴¹, раньше правивший Ордой, и потому между ними шла большая война), мы решили, что весь караван перейдет на другой берег реки и пойдет по нему до того места, где река подходит к узкой полосе⁴² между Танансом и Волгой; это требует примерно пять дней пути. После того, как караван минует эту узкую полосу, уже нечего бояться.

§ 21. Итак, все уложили свое имущество и продовольствие в несколько лодок, которые были здесь в употреблении, и перешли⁴³ на другую сторону реки. Однако Марк пожелал, чтобы я остался с ним, потому что уговорился с послом по имени Анхиоли⁴⁴ взять меня из дома около полудня и идти к переправе⁴⁵, куда отправились лодки; это находится в 12 милях вверх по реке. Когда наступило время, мне велели сесть на лошадь, и вместе с тем послом и с моим переводчиком⁴⁶ мы с опаской поехали, как только могли бесшумно, и прибыли к тому месту приблизительно за час до вечера. Мы уже готовились перейти реку, чтобы присоединиться к своим, как вдруг, когда уже наступила ночная тьма, Марк позвал меня с такой неистовой торопливостью, что я подумал, что настал мой последний час. Он велел мне сесть на лошадь, также моему переводчику и какой-то русской женщине, и ехать в сопровождении одного татарина самого ужасного вида, какой только можно вообразить; он только и твердил мне: «Скачи, скачи быстрее!». Я повиновался – что же мне было еще делать! – и последовал за тем татаринном. Всю ночь мы ехали, вплоть до полудня, и он не позволил мне слезть с коня ни на мгновение. Несколько раз я заставлял своего переводчика спрашивать его, куда он ведет меня, пока, наконец, он не ответил, что причиной, почему Марк отправил меня, было то, что местный правитель собирался

послать искать меня на лодках; Марк боялся, что если бы они меня нашли, они задержали бы меня.

§ 22. Это произошло 13 августа; когда к полудню мы приблизились к реке, татарин стал искать какую-нибудь лодку, чтобы переплыть на остров, находившийся на середине реки; там пасся скот того посла. Но татарин не нашел лодки; тогда он собрал сучья, связал их, как мог, а сверху положил седла и привязал все это веревкой к лошади. Затем, управляя лошадьё, он переплыл на упомянутый остров, расстояние до которого от берега было равно примерно двум полетам стрелы из лука. Потом он вернулся за мной; я же, видя огромную опасность, разделся до рубашки и сбросил обувь: ведь я мог вполне легко перевернуться. С божьей помощью, но и с великим риском я был переправлен. Татарин вернулся еще раз и перевел лошадей, затем, сев на них, мы поехали к его убежищу, покрытому войлоком; туда он меня и поместил. Шел уже третий день, как я ничего не ел; он из милости дал мне немного кислого молока, которое показалось мне превосходным.

Спустя некоторое время туда пришло много татар, которые были на этом острове со своим скотом; они разглядывали меня с большим изумлением, дивясь, как это я попал к ним — ведь здесь никогда не было ни единого христианина. Я молчал и изо всех сил притворялся больным.

Татарин был очень ко мне благосклонен; я думаю, что никто не мог ничего сказать из-за участия ко мне того посла, который был важным лицом. На следующий день, а это было 14 августа, т. е. канун праздника богородицы⁴⁷, татарин, чтобы почтить меня, зарезал хорошего ягненка, зажарил его и [частично] сварил; при этом он не дал себе труда вымыть мясо, так как у них считается, что, если его вымыть, оно потеряет свой вкус; они также не снимают с него как следует пену, только делают это слегка при помощи ветки. Он поставил передо мной это мясо и кислое молоко, и — хотя был канун праздника богородицы (я молил ее простить меня, потому что не был в силах терпеть дольше) — мы все вместе принялись за еду. Принесли также кобылье молоко, которое они очень хвалят, и хотели, чтобы я выпил его, потому что, как они говорили, оно очень подкрепляет человека. Но из-за отвратительной вони я не мог пить его, и это им не понравилось.

§ 23. В таком положении я оставался до полудня 16 августа, когда подошел Марк вместе с караваном и стал на уровне нашего островка. Он прислал за мной татарина с одним русским из своих. Немедленно они посадили меня в лодку и перевезли к месту, где остановился караван. Священник Стефан и Дзуан Унгаретто, которые были уверены, что больше меня не увидят, возликовали, когда я появился, и возблагодарили господа бога. Марк снабдил меня лошадьми в ненужном количестве.

Мы простояли там весь день 17 августа, а затем караван двинулся в путь, чтобы пройти по пустынной степи⁴⁸ и направиться к Москве. Всем распоряжался посол, а было там всего около трехсот человек русских и татар⁴⁹, а также более двухсот лошадей, которых вели как для пропитания, так и на продажу в России. В полном порядке мы двигались все время вдоль реки⁵⁰, тут же ночевали, а в полдень отдыхали. Так продолжалось 15 дней, после чего посол⁵¹ увидел, что мы находимся в безопасности, так как достигли упомянутого узкого перешейка⁵² и можем не бояться главного хана Орды.

§ 24. Хочу рассказать об этой Орде. Ее возглавляет «император» — главный хан. Имени его я не помню⁵³. Он правит всеми татарами в этой стране; они, как уже говорилось, кочуют в поисках свежей травы и воды и никогда не живут оседло. У них не бывает иной пищи, кроме молока и мяса. Они владеют стадами быков и коров, причем это, я полагаю, наилучшие по своему качеству животные во всем мире; таковы же бараны и овцы. Мясо их превосходного вкуса, так как их пастбища очень хороши. Татары очень ценят кобылье молоко. У них прекраснейшие обширные степи, где не видно ни одной горы⁵⁴.

Я не был в этой Орде, но интересовался сведениями об ее военной мощи⁵⁵. Все утверждают, что там огромное множество народа, но бесполезного для этой цели из-за большого количества женщин и детей. Утверждают также, что во всей Орде не найдется и двух тысяч мужчин, вооруженных саблями⁵⁶ и луками; остальные — это оборванцы без всякого оружия. Татары пользуются славой безумных храбрецов⁵⁷, потому что делают набеги и грабят черкесов и русских. Татары стремятся, чтобы их лошади были как дикие; они действительно весьма пугливы и непривычны к подковам. Татары добива-

ются, чтобы между их лошадьми и лесными зверями не было никакой разницы.

Как было сказано, татары этой Орды располагаются на пространствах между двумя реками — Доном и Волгой. Но, как рассказывают, есть еще другие татары; они живут по ту сторону Волги и кочуют в сторону северо-востока и востока. Их очень много. Они носят длинные волосы до пояса и называются дикими татарами. Зимой, во время больших холодов и обледенения, они, как говорят, подходят к Астрахани и кочуют здесь в поисках травы и воды, подобно другим татарам, но они не причиняют никакого вреда городу Астрахани, только иногда воруют мясо.

§ 25. Пройдя 15 дней, двигаясь все время около реки, мы остановились в роще, где татары и русские принялись рубить деревья, растущие очень густо, и делать плоты — числом около сорока, связывая их веревками, которые были привезены для этой цели. Пока они готовили плоты, мы обнаружили весьма ветхую лодку, и Марк решил послать в ней свое имущество на другой берег реки. Когда оно было переправлено и лодка вернулась обратно, он приказал мне сесть в нее с нашими седлами и небольшим нашим провиантом и переправиться на ту сторону реки, чтобы сторожить его имущество; мой же переводчик Дмитрий и Унгаретто⁵⁸ должны были пока остаться, чтобы стеречь лошадей. В лодку сели я и священник Стефан вместе с двумя русскими, которые гребли и управляли лодкой, чтобы переплыть на тот берег; между берегами было расстояние не меньше одной мили и даже гораздо больше, принимая во внимание сильное течение, которое все время относило нас вниз, и лодку, которая дала течь. Мы вдвоем изо всех сил, как только могли, сидя в воде, выкачивали ее и пребывали в страшной опасности, но с божьей помощью перебрались благополучно на противоположный берег.

Разгрузив лодку, русские хотели вернуться, но это оказалось невозможным, потому что лодка совершенно распалась; пришлось остаться всем, а нас было шестеро.

Утром караван должен был переправиться, но поднялся такой сильный северный ветер⁵⁹ — он дул целых два дня, — что это оказалось невыполнимым. Мои спутники, оставшиеся стеречь лошадей, не имели ни чем пропитаться, ни чем укрыться, потому что я увез все

с собой. Можно себе представить, что мы чувствовали в связи с этим. В таком положении я поинтересовался нашим провиантом и нашел, что он претерпел большой ущерб, что меня сильно напугало. Поэтому я решил упорядочить это дело, хотя и поздно, рассудив, что на горячий обед надо положить по одной чашке риса и столько же вечером, выдавая на душу то лук, то чеснок и немного сухого кислого молока, с тем чтобы несколько дней не прикасаться к нашим сухарям. Я раздавал рис всем по очереди, и каждый съедал свою порцию; я, конечно, имел столько же, сколько и они. В течение этих двух дней, что мы там сидели, мы нашли дикие яблоки и, чтобы сэкономить пищу, варили и ели их.

По истечении двух дней весь караван переправился на упомянутых плотах, на которые положили все имущество; на каждый плот пришлось по шесть-семь лошадей и несколько татар, которые их вели, привязав плоты веревками к лошадиным хвостам. Обнаженные татары заставили всех лошадей вместе войти в реку, чтобы разом совершить общую переправу. Так и было сделано; это было красивое и быстрое предприятие, но, конечно, весьма опасное.

§ 26. Переправившись и немного отдохнув, все погрузили свои пожитки и пустились в путь, покинув ту реку. По моему суждению, в ряде стран нет хотя бы приблизительно другой такой великой реки; шириной она более двух миль, берега ее высоки, и она очень глубока.

С именем божим на устах мы, как уже было сказано, пустились в путь и, как и раньше, шли на север, но часто поворачивали на запад, причем перед нами не было никакой дороги — все время только пустынная степь. Татары говорили, что мы находимся на уровне Сарая⁶⁰ более чем на 15 дней пути к северу, но, по моему мнению, мы его уже миновали. Так продолжали мы идти одинаковым порядком: делали привалы в полдень и вечером в сумерках, отдыхали прямо на земле, и покрывалом нам служили лишь воздух да небо. Ночью мы неизменно были как в крепости, боясь возможного нападения, и постоянно выставляли три охраны — одну справа, другую слева, а третью спереди. Случалось, что мы не находили воды ни для себя, ни для лошадей в течение всего дня и даже вечером там, где останавливались на ночлег. Во время всего путешествия мы почти не встречали никакой дичи. Правда, мы видели двух верблюдов и четыреста⁶¹

лошадей, которые паслись; говорили, что они отстали в прошлом году от одного каравана. Дважды мы опасались, что на нас нападут: один раз страх был напрасен, но другой раз мы повстречали около 20 телег и несколько татар, от которых никак не могли узнать, куда они идут. Путь был долгим, а еды у нас было мало, поэтому пришлось ее сокращать.

§ 27. Наконец, когда это было угодно богу, мы вступили на землю России. Это произошло 22 сентября [1476 г.]. В лесу попались нам несколько человек русских из окрестных деревушек⁶². Услышав, что в нашем отряде находился Марк⁶³, жители, которые были в ужасном страхе перед татарами, вышли и поднесли ему немного сотового меда. Марк угостил им меня, что было просто необходимо: ведь мы едва двигались и дошли до крайнего состояния, так что с трудом держались на лошадях.

Мы уехали отсюда и прибыли в город, называемый Рязань⁶⁴; он принадлежит князьку, жена которого приходится сестрой великому князю московскому⁶⁵. Дома в этом городе все деревянные, так же как и его кремль. Здесь мы нашли и хлеб, и мясо в изобилии, и даже русский напиток из меда; всем этим мы хорошо подкрепились.

Уехав отсюда, мы двигались непрерывно по огромнейшим лесам и только к вечеру нашли русскую деревню, где и остановились; тут мы несколько отдохнули, потому что нам показалось, что это место было, с божьей помощью, безопасно.

Затем мы приехали в другой город, называемой Коломной⁶⁶ и расположенный около реки Мостро. Здесь есть большой мост⁶⁷, по которому переходят эту реку, а она впадает в Волгу.

Уехали мы и отсюда. Марк послал меня вперед, потому что весь отряд должен был прийти позднее.

§ 28. Итак, 26 сентября 1476 г. мы, с пением молитвы «Тебе бога хвалим»⁶⁸ и вознося благодарения богу, который избавил нас от множества бед и опасностей, вступили в город Москву, принадлежащий великому князю Иоанну, властителю Великой Белой Руси⁶⁹.

Всю ту огромную вереницу дней, пока мы ехали по степи, — а это было с 10 августа, когда мы вышли из Астрахани, и до 25 сентября [1476 г.]⁷⁰, когда мы вошли в Москву, — мы готовили пищу, за неимением дров, на навозе.

КОММЕНТАРИЙ:

¹ На территории, которую Контарини определяет как «Нижнюю Россию» (Rossia Bassa), он указывает два населенных пункта – Луцк и Житомир, но в дальнейшем изложении исключает отсюда Киев. «Нижняя Россия» противопоставляется «Верхней России» (Rossia Alta), которая соответствует примерно северо-восточной Руси, Московскому государству. Когда Контарини специально рассказывает о Москве, он не употребляет названия “Rossia Alta”, а об Иване III говорит как о великом князе «Великой Белой России».

² Дважды повторил Контарини оба названия Киева: Chio over Magraman. Первое представляет довольно близкую транскрипцию названия Киев, которое вообще передавалось на разных языках довольно правильно. Второе следует искать у восточных писателей. Персидский автор Рашид-ад-дин (ум. в 1318 г.) в сочинении «Сборник летописей» (в главе об «Истории царевичей Дешт-и Кыпчака») писал о взятии Киева татарами в 1240 г.: «Царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа Черных шапок и в 9 дней взяли большой город русских, которому имя Манкеркан» (Тизенгаузен, т. II, с. 37; в прим. 17 сказано, что следует читать – «Манкерман»). Позднее, к концу XIV в., когда после сокрушительной победы на Тереке (в 1395 г.) над Тохтамышем Тимур разорял разные области Дешт-и Кыпчака, он направил свои войска к Днепру (река Узи), чтобы захватить эмиров Тохтамыша, среди которых один, по имени Бек-Ярык, правил областью Манкермен (или Манкерман). Бек-Ярык был побежден, его область была разорена, а сам он бежал на Дон (река Тан). Об этом писали два близких по содержанию своих произведений («Зафарнамэ») персидских автора, воспевавших военные подвиги Тимура: Низам-ад-дин Шами и Шереф-ад-дин Иезди (Тизенгаузен, т. II, с. 121 и 179). Анализ названия «Манкерман» (он же – «Маграман») произвел известный филолог-ориенталист, профессор турецко-татарских языков Казанского университета И. Н. Березин (ум. в 1896 г.). В статье «Нашествие Батыя на Россию» (ЖМНП, май 1855 г., с. 106, прим. 101) И. Н. Березин в слове «Манкерман» у Рашид-ад-дина сразу узнал название «Магроман», записанное у Контарини. Относительно значения имени Манкерман-Магроман Березин пишет: «...последняя его половина есть тюркское... керман (русский «кремль»), крепость; первая же половина может быть произведена от тюркского глагола... мактамак, хвалить. Таким образом, настоящее слово будет... Мак-керман, хвалимый город. Впрочем, название керман может быть приставлено к какому-нибудь собственному имени...». Несомненно, что Контарини на месте слышал, как Киев называли (вероятно, татары) Манкерманом, и занес в свои записки это название, бывшее в известной мере в ходу в то время, когда он проехал через Киев.

³ Пан Мартин – поляк-католик, названный у Контарини, является историческим лицом. С весны 1471 г. Казимир IV назначил воеводой в Киев (вместо литовских князей Олельковичей) Мартина Гаштольда; этот пан Мартин и встречал Контарини в Киеве в мае 1474 г. (см.: Базилевич, 1952, с. 96, со ссылкой: В. Б. Антонович. Монография по истории Западной и Юго-западной России, т. I. Киев, 1885, с. 239–240).

⁴ В «Путешествии в Тану» Барбаро определяет западную границу Татарии Польшей, северную – Россией. Контарини называет Днепр западной границей татарских владений (в XV в.).

⁵ См. прим. 1.

⁶ Это одно из последних свидетельств о продолжавшейся и после взятия Константинополя (1453 г.) турками торговле генуэзской Каффы с севером.

⁷ Ханом Золотой, или Большой Орды в 1474 г., когда Контарини проезжал через татарские земли, был хан Ахмед (1460–1481) (Ахмат русских историков – С.О.).

⁸ О названии Eresse, Leresse (Днепр) см. в примечаниях Барбаро.

⁹ О названии Великое море (Черное море) см. прим. к Барбаро.

¹⁰ Вступлением в «пустынную степь» (*la campagna deserta*) был (если путь пролегал через Киев) переход через Днепр. Контарини вместе с литовским послом пересек Днепр около Черкасс.

¹¹ Chercher (Керкер, Кырк-йер) – название средневекового города-крепости, одного из центров Крыма времени Золотой Орды и затем Крымского ханства. Кырк-йер отождествляется с Чуфут-Кале, расположенным в 11 км от Бахчисарая. Контарини называет Кырк-йер (Chercher) в связи с тем, что туда направлялся его спутник, литовский посол, ехавший к татарскому хану. По этому названию города, где находился хан, следует заключить, что посол ехал к крымскому хану, а именно к Менгли-Гирею. Значит, Контарини, ехавший в Каффу, и посол, ехавший в Кырк-йер, повернули каждый по своему пути в каком-то пункте уже на Крымском полуострове. Ясно, что Контарини направился на восток, а посол – на юг или юго-запад.

¹² Каффу Контарини назвал “borgo”; судя по тому, как в Киеве он различал замок (*castello*) и окружающий этот замок город, следует полагать, что Контарини вошел через ворота в наружной стене Каффы в город (*borgo*), но не в его центральную часть – цитадель, различаемую до наших дней по расположению сохранившихся стен и башен.

¹³ “Te deum” – начальные слова латинской молитвы “Te deum laudamus...” – «тебе бога хвалим...», выражающей благодарность.

¹⁴ Политические и экономические отношения между Генуей – хозяйкой Каффы – и Венецией были в эти годы (когда шла война Венеции с Мухаммедом II, 1463–1479 гг.) весьма напряженными, хотя в Каффе продолжал находиться венецианский консул. По-видимому, было вовсе нежелательно, чтобы генуэзцы заметили проезд через Каффу венецианского посла в Персию.

¹⁵ Поло Оньибен (Polo /Paolo/ Ogniben) не был официальным послом Венецианской республики, но чрезвычайным или экстренным посланцем к Узун Хасану, спешно отправленным в Персию в конце ноября – начале декабря 1473 г. Срок этот вполне точен, так как Контарини записал, что Поло Оньибен выехал на три месяца раньше него, а он – Контарини – покинул Венецию 23 февраля 1474 г. В октябре 1473 г. [Узун Хасан] ...в борьбе против турок потерпел от них серьезнейшее поражение под Эрзинджаном. Битва произошла 10 августа 1473 г. Мухаммед II заставил властителя Персии уйти из Малой Азии. В ставке Узун Хасана во время сражения находился венецианский посол Катарин Дзено, который известил свое правительство о крахе союзника Венеции в письме от 18 августа 1473 г. Сенат решил немедленно направить посла к Узун Хасану, чтобы побудить его к новому походу против общего врага. От этой миссии, едва ли обещавшей успех, отказались намеченные сенатом два лица (одним из них был сам Амброджо Контарини). Тогда Совет Десяти назначил

в эту поездку Поло Оньибена, «купца, осведомленного в делах Персии»... Сущность миссии, данной Оньибену дожем, состояла в том, чтобы сообщить Узун Хасану о намерении Венеции поддерживать союз (*liga*) с ним, о ее полном отрицании возможности соглашения с турками и об ее настоятельной просьбе к нему – снова перейти Евфрат и вторгнуться в Малую Азию.

Контарини повстречал Поло Оньибена в Каффе в конце мая 1474 г., на его обратном пути. Оньибен недолго был при дворе Узун Хасана, речи его не достигли цели, как в дальнейшем не произвели должного эффекта и речи обоих опытных дипломатов – Барбаро и Контарини.

¹⁶ Здесь Контарини определяет Каффу не по ее частям (замок или цитадель и борго), а как город вообще. Поэтому он употребляет обычное определение города словом “*terra*”.

¹⁷ Контарини пишет “*habitat di ogni generatione*”, чтобы подчеркнуть известную черту Каффы – ее необычайно пестрое население (итальянцы, греки, армяне, евреи, татары, черкесы и др.).

¹⁸ *Camgarna di Tartari* – татарские степи.

¹⁹ *Mare di Bachan* – Бакинское море, которое сам Контарини здесь же определяет как море Каспийское.

²⁰ Дербент по легенде считался городом, который был основан Александром Великим. Название «Железные ворота» (здесь “*Porta di ferro*”) присвоено ему издавна. Барбаро посетил Дербент в связи со своим посольством в Персию. Он подробно говорит об этом городе, который служил воротами между Скифией (Татарией) к северу и Медией к югу. «Дербент лежит на Бакинском море (*mar di Bachu*), удаленный от гор на расстояние одной мили; на горе находится замок. К морю, как два крыла (*due ale*), спускаются стены; их концы уходят под воду. Ширина города от ворот до ворот равна полумиле. Стены сложены из громадных камней по римскому способу (*alla romana*). На нашем языке слово Дербент значит узкий проход, «пролив» (*stretto*), но некоторые, понимая особенности этого места, называют его Темиркапы (*Temircapi*), что по-нашему значит железные ворота (*porta di ferro*). Действительно, придумавший эти слова нашел весьма подходящее название – ведь город отделяет Медию от Скифии. Если кто хочет, отправившись из Персии, из Турции, из Сирии и вообще из стран по сю сторону [“*da indi insù*” – здесь подразумевается с юга на север, «наверх»], пройти в Скифию, пусть он войдет через одни ворота и выйдет через другие».

²¹ *Sturioni, morone* – осетры, белуга и вообще крупная красная рыба Каспийского моря и Нижней Волги; о высоком качестве рыбы этих мест хорошо знали итальянские купцы, и сведения о ней помещались во всех руководствах по торговле, таких как “*Pratica della mercatura*” флорентийца Пеголотти и др.

²² По-видимому, эти большие, «почти круглые» рыбы – тюлени Каспийского моря.

²³ *Varca* в данном случае – морской бот, парусное судно средней величины, которое имело особое управление при помощи “*zanche*” (как попытался описать Контарини) и ходило в виду берега. На боте помещалось 35 человек с их кладью; в их числе были капитан и шесть матросов. См. слова «барка», «баркас» и «бот» в Словаре Даля, где разобран вопрос о деревянных судах на Волге.

²⁴ Una salina grandissima – несомненно, огромное соленое самосадочное озеро Баскунчак. Контарини не мог – из-за всяческих затруднений с местными властями – точно узнать, где расположено это озеро; он ошибся, сказав, что оно лежит за (di qua) Астраханью в сторону морского берега (verso la marina), тогда как Баскунчак находится севернее Астрахани, к востоку от Волги (Ахтубы).

²⁵ Franchi, т. е. итальянцы, воспринимались татарами как враги, потому что итальянские (генуэзские) владения – и главный их центр Каффа – менее чем за год до этого отошли под власть турок. Кроме того, еще продолжалась турецко-венецианская война (1463–1479 гг.), а татары были на стороне турок; временами они посылали послов к Узун Хасану в Тебриз, он же после своего поражения под Эрдзинджаном (10 августа 1473 г.) уже не выступал против Мухаммеда II. Тана, по-видимому, замерла сама собою, и татары не признавали больше ни генуэзцев, ни венецианцев.

²⁶ Comerchieri – сборщики пошлин.

²⁷ Контарини отметил связи Астрахани с Москвой: русские приходили сюда за солью; русские и татарские купцы ездили с товарами между Астраханью и Москвой.

²⁸ Alermi – непонятное, по-видимому, неправильно прочитанное слово, обозначающее валюту. Эта сумма не названа в дальнейшем, когда у Контарини, уже в Москве, возникли затруднения по поводу возврата русским и татарским купцам тех денег, которые он взял у них в долг с процентами – с целью откупиться от преследовавших его татар.

²⁹ Контарини был в Астрахани летом 1476 г.

³⁰ Тогда главным ханом – «императором» Большой Орды – был хан Ахмед (1460–1481).

³¹ Большая Орда, по Контарини, располагалась на территории между Волгой и Доном; с юга она примыкала к степям Черкессии и к степям по Нижнему Дону, с севера – к пределам (confini) Московского государства.

³² Значительные здания в Астрахани были до 1395 г., когда город был разрушен войсками Тимура.

³³ То же записано и у Барбаро, который сообщает о большом скоплении восточных товаров, главным образом специй, в Астрахани.

³⁴ Касим-хан назван правителем Астрахани (Тапа, § 52), хотя выше говорилось о трех братьях – племянниках главного хана Большой Орды как о владельцах Астрахани. Быть может, Касим был старшим из троих? Ниже Касим назван племянником (пероте) хана Большой Орды, несомненно, Ахмеда. В летописи этот Касим упомянут под 6988 (=1480) г. И назван «братаничем» (племянником по брату) «царя Ахмата Большая Орды», который шел в последний раз к Оке против Ивана III.

³⁵ Ср. о подобных степных караванах, в которых шли послы, а вместе с ними купцы с товарами и табунами лошадей, ниже у Контарини при описании его пути из Астрахани в Москву в августе 1476 г. Ср. также летописное сообщение о приходе в Москву (7 июля 1474 г.) русского посла Микифора Басенкова «с послом царевым Ахмута Болиша Орды с Кара Кучуком». В караване было много купцов, которые привели «коней продажных».

³⁶ Gesdi – персидский город Иезд.

³⁷ Deserti (иногда “champagne deserte”) – степи. Ср. примеч. К Барбаро.

³⁸ Барбаро долго жил (в Тане) поблизости от татар и гораздо лучше, чем Контарини, знал уклад их жизни; поэтому Барбаро смог сообщить о посевах пшеницы у татар, о чем Контарини не знал и потому столь категорически заявил, что татары не представляют себе, что такое хлеб. Однако сам Контарини купил в дорогу сухарей из хорошей пшеничной муки – и смог сделать это в татарском городе Астрахани.

³⁹ О хвостах курдючных баранов писал Барбаро (Тана, § 34). Отметим ошибку в переводе Семенова (с. 92): «удалось мне достать баранью ногу» (!), хотя по-итальянски отчетливо сказано, что это была не нога, а засоленный бараний хвост, т. е. большое количество соленого сала.

⁴⁰ Двумя реками или потоками (due fiumare) Волги Контарини называет главное русло и параллельную ему Ахтубу. Путь Контарини и русского посла Марка между этими двумя реками не удалось осуществить. Как видно по дальнейшему рассказу, весь караван пошел по левому берегу Ахтубы, а переход через Волгу на ее правый берег совершился выше отделения Ахтубы от главного русла.

⁴¹ Неясно, кто был отцом Касима. Шпулер ... называет Касима внуком хана Кичик-Мухаммеда (отца Ахмеда), т. е. правильно, что Касим был племянником («братанич») хана Ахмеда. См. прим. 34.

⁴² Узкий проход, в данном случае узкий перешеек (passo stretto) между Доном и Волгой – известная узкая (около 70 км) полоса земли, где Волга и Дон приближаются друг к другу, в районах Волгограда и Калача-на-Дону. Ср. “stretto” в приложении к Дербенту (прим. 20).

⁴³ Глагол «passavmo» является стянутой формой из «passavano» – 3-е, а не 1-е лицо множ. числа. Ведь Контарини не пошел вместе с караваном, но присоединился к нему позднее.

⁴⁴ По-видимому, татарский посол в Москву. Принадлежавшие ему стада паслись на том острове, куда попал Контарини.

⁴⁵ Здесь “passo” значит переправа, переход через реку. Контарини должны были сопроводить к месту переправы (через Ахтубу?), так как в дальнейшем караван двигался по волжскому левобережью.

⁴⁶ С Контарини поехал его переводчик Дмитрий, проделавший с ним весь предыдущий путь.

⁴⁷ 15 августа – день христианского Праздника Успения Богородицы.

⁴⁸ См. прим. к Барбаро.

⁴⁹ Имеются в виду русские и татарские купцы, шедшие по степи вместе с послами. Ср. прим. 35.

⁵⁰ Сначала караван шел вдоль левого берега Волги к северу. Это продолжалось, как сообщает Контарини, 15 дней. После переправы на правый берег караван двинулся по степи, направляясь к Оке.

⁵¹ gli – ему, т. е. послу Анхиоли, который был во главе идущего вдоль Волги каравана.

⁵² О “passo stretto” см. прим. 42.

⁵³ Контарини не назвал имени хана Ахмеда (1460–1481).

⁵⁴ Более чем за двести лет до опубликования труда Контарини написал свой «Итинерарий» Вильгельм Рубрук; в этом сочинении на ясном латинском языке автор дал хорошее и весьма подробное описание татар, их жизни и обычаев.

⁵⁵ Словом “*possanza*” выражено понятие не о мощи вообще, а специально о военной мощи, в данном случае татар. Когда Контарини рассказывал о своем путешествии на приеме у польского короля Казимира IV, то он говорил о “*possanza*” татар и Узун Хасана.

⁵⁶ Spade у татар – сабли. Иоанн Плато Карпини (1246 г.) дал точное описание сабель татарских воинов, добавив, что ими обладают «богатые» (*divites*); итальянец употребил более ходкое на западе слово «меч» (*gladius*); «у богатых – мечи с острыми концами, с одним только режущим краем (лезвия) и слегка кривые».

⁵⁷ О татарских “*valenti*” см. у Барбаро (Tana, § 28).

⁵⁸ Второго, оставшегося в живых, слугу Контарини звали Дзуанне Унгаретто; здесь к его фамилии приставлен артикль: l’Ungaretto, Longheretto.

⁵⁹ Контарини употребил местное причерноморское определение холодного ураганного ветра – бора, от греч. *Voreas*, *Vorras* – северный ветер. В Толковом словаре Даля показано ударение на последнем слоге – бора́.

⁶⁰ Непонятно в данном сочетании слово *Soria*, что значит Сирия. Предполагаем, что здесь первоначально было написано название Сарай (*Sarai*), и татары сравнивали свое местонахождение в степи по долготе со своей столицей Сараем: «...они говорили, что мы были в Сарае (*eramo nella Soria*), но на 15 дней к северу от него».

⁶¹ По-видимому, ошибка: едва ли в степи могло отстать (от какого-то из предшествовавших караванов) такое количество лошадей (400 голов), причем верблюдов оказалось только два. Может быть, правильнее было бы читать не “*quattrocento*” (400), а “*quaranta*” (40).

⁶² Контарини начинает рассказ о России (*Rossia*) с пограничных мест на правобережье Оки. К естественному южному рубежу московских земель – берегу Оки – в разных пунктах постоянно подходили татары. Жители деревень южнее Оки, конечно, всегда находились в страхе, как отмечает Контарини, опасаясь татарских набегов.

⁶³ Марк был послом Ивана III к Узун Хасану. Слово “*rosso*” (*Marco rosso*) в применении к русскому послу и значит «русский», но не является фамилией. Контарини русских называет “*rossi*” (“*casaletti de rossi*” – деревушки русских; “*tartari et rossi*” – татары и русские; есть и другие примеры). Контарини отметил появление Марка в Тебризе, определив его следующими словами: “*uno Marco rosso, quale era venuto per ambasciatore del duca di Moscovia, signore della Rossia Bianca*”. Покидая Тебриз 28 мая 1475 г., Контарини для удобства путешествия примкнул к группе трех послов; это были Марк, посол Московского великого князя, Людовик, посол герцога Бургундского, и посол Узун Хасана, отправлявшийся на Кавказ ... Первый этап их совместного пути закончился в городе Фассо, где они узнали, что Каффа взята турками и поэтому в Крым плыть невозможно. Послы разошлись: Контарини пошел на Тифлис и Шемаху, Марк двинулся на юг к Вати, во владения князя Горгоры, но затем пришел, как и Контарини, в Ширван. Оба они встретились в Шемахе и отсюда про-

делали вместе весь путь до Москвы. Ошибочно полагать, что русский посол Марк посетил (?) не только Узун Хасана (к которому он и был направлен как посол), но и Ширваншаха. ... В Шемахе Марк оказался лишь в силу превратностей его пути из Персии на север, как и Контарини.

⁶⁴ Рязань – Resan. Контарини и его спутники еще находились на правом берегу Оки, которую перешли выше, около Коломны.

⁶⁵ Анна, сестра Ивана III.

⁶⁶ Коломна – Solona. Город находится, как известно, близ впадения Москвы-реки в Оку. Ср. следующее примечание.

⁶⁷ Контарини и его спутники на пути в Москву должны были пересечь Оку. Он специально не описывает и даже не упоминает о своей переправе, но пишет, что в Коломне есть большой мост, где переходят через Оку. Очевидно, Марк и Контарини со своими спутниками и сопровождавшие их русские и татарские купцы переехали Оку по мосту в Коломне, где вообще была главная переправа через эту реку, имевшая, по-видимому, важное военное значение. В августе 1472 г., когда хан Ахмед привел войска под Алексин, Иван III пришел прежде всего в Коломну, чтобы защитить мост. Из Коломны же великий князь по окончании войны ушел в Москву. В июне 1480 г., в начале последнего похода хана Ахмеда на Русь, Иван III отпустил «к Оце на берег своих воевод с силою», сам же двинулся к Коломне и стоял там «до покрова», т. е. до 1 октября.

⁶⁸ Ср. прим.13.

⁶⁹ Ср. прим. 1.

⁷⁰ Путь от Астрахани до Москвы (вверх по Волге, затем по степям и лесам к Рязани и Коломне) занял 47 дней.

Сочинение Михалона Литвина

Литовское сочинение «О нравах татар, литовцев и московитов» (Перевод на русский В. И. Матузовой под редакцией А. Л. Хорошкевич. М., 1994) было написано в середине XVI в. и подписано именем Михалон Литвин. Однако, как установили современные исследователи, автором его является польско-литовский дипломат Венцеслав Миколаевич, посетивший Крымское ханство с посольской миссией в 1542 г. (См. статью Е. Охманьского в сборнике «Россия, Польша и Причерноморье». М., 1979). Мы заимствовали из этого сочинения фрагмент, описывающий Крымское ханство. В нем изложено хотя и не во всем точное, но глубоко укоренившееся в литовском общественном созна-

нии представление о государственном становлении этого ханства и литовском покровительстве этому процессу.

Приводимый нами второй небольшой фрагмент из этого сочинения относится к середине XVI в., т. е. базируется на личных наблюдениях автора. Он очень ярко показывает роль работоторговли в ханстве, во многом определявшей его внутреннюю жизнь, внешнеполитическую активность и характер взаимоотношений с казачеством и имперским сузереном – Османской империей.

Текст публикуется по русскому переводу этого сочинения, изданному в 1994 г., комментарии к которому были сделаны С. В. Думиным, Ю. А. Мыцыком, И. П. Старостиной, М. А. Усмановым, А. Л. Хорошкевич. Авторство их отмечено соответствующими инициалами.

1-й ФРАГМЕНТ

Хотя татары (tartari)¹ считаются у нас варварами и дикарями, они, однако, хвалятся умеренностью жизни и древностью своего скифского племени, утверждая, что оно происходит от семени Авраама², и они никогда ни у кого не были в рабстве, хотя иногда бывали побеждены. Ныне оно разделено на разные орды (ords)³, то есть народы (nations). Ведь за соседними с нами перекопскими (Precopenses)⁴ [татарами] и тесно связанными с ними белгородскими (Belhorodenses) и добруджскими (Dobricenses), живущими на границе Молдавии (Moldaviae), к востоку находятся сильные орды, враждебные перекопским. Одни – ногаи (Nahai)⁵, другие – астраханы (Chastyorakani)⁶, третьи – за рекой Танансом (Tanaïm), называемой Волгой (Volha)⁷, завожские (Zawolsca), [это] родина царя Батыя (caesaris Bati)⁸, разорителя Венгрии (Ungariae), некогда господствовавшая над москвитянами (Moschorum) и всеми рутенами (Ruthenorum)⁹, принадлежащая ныне нагайцам (Nahaiensibus), четвертые – казанские (Kozanii)¹⁰, пятые – казахские (Kazaczka)¹¹, также Бухара (Buchar)¹², Самарканд (Samarchan)¹³ и, говорят, многие другие, разделенные между 12 императорами (imperatoribus), как обещал господь предку их Исмаилу¹⁴ в книге Бытия. Из всех же народов татарских только более слабые, но ближайшие к нашим землям (regiones) перекопские опасны нам – как из-за отсутствия у нас бдительности, так и из-за близости и благоприятного расположения места, куда они

могут уйти (*resertaculum*). Ибо у перекопских [татар] есть место отступления, укрепленное самой природой. Ведь два болотистых озера, одно из которых называется Меотийским (*Meotis*)¹⁵, простираются от моря в[нутрь] суши примерно на тридцать миль (*milliaria*)¹⁶ в длину, а друг от друга они отстоят почти на столько же у истоков и на [всем] протяжении; концами же они сближаются друг с другом и разделяются узким перешейком; там, где они оканчиваются, они соединяются ровом и высоким валом, имеющим врата, которые являются единственным входом в эту землю (*provincia*) по суше. Посему и небольшая крепость (*castellum*), находящаяся у этих врат, и весь заключенный в этом заливе полуостров мы называем Перекоп (*Perekop*)¹⁷. Он прежде носил название Таврики (*Taurica*)¹⁸, ибо это место обитания и владения (*imperium*) трапезундских греков (*Graecorum Trapezuntinorum*)¹⁹, так что до сих пор сохраняют греки там свой греческий язык и веру (*religionem*). А полуостров этот омывается Понтийским морем (*mari Pontica*), которое в этой части называется Понтом Эвксинским (*Pontus Euxinus*)²⁰, и хотя положение его укрепленное, все же не настолько, чтобы все это — и широкие озера, и рвы, и высокий вал, и крепкая маленькая крепость — могли помешать продвижению мало-мальски обученного войска. И добираются до тех единственных врат Таврики от дальних крепостей Литвы (*Linvaniae*)²¹, Черкасс (*Czerkasi*)²² и Брацлава (*Braczlav*)²³ за шесть дней, идя всегда поросшими травой и повсюду очень ровными полями²⁴, на которых нигде не встречаются ни горы, ни леса, ни болота, ни трудные для переправы реки, кроме Борисфена (*Borysthenem*)²⁵. Так ведь и сама Таврика по эту сторону Альп (*Alpes*) и близ моря (*maritime*) повсюду покрыта горами и лесами, и ее ныне населяют коренные (*aboriginibus*) греки. В других же местах она, вся равнинная, населена здесь татарами и повсюду удобна и легка для жизни смертных; она весьма обильна хлебом, вином, мясом и солью²⁶. Ведь соль там в ямах, в наподобие крепкого льда от солнечного жара; во время летнего солнцестояния она сверкает в обилии своем, ничем не уступая хрусталу. И всякий злак и виноград родит там в изобилии земля, быв однажды вспахана и кое-как взборонена. А скот, рабочий и мелкий, даже и зимой живет на пастбищах и всегда пасется на воле. Ведь после того, как их оставляют, они, освобожденные от поклажи, изможденные и тощие там, в поле, снова тучнеют; пучки травы, добы-

тые копытами из-под снега, ничуть не хуже, чем у нас лучший корм и под крышей. Ведь и климат там помягче, а почвы где болотистые, где соленые. А травы, растущие там, более вкусные; они всегда зелены и превосходны для откорма скота; называются они *tipresz*²⁷. Вот почему рассказывают, что некогда там было такое многочисленное население. Да и поныне, хотя некоторые города там разрушены, все же размерами очертаний их и развалин они являют бывшее величие, а особенно тот, который мы некогда называли Солхат (Solhoth),²⁸ москвитяне (Mosci) – Крым (Krym), греки – Феодосия (Theodosia)²⁹, и старый стольный град (metropolis) Корсунь (Korsunij), князь (princeps) которого крестил народ рутенский и нарек его христианским³⁰, после же он стал добычей нашего народа и был разорен им³¹. Вот почему Киев (Kiwia) наш в мозаиках и инкрустациях храмов своих до сей поры хранит точные свидетельства об этом разграблении. А когда постепенно окрепла там сила татарская и разрослась поистине до размеров целого народа, то они выдвинули себе в князя (principem) Темиркутла (Temirkuthla),³² одного из соплеменников своих, и был он назван царем (caesar). А предки Священного Величества Вашего³³, поработив этих царьков (caesarianis), враждебных вассалов (vassalis) греков, давали им в цари подвластных себе татар из Литвы. А последний царь из Литвы Ачкирей (Aczkirei)³⁴, родившийся здесь близ Троков (Troki) и отсюда посланный в те владения (ad imperium) блаженной памяти Витовтом³⁵ (Withowdo), правя в Таврике, родил там сына Менгли-Кирея (Mengli-kirei)³⁶. Менгли-Кирей родил нынешнего царя Сап-Кирея (Sapkirei)³⁷ и братьев его, родившихся и правивших прежде: Махмет-Кирея (Machmethkirei)³⁸, Садет-Кирея (Sadetkirei)³⁹ и Хас-Кирея (Chaskirei)⁴⁰. Таким образом, знаменитое имя предка служит ныне всем потомкам, последовательно сменявшимся у власти. Ведь это тот род Киреев (Kireorum)⁴¹, насажденный там могучей десницей предков Священного Величества Вашего, который ныне в благодарность за свое преуспевание причиняет нам заботы. И вот уже славится Таврика и людьми, и властью пришельцев; однако ее города Манкуп (Mancup),⁴² Каффа (Caffa),⁴³ Керчь (Kereze),⁴⁴ Козлев (Kozlew)⁴⁵ и другие приморские города сохраняли свободу от них, пока, вот уже около семидесяти лет, не были взяты турецким (turcica) отрядом с помощью военной силы Константинополя (Constantinopolitanis).

2-й ФРАГМЕНТ

И хотя владеют перекопские [татары] скотом, обильно плодящимся, все же они еще богаче чужеземными рабами-невольниками, почему и снабжают ими и другие земли. Ведь у них не столько скота, сколько невольников. Ибо они поставляют их и в другие земли (*provenciis*). Ведь к ним чередой прибывают корабли из-за Понта и из Азии, груженные оружием, одеждой, конями, а уходят от них всегда с невольниками. Ибо все их торги (*emporía*) и места сбора податей (*telonea*) полнятся только товаром этого рода, на который к тому же у них всегда спрос, [он годится] и для торговли, и для залога, и для подарка, и всякий из них, по крайней мере имеющий коня, даже если на деле раба у него нет, все же, полагая, что всегда может приобрести их множество, обещает по контракту (*in contractibus*) с кредиторами (*creditori*) своими в назначенный срок заплатить им за одежду, оружие и резвых скакунов тоже живыми, но не конями, а людьми, притом нашими единокровными. И они спокойно дают такие обещания, как если бы в своих зверинцах и скотных дворах они всегда держали этих наших пленников. Вот почему один иудей там, в Таврике, у тех единственных врат ее, стоящи во главе таможни (*teloneo*), видя, что туда постоянно ввозится бесчисленное множество пленных людей наших, спрашивал у нас, все так же ли наши земли изобилуют людьми или нет и откуда здесь такое множество смертных.

КОММЕНТАРИЙ:

¹ В латинском тексте Михалон Литвин, следуя лишь одной из ветвей западной письменной традиции, употребляет искаженную форму этнонима – «тартары», – что в какой-то степени указывает на его малоосведомленность о содержании и реальной форме данного термина и на книжные источники его информации. В данной публикации было признано более целесообразным применение исторического варианта этого этнонима – татары. М.У.

² Авраам – легендарный родоначальник еврейских племен. Согласно библейской традиции (Быт. XI–XXV), родиной Авраама считается Ур. И. С.

³ Тюркское слово «орда» означало, как сообщает С. Герберштейн, «собрание» или «множество» (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988, с. 167 (далее – Герберштейн). В русском же языке этот термин первоначально означал «шатер», «ставку хана», центр улуса, а впоследствии – сам улус Джучи – Золотую Орду (Бога-

това Г. А. Золотая Орда // Русская речь. 1970. № 4. С. 70–77; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевая орда в улусе Джучи // Вести. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1970. № 5. С. 75–86). М. У., А. Х.).

⁴ Перекопские татары получили в ВКЛ (Великом княжестве Литовском – С.О.) название от «перекопа» – рва на Крымском перешейке, на Руси их звали крымскими. – М.У., А.Х.

⁵ *Ногаи* – тюркоязычная народность, относящаяся к кыпчакской группе, сложившаяся в XIV–XV вв. в результате смешения различных тюркских племен (половцев и преимущественно мангытов и кунгратов) на территории бывшего владения темника Ногая (ум. 1300 г.), к имени которого и восходит данный этноним. Подробнее см. прим. 639 к «Запискам» Герберштейн С. Указ. соч. С. 342). М.У.

Ногайская орда располагалась к востоку от Нижней Волги и занимала территорию от Северного Прикаспия и Приаралья до Туры и Камы и от Волги до Иртыша. Центр Орды – г. Сарайчик в низовье р. Яик (Поноженко Е. А. Общественно-политический строй Ногайской орды в середине XVII в. М., 1977; Kappeler A. Moskau und die Steppe: Das Verhältniss zu den Nogai – Tataren im 16. Jh. // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd 46. Berlin, 1992, S. 87–106). А.Х.

⁶ Астраханское ханство, татарское феодальное государство, на востоке граничило с Ногайской Ордой по р. Бузану, на юге его территория доходила до Терека, на западе – до Кубани и Дона, на севере – до г. Сарая. Астраханское ханство выделилось из состава Золотой Орды в XIV в.; окончательно обособилось ок. 1459–1460 гг.; первым правителем был Махмуд, брат хана Ахмата. Столица – г. Астрахань (Хаджи Тархан). Присоединено к России в 1556 г. (Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877; Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. М., 1955). М. У.

⁷ Неточность. *Танаис* – древнегреческое название не Волги, а Дона. И. С.

⁸ *Батый* (Бату, Саин-хан) (ум. 1255) – монгольский хан, сын Джучи, внук Чингис-хана. В 1236–1243 гг. возглавил поход в Восточную Европу. В 1236 г. завоевал Половецкую степь (Дешт-и Кыпчак), в 1237–1240 гг. – Русь, затем совершил поход на Польшу, Венгрию и Далмацию, но не смог захватить эти страны. После возвращения из походов в Европу (1243 г.) обосновался на Нижней Волге. В результате его завоеваний на территории от Иртыша до Дуная возникло государство Золотая Орда. В устье Волги Батый основал г. Сарай – столицу Золотой Орды (в восточных источниках – г. Сарай-Бату) (См. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2, 4. СПб., 1884, М./Л., 1941; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М./Л., 1950). М. У.

⁹ Над москвитянами и всеми рутенами – Согласно терминологии, принятой в ВКЛ, «москвитяне», «моски», «мосхи» – жители Московского княжества, а позднее и Русского государства. Противопоставление «москвитян» остальным русским – «рутенам», находившимся в ВКЛ, возникло в конце XV в., когда Иван III выдвинул претензии на все земли бывшего Древнерусского государства, населенные «русью» («русаками»). Отказывая этому князю в праве называться князем «всея Руси», литовские дипломаты и политические деятели признавали его лишь князем «Московии» (см. подробнее: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 100–102). А. Х.

¹⁰ Казанское ханство – феодальное государство в Среднем Поволжье на территории Волжско-Камской Булгарии – выделилось из состава Золотой Орды в 1438 г. Основателем династии казанских ханов был Улу-Мухаммед (1438–1445 гг.). Столица – г. Казань. Казанское ханство прекратило свое существование после казанских походов 1545–1552 гг. и взятия Казани русскими войсками в 1552 г. (Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1–4. СПб., 1863–1887; История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1955; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. М. У.

¹¹ Казахская Орда образовалась в середине XV в. в результате отделения от Узбекской Орды, получившей свое название от хана Узбека (ум. 1341), – группы кочевников во главе с сыновьями хана Барака Гиреем и Джанибеком, которые обосновались в Монголистане в долине реки Чу. К началу XVI в. Орда заняла значительную часть теперешнего Казахстана, к этому же времени относится объединение казахских племен в Казахское ханство. С 30-х гг. XVI в. термин «казах» стал применяться ко всему населению степей, входивших ранее в Узбекское ханство и расположенных к востоку от него районов (Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М., 1963; История Казахской ССР. Т. 1–2. Алма-Ата; Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1–2. Алма-Ата, 1961–1962). М. У.

¹² Бухара – в XVI в. резиденция династии Шейбанидов. Бухарское ханство – феодальное государство в Средней Азии в XVI – начале XX в. – образовалось в результате разгрома государства Тимуридов Шейбанидами. Название «Бухарское ханство» появилось в XVI в. после перенесения столицы из Самарканда в Бухару (История Узбекской ССР. Т. 1, кн. 1–2. Ташкент, 1955–1956). М. У.

¹³ Самарканд – город в долине р. Зеравшан. В IV в. до н.э. на месте Самарканда существовал город Мараканда (впервые упомянут в 329 г. до н.э.). В 1500 г. Самарканд был завоеван узбеками во главе с Шейбани-ханом. В середине XVI в. столица государства была перенесена из Самарканда в Бухару, и Самарканд вошел в состав Бухарского ханства (Вяткин В. Л. Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1927; История Узбекской ССР. Т. 1, кн. 1–2; Пугаченкова Г. А. Самарканд. Бухара. М., 1961). М. У.

¹⁴ Исмаил (Измаил) – согласно библейской традиции, сын Авраама и рабыни-египтянки Агари; Коран называет его родоначальником арабских племен; считался предком и других кочевых народов. М. У. Ссылка Литвина неточна. Правильнее: Быт. 16. А. Х.

¹⁵ ...озеро ...называется Меотийским. Меотида – название Азовского моря у древних греков и римлян, восходит к местному этнониму – меоты. А. Х.

¹⁶ ...на тридцать миль. Миллиарий – римская мера длины, составляющая тысячу шагов; миля. С. Д.

¹⁷ ...крепость... Перекоп – свое название получила от рва, прорытого на перешейке, соединявшем полуостров Крым с материком. С. Д.

¹⁸ Таврика – южная часть Крымского полуострова, названная по имени тавров – древнейших племен, упоминаемых античными источниками на этой территории. В средневековых источниках Таврика означает Крымский полуостров. С. Д.

¹⁹ ...владение трапезундских греков – Трапезундская империя возникла на северо-востоке Малой Азии в процессе распада Византийской империи и существо-

вала в 1204–1461 гг., столица – г. Трапезунд (совр. Трабзон). В 1461 г. завоевана султаном Мехмедом II и превращена в провинцию Османской империи (Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1926; Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. Miller W. Trebisonid, the last Greek Empire. L., 1926). И. С.

²⁰ Понтийское море, *Понт Эвксинский* – античное название Черного моря, употреблявшееся также в средневековых источниках. В русских летописях, начиная с Повести временных лет, встречается название Понтьское море. И. С.

²¹ Литвой автор именует ВКЛ (Великое княжество Литовское – С. О.), в состав которого в XVI в. входили и украинские земли. С. Д.

²² Черкассы впервые упоминаются в 1282 г. В первой трети XIV в. вошли в состав Литовского княжества; являлись оборонительной крепостью (Яковлів Ф. Намісники державці и старости господарського замку Черкаського в кінці XVI ст. Київ, 1907). В 1532 г. подверглись нападению крымского хана Саадат-Гирея, после чего крепость была восстановлена в 1549 г. (Малиновский И. История панно-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. С. 185–189). Ю. М.

²³ *Брацлав* (в настоящее время поселок городского типа в Винницкой обл.) – впервые упоминается в армянских летописях уже в 1059 г. в числе городов, с которыми армянские купцы вели торговлю; в русских летописях XII в. – Браславль. После захвата Подолья вел. кн. лит. Ольгердом в 1362 г. здесь сооружена крепость, разрушенная в результате набега татар в 1479 г. и восстановленная в 1479 г. по приказу вел. кн. Александра Казимировича. После присоединения украинских земель к Польше в 1569 г. – центр Брацлавского воеводства. По второму разделу Польши (1793 г.) перешел к России (Григоренко Г. Город Брацлав и его храмы. Каменец-Подольск, 1896; Малаков Д. В. По Брацлавщине (от Винницы до Тульчина). М., 1982). С. Д.

²⁴ ... *всегда поросшими травой и повсюду очень ровными полями* – Литвин имеет в виду причерноморские степи. Арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший в 1333–1334 гг. Золотую Орду, писал о них: «Степь эта зеленая, цветущая, но нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема» (Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 279). И. С.

²⁵ *Борисфен* – название Днепра в античности и в эпоху Возрождения в латиноязычной литературе. С. Д.

²⁶ ...*обильна...солью* – Итальянский купец Барбаро, посетивший Крым в XV в., описал «соляные озера» в Крыму около Перекопского перешейка: «Там (около перешейка к острову Каффы) находятся огромнейшие соляные озера, которые непосредственно тут же на месте и застывают» (Барбаро И. Путешествие в Тану / Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 154). Фламандский путешественник Рубрук (1253 г.) сообщал, что татары получают большие доходы с налогов на соль, а также о том, что к Перекопу приезжают за солью со всей Руси (Плано Карпини. История монголов; Рубрук де Г. Путешествие в восточные страны. М., 1957 (далее – Плано Карпини, Рубрук. Указ. соч.). С. Д., И. С.

²⁷ *Типеч* – очевидно, искаженное слово от тюркского корня «теп/тип» – в значении «ягать, бить ногами», в переносном значении – «добывать копытами траву из-под снега». Имеются ранние русские заимствования – тибеновать (добывать траву)

и тебеновка (зимнее пастбище). У Литвина тюркское «тибин» превратилось в русское «типеч». М. У. Рубрук, описывая черноморские степи, также отмечает, что они покрыты превосходной травой.

²⁸ *Солхат* (Старый Крым) возник еще в античную эпоху; его название, возможно, восходит к искаженному армянскому названию Сурб Хач (Святой крест) (Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Л., 1964. С. 170). Литвин заблуждается, полагая, что Солхат, Феодосия и Корсунь – один и тот же город. И. С.

²⁹ Феодосия – основана выходцами из древнегреческого города Милета в середине VI в. до н. э. Во второй половине XIII в. генуэзцы основали там торговую факторию Кафу. В 1475 г. Кафа (Каффа, ал-Кафа) перешла к туркам. И. С.

³⁰ *Корсунь* (Херсонес, Херсон) – основан в 422–421 гг. до н. э., в V–XI вв., самый крупный город Причерноморья. С начала IX в. вступает в непосредственные связи с Русью. С 30-х гг. X в. Херсонес – центр византийской фемы (области) в Крыму, в 989 г. был захвачен киевским князем Владимиром Святославичем. Взятие Херсонеса было связано с введением христианства на Руси. Владимир Святославич помог Византии подавить восстание в Малой Азии, но византийский император отказался скрепить союз с Русью династическим браком своей сестры с киевским князем. Захват Владимиром Херсонеса заставил Византию выполнить свое обещание. Христианство было введено на Руси в качестве государственной религии около 988–989 гг. (Бело Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948; Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906; Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. М., 1991; Беляев С. А. Теперь я узнал истинного Бога // Наука в СССР. 1990. № 1 (55). С. 84–91; Shepard G. Some remarks on the sources for the Conversion of Rus // Le origini e lo sviluppo della christianita slavo, – bizantina. Roma, 1992. P. 59–95). И. С.

³¹ По мнению Р. Батуры, упомянутое Михалом вторжение литовцев в Крым могло произойти в конце XIV в., во время походов вел. кн. Витовта против татар (Batura R. Lietuva tautu kovoję prieš Aukso Orda. Vilnius, 1975. P. 299). Согласно другой точке зрения, такой поход литовцев мог состояться в 1363 г. при Ольгерде Гедиминовиче, великом князе литовском, в 1345–1377 гг. (Там же. С. 240–241). И. С.

³² *Темиркутл* (Темир Кутлук, Тимур-Кутлуг) – хан Золотой Орды в 1305–1401 гг. М. У.

³³ Здесь и далее Литвин обращается к Сигизмунду I Старому (1467–1545), который в 1506–1545 гг. был королем польским и в 1506–1544 гг. – великим князем литовским. С. Д.

³⁴ *Ачкирей-хан* – Хаджи-Гирей бин Гияс ад-дина бин Таш-Тимура, хан Крыма ..., основоположник крымской династии Гиреев. О помощи литовских князей и короля Польши Хаджи-Гирею при утверждении его в Крыму сохранилась значительная письменная традиция той эпохи (АЗР. Т. I. СПб., 1848. С. 119 и др.). М. У. Активное вмешательство в ордынские дела являлось со времен вел. кн. Витовта одним из важных элементов внешней политики ВКЛ. При поддержке Витовта пытался вернуть себе власть в 1399 г. хан Тохтамыш, когда престол на короткое время захватил его сын Джелал-эд-Дин (участник Грюнвальдского сражения 1410 г.). Хаджи-Гирей начал борьбу за Крым еще в 30-е гг. XV в.; потерпев неудачу, он бежал в Литву и, согласно хронике Быховца, получил от вел. кн. Сигизмунда Кейстутовича во владение г. Лиду (ПРСЛ. Т. 32. М., 1975. С. 160). По сообщению ряда

хроник, Хаджи-Гирей был отправлен в Крым в 1443 г. вел. кн. Казимиром по приглашению ширинских и барынских мурз в сопровождении литовского земского маршала Миколая Радзивилла. М. Стрыйковский добавляет, что Казимир еще в Вильно торжественно короновал своего ставленника на ханство (Strykowski M. O poezatkach, wywodach, dzielnosclach, sprawach rycerskich I domowych slawnego naroda litewskiego, zemojdzkiego I ruskiego // Oprac. J. Radsiszewska. W-wa, 1978. S. 433–434). Окончательно утвердившись в Крыму в 1449 г., Хаджи-Гирей проводил политику союза с ВКЛ. Сведения Литвина о рождении Хаджи-Гирея в Литве звучат довольно правдоподобно; уже в конце XIV – начале XV в. там действительно возникли поселения татар, служивших князьям ВКЛ; но по другим данным, уроженцем Литвы был соперник Хаджи-Гирея Сед-Ахмед (Сеид-Махмет), внук Тохтамыша, изгнанный из Крыма в 1449 г. и умерший в Литве, в г. Ковно (совр. Каунас) (Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы в XIV–XVI вв. М., 1963. С. 123–124). Не исключено, что Литвин приписывает Хаджи-Гирею факт из биографии Сеид-Ахмеда, путая двух крымских ханов, живших в Литве. С. Д.

³⁵ *Витовт* (Александр) (1350–1430) – вел. кн. Литовский. С1392 г. боролся за независимость ВКЛ от Польши, вел активную завоевательную политику на востоке. В 1404 г. захватил Смоленск, совершал походы на Псков и Новгород, вел борьбу против Тевтонского ордена, над которым соединенное польско-литовское войско одержало победу при Грюнвальде в 1410 г. Его противоборство с Крымским ханством было менее успешно. А.Х.

³⁶ *Менгли-Кирей* – хан. Менгли-Гирей (ум. 1514), крымский хан в 1466–1474, 1475–1476 и в 1478–1514 гг. Сын основателя династии Гиреев – Хаджи-Гирея, муж (с 1487 г.) влиятельной казанской и крымской царицы Нур-султан (Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и прим. П. А. Грязневича. М., 1971; Inalcik H. Giray Islam ansiklopedisi. Istambul, 1945). М. У.

³⁷ *Сап-Гирей* – хан Сагиб-Гирей (Сахиб-Гирей – С.О.), сын крымского хана Менгли-Гирея и Нур-султан; казанский хан в 1521–1524 гг., крымский – в 1532–1551 гг. М.У.

³⁸ *Махмет-Кирей* – хан Мухаммад-Гирей I, сын Менгли-Гирея, крымский хан в 1514–1523 гг., проводил активную антирусскую политику (Сыроечковский В. Т. Мухаммед-Гирей и его время // Учен. зап. МГУ. Вып. 61. Т. 2. М., 1933). М. У.

³⁹ *Сагат-Кирей* – хан Саадат-Гирей, сын Менгли-Гирея и царицы Нур-султан, крымский хан в 1524–1532 гг. М. У.

⁴⁰ *Хас-Кирей* – имеется в виду крымский хан Газы-Гирей (Гази-Гирей – С.О.) I, сын Мухаммад-Гирея I, правил менее года (1523–1524). Следует заметить, что правописание личных имен крымских ханов и султанов у Михалона полностью соответствует нормам, зафиксированным в западнорусских письменных источниках, что, возможно, указывает на письменный характер источников информации автора. М.У.

⁴¹ ...*род Киреев* – очевидно, имеется в виду династия Гиреев (Гираев). О происхождении и содержании слова «гирей» точных сведений нет; возможно, оно восходит к этнониму – названию рода и племени гирей (кирей), так как роды с подобным названием до недавнего времени встречались среди тюрок Средней Азии, Казахстана и Западного Китая: кирей, кара-кирей, сары-кирей и т. д. Согласно преданиям тюркоязычного населения Крыма, воспитателем (аталыком) царевича, будущего основателя династии, был человек, принадлежавший к роду Гиреев. Начиная со вре-

мен Менгли-Гирея, сына Хаджи-Гирея, этот компонент имени стал даваться каждому царевичу как часть двухсоставного имени. М.У.

⁴² Манкуп (Мангуп, Мангуп-Кале, Манкоп, Ман Кермен) – древний город и крепость, развалины которой сохранились близ Бахчисарая в Крыму. Возник около VI в. н.э. как один из городов крымской Готии; местопребывание епископа. В XIII в., после покорения Крыма татарами, готы удержались в Мангупе, который до XV в. управлялся своими князьями. Один из них, по сведению летописей, сватал свою дочь за сына вел. кн. Ивана III. В 1492–1493 гг. Мангуп был взят турками. Пришел в упадок после пожара 1592–1593 гг., к XVIII в. был окончательно покинут населением. С. Д.

⁴³ Каффа – совр. Феодосия (переименована в 1783 г.). Основана в VI в. до н.э. В XIII–XV вв. – генуэзская колония. В 1475 г. захвачена турками. А. Х.

⁴⁴ Керчь (в древности Пантикапей) – город в Крыму, основан в VI в. до н.э. В V–IV вв. до н.э. – столица Боспорского государства; в X–XI вв. входил в состав русского Тмутараканского княжества; в период татаро-монгольского нашествия подчинился Генуе; в 1475 г. после захвата турками стал опорным пунктом их владычества в Крыму. С. Д.

⁴⁵ Козлев (правильнее Кезлев и Гёзлев) – татарское название крымского города Евпатории; восходит к тюрко-татарскому корню «кезлеву (кёзлэу)» в значении «родник», «источник». Это единственный случай отражения в сочинении Литвина исторической топонимии Крыма первой половины XVI в. в местной форме. М. У.

* * *

Список ханов, правивших в Крыму в 1419–1436 гг.

Составлен А.Л. Пономаревым по материалам счетов генуэзского казначейства Кафы. Именно эти генуэзские источники помогли исследователям упорядочить свои представления о власти в этом районе Золотой Орды в «темный» период истории полуострова.

Бек Суфии (1419 – весна 1420 г.)

Улуг-Мухаммед (весна 1420 г.)

Бек Суфии (лето 1420 – сентябрь 1421 г.)

Междуцарствие (сентябрь 1421 – ноябрь 1422)

Девлет-Берди (ноябрь 1422 – ноябрь 1423 г.)

Междуцарствие (ноябрь 1423 – 11 января 1424 г.)

Девлет-Берди (11 января – 12 июня 1424 г.)

Улуг-Мухаммед (12 июня – 23 (?) августа 1424 г.)

Девлет-Берди (23 (?) августа 1424–14 мая 1425 г.)

Улуг-Мухаммед (14 мая 1425 – февраль 1426 г.)

Междуцарствие (февраль – апрель 1426 г.)

Девлет-Берди (12 (?) апреля 1426 г.)

Улуг-Мухаммед (июнь-июль 1427–1436 г.).

См. Пономарев А. Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Кафы // Золотоордынское обозрение, 2013, № 2.

* * *

Письмо золотоордынского хана Улу-Мухаммеда турецкому султану Мураду II (март 1428 г.)

Милостью всевышнего бога, знамением пророка Мухаммеда.

От Мухаммеда¹ гази Мураду². Мир Вам и поклон.

Наши прежние братья-ханы и Ваши отцы, султаны вилайета Рум ... неоднократно посылали друг другу послов, обменивались подарками и приветствиями, вели торг через купцов-уртаков и находились в хороших отношениях. Затем наш брат-хан Токтамыш-хан и Ваш дед гази Баязид-бек³, в соответствии с добрым старым обычаем, обменялись послами, подарками, приветствиями и, пребывая в дружбе и согласии, удостоились милости господней. Затем, когда всевышний милостью своей вверил высокое место наших прежних братьев-ханов нам, ... вспыхнула вражда, и в последнее время события развивались так, что престол достался Бараку. В позапрошлом году, с божьей милостью, войско двинулось в поход, и мы обратили в бегство Барака⁴ и Мансура.⁵ Трон и царство [всевышний] вручил нам, они же бежали прочь, собрав наемные свои отряды. Вот уже в течение одного-двух (последних) лет для зимовки мы прикочевываем к Озю⁶. Мы не снаряжали к Вам человека, полагая, что если мы его пошлем, Улак⁷ его

не пропустит. Мы знали, что от Вас водным путем к нам отправлен человек. Как случилось, что не прибыл? О вашем пребывании в добром здравии и благополучии мы узнали от Хаджи Ибад тюрка⁸ (?). Теперь... нам двоим... один век..., поскольку дал царство, установим с помощью всевышнего, по обычаю наших добрых предков, добрые отношения друг с другом. Если мы будем обмениваться послами, подарками и приветствиями, если будут посещать друг друга наши купцы-уртаки, то разве это не будет благом? [Ведь все] проходяще, а это останется на веки веков. Сообщите, как лучше удалить ту часть подвластных Улаку неверных, которые находятся между нами. Пусть по суше и по воде ездят купцы-уртаки и неимущие бедняки добывают средства к существованию. Еще для того, чтобы Хаджи Ибад тюрк поехал и справился о Вашем здоровье⁹, мы с ним отправили письмо-приветствие, полагая, что Вы знаете его как мудрого человека (?), и мы отправили письмо-приветствие. Написано в год обезьяны, в Орде, на берегу Озю, двадцать седьмого дня, месяца джумади ал-авваль, года восемьсот тридцать первого (14 марта 1428 г.). 831 год.

Это письмо является единственным из дошедших до нас документом золотоордынской переписки первой половины XV в. с Османской империей. Написано оно на чаготайском языке, хранится в стамбульском архиве Топкапы (№ 10202). Оно было дважды опубликовано турецким ученым А.Н. Куратом (1937, 1940). На русский язык переведено Т.И. Султановым (Тюркологический сборник 1973. М., 1975, с. 54–55; поправки к тексту, описание внешнего вида документа, примечания см. там же, а также еще у того же автора в Тюркологическом сборнике 1975, М., 1978 и у Малова С.Е. 1953, с. 188. Новый перевод письма опубликован в Гасырлар Аvasы // Эхо Веков. Казань. 1996, № 1/2, с. 28–34. Содержание письма подробно проанализировал И.В. Зайцев (2004–1, с. 49–65).

КОММЕНТАРИЙ

¹ Мухаммедом здесь именуется себя ордынский хан Улу-Мухаммед.

² Османский султан Мурад II (1421–1451).

³ Османский султан Баязид I Йилдырым (1389–1402). Именно при нем в преддверии угрозы нападения Тимура была сделана попытка оформления военного союза Золо-

той Орды, Мамлюкского Египта, Османской империи и правителя Сиваса Ахмеда Бурхан ад-Дина. Попытка не удалась. Всех своих противников Тимур сумел разбить поодиночке. Как предполагает И. В. Зайцев, данное письмо «выглядит как первое официальное послание, призванное восстановить дипломатические отношения после длительного перерыва» (Зайцев И. В. 2004–1, с. 52).

⁴ Улу-Мухаммед сообщает турецкому султану о той междоусобной борьбе, которую ему пришлось вести, добываясь ордынского трона. Его соперник Барак – выходец из узбекского улуса. С помощью Самаркандского Улугбека выступал претендентом на золотоордынский трон. В 1423–1426 гг. ему удалось, свергнув Улу-Мухаммеда, утвердиться в Сарае. Борьба, однако, продолжалась, и к 1426 г., по сведениям арабских источников, в Дешт-и Кыпчак воцарилось уже три хана: «Один из них, по имени Девлетберди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммед-хан, завладел Сараем и прилегающими к нему землями, а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка» (Тизенгаузен В. Г., т. 1, с. 534). Улу-Мухаммеду удалось вернуть свою власть над западными районами Золотой Орды. Девлет-Берди остался подчиненным ему «Салхатским» правителем. Барак продолжал еще несколько лет ханствовать на востоке Дешт-и Кыпчак, пытаясь расширить свои владения за счет земель Тимуридов (Бартольд В. В. Улугбек и его время. Т.II, ч. 2. М., 1964).

⁵ Мансур – сын Едигея, был союзником Барака в борьбе с Улу-Мухаммедом. Позднее пал в борьбе уже с этим своим патроном (Султанов Т. И., 1975, с. 59).

⁶ Озю – Днепр. Показательно, что именно в этом районе были тогда зимовки золотоордынского правителя. Из низовий Днепра легче было держать в повиновении Крым и получать помощь Литвы в борьбе с соперничавшими с Золотой Ордой ханами восточных степей.

⁷ Улак, правильное Эфляк – турецкое название Валахии. Хотя валашский господарь Мирча Старый (1386–1418) и начал к этому времени платить дань Османской империи, вассальные отношения княжества все еще окончательно не утвердились. Как видим, Улу-Мухаммед предлагал султану свое сотрудничество в окончательном подчинении княжества. Именно в этом районе начинают смыкаться владения Османской империи и Крымского ханства.

⁸ Хаджи Ибад тюрок – курьер-посланник, возивший дипломатические послания между османским султаном и ордынским ханом.

⁹ Дипломатическое клише – обращение к правителю: приехал «справиться о Вашем здоровье» или «здоровья Вашего видети». Общепринятая (по крайней мере в османско-тюркском мире) в то время формулировка, означающая установление дипломатических отношений.

Глава 2

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ИНТЕРЕСЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Становление османской державы имело в своей основе тюркомусульманскую миграцию в Малую Азию, происходившую в XI–XIII вв.

Первая волна этого миграционно-завоевательного движения, вышедшего в XI в. из Средней Азии, включала в себя тюркско-огузские племена, возглавляемые родом Сельджукидов. Ими были завоеваны Хорасан, Иран, ближневосточные арабские территории, началось проникновение в пределы принадлежавшей тогда Византии Малой Азии. Формировалось новое государство так называемых Великих Сельджукидов. Его особенность состояла в том, что, сокрушая при своем становлении местные династии и государства и создавая там свой новый господствующий класс, Сельджукиды, насколько это было возможно в условиях боевых действий, пытались сохранить для себя источники доходов, питавшие их предшественников. Практически это выливалось в то, что своих соплеменников, подвижных скотоводов и воинов, правители этой державы побуждали отправляться все далее на запад на завоевание новых земель, уберегая этим прежнее оседлое население, за которым сохранялась обязанность платить ранее принятые в их местах налоги. В результате такой политики, оставив почти повсеместно по региону Ближнего Востока тюркские анклавы, компактные массы тюрок скапливались в местах, наиболее отдаленных от истоков их первоначального движения, т. е. там, где на их пути встретились непреодолимые препятствия, — а именно в Азербайд-

жане и Малой Азии (это наблюдение В.В. Бартольда наиболее четко сформулировано в его черновиках (см. Умняков И.И., Туманович Н.Н. 1976, с. 265–269; Еремеев Д.Е., 1971, с. 76; Орешкова С.Ф., 1999, с. 475).

В Малой Азии, столкнувшись с Византией и победив армию императора Романа Диогена в битве при Манцикерте (1071), турецкие пришельцы начинают постепенно проникать на византийскую территорию. Однако полностью сокрушить Византию было им тогда не под силу.

К тому же к этому времени турецкий миграционный поток явно стал иссякать, а сами оседавшие в Малой Азии турецкие военно-племенные объединения, находясь на далеких окраинах государства Великих Сельджукидов, постепенно теряли связь с центром. Они перестают участвовать в той междоусобной борьбе, которая все более и более потрясала это государство, и оказываются вынужденными строить свое благополучие на новых территориях, приспособляясь к имевшимся там до них социальным отношениям и местным обычаям.

Византийские власти, привыкшие к варварским вторжениям, надеялись, что и турецкое соседство они сумеют пережить, включив постепенно и этих варваров в свою цивилизацию. Какой-либо решительной борьбы с турецким проникновением на свою территорию они не вели.

Идейным знаменем турецкого миграционного движения XI в. был ислам суннитского толка и, как правило, ханифитского мазхаба, считающегося наиболее гибким из всех мусульманских религиозных направлений. Ислам и христианство – это религии одного корня. Те социальные идеи, которые вместе с исламом восприняли турки, во многом были заимствованы из византийской практики социальных и управленческих отношений в Сирии, Палестине, Египте и усвоены этой религией еще в эпоху Омейядов. Турки-мусульмане поэтому по своим жизненным представлениям не были абсолютно чуждыми местному населению. Они не просто завоевывали, а хозяйственно осваивали территории, подчиняя население вместе с его социально-административной организацией. Шло

некое «варварское» влияние в византийскую общественную структуру. В Византии же отвоеванные тюрками земли долгое время не считали окончательно потерянными.

Азиатские пришельцы создавали на землях Анатолии свои собственные государственные образования, наиболее известным из которых стало государство Сельджукидов Рума (позднее называемое Конийским или Иконийским султанатом), постепенно подчинившее себе все другие племенные объединения, нашедшие приют в малоазиатском регионе (Гордлевский В.А., 1960). Конечно, во взаимоотношениях с местным населением были конфликты и хозяйственно-территориальные споры, какая-то часть местных христиан принимала ислам, а значительные группы христианского населения вынуждены были переселяться на запад Анатолии или на Балканы и т. п. Однако на всем протяжении XI–XII вв. христианское население (т. е. бывшие византийские подданные) и в сельджукской державе Анатолии оставалось в большинстве и было главной материальной опорой нового государства. Этнической ситуации в Анатолии и постепенному изменению этнической картины региона посвящена блестящая фундаментальная работа американского исследователя С. Вриониса (Vryonis S., 1971). Мы же отметим лишь, что уже в период Крестовых походов, когда тюрки были вынуждены потесниться и перенести центр своего государства из Никеи в Конью, оказалось, что к этому времени они сумели сродниться с новой родиной и местным населением. Как пишет академик В.А. Гордлевский, специально изучавший этот период, «крестоносцы своим поведением – насилиями, грабежами – так раздражали в Малой Азии население, что местные князья, забыв о пропасти, которую церковь кладет между христианами и мусульманами, обращались к Сельджукидам и объединенно выступали против крестоносцев. Таким образом, на Востоке временно образуется единый блок, направленный против крестоносцев, когда предстоит выбор между крестоносцами и турками, предпочтение туркам отдают часто и армяне, и византийцы» (Гордлевский В.А., 1960, с. 51).

На протяжении полутора веков в регионе наблюдается мирное сосуществование тюрок и византийцев, мусульман и христиан, пришлых и обитавших здесь ранее народов с разными хозяйствен-

ными, социальными и культурно-религиозными традициями (см. Turan O., 1953, с. 65–199; Cahen Cl., 1994, с. 47–89; Шукуров Р.М., 1995, с. 89–93 и др.). Для тюркских кочевников это было хорошей школой приспособления к оседлой жизни и усвоения многого из византийской практики общественного устройства. Известный византинист Г.Г. Литаврин называет это время «мирным симбиозом православия и ислама», которым были увлечены и Византия, и Сельджукиды Рума (Византия между...1999, с. 517). Показателем единообразия местных и складывавшихся вновь государственных структур может служить то, что были государственные деятели, которые служили как Сельджукидам, так и Византии, мирно переходя с высокой должности в одном государстве на не менее высокую в другом (см. статью Коробейникова Д.А. в «Византия между...», 1999). Кстати отметим, что представления об общности интересов не были изжиты и позже. Известно, что тюркские отряды привлекались различными претендентами на византийский престол в их внутреннюю междоусобную борьбу вплоть до XV в. (см. История Византии, 1967; Köprülü M.F., 1935; Жуков К.А., 1988). Тюрки, следовательно, стали для региона своими, привычными соседями, которых можно было использовать при решении внутренних проблем. Для самих же тюрков это общение не прошло даром. Византийская выучка помогла им в их дальнейшей истории.

В XIII в. ситуация резко изменилась. Малой Азии достигла вторая волна миграции с Востока, столь мощная, что вместе с первой их можно назвать еще одним Великим переселением народов. Особенностью нового миграционного потока было то, что в это время от монгольского разорения тронулись в путь со своих обжитых мест не только кочевники-скотоводы, составлявшие основную массу переселенцев XI в., но и горожане и оседлые земледельцы, вынужденные искать в Малой Азии (этой окраине тогдашнего исламского мира) убежище и новую территорию для проживания.

Пришельцы XIII в. представляли собой очень неоднородную массу, разнящуюся этнически (при преобладании тюрков включали в себя также персов, арабов и др.), социально (не столько кочевники, сколько люди, более склонные к оседлой жизни) и даже религиозно.

Большинство из них исповедовало не традиционный для тюрок суннитский ислам, а были приверженцами различных исламских толков, порой далеких от ортодоксии. С ними шли многочисленные дервиши, суфийские наставники, а то и просто племенные баба, проповедующие «богатырское удалство» (алперенлик) в борьбе за веру (История Османского государства ... с. 6), не освоив даже основ мусульманской религии (Меликофф И., 2005, с. 271). При всей своей разнородности все эти новые пришельцы с Востока воспринимались в Малой Азии как племена туркменов (туркманов, туркоманов). На Юго-Востоке Турции именно так и в настоящее время именуют проживающие там сообщества, сохраняющие родоплеменные связи.

С новыми мигрантами изменился и общий идеологический настрой тюркского населения Анатолии. Был забыт царивший ранее здесь дух взаимотерпимости и умеренности в религиозных притязаниях друг к другу. Обострилось противостояние религий. Попытки византийских властей договориться с монголами воспринимались как предательство. Историки констатируют, что тогда «союз христианских церквей с враждебными исламу монголами ... укрепил мусульманское большинство в его неприятии и презрении к «людям Писания» (Грюнебаум, 1988, с. 153). Отсюда агрессивный настрой и активное стремление к завоеванию земель неверных.

В менталитете анатолийских тюрок по-новому стало истолковываться традиционное для ислама (см. Кямилев С.Х., 1987) понятие «справедливости» («адалет») (Ahmedi, 1983). Утеря прежних мест обитания делала в глазах беглецов справедливым завоевание ими новой территории, использование ее для собственного жизнеустройства и борьбу с христианами за земли, которые должны стать для завоевателей новой родиной. Эту черту их менталитета хорошо подметил известный христианский богослов XIV в. Г. Палама: все они «вследствие какого-то безумия полагают, что Бог одобряет их действия» (цит. по Экономцев И., 1989, с. 282; о Г. Паламе и османах см. Прохоров Г.М., 1972).

Ислам с его идеями газавата и джихада, т.е. борьбой за торжество ислама, оставался объединяющим лозунгом и знаменем борьбы, но понимание сути этой борьбы стало иным. На второй

план отходит такое понятие, как иля-и келиметуллах – распространение истинной веры на неверных. Объектом дар уль-джихада (т. е. тем местом, где шла священная война) становятся Западная Анатолия, а потом и Балканы, т. е. Румелия, как они ее называли (Рум эли – страна румов, ромеев, византийцев). Не случайно позднее за былые заслуги в деле джихада традиционно глава этой области, эялета, – румелийский бейлербей считался в Османской империи главенствующим среди других провинциальных бейлербеев. (История османского государства..., с. 154, 180). Именно этот регион становится постепенно той территорией, где формировалась структура нового государственного образования турок. Представление же о справедливости их завоеваний сохранялось в менталитете турок вплоть до конца XVII века.

Государство Сельджукидов Рума в первые десятилетия XIII в. продолжало свое территориальное расширение. В 1214 г. оно овладело городом-портом Синоп, а оттуда в 1223 г. по приказу султана Ала эд-дина Кей-Кубада I один из его подчиненных, бей Кастамону Хюсамеддин Чобан, предпринял морской поход в Крым. Преодолев сопротивление половцев и русского отряда из Тмутаракани, эмир Чобан сумел утвердиться в Судак (называемом ранее Согдеей, Сурожем, Солдайей). Власть Сельджукидов в этом районе и оживление торговых связей Крыма с тюркской частью Малой Азии продолжались, однако, недолго. Уже в 1239 г. Крым был завоёван монголами (Гордлевский В. А., 1960, с. 31, 57; Смирнов В. Д., 2005, с. 55). Несмотря на это, однако, среди населения прибрежного Крыма сохранился появившийся здесь в сельджукские времена малоазиатский тюркский этнический компонент. К тому же в период монгольского владычества в эти же крымские районы переселились еще и другие значительные группы малоазийцев, считавшие своим знаменем легендарного Сары Салтыка. Южное побережье, как писал В. Д. Смирнов, оказалось занятым «поселенцами тюркского племени, но только не собственно так называемыми татарами, которые предпочитали гнездиться в глубине полуострова, оставляя побережье в пользу родственных пришельцев и христианских насельников». Правда, татаро-монголы «время от вре-

мени напоминали о своей власти в этих окраинах» (Смирнов В.Д., 2005, с. 68).

К концу XIII в. в Крым проникли и «морские акулы» (так назвал их В.А. Гордлевский, 1960, с. 57) – генуэзцы, а за ними и венецианцы. Объяснялось это тем, что к этому времени на громадных просторах от Китая до Черного моря установилась единая власть монголов, водворилась относительная безопасность, а потому торговые пути сдвинулись на север – к Черному морю и Крыму (там же, с. 60).

В Малой Азии государство Сельджукидов Рума, ослабленное последними предмонгольскими миграционными вторжениями, не сумело противостоять достигшим и его к 40-м годам XIII в. монголам. Разбив сельджукские войска в битве у Кесе-дага (1243 г.), монголы произвели в их стране страшные опустошения, разрушили многие города, истребили или угнали в плен десятки тысяч жителей. Подорвав власть Сельджукидов, они породили в регионе политическую раздробленность. Формально как вассал монгольской державы Ильханов (Хулагидов) сельджукское государство еще более полувека продолжало существовать (до 1307 г.), но фактически Анатолия распалась на множество бейликов (территориальных владений, эмиратов, княжеств), каждый из которых сам строил свои отношения с соседями (с Сельджукидами, монгольскими владельцами, другими тюркскими бейликами, византийцами) и свою внутреннюю жизнь. К началу XIV в. особую активность начинает проявлять окраинный, северо-западный бейлик бея Османа, оказавшийся на переднем плане борьбы с неверными (подробнее о периоде бейликов см. Еремеев Д.Е., Мейер М.С., 1992, с. 72–113; Жуков К.А., 1988; *Osmanlı beyliği (1300–1389)*, 1997).

Мигранты XIII в., размещаясь среди местного населения, сохраняли на первых порах племенные формы социальной организации. Это были объединения вокруг удачливого боевого командира или вождя какого-то племени, сумевшего получить от того или иного сельджукского правителя, а позже монголов и их наместников земли в качестве икта (кормления, даваемые лично бею) или уджа, т.е. земель в пограничных районах, выделяемых для рассе-

ления племени и создания ему некой базы для дальнейших завоеваний соседних земель неверных. Уджи – это традиционный для Сельджукидов вид пограничных пожалований. Сами Сельджукиды Рума считались когда-то владельцами уджа в Анатолии, предоставленного им Великими Сельджукидами (см.: Гуссейнов Р.А., 1979, с. 32–38). Внутри племен, уджей, бейликов степень социального расслоения могла быть различной и порой очень отличаться от традиционно племенной. Были и неустроенные, «племена без корней, продававшие свою службу тому правителю, кто заплатит больше» (Shaw St., 1976, p. 13) или предоставит какие-то иные возможности для постоянного размещения.

Согласно преданию, некий Эртогрул, предводитель небольшой (в 400 шатров) группы кочевников, происходивших из племени кайа, получил для своего племени от румского султана Алаэддина Кей-Кубада I (1219–1236) удж, расположенный в районе Сегута, на границах с византийскими владениями. Известно также, что после смерти Эртогрула уджбеем и вождем племени стал его сын Осман (1258–1324) (Ашикпашазаде, 1913, с. 3–4). Именно при нем этот бейлик и превратился в тот центр, который привлек множество неустроенных переселенцев к борьбе за новые земли, выступив не просто как организатор пограничных набегов воинов-удальцов (алпов), но и как гази, т. е. опираясь на исламское единение и желание бездомных масс обрести новую родину (Кёпрюлю М.Ф., 1939, с. 69).

Первые военные действия османского бейлика были направлены против западных малоазиатских владений Византии, где в это время после ликвидации последствий четвертого крестового похода и возвращения византийской столицы из Никеи в Константинополь произошло значительное сокращение населения, упало хозяйственное значение этих территорий, ослабело внимание имперских властей к их обороне. Знаменательно, что ряд византийских приграничных командиров, оказавшись не у дел в византийской пограничной службе, нашли себе занятие в османском бейлике, став впоследствии родоначальниками известных семей беев-гази, таких как Михал-оглу, Эвренос-оглу и др. Уже Осман подготовил плацдарм для завоевания крупного византийского города Прусы

(Бурсы), которая была взята его сыном Орханом в 1326 г. и объявлена столицей бейлика. Позднее владения османов придвинулись к Мраморному морю, а в 40-е – 60-е гг. XIV в. началось завоевание земель Балканского полуострова (см. Османская империя и страна..., 1984). Как писал поэт XIV в. Ахмеди, Орхан «простер руку на Рум», и «все были с ним тогда», т. е. вместе с ополчением племени Османа воевали многочисленные добровольцы, приходившие из различных племен и бейликов.

Уже Осман начал раздавать так называемые тимары – части завоеванных территорий в «кормление» своим приближенным. Тимаром могли стать отдельные деревни, доходы от какого-либо города, области. Как говорится в старых османских хрониках, он «каждого облагодетельствовал по его заслугам». Потому-то «собравшиеся к Осману гази ... постоянно хотели воевать» (Ашикпашазаде, 1913, с. 20–23). Новые завоевания и расширение территории бейлика за счет византийских земель способствовали тому, что в османских владениях быстро шел процесс отказа от полукочевнической племенной организации. Складывалось общество, экономической базой которого становились прежде всего доходы от земледельческого хозяйства, городских ремесел и торговли.

Продолжавшийся приток новых переселенцев и идеологический настрой на войну требовали от руководителей бейлика совершенствования военной организации. Уже при Орхане начинает формироваться полупрофессиональное пешее войско – яя и конное – мюселлемы. Кадии (мусульманские судьи) записывали в него лишь турок-мусульман. За участие в военных действиях они получали плату – 1 акче в день. Для обеспечения жизни своей семьи в мирное время им предоставлялся участок земли, который освобождали от уплаты налогов. Попасть в ряды таких воинов-крестьян считалось очень почетным. Источники сообщают, что опоздавшие к записи просили включить их хотя бы в ряды запасных (ямаков) и даже пытались давать взятки кадиям, чтобы все-таки быть записанными. Это еще раз показывает, что наполнявшие Малую Азию переселенцы были отнюдь не кочевниками, а по преимуществу людьми, склонными к оседлости. Османские же власти, создавая такие воинские части, облегчали им процесс возвращения к привычному образу

жизни (Орешкова С.Ф., 1999, с. 482–483. Там же библиография проблемы). Воины-крестьяне, однако, не годились для тех широких завоевательных целей, которые стали ставить перед собой османские правители (см. Шамсутдинов А.М., 1986, с. 32–33; Жуков К.А., 1986, с. 128–132; Орешкова С.Ф., 1986, с. 7–10.). Очень скоро поэтому начало создаваться новое войско – йени чери (см. о нем Петросян И.Е., 1987, 2019). Это были ставшие знаменитыми впоследствии янычары. Для их комплектования вначале пытались использовать молодых военнопленных, но очень скоро перешли на принудительный набор (девширме) мальчиков из семей «неверных», т.е. христиан, проживавших в османских владениях. Практика была такова: детей забирали из семей, обращали в ислам, раздавали в турецкие семьи разного социального положения и материального достатка (представителей знати, ремесленников, крестьян). Там они должны были обучиться турецкому языку и «рабскому служению». Через несколько лет их снова собирали и помещали в специальные военные школы аджеми огланов (чужеземных мальчиков), где готовили к настоящей военной службе. Так формировалось профессиональное войско, получавшее жалованье, живущее в казармах, дающее на период службы обет безбрачия. Янычары оказывались оторванными от родной среды, но чуждыми и османскому обществу. Они были объявлены капыкулу, т.е. рабами (султанского) порога (трона), зависящими только от правителя, служащими только ему и только от него могущими ждать милости.

Янычарский корпус при Орхане только начинал создаваться, но само появление такого воинского подразделения говорит о возрастающей силе, личном авторитете и властных возможностях османского правителя. Наличие в его распоряжении такого преданного и профессионально обученного войска сыграло важную роль в дальнейшей судьбе османского государства и возрастании авторитета его правителей. Завоевания же на первых порах продолжали осуществляться силами прежде всего племенного ополчения, сипахийских (т.е. конников-тимариотов) подразделений и отрядами добровольцев, стекавшихся в Османский бейлик не только из его собственных владений, но и из других малоазиатских бейликов. Воины этих подразделений продолжали стремиться за военные

заслуги получить тимар или увеличить размер уже имеющегося. Все это усложняло социальные отношения в османском обществе и продолжало подпитывать его завоевательную настроенность.

В своей внешней политике Орхан, как и его отец Осман, придерживались единого принципа – вели активную экспансию против «неверных», но избегали каких-либо военных конфликтов с соседними тюркскими бейликами, не отказываясь в то же время от попыток и за их счет мирными методами добиваться расширения границ своих владений. Использовались покупки, подкупы, династийные браки, вмешательство во внутренние распри и т. п.

Начав осваивать Балканский регион, османы столкнулись с тем, что там вели борьбу и отряды из других бейликов и даже отдельные тюркские военачальники, действовавшие совсем самостоятельно. Характерным в их поведении постепенно становилось то, что все они не просто совершали грабительские вылазки. Одержав победу и захватив трофеи, они не уходили в Анатолию, а создавали свои собственные маленькие территориальные бейлики. Лишь при следующем правителе – Мураде I (1360–1389) османским властям удалось взять вверх над этими самостийными беями – гази, объединить их и перенести центр своего бейлика на Балканы, сделав его новой столицей Эдирне (Адрианополи). Сам Мурад стал называться уже не просто беем, а султаном, что свидетельствовало о новом статусе и его государства, к концу XIV в. утвердившего свой контроль почти над всем полуостровом и сумевшим отразить ряд европейских Крестовых походов. За Византией оставались к этому времени лишь Константинополь и его окрестности. Тогда же, используя по-прежнему преимущественно дипломатические средства, османы сумели подчинить себе Западную и Центральную Анатолию. К военным действиям пришлось прибегнуть только в отношении владений Караманов (1387). Идеологически свою войну против мусульманского бейлика, который также претендовал на верховенство в Анатолии, османы оправдывали известиями о сношениях Караманов с Венецией, Сербией, римским папой и планируемом ими совместным антиосманским выступлением, т. е. союзом с христианами, направленным против единоверного им мусульманского государства османов. Османские

правители, следовательно, в это время придавали большое значение юридическому обоснованию законности своих действий. Согласно мусульманскому праву, бейлик Караманов был объявлен мусульманской страной, находящейся в состоянии мятежа – дар уль-баги (Özel A., 1988, с. 135–139), препятствующей войне с неверными, а «газават против тех, кто противодействует священной войне, есть высшая из священных войн». (История османского государства, с. 8). Обращаем внимание, что в противоположность этому в среде постордынских племенных объединений Восточной Европы в это время каких-либо религиозно-сдерживавших моментов в их междоусобных конфликтах не просматривается. Там отношения между былыми улусами Золотой Орды, относящимися к одной конфессии, строились на других принципах. На первом месте стояла борьба за верховенство. У османов же, действовавших не в «диком поле», а в густонаселенной иноконфессиональной среде, ислам выступал тем идейным фактором, который объединял и концентрировал силы завоевателей.

Итак, за период, насчитывающий чуть более ста лет, под руководством османской династии было создано новое государство, объединившее значительные тюркские силы Анатолии и подчинившее себе многие территории на Балканах, где тюркские завоеватели сумели к тому же сохранить местное население. Даже в районе так называемого «Цареградского друма» – дороги, ведущей к Софии и Белграду, по которой шло главное наступление османов на Балканах, после естественного бегства жителей в период военных действий население быстро возвращалось (см. Зиројевић О., 1970; Тодоров Н., 1976).

В среде самих завоевателей к этому времени произошли значительные этнокультурные и социальные изменения. Еще в сельджукский период в Малой Азии начала складываться крупная этнолингвистическая и культурная общность тюркских народов, объединенная в большинстве своем также единой религией – исламом суннитского толка. Тогда же эта тюркская общность начинает впитывать в себя представителей местного населения, вовлекая его и в процесс исламизации. Формирующаяся там политическая, культурная и социальная среда отличалась большим синкретизмом,

испытывая на себе центральноазиатское, иранское, арабское, византийское влияние. Эти процессы продолжались и позже. Ахмеди констатирует, что при первых османских беях «варсаки, торгуды, турки, греки, сарийцы – все были с ними тогда» (Ahmedi, 1983, с. 65b-66a). На новых землях они ощущали себя некой инородной общностью завоевателей, что способствовало их этно-религиозному единению и сплочению вокруг сильного правителя. Начинает формироваться новая турецкая народность. Именно она и возглавила создание нового государства, а потом и империи.

Османь строили свое государство на территориях, ранее принадлежавших Византии и Балканским странам, близким к ней по уровню социального развития. Складывание основного территориального ядра нового османского государства происходило на протяжении XIV–XV вв. Наиболее продвинутой частью его, подающей пример другим, стали Западная Анатолия и Балканы. Именно там и формировалась османская структура государственного управления.

После завоевания новых территорий османь утверждали на них свой новый административно-военно-земельный режим. Этой цели служила внедрявшаяся сверху (от имени бей-султана) тимарная система. Получатель тимара имел право на определенный доход с предоставляемого ему владения, за что обязывался принимать участие как воин-кавалерист (сипахи) в дальнейших военных экспедициях страны, а в случаях, если предоставлялся тимар с более значительными доходами, еще и выводить определенное количество экипированных всадников. Кроме того, сипахи-тимариоты должны были выполнять и административно-полицейские функции в районах, где были расположены их владения. Командир сипахийского ополчения считался главным администратором на той территории, где располагались тимары его подчиненных. Не случайно низовые административные единицы в османском государстве имели название санджак (или его арабский эквивалент – лива), что означало «знамя». Под знаменем санджакбея отряд сипахи выступал в походы, они же вместе со своим командиром отвечали за благополучие кормящего их района. Эта управленческая военно-полицейско-землевладельческая система была зафиксирована

в позднейших султанских законодательных актах султанов Мехмеда II и Сулеймана Кануни. Сложиться же на осваиваемых завоевателями землях она могла лишь потому, что османы сумели воспользоваться тем аграрным хозяйством и рентными отношениями, которые существовали до них на завоеванных территориях. Именно на этой базе османы сумели взрастить свой собственный господствующий класс.

К тимарному обеспечению был привлечен и сложившийся позднее центральный аппарат государства. Более того, завоевателями были усвоены не только общие принципы общественных отношений региона, но и конкретная социальная практика. Этому помогали переписи населения и возможных объектов налогообложения, которые проводились сразу после завоевания и на базе которых строились новые рентные и налоговые отношения с местным населением. Подробное описание социальной структуры османского государства не входит в задачи этой работы. О ней имеется множество исследований. Автор может рекомендовать читателю и ряд своих работ, где изложена ее точка зрения и имеется библиография проблемы (Орешкова С.Ф., 1975, 1980, 1982, 1986, 1990, 1999, 2010, 2018 и др.). Отметим лишь, что османы сумели создать на завоеванной территории сложную бюрократическую систему управления, далеко не ограничивающуюся лишь тимарной администрацией. Это и центральное правительство, и службы султанского двора, и централизованная налогово-финансовая система, и обособленная от других управленческих структур религиозно-судебная власть, контролирующая все иные виды управления, и высший исламский религиозный орган – шейх уль-исламат, проверяющий с точки зрения шариата правильность всех действий властей, и янычарские гарнизоны, размещенные в стратегически важных регионах, имевшие централизованное командование, и так же централизованно контролируемую систему немусульманских религиозных общин, которым разрешалось проживать, исповедуя свою религию, на территории мусульманского государства, и, наконец, пояс приграничных вассальных государств, за которыми присматривали расположенные по соседству крепости или имеющие такое задание от имперского центра близлежащие области. Об одном

из таких вассальных государств Османской империи и идет речь в этой книге.

При всем обилии управленческих структур, к тому же контролирующих друг друга, мы особенно выделяем тимарную систему, так как именно она вносила первое упорядочение в завоеванные районы, а ее введение означало, что район взят центральными властями под их непосредственное управление и в нем произведены необходимые для этого социальные преобразования. На приграничных территориях это означало зачастую то, что именно там закладывался плацдарм для новой внешнеполитической экспансии. Сохранение же приграничных владений на условиях вассального подчинения означало отсутствие у властей стремления расширять имперские владения в этом направлении. При рассмотрении событий, происходивших в османском приграничье, на это особенно следует обращать внимание, так как там присутствовали районы с разной степенью преобразований, произведенных в них после включения в османскую имперскую структуру.

Как видим, процессы государственного строительства у османов и у кочевников Восточной Европы шли различно. При сравнении следует иметь в виду, что истоки османского государства – это не просто 400 шатров племени Эртогрула, а вся многовековая история тюркских племен Ближнего Востока, впитавших политическую культуру этого региона и сумевших многое взять из византийского опыта. Интерес и способность к их усвоению были различными в разные периоды, но напоминаем, что от Манцикерта до завоевания Константинополя прошло почти 400 лет, во время которых Византия постепенно уступала свою территорию тюркским мигрантам. Завоевывая ее, султаны сталкивались с теми же политическими и экономическими проблемами и культурными явлениями, которые стояли перед византийскими императорами. Потому-то преемственность была естественна. И еще важно, что османы, их предводители и сотрудничавшие с ними тюркские племенные объединения были уже далеко не кочевниками. Они искали для себя новую родину, землю для поселения. Государство строилось на аграрной хозяйственной базе. Среди них были кочевники-скотоводы, но вновь складывавшееся государство сумело постепенно ввести их в определен-

ные, и довольно жесткие, рамки сосуществования с оседлым миром (см. четвертый раздел Общего свода законов Мехмеда Фатиха – *Kanunname-i Al-i Osman*, с. 61–63). На балканской территории была создана обособленная корпорация юрюков (см. Еремеев Д.Е., 1969), на Востоке Анатолии позднее оформились Серый и Черный улусы (История османского государства, т. 1, с. 24; Мустафаев Ш.М., 1994, 2017). И главное, кочевники планомерно отодвигались на задворки государственного строительства, переставали играть в новом государстве и в политике, и в экономике, и в армейских структурах какую-либо заметную роль. Более того, как явствует из «Газаватнаме» султана Мурада II (1421–1444; 1446–1451), османские власти всячески поощряли отказ от кочевничества. Призывая воинов из всех анатолийских эмиратов к участию в отражении очередного европейского Крестового похода (1444 г.), султан обещал удовлетворить «любые пожелания тех, кто во имя любви к исламской религии присоединится к нашему военному походу. Воздам по достоинству всем, кто пожелает стать владельцем тимара, зеамета, или стать янычаром, или же перестать быть юрюком» (цит. по Мустафаев Ш.М., 2017, с. 190). Юрюкам, т.е. кочевникам-скотоводам, следовательно, давалась возможность возвыситься до положения сипахи-тимариота. Остававшиеся же кочевниками, как и та знать постепенно подчинявшихся османам других анатолийских бейликов, которая пыталась сохранить как опору своей власти родоплеменные отношения, сознательно отстранялись от власти. Уже с XIV в. начинается централизованное государство, которое смогло сохранить себя даже после разгрома его Тимуром (1402), который не только пленил султана Баязида Йилдырыма, но и восстановил подчиненные было османами бейлики. После двух десятилетий междоусобной борьбы османы снова возродили свое государство, опираясь прежде всего на те достижения в государственном строительстве, которых сумели добиться в своих румелийских владениях.

Взятие Константинополя (1453) и окончательное сокрушение Византии, более тысячи лет верховенствовавшей в этом регионе, вывело османское государство на новый уровень. Оно стало оформляться как империя, воспринимая себя не только как исламское государство, но и как в определенной степени преемницу Византии

(Kemalpaşazade, 1957, s. 540). Султаны включили в свой титул наименование «кайсер-и Рум», т. е. Румский (Византийский) император (Абрахамович З., 2006, с. 103–106). Это было уже централизованное государство, в котором султан стал восприниматься как абсолютный монарх. Кочевая традиция, согласно которой государство являлось достоянием правящей династии, была забыта. Передача власти стала осуществляться строго от отца к сыну, которому законодательно предписывалось в случае каких-либо претензий на власть казнить всех своих родичей-соперников. После взятия Константинополя авторитет султана настолько повысился, что он сумел отстранить от власти представителей авторитетнейших фамилий беев-гази. Некоторые из них (как, например, бывший великий везир Чандарлы Халил-паша) были даже казнены. Султан стал опираться на «безвестных людей низкого происхождения». Многие из них были выходцами из «девширме». Кончился период, когда могущественные беи вместе с султаном делили между собой власть (История османского государства, т. 1 с. 17).

Строя государство, устремленное на Запад, «наследника Рима», как его стали воспринимать современники, османы оказались в противостоянии с теми кочевыми тюркскими объединениями, которые со времен монгольских Ильханов продолжали властвовать на их восточных границах. Во второй половине XV в. там возвысилась кочевая конфедерация Ак-Коюнлу, сумевшая благодаря военным успехам своего известного правителя Узун-Хасана распространить власть этого государства от Диярбекира и Эрзинджана на западе до Систана и Хорасана на востоке (Мустафаев Ш.М., 2006, с. 284). Своими врагами она считала османов и чагатайцев (тимуридов). Сами же себя эти кочевые племена Восточной Анатолии объявляли истинными туркманами (туркменами, туркоманами). Как и в Восточной Европе, в этом регионе разразился конфликт между тюркскими народами. Изучавший этот процесс Ш.М. Мустафаев подчеркивает, что оценивать соперничество Ак-Коюнлу и османов следует «не только как военно-политическое, но и в известной степени как этно-культурное противостояние». «...Официальная идеология Османского государства, которая находилась на стадии сложения в некий комплекс политико-правовых и моральных ценностей

(османизм – см. Осак, 1999, с. 72), воспринималась туркманской средой как явление чуждое, по своей сути, их собственным патриархальным взглядам». Османы для туркоманов были не частью родственной тюркской среды Анатолии, а некими чуждыми им румелийцами, смешанным, метисированным этнокультурным сообществом (Мустафаев Ш.М., 2010, с. 298–299).

В последние годы существования государства Ак-Коюнлу был недолгий период (в 1497 г.), когда там попытался провести некие свои социально-культурные преобразования внук Узун-Хасана Геде Ахмед, воспитанный при дворе османского султана Баязида. Воцарение в Ак-Коюнлу Геде Ахмеда было воспринято в Османской империи с огромной радостью. Во всех городах страны были устроены торжественные гулянья и артиллерийские салюты. Известие о воцарении Геде Ахмеда было отправлено в Кафу тамошнему османскому наместнику шах-заде Мехмеду. Кстати, и раньше специальное сообщение о подчинении империи крымского хана, чингизида, с особой гордостью было донесено именно до Узун-Хасана. О похожих событиях в Крыму мы будем писать далее, пока же лишь подчеркнем, что в окружении османского султана понимали однотипность тех социально-культурных условий, с которыми османы сталкивались в Восточной Анатолии и в Крыму. Что же касается Геде Ахмеда, то он, будучи приверженным османofilьским настроениям, оказался чуждым туркманской знати. Он правил всего полгода, а потом был убит в результате придворного мятежа. Султан Баязид, как пишут источники, после этого облачился в траур (см. Петрушевский И.П., 1949, с. 144–152; Minorsky W.F., 1964, с. 229–237; Мустафаев Ш.М., 2006, с. 288). Эта история, как мы увидим дальше, очень созвучна той, что произошла позднее с крымским ханом Саадет-Гиреем. Правда, в Крыму она закончилась не столь трагично, но так же безрезультатно.

Уничтожив в конце концов государство Ак-Коюнлу, османы, однако, не ликвидировали проблемы. Значительная часть населения Анатолии так и не приняла османской власти, ее строгой регламентации и налоговых предписаний. Отсюда многочисленные анатолийские восстания конца XV – начала XVI вв., откочевка ряда племен на восток, их участие в создании Сефевидами кызылбашского госу-

дарства в Иране и та религиозная гетерогенность Анатолии, в которой до наших дней распространены различные алевитские учения, ставящие их приверженцев в некое противостояние к остальному исламскому обществу и официальной власти.

И еще одно замечание, любопытное для нашей темы. В конце XV в. османы в отношении населения Ак-Коюнлу иногда использовали термин «татары». Он действительно был общепринят для наименования всего тюрко-монгольского населения, оставшегося от времен Чингисхана, причем не только в Дешт-и Кыпчак, но и в отношении кочевых племен державы Ильханов. В конце XV в. османами он, как правило, воспринимался в негативном смысле и ассоциировался с враждебно настроенными к империи кочевыми племенами (Мустафаев Ш.М., 2010, с. 312). Так, Ибн Кемаль передает адресованные Мехмеду II призывы, звучавшие в среде османской элиты: «Опустошим область Ирана ... скинем тюркских и татарских всадников с седла государства и жестоко полоним их» (цит. там же, с. 336). Возможно, этот настрой определил в какой-то степени и ту сдержанность, которую империя, как мы увидим далее, проявила в своей политике в отношении Восточной Европы и ее татарского населения.

После взятия Константинополя империя продолжала расширять свои пределы, стремясь в сторону Центральной Европы и Средиземноморья. Как бы походя были ликвидированы последние византийские владения в Морее и Трапезундское королевство (1461). Начинает заявлять о себе вновь создаваемый османский флот, особенно необходимый стране, так как ее главными европейскими соперниками выступили в это время торговые республики Генуя и Венеция. Эти итальянские города-государства были основными европейскими контрагентами азиатской караванной торговли, традиционные выходы которой в Европу – и Шелкового пути, и Пути пряностей (специй, как их зачастую называют) – оказались в руках османов. Генуя потеряла свои позиции уже в период осады Константинополя, так как открыто помогала византийцам (Vryonis S., 1971; Heers J., 1961). С Венецией у османов началась в 1463 г. длительная шестнадцатилетняя война. У той и другой из этих торговых республик были торговые фактории в Крыму, т.е. как бы в тылу османо-

венедианского фронта. Оставить эту проблему без внимания империя не могла. Обращаем внимание, что татарские владения в Крыму османов тогда интересовали мало. Их внимание было приковано прежде всего к факториям Генуи и Венеции в этом регионе.

К началу XV в. османы уже владели западным побережьем Черного моря. Оно было включено в Силистрийский санджак Румелийского бейлербейства (Inalcık Н., 1973, с. 104–106; Тодоров Н., 1976, с. 41). Важнейшие порты этого района – Варна, Анхиало (Поморие), Мосемврия (Несебыр) и другие – были взяты в непосредственное государственное управление. Там были созданы склады зерна и фуража для снабжения армии, а позднее и столицы, развивалось кораблестроение, осуществлялся набор гребцов, окрестные деревни специализировались на сушке сухарей для османского флота. Здесь же заготавливался корабельный лес, а местные соляные копи снабжали многие другие районы империи (Тодоров, 1976; Грозданова, Андреев, 1986). Именно из этого уже хорошо освоенного османами района была отправлена в 1454 году первая османская морская экспедиция к берегам Крыма и северо-западного Кавказа. 11 июля эскадра, руководимая Демиром-кахьей, вошла в Кафинскую бухту.

В исторической литературе много разных, необоснованных, на наш взгляд, предположений о целях и результатах плавания этой эскадры. Есть предположение, что этот визит произошел по личному приглашению крымского хана Хаджи-Гирея, что между ханом и османами в связи с этим был заключен какой-то договор, что хан действовал тогда в союзе с османским флотом и т. п. (Колли Л.П., 1913, с. 128–129; Сафаргалиев М.Г., 1960, с. 263 и др.). Нам представляется, что наиболее убедительное объяснение тех событий предложил В.Д. Смирнов. Суть их в следующем: слухи о некоем соглашении, будто бы заключенном в 1454 г. османами с Хаджи-Гиреем, были, по его мнению, фантазией кафинских генуэзцев, вызванной тем, что Хаджи-Гирей воспользовался появлением у Кафы турецкой флотилии и одновременно с этим с суши подступил к этой генуэзской колонии со своей конницей, потребовав увеличения традиционной кафинской «денежной контрибуции», и ранее уплачиваемой ему генуэзцами. Флотилия же приблизилась к городу лишь для закупки

съестных припасов, о чем пишут и сами кафинцы. Для правителей Кафы сообщение в Геную о союзничестве Хаджи-Гирея с османами и будто бы подписании некоего соглашения между ханом и султаном должно было служить оправданием их «вынужденной» уступчивости перед ханом и возможным «предложением к вымогательству себе денежной субсидии от Банка св. Георгия», управлявшего тогда колонией. И это тем более вероятно, что есть сведения о финансовой неразберихе, царившей тогда в отношениях этой колонии со своей метрополией (Смирнов В. Д., 2005, с. 214–217). В генуэзских источниках сообщается, что с этого времени Кафа начинает платить некие деньги не только татарам, но и османам, надеясь тем обезопасить свое положение на этом далеком от собственной метрополии морском побережье (об этом см. Волков, 1872, с. 113; Колли, 1918, с. 132, 133, 155; Чеперис А. М., 1969, с. 137, 145; Зайцев в «Истории татар», с. 130).

Что же касается самого османского морского плавания к берегам Крыма, то В. Д. Смирнов, исходя из того, что о нем нет упоминаний в специальном исследовании о морских экспедициях Османской империи, составленном Кятибом Челеби (Katib Çelebi, 1147; 2-е изд. 1329 год хиджры), предполагает, что это была «рекогносцировочная экскурсия, сделанная турецкой флотилией для упражнения в мореходном деле». Возможно также, что она выполняла разведывательную миссию, показавшую, что опасность с этой стороны Османской империи не угрожает. Не чужда она была и пиратско-разбойных действий в отношении населения побережья.

Кафинские торговцы именно после этой экспедиции стали добровольно вносить харадж в казну османов, сохранив свои даннические отношения и с Крымским ханством, т. е. не изменив тех отношений, которые сложились здесь ранее. Значительными выплатами откупился тогда от османов и торговый центр Нижнего Дуная Белгород (Аккерман) (Iorga N., 1909, с. 52–53). В 1455–1456 гг. начала платить дань Молдавия (Guboglu M., 1969, с. 68–69; Papacostea Ş., 1974, с. 445–461).

Возможно, какие-то переговоры с османами имел и Хаджи-Гирей. В одном из турецких источников говорится, что хан будто бы просил у османов военной помощи и пушек, но «по просьбе его

ничего не было сделано, потому что, как говорится по-арабски, «на всякое дело есть свой час» (Негри, с. 383). Генуэзцы же сообщали, что через Кафу к хану проезжал годом позже некий османский посол.

Для понимания происходивших тогда событий следует принять во внимание еще одно соображение В.Д. Смирнова: султан Мехмед II Фатих, завоеватель Константинополя, вообще «не любил заключать ни с кем никаких договоров». В данном же случае: «При тогдашних смутах, беспрестанно повторявшихся в Крыму, едва ли умный султан мог основывать какие-либо серьезные свои расчеты на союзе какого-то незначительного татарского царька, положение и силы которого не могли быть точно ему известны по отдаленности края и по запутанности там событий. Да и самому Хаджи-Гераю... не представлялось особенной выгодой содействовать водворению в Крыму господства сильных турок, на смену слабых генуэзцев, трепетавших его воинственности» (Смирнов В.Д., 2005, с. 216).

К этому рассуждению следовало бы сделать лишь небольшое уточнение. Дело заключалось не в «нелюбви» Мехмеда к заключению договоров. Какие-либо двусторонние соглашения вообще не были свойственны мусульманской культуре международных отношений. На этом вопросе мы остановимся позже. Пока же отметим лишь, что на последующие двадцать лет Крым полностью выпал из планов османской внешней политики. Военные действия османы вели тогда в Сербии (подчинена в 1459 г.), Пелопоннесе (1460), Трапезундском королевстве (1461). В 1463 г. началась война с Венецией. Османский флот усиливал свою пиратскую активность в Западном Средиземноморье.

В Европе в эти годы, особенно в окружении римского папы и в Венеции, вынашивались планы использовать Крымское ханство в борьбе с Османской империей. Об этом шли довольно активные, но не всеми и не всегда в европейском сообществе поддерживаемые переговоры (подробнее см.: Зайцев И.В., 2004–1, с. 87–89). Результатов они не дали, да к тому же к 60–70-м гг. XV в. в европейских странах явно, хотя и ненадолго, наметилась тенденция попытаться найти возможности для примирения с самими османами (Хорошкевич А.Л., 1980, с. 179–180).

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Из хроники Ашик-паши-заде
«ТАВАРИХ-И АЛ-И ОСМАН»**

Дедом Османа-гази был Сулейман-шах. Причина прихода последнего в Рум следующая. Во времена Аббасидов армия арабов покорила Рум и Иран. Но Иран выставил на своих границах тюрок, и арабы были разбиты. ...Потом иранские беи объединились, чтобы изгнать тех великих кочевых тюрок. К Сулейман-шаху присоединились со своими шатрами до 50000 кочевых туркмен и татар. Они откочевали от Эрзинджана в земли Рума и оставались там лет шесть. Но Сулейман-шах, решив проявить отвагу, снова направился в страну тюрок и прибыл в область Халеб к крепости Джафар. При переправе через Ефрат он утонул и был похоронен на берегу. Находившиеся с ним кочевники рассеялись. Некоторые остались с сыновьями Сулейман-шаха, а их было трое: Сункяр Текин, Эртогрул и Гюн Догу. Два сына двинулись далее в путь, а Эртогрул с 400 кибитками вернулся в земли султана Алаэддина. Разбив по дороге противников султана, [Эртогрул] сам сделался правителем. У Эртогрула было три сына: Осман, Гюндюз и Саруяты. Эртогрул послал своего сына Саруяты к Алаэддину: «Пусть он покажет нам место». Султан Алаэддин дал им область Сёгуд, находящуюся между Караджа-хисаром и Беледжи-ком, кочевья Туманидж и Эрмени. Направившись через Эн-гирю, они прибыли в эти земли. Через некоторое время Эртогрул скончался. ... Существует много сказаний о приходе Эртогрула в Сёгуд. Я рассказал их суть. В Сегуде Осман встал на место отца. Тотчас началась вражда с Гермиянами. Осман-гази начал завоевание земель.

Когда после завоевания Караджа-хисара Осман-гази назначил судью [кадия] и военачальника [субаши], они потребовали законов. Из Гермияна прибыл некий человек и сказал:

- Продайте мне пошлину [бадж] с этого базара.
- Эти люди [т.е. кадий и субаши] ответили:
- Пойдем-ка в дом.

Он пришел и повторил сказанное. Осман-гази спросил:

– А что такое бадж?

Тот человек ответил:

– Со всякого, кто придет на базар, я возьму деньги.

– Разве ты продал что-нибудь людям на этом базаре, что возьмешь с них деньги? – сказал Осман-гази.

– Хан мой, таков обычай, – ответил тот. – Во всех землях падишахи берут.

– Это что же, – спросил Осман-гази, – бог повелел или беи сами установили?

– Это обычай, хан мой, он установлен издавна, – отвечал тот.

Осман-гази страшно рассердился.

– Разве полученная кем-либо выгода может принадлежать другому? – сказал он. – Как это я могу вмешаться и взять с кого-то деньги? Уходи-ка ты и не говори больше таких слов, иначе тебе плохо будет.

Тогда заговорили [кадии и субаши]:

– Хан, это обычай, установленный беями на этом базаре. Пусть хоть что-нибудь платят.

– Ну, раз вы так говорите, – сказал Осман-гази, – то пусть каждый, кто принесет на рынок выюк [товара] и продаст, платит 2 акче, а если не продаст, то пусть ничего не платит. Кто нарушит этот закон, то пусть всевышний покарает его. И еще: тимар, который я дал кому-либо, пусть без причины не отнимают. А если тот, кому я дал тимар, умрет, то пусть передадут сыну его. Если сын мал, то все равно пусть передадут, чтобы во время войны слуги его ходили в поход до тех пор, пока он сам не станет пригодным.

Санджак Караджа-хисар, называемый также Инёню, он [Осман] отдал сыну своему Орхан-бею, должность субаши – брату Гюндюзу, Яр-Хисар – Хасану Али, который был его лучшим соратником с тех пор, как пришли вместе с ним. Инегель он отдал Торгуду Али. Имя этого достойного человека знаменито до сих пор. В области Инегель имеется деревня, которая называется Торгуд-или. Тестю Эдебали он дал в качестве тимара доход с Биледжика. В Биледжике с отцом он оставил и свою жену. Сам же направился в Енишехир.

Осман-гази захватил всю область Енишехри и распорядился справедливо. Гази веселились. Каждому из них он дал деревни. Каждого облагодетельствовал по его достоинству. Собравшиеся к Осману гази набрались сил. Они постоянно хотели воевать.

Aşıkpaşazade: Tevarih-i Al-i Osman. İstanbul, 1913, с. 3–4, 20–21, 23.

* * *

**Из поэмы поэта Ахмеди
«ИСКЕНДЕР-НАМЕ»
(конец XIV – начало XV вв.)**

Стал великим гази сын Тогрула Осман,
И, куда бы ни шел он, ждал успех его там.

Рассылал он повсюду отряды гази,
Нападая, неверных рубили они.

Овладел Беледжиком отважный Осман,
Захватил Инегёль он, Кёпрю, Хисар.

Непрестанно он войско в набег посылал
И немало земель у кяфиров отнял.

Разорен и сожжен был Османом кяфир,
В окружении Бурса, в осаде Изник.

Так случилось, велел то сам бог,
Что скончался Осман, сих не взяв городов.

.....

Ревнителю веры громили врага,
И грозный акын превращен был в газа.

Неверных с обжитых им мест изгоняли,
Закон шариата, ислам утверждали.

.....

К Орхану те шли, кто с наукой знаком,
Стал прахом кяфир их усердным трудом.
.....

С тех пор долгом веры всем стала война,
Дала всем одежду святая борьба.
.....

Пять-шесть крепостей покорились гази,
Столь много земель захватили они!

Бог дал падишахство Орхану за то,
Воспрянул ислам попеченьем его.
.....

Удачей Орхана сам Бог одарил,
Взял Бурсу Орхан и её укрепил.

Эти тексты Ахмеди переведены И.Е. Петросян. Они заимствованы нами из её книги «Янычары в Османской империи» (СПб., 2019, с. 16, 20).

Обращаем внимание читателя на следующие строки дестана Ахмеди: «И грозный акын превращен был в газа». Слово «акын» означает набег. Следовательно, османы уже на грани XIV–XV вв. свои войны воспринимали не как грабительские набеги, а как газават, т. е. завоевание территории неверных, и это считалось ими «долгом веры». Грабеж, разрушения, превращение кяфиров (неверных) «в прах», бесспорно, присутствовали. Главным, однако, было завоевание городов и земель. Военные успехи считались богоугодным делом, возвеличивавшим Аллаха: «Воспрянул ислам попечением его (Орхана)». Далее у Ахмеди есть упоминания и о бадже, и об «обильном харадж» (см. там же: Петросян И.Е., с. 24), т. е. о подчинении неверных. Османы же изображаются автором как некая управляющая верхушка: «...народ, был бедным, в царя превратился вдруг он». Как мы увидим далее, собственное идеологическое обоснование османами их завоеваний явно разнилось с тем, которое тогда же присутствовало в тюркских массах Восточной Европы. Там шла борьба не за города и северные земли, а за пастбища. Конкуренция шла между самими тюркскими народами, исповедующими ислам, который их в этой борьбе не объединял, а войны с оседлыми соседями продолжали оставаться лишь набегами.

* * *

Из хроники «ТАРИХ-И НЕШРИ»

Рассказ о вступлении на престол Орхана

Когда Осман был похоронен в Бурсе, Орхан и его брат Алаэддин пришли в обитель Ахи Хасана, где собрались знатные люди, чтобы распределить имущество Османа между его сыновьями. Кроме завоеванных областей, никакой казны не было — ни золота, ни серебра. Осталась еще кое-какая одежда Османа из местной ткани, несколько красных знамен прежних владельцев Алашехира, несколько табунов славных коней и овечьих стад. Знатные утвердили наследником и султаном Орхана, который назначил Алаэддина своим везиром.

Mehmed Neşri. Kitab-i cihan-nüma. Ankara, 1941, т. 1, с. 148–149.

Переводы отрывков из османских хроник XV в. Ашик-паши-заде и Нешири были сделаны А. С. Тверитиновой и опубликованы в «Хрестоматии по истории Средних веков» (1963, т. 2, с. 261–263).

* * *

Хюсейн «БЕДА’И УЛ-ВЕКА’И» (Удивительные события)

Об установлении султана Орхана

При Орхане степень славы Османской династии возвысилась. Однажды ставший везиром Алаэддин сказал султану Орхану:

— Хвала всевышнему, зная победы и султаната поднято, воины прибывают в вашей счастливой стороне и собираются под вашим знаменем. Отныне по правилам султанов надлежит составить несколько законов. Прежде всего надо начать чеканить монеты от вашего имени. До сего времени мы признавали монеты, оставшиеся от сельджукидов. И не был еще приобретен большой город, под-

ходящий для монетного двора. Теперь мы захватили такой огромный город, как Бурса.

Тогда султан назначил нужных людей, и чеканилась монета. На одной стороне ее значилось: «Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед пророк его», а на другой стороне – «Султан Орхан сын Османа». Эта новая монета появилась в 729 [1328] году.

Второе суждение Алаэддина. Во всех самостоятельных владениях Рума и у их войска имеются особые одежды и отличительные знаки. Только у этого войска, ведущего войну с неверными, нет особой одежды и нет различия между сипахи [всадником] – господином и райатом – простолюдином. Большинство правителей Рума надевают на голову золототканый колпак и корону. Большинство сипахив надевают колпаки из красной материи, а некоторые – золоченые и черные колпаки. Вашему войску достойно было бы надевать колпаки из белой материи в знак почитания сунны пророка, и это поднимает вас в глазах других правителей.

Султан Орхан принял этот совет и издал указ о том, чтобы войско его и гулямы надевали белые колпаки. До периода султана Басида Йылдырым-хана (1389–1402) шах и сипахи носили белые колпаки. Йылдырым-хан по совету эмира эмиров Тимурташ-паши для возвышения достоинства повелел определить войску своему одежду из белой материи, а эмирам и мирмиранам – из красной.

Третье суждение Алаэддина. Вследствие существующей вражды между мусульманами и идолопоклонниками необходимо обязательное умножение войска для ведения многочисленных войн против неверных в обширных областях. Запишем в войско некоторое количество подрастающих мальчиков из турок с жалованьем по 1 акче в день и назовем [это войско] яя [пехота]. Каждой сотне назначим начальника из всадников [сувари] и на каждую тысячу – одного бея. Когда придется идти в поход, пусть им выдают жалованье, а когда похода нет – жалованье их пусть остается в казне, они же в назначенных местах пусть обрабатывают землю и от положенных повинностей пусть будут свободны.

Орхан-бей принял и этот совет брата, дал наименование пехотному войску яя, поставил в качестве сотника [юзбаша] сувари под названием мюселлем и тысячника [тысячника] под названием яя-бей.

В качестве верховного военного судьи [кадиаскера] над этим войском был поставлен Кара Халил. Таким образом, это войско было присоединено к орхановой армии. Впоследствии, когда обнаружилась непригодность этого войска, появились янычары. После этого жалованья им более не платили, однако, как и прежде, они занимались земледелием, освобождались от десятины [ушра] и [других] налогов, а во время войны были использованы в армии на подсобных работах.

Алаэддин-папа и кадиаскер мевляна Кара Халил стали снова советоваться об увеличении войска. Они представили султану Орхану следующее: «Большинство стран кяфиров с их детьми уже покорено; мужчины и женщины их превращены в рабов. Все они Ваши рабы и рабыни. Взять несколько тысяч из детей неверных дозволено и возможно».

Султан Орхан принял совет брата и дал указ о создании нового войска [ени чери].

Вышеупомянутый [Алаэддин] выбрал некоторое количество близких к возмужалости мальчиков из кяфиров и дал им наименование «девширме» [«сбор»]. Затем он распределил их среди турок [знатных, ремесленников и простых людей – райятов], чтобы они обучились турецкому языку и рабскому служению. Через несколько лет этих мальчиков отобрали у турок и поместили в аджеми-огланы [специальная школа для «аджеми-огланов»], а после этого выпустили ко двору. Вот этому новому отряду и дали наименование «новое войско» [ени чери, янычары]. Им было положено жалованье по 1 акче в день с надбавкой за выслугу. В походах и при султанах они стали наиболее надежными слугами династии Османов.

Хюсейн. Беда'и ул-века'и (Удивительные события), ч. 1. М.: ИВЛ, 1961 («Памятники литературы народов Востока». Тексты. Большая серия. Т. XIV). Т. 1. Л. 43–45 б.

Текст взят из источника XVII в. Его привела в указанной выше «Хрестоматии» А.С. Тверитинова. Мы повторяем именно эту публикацию, так как в ней сведения о преобразованиях Орхана, заложивших основы османской государственности, изложены наиболее компактно. Эти же сведения (почти дословно) фигурируют и в более ранних османских источниках. Об особенностях формирования, суще-

ствования, роли янычарского корпуса в османской истории см. работы И.Е. Петросян (1987, 2019). Материалы ранних османских хроник о становлении османского государства широко представлены в ранних (30–40-х гг. XX в.) работах А.М. Шамсутдинова.

* * *

Хюсейн Хезарфен

ТЕЛХИС ЭЛЬ-БЕЙАН ФИ КАВАНЫН-И АЛ-И ОСМАН

(Краткое изложение законов османской династии)

Глава девятая. Раздел: Крымские ханы

Крымские ханы [происходят] из рода Чингисхана. Являясь мусульманскими правителями, имеющими право хутбы и чеканки монет, они подчинились и повиновались роду Османа. Их низложение и назначение и [всякие] замены и перемещения производятся великими султанами. Однако в посланиях и при других обстоятельствах им воздаются падишахский почет и уважение и отдается предпочтение перед другими правителями. Все хан-заде первенствуют перед везирами. Во время празднеств им первым предоставляется право целовать руку [падишаха].

Рассказывают, что во время похода в Валахию, в тот день, когда прибыл Гази-Гирей-хан и они с покойным султаном Сулейманом соединились, румелийский бейлербей и все румелийские бен пришли его [хана] приглашать. Когда приблизились к августейшему падишахскому шатру, великий везир взял [хана] под руку и помог сойти с коня. Рядом с золотым тронном его величества падишаха был поставлен еще один трон. «Пожалуйста, садись, брат хан», – обратился [к хану] [падишах]. Хан же, соблюдая правила приличия, не согласился сесть рядом. Он сел, когда несколько спустили трон ниже.

Позже, во время похода в Янык, пройдя через страну поляков, [хан] прибыл к великому везиру Синан-паше. Великий везир вместе со своими бейлербеями и бесчисленным войском вышли навстречу. Они приветствовали друг друга, сидя на конях. Однако затем, войдя в шатер сердара [командующего], [хан] с сердаром сели рядом и вме-

сте откушали поданную им еду. Умные люди в этом усмотрели обиду для хана. Особенно посчитали недозволенным то, что сам [везир] сел на самое почетное место, а хана посадил по правую руку [от себя]. Говорили, что они [крымские ханы] более четырехсот лет являются ханами, владеющими [правом] хутбы и чеканки монет, а потому увести [хана] в шатер везира означает низвести его до уровня бейлербея. Было много различных пересудов по этому поводу. Говорили, что, может быть, стоило поставить специальный шатер в его [хана] собственном лагере и устроить пир по-султански. Сочли недозволенным и то, что, не обращая на его величество хана внимания, [великий везир] повел речь с румелийским бейлербеем Хасан-папой.

После этого при великом везире Ибрахим-папе во время похода в Уйвар всякий раз, когда [хан] пребывал, Ибрахим-папа брал его под руку и помогал сойти с коня, а когда уезжал, снова брал под руку и сажал на коня.

Но в настоящее время от такого проявления уважения отказались. В 1040 г. х. [1630/1631 г.] к капудану Хасан-папе в Кылбурн прибыл Джанибек-Гирей-хан. При их встрече [Хасан-папа] так наклонился, что, не поцеловав руки, сразу поцеловал подол платья. Когда напомнили об обращении Ибрахим-папы с Гази-Гирей-ханом, папа сказал: «Этот [хан] – мой особый любимец. Теперь такой степени почтительности никто не придерживается».

Закон о братьях хана. Брат, который младше самого хана, является калгой. Он наследник престола. Тот, который младше калги-султана, – нуреддин. Каждый из них имеет свою резиденцию. Калга-султан пребывает в касаба, называемой Акмесджит [современный Симферополь]. Она находится в четырех часах пути от Бахчисарая. Нуреддин-султан обитает вблизи от деревни, называемой Качи. От Бахчисарая она в одном часе пути. У каждого из них имеются свои везир, дефтердар, кадий. Их [ханов] распоряжения по значимости не отличаются друг от друга. Однако [право] хутбы и чеканки монет имеет только его величество хан. Если калга и нуреддин становятся сераскерами [командирами войск], то они из военных трофеев получают одну десятую. Когда же войска возвращаются в Крым, назначенные ханом аги собирают суга. Суга на их языке означает пенджик [одна пятая трофеев, по обычаю передаваемая правителю].

Каждый из них [братьев хана] самостоятелен в проведении своей политики, и на своих приказах, которые называются «ярлыки», ставят свою тутру и миндалевидную печать. Во время трапезы, так же как другие правители, вкушают еду в одиночестве. Если только появится какое-либо значительное лицо из султанской семьи или прибудет муфтий Кафы, то тогда сидят вместе.

И еще по поводу гёрюнюш, что означает «ханский диван». Для хана существует специальная подстилка и две подушки. На стенах занавес из тафты. Когда прибывают младшие братья хана на торжественный прием или [по делам] службы, они снимают свои меховые шапки и бросают их на землю. Затем произносят приветствие и, поцеловав подол платья хана, остаются стоять. Им кладут стеганные одеяла и подушки, и они, с позволения [хана], садятся.

Каждый из них имеет от великого государства сальяне [годовое содержание]. Его величество хан получает в качестве сальяне от таможи порта Кафы 15 юков акче. Калга-султану назначено сальяне в 10 юков акче и нуреддин-султану – 5 юков акче, [которые поступают] либо от таможи порта Гёзлев, либо от таможи порта Балаклава. Из состава упомянутого сальяне они некоторую [сумму] выделяют своим приближенным агам, а еще неким благочестивым беднякам из Кафы, Акмесджита и Бахчисарая, чтобы они совершали молитвы за государя.

Из укреплений, имеющих у правителей /крымской/ области, четыре крепости считаются наиболее известными: это крепость Гёзлев, крепость Ор, крепость Рабат, крепость Яхуд. Им подчинены тысяча триста как больших, так и малых деревень.

Из значительных касаба имеются следующие: касаба, называемая Карасу, затем Акмесджит, затем столица хана Бахчисарай и касаба, называемая Кючук Карасу. В каждой из них есть большая и малая мечети, бани, караван-сарай, базары и рынки. Все находящиеся в их управлении нахии и деревни составляют двадцать четыре кадилака, а на самом полуострове, называемом Крым, помещаются четыре санджака.

Они сами на своем языке говорят «бий». Их главные беи: пширин-бей, у него также есть калга и нуреддин, и еще один – аргын-бей, и еще [те], которых называют яшлу-беями, и еще один – барын-бей, и [те], которых называют также седжеут мирзы, еще есть манкыт бей. Это

ногайские мирзы, один из которых Кантимур. Если его величество хан имеет желание выдать дочь замуж, он выдает ее за вышеуказанных беев или их сыновей. Брать из других мирз не положено. Причина заключается в том, что они вместе пришли в Крым, оторвавшись от центра своего обитания, называемого Джаджитархан, а также происходят из рода Чингиза и ведут свое происхождение от одних его ветвей.

Причина названия крепости Ор следующая: вышеупомянутая крепость находится на перешейке, соединяющем Черное море с Азовским. Он перерезан рвом глубиной в семь тысяч кулачей. На перешейке была построена крепость. Назвали Ор, так на ногайском языке называется ров.

От вышеупомянутой крепости вплоть до крепости Азак проживают Великие ногаи, состоящие из четырех ногайских подразделений. Одно называется улу ногаи. Их мирза происходит из рода Уранбет-оглу. Другое подразделение называется Мансур-оглу. И в настоящее время их мирзы происходят из сыновей Мансура. Еще одно подразделение – Шейдак тамгасы. Их мирза из того же рода. Еще одно подразделение – кечи ногаи.

Все применяемые у них [ногаев] законы на своем собственном языке они называют торе. Вероучение, по которому они воздают должное Аллаху, соответствует ханифитскому толку.

Если его величество хан, или калга-султан, или нуреддин-султан вознамерятся идти в поход и с их стороны будет послано приглашение [ногайским мирзам], то, приняв приглашение и повинувшись, каждый из них по мере своей возможности дает воинов. Когда же появляется воинская добыча, они отдают суга назначенному его величеством ханом суга-агасы, не утаив ни одного акче. Однако иногда бывает так, что вышеупомянутые мирзы не повинуются его величеству хану, т. е. между ними случается распря. Они идут просить милости у московского короля и какое-то время живут в его краях, а затем снова возвращаются и живут на старых местах.

Последним черкесским племенем, живущим в округе Тамань, в которое великое государство назначает кадиев, являются черкесы жане. Ими предписания шарията в какой-то мере исполняются. Их нельзя обращать в рабство. Что же касается черкесов кабартай, то они из /страны/ войны и их можно обращать в рабство. И тем не менее

они из страха покорились хану и даже, говоря, «чтобы не совершал походов на нас», каждый год преподносят в качестве подарка хану, калге и нуреддин-султану пленных черкесов. Так как реая, проживающая в деревнях, объявляется собственностью беев, то, если его величество хан требует воинов, беи посылают воинов в достаточном количестве. [В данном контексте использован термин мюльк. Употребление этого термина, означающего безусловную собственность бея, по отношению к людям, а тем более к подданным мусульманского вероисповедания, противоречит принятым в исламе предписаниям, что свидетельствует о сохранении в этом регионе более архаичных межличностных отношений и слабой исламизации этих племен – С.О.].

Если у хана рождаются сыновья, то для воспитания, а также чтобы засвидетельствовать свою покорность, [черкесские беи] берут их и воспитывают до совершеннолетия. Некоторые сыновья ханов живут в этих местах до тех пор, пока не станут взрослыми. Для их обеспечения назначаются деревни. Сейчас и в самом Крыму все еще существует этот обычай. Если у его величества хана, или у калги, или у нуреддина родится сын, [то] прибегают к этому [обычаю]. Такое воспитание называется аталыком. После совершеннолетия хан-заде так же, как своему отцу, оказывает почтение и своему [воспитателю] аталыку. Если воспитанный таким образом хан-заде получал от великого государства власть, то старался своего аталыка и молочного брата обогатить больше, чем других.

Земли, находившиеся в самом Крыму, Сафа-Гирей-хан, став правителем и прибыв в Крым, распродал по одному золотому за каждый день, признал [это] и отдал в собственность. Для пропитания каждого татарского племени [предоставил] пастбища, а тем вышеуказанным черкесам передал в собственность их страны. Все земли раздал в собственность. И с тех пор у хана не осталось мест, где можно было собирать ушр. Те, кто являются хозяевами земли, дают жаждущим знаний и благочестивым беднякам одну десятую сборов. Но если узнают, что они утаили хотя бы одно акче, то их хлеб не едят, говоря, что это грех.

Если его величеству хану нужно послать войско в какое-то место, то [каждые] семь человек выставляют одного и выделяют пару лошадей. Знают, сколько пар лошадей представляют от каждой деревни, и в соответствии с этим собирают сога.

Если крымский хан назначен в поход от великого османского государства, к нему посылают капыджи-баши с хатт-и шерифом, саблей, украшенной драгоценными камнями, халатом, дорогой обувью, колчаном и 40000 золотых. И он распределяет [деньги] между мирзами и капы-кулу. Затем вместе с войском идет в то место, которое ему назначили.

Сочинение Хюсейна Хезарфена было опубликовано в 1998 г. (Hezarfen Hüseyin efendi. Telhis ül-beyan fi kavanın-i Al-i Osman. Hazırlayan Dr. Sevin İlgürel. Ankara, 1998). До этого оно было известно лишь по рукописям, хранящимся в Венеции, Париже и Петербурге. В.Д. Смирнов при написании своей работы об истории Крымского ханства пользовался последней из них. Подробнее об авторе этого османского сочинения, написанного в самом конце XVII в., см.: Н. Wurm. Der osmanische Historiker Hüseyin b. Ga'fer, genannt Hezarfenn und die İstanbuler Gesellschaft in der zweiten Hälfte der 17. Jahrhundert: Freiburg im Breisgau, 1971, а также Орешкова С. Ф., 1990.

Хюсейн Хезарфен пишет о реалиях своего времени, т. е. конца XVII в., но тот общий уважительный настрой, который чувствуется в его описании отношений имперского центра к своему крымскому вассалу даже в этом кризисном для империи веке, говорит, на наш взгляд, что ханство и ранее имело в этом государственном образовании определенные возможности для самобытного развития и внешне-политической самостоятельности.

Перевод этого отрывка из сочинения Х. Хезарфена, касающегося Крымского ханства, был сделан автором этой книги по ленинградской (С.-Петербургской) рукописи этого сочинения. Он был опубликован в сборнике «Османская империя: государственная власть и социально-экономическая структура османского общества» (М., 1990).

Отсылки к содержанию этой же рукописи сочинения Хезарфена имеются в книге В.Д. Смирнова. Почему-то уважаемые исследователи группы А. Беннигсена истолковывают их как доказательство признания В.Д. Смирновым полного, чуть ли не «колониального», подчинения ханства османской метрополии (??? – С.О.). Подробнее об этом см. далее в тексте этой книги. Текст Хезарфена приводится здесь без каких-либо авторских пояснений, чтобы дать читателю возможность самому оценить его.

Глава 3

БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ КРЫМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В 60–70-х гг. XV в. УСТАНОВЛЕНИЕ ВАССАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

При Хаджи-Гирее зависимость Крымского ханства от Большой Орды далеко не была преодолена ни в политическом, ни даже ментально-идеологическом плане. В официальных документах самого Крымского ханства еще в конце 60-х годов не раз проскакивает термин – «Крымский тумен» (Усманов М. А., 1979, с. 66–68), т. е. не самостоятельное ханство, а часть более крупной Орды, и это при явном стремлении крымского хана к самостоятельности. Отметим, однако, что и в более позднее время татарский Крым нередко продолжает именовать себя «тохтамышевым юртом» (Некрасов А. М., 1999, с. 49), но это, правда, уже может свидетельствовать не только о былых чувствах общности и преемственности, а и о проявлении в Крыму малореальных, но неких собственных имперско-ордынских амбиций.

Власть Хаджи-Гирея в самом Крыму все еще была неустойчивой. За его соперниками явно стояли внешние силы – Литва и кафинцы, а военные действия с Большой Ордой шли, почти не прекращаясь. Однако проявляемое этим ханом жесткое противостояние бывшему центру позволяет говорить, как нам представляется, именно о времени правления Хаджи-Гирея как о начале собственно крымской государственности. Прежние же «ханы Солхата», о которых сообщали кафинцы, называя их даже «императорами», оставались все-таки подчиненными Сараю наместниками, делившими свои бразды правления с ханами центра, а последние порой изби-

рали, по тем или иным причинам – природным или политическим, юго-западный угол ордынских владений местом расположения своих временных резиденций и потому отодвигали на это время от власти своих же местных ставленников. Список крымских правителей, составленный А.Л. Пономаревым (см. Приложение к главе 1), как раз и показывает периоды их вынужденного отхода от власти, а затем бывало, что и возвращения по высочайшему позволению более могущественных ханов центра на свой пост солхатских «императоров». Хаджи-Гирей же ханствовал не по милостивому разрешению, а вопреки большеордынским предписаниям. Именно он сумел сделать из ордынского улуса самостоятельное государство.

По наблюдениям Б.Н. Флоря, 40–50-е годы XV в. становятся тем периодом, когда не только появляются попытки польско-литовских властей вмешиваться во внутренние дела Орды, но и начинаются практически ежегодные набеги татар на северных христианских соседей, сопровождавшиеся постоянным захватом пленных, продававшихся потом на невольничьих рынках. Именно в эти годы работорговля становится одним из главных источников материального обеспечения Орды (Флоря Б.Н., 2001, с. 191; Карпов С.П., 1986). Рабов переправляли из Крыма в Анатолию, а оттуда в Сирию и Египет, которые тогда все еще оставались главными потребителями этого живого товара. Сивас, бывший главным перевалочным пунктом этой торговли, называли вторым Египтом (*Mısır-î sani*) (Мустафаев Ш.М., 2017, с. 145 со ссылкой на Ибн-Кемаля; Карпов С.П., 1986, с. 139–145). Постепенно, однако, главные пути работорговли сдвигаются на запад, поближе к имперскому центру.

В 1454–1455 гг. Хаджи-Гирей, воспользовавшись тем, что та часть Орды, которую возглавлял Сеид-Ахмед, потерпела неудачу в одном из своих северных набегов, сумел нанести поражение этому хану, который со своим ближайшим окружением вынужден был спастись в молдавских землях, а его улус перестал существовать (Флоря Б.Н., там же, с. 190; Уляницкий В., 1887, документ № 82). Еще более значимым оказался тот удар, который Хаджи-Гирей нанес в районе Дона в сентябре 1465 г. ордынским силам хана Махмуда. Эта последняя победа получила широкий международный резонанс, так как именно тогда в Крым прибыли послы

от папы Павла II с предложениями об антиосманском союзе. По их сообщениям, Хаджи-Гирей захватил большую добычу, «все ханские места и жен взял себе». В Большой Орде после этого разгрома сменился правитель. Махмуд был вынужден бежать в Астрахань, а Дешт-и Кыпчак уступить своему брату Ахмату (Сафаргалиев М.Г., 1960, с. 264–265; критику существующих в историографии несколько иных точек зрения не на саму суть произошедших событий, а на тогдашние династийные перемены в Большой орде см.: Зайцев И.В., 2004–1, с. 84–86).

Призывы участвовать в антиосманском союзе Хаджи-Гирей отверг, сославшись на то, что в нем не участвует его союзник Казимир, тогдашний Польский король и Великий князь Литовский (там же, с. 63). Видя некую несамостоятельность и уклончивость в тогдашнем поведении Хаджи-Гирея, В.Д. Смирнов объясняет ее следующим образом: «Умный татарин, понимая всю нелепость подобного предложения, сослался, однако же, в своем отказе на то, что он в своей политике сообразовался с намерениями друга своего, короля польского, а этот последний состоял тогда в дружественных отношениях с завоевателем Константинополя» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 204). Этот хан, следовательно, неплохо разбирался в тогдашней международной ситуации, реально понимал меру возможностей своего сотрудничества с христианским миром и явно не желал конфликта с поднимающейся исламской страной. Само же предложение европейцев еще раз подтверждает, что на ханство Хаджи-Гирея современники смотрели уже как на некое самостоятельное государственное образование, с которым напрямую можно было вести переговоры о политическом союзе.

Победа Хаджи-Гирея над ордынцами в 1465 г. знаменательна еще и тем, что ордынские войска, разбитые ханом, были собраны для готовившегося похода на Русь. Следовательно, именно тогда впервые пересеклись и совпали интересы этих бывших золотоордынских «улусов» – Крыма и Москвы.

Возникновение после распада Золотой Орды отдельных самостоятельных постордынских государств «не было единовременным событием, а между государствами-наследниками Золотой Орды

сохранялись разнообразные, и довольно тесные, связи, что иногда даже затрудняет определение степени их суверенности». И, как подчеркивает Д.М. Исахов, цитату из работы которого мы только что привели, «среди боровшихся за доминирование на территории Джучидской империи государств равноправной стороной выступало и постепенно усиливавшееся Московское Великое княжество» (Исахов Д.М., 2009, с. 6). Соглашаясь с этим утверждением, хотелось бы, однако, уточнить некоторые моменты.

Прежде всего следует учитывать, что борьба шла не столько за доминирование, сколько за государственное обособление отдельных улусов. Именно это, по крайней мере для Москвы и Крымского ханства, выходило ко второй половине XV в. на первый план.

Единый «татарский мир» позднеордынского периода (о чем пишет Рахимзянов Б.Р., 2016) все еще продолжал существовать. В нем шла борьба за Великую степь, т.е. прежде всего за пастбищные угодья. В этом главное отличие от того, что происходило в турко-османском регионе. Там тюркские племена в монгольский и послемонгольский период вынуждены были искать себе новую родину в районах с прочно утвердившимся аграрным хозяйством и соответствующей ему социальной структурой, да и сами они, как мы отмечали, имели в своем составе значительную часть соплеменников, ранее уже приобщенную к оседлой жизни, земледельческому труду и даже городской культуре. В XIII в. в процессе своей вынужденной миграции они зачастую возвращались к былым племенным связям, но этническое родство в них было уже не столь прочным, шли различные перегруппировки, дробления, объединения вокруг отдельных удачливых вождей, которым так или иначе удавалось построить свое «племенное» сообщество в новую для них социальную реальность. В Восточной же Европе, хотя и в уменьшающемся размере, но имелась свободная территория степных пространств, где тюркские племена надеялись сохранить свой былой образ жизни и сложившуюся социальную организацию. Руководителями этого процесса выступали чингизиды, т.е. многочисленные выходцы из прежней ханской династии. Борьба за первенство для них, конечно, была важна, но главной все же оставалась борьба за пастбища, которые позволили бы ордынским массам сохранить

былой образ жизни. Время, однако, требовало иного. Не случайно в ходе исторического развития сохранили себя лишь те тюркские объединения, которые смогли приобщиться еще к какому-то иному виду хозяйственной деятельности – земледелию, посреднической и транзитной торговле и т. п. Совместив эти разные виды хозяйствования, они сумели создать свои государства. Из племенных сообществ Восточной Европы два – Большая Орда и ногайские объединения такой равноправный социально-хозяйственный симбиоз по разным причинам создать не сумели, а потому продолжали оставаться возмутителями спокойствия в регионе. Позднее же их оказывавшиеся без чингизидского руководства номадические массы, пополняя население сложившихся тюркских государств, нарушали стабильность их внутренней жизни и не позволяли государствам региона чувствовать себя в безопасности.

И еще: говоря о тогдашнем восточноевропейском мире и борьбе за доминирование в нем в период XV–XVI вв., очевидно, не стоит упоминать Русское государство. У него были другие цели, и в борьбу за верховенство в регионе, Великую Степь и ее пастбищные угодья оно тогда практически не вмешивалось. Это особо подчеркнуто М.В. Моисеевым (2016, с. 47). Но что продолжало быть важным – и это, собственно говоря, в данном контексте, очевидно, и имел в виду Д.М. Исхаков, Москва тогда оставалась своей для этого мира и вела себя в нем в соответствии с его миропониманием.

После объединения Московского княжества с Новгородской республикой (1478) Московия стала заявлять о себе как о «Великом княжестве всея Руси» (Хорошкевич А.Л., 2001, с. 4), поставив перед собой задачу собрать воедино все древнерусские земли. Часть этих земель была включена к этому времени в состав Великого княжества Литовского – государства, имевшего, как уже говорилось, «федеративный характер» (Любавский М.К., 1892, с. 61–62) и некую «зыбкость» границ, порождаемую, в частности, тем, что в его состав принимались отдельные татарские подразделения; а до 1494 г. и в отношениях между Москвой и Литвой не существовало запретов принимать к себе служилых князей с их владениями (Кром М.М., 1995, с. 80). Подчеркнем еще раз, что подобная же свобода присутство-

вала и в татарских государствах. И это один из показателей того, что в постордынское время в Восточной Европе бытовали свои особые представления о межгосударственных отношениях и отношениях знати со своими сюзеренами. Как увидим далее, и русское, и литовское государства были с ними знакомы и в XV–XVI вв. в соответствии с их предписаниями строили свои внешнеполитические отношения с восточными соседями. Потому-то и в тюркском мире они воспринимались как свои, привычные, понимающие этот мир и придерживающиеся общих взглядов на окружающую действительность. С ними можно сосуществовать и строить отношения на равных. Такое отношение у Москвы и к Москве у ее юго-восточных соседей продолжалось почти до конца XVII в., когда в российском внешнеполитическом ведомстве постепенно начинают переходить и в отношениях с Востоком к правилам европейской международной политики и дипломатической практики. Лишь тогда теряются прежние традиции взаимопонимания, причем не только с народами южного и восточного пограничья, но и другими мусульманскими странами, у которых в представлениях о сосуществовании народов и государств сохранялось многое от тех традиций, которые унаследовала Восточная Европа от ордынских времен (Подробнее см.: Орешкова С.Ф., 2015).

Смерть Хаджи-Гирея (1466) вызвала в Крыму новые политические потрясения. Полуостров превратился в объект вмешательства со стороны постордынских ханств, генуэзцев и польско-литовского государства. Активизируется и местная татарская знать различных племенных объединений, причем не только уже утвердившихся в Крыму «четыре карачи» – Ширин, Аргын, Барын и Кыпчак, но и других племен, которые также пытались оказывать влияние на выборы удобного им хана (подробнее см.: Пономарев А.Л., 2014). Вначале во главе Крыма оказался Нур-Девлет, старший сын Хаджи-Гирея, затем в 1468 г. он был свергнут младшим братом Менгли-Гиреем (Inalcık H. 1944, с. 199).

В воцарении и того, и другого какую-то роль явно играли кафинские генуэзцы. Первый после свержения был у них в плену, очевидно, почетном, так как пленных ханычей генуэзцы не раз

использовали как угрозу для правящей верхушки ханства. А Менгли-Гирей, по некоторым сведениям, еще при жизни отца воспитывался в Кафе (Колли Л.П., 1913; Смирнов В.Д., 2005, т. 1).

За века сосуществования в Крыму генуэзских колоний с татарской периферией они выработали для себя определенные традиции взаимоотношений. В Кафе был татарский квартал, в городе жил ханский надсмотрщик – тудун (о нем см.: Голенко О., 2000). Ханы от генуэзских купцов получали определенные платежи, из-за размера которых между ними порой случались распри (Колли Л.Н., 1912, 1913; Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 217–224).

В октябре 1469 г. в письме, адресованном тогдашнему османскому султану Мехмеду II Фатиху (впервые опубликовано: Kurat A.N., 1940, док. № V. В русском переводе этой книги Курата публикуется османский текст письма без перевода, но дается транскрипция его, на наш взгляд, не очень точная, сделанная кириллицей), Менгли-Гирей сообщает, что некие османские подданные разбойничают в Крыму, а галеры капитана Якуба совершили нападение на Кафу, изрядно пограбив ее. Прося султана призвать своих людей к порядку и защитить эту генуэзскую крепость, хан объяснял свою просьбу тем, что Кафа – это подчиненный ему город. Из этого послания можно сделать следующие выводы: во-первых, ни у хана, ни у генуэзцев не было тогда сил самим навести порядок на полуострове, во-вторых, османы исподволь уже основательно проникли на крымскую территорию, и, наконец, в-третьих, защитить выгодных для себя колонистов хан надеялся, объявив их своими подданными, что объяснялось тогдашними враждебными отношениями Османской империи с Генуей и Венецией. С последней в 1463–1479 гг. у османов шла война, а генуэзцы, помогавшие византийцам при турецком взятии Стамбула, еще ранее были объявлены врагами Османской империи (о документе см.: Le Khanat..., 1978, с. 41–44; Зайцев И.В., 2004–1, с. 71).

Менгли-Гирей называл себя в этом документе «братом» султана, т. е. правителем, равным по статусу. Любопытно, что хан Большой Орды Ахмад в письме тому же Фатиху, написанном несколько позже (1476/1477 гг. – 877 г. хиджры), прося подтвердить дружбу, существовавшую еще «между нашими отцами и дедами», также

называл себя «братом» султана, но при этом ждал от него «ярлыка с нишаном», т. е. документа, традиционно означавшего подчиненность сюзерену (Зайцев И. В., 2004–1, с. 90–91).

Такие протокольные несоответствия говорят о том, что в субординации постордынских правителей было много неясного даже для них самих. Амбиции зачастую намного превосходили те властные возможности, которыми располагали те или иные ханы. Между ними шла жесточайшая борьба за власть и территории.

В последние два года правления Хаджи-Гирея Крымское ханство прочно утвердило себя как самостоятельное государство. При Менгли-Гирее приходилось все начинать сначала и снова бороться за свой суверенитет с другими тюркскими государственными образованиями. Помощи от Литвы на этот раз не было – там поддерживали его братьев-соперников. Как увидим далее, именно в это время в Крымском ханстве в качестве возможного союзника начинают рассматривать далекую Москву.

Для борьбы с Большой Ордой оба первых Гирея усиленно собирали воинство. Как говорится в одном из местных источников, «Хаджи-Гирей умел привлекать сердца... Он во время своего правления собрал в Крым значительное количество народа с Волги» (Негри, с. 381, а также Смирнов В. Д., 2005, т. 1, с. 206). Ту же политику продолжал Менгли-Гирей. Однако силы большеордынских ханов все равно намного превосходили крымские. Менгли-Гирей был свергнут. Против него выступили и кафинцы, попытавшиеся снова поддержать Нур-Девлета, но и на этот раз им это не удалось. На крымском престоле оказался Джанибек, ставленник Ахмата, хана Большой Орды. Как отмечают исследователи, период 1475–1478 гг. оказался наиболее темным в истории ханства (Смирнов В. Д., 2005, т. 1, с. 235). Независимость им фактически была потеряна.

Во второй половине 1475 г. османскими имперскими властями к крымским берегам была направлена новая морская экспедиция под командованием великого везира Гедика Ахмед-паши. На этот

раз это было уже настоящее военное предприятие, в результате которого османы ликвидировали все генуэзско-венецианские колонии в Причерноморье и подчинили себе принадлежавшие им территории (см.: Руев В.Л., 2014; Мыц В.П., 2009), что и было тогда их главной целью. По этому поводу султан издает фатх-наме, т. е. манифест об успешном завоевании, из которого явствует, что османы оценивали это свое приобретение как славную победу, которая потребовала от османского воинства большого напряжения сил (Cazacu M., Revonian K., 1978, с. 506–511; La Khanat, 1979, с. 45–51).

Крымское ханство не интересовало тогда османов как возможный объект завоевания. Более того, известно, что татарский отряд под командованием Ширин-бея Эминекка с суши помогал османскому флоту в его действиях против генуэзских крепостей, т. е. выступал их союзником (Kurat A.N., 1940, док. VIII; Kurtoglu F., 1937, т. 1, с. 3–4, док. IX; La Khanat, 1979, с. 61–65).

Ко времени османской экспедиции в Крым Менгли-Гирей уже не был ханом и находился в заточении, предположительно вначале в Мангупе, а позднее у генуэзцев в Кафе. Власти и того, и другого (т. е. Мангупа и Кафы) явно приберегали и этого хана, и других ханычей для того, чтобы позднее, при появлении такой возможности, снова включиться в борьбу за власть. Есть предположение, что из этого своего заточения Менгли-Гирей обращался за помощью к османскому султану и будто бы поход Гедика Ахмед-паши на Крым был организован именно в ответ на это ханское обращение. Документальных доказательств этого, однако, не выявлено. Очевидно все-таки, что стремление к ликвидации генуэзско-венецианских торговых факторий, оказавшихся в тылу османских владений, было для османов более весомой побудительной причиной организовать военную экспедицию в Крым, чем призывы (если они даже и были) некоего отставного чингизида. Вызывает сомнение и утверждение В.Л. Руева о том, что «ключевым обстоятельством вторжения османов в пределы Феодоро и генуэзцев в Северном Причерноморье явились события в Подунавье». Крымский полуостров, по предположению этого автора, «мог стать одним из вероятных плацдармов для нападения турок на Молдавию». Специалисты по истории

Дунайских княжеств справедливо отмечают, что «само положение княжеств в регионе выдвигало на первый план в их внешней политике османскую проблему» (Семенова Л.Е., 2006, с. 15). Однако это не означает, что для османов события в этом пограничье были первоочередной задачей. Их более влекли Средиземноморье и Центральная Европа. В то же время они, конечно, стремились обезопасить свои северные границы, требуя от местных правителей признания их верховенства и в знак этого уплаты определенной дани. На протяжении всего периода своего господства в этом пограничном районе османские власти сохраняли княжества в вассальной зависимости и не стремились перевести их под прямое имперское управление. Для империи это была периферия, призванная охранять основные имперские территории. В.Л. Руев упрекает исследователей этой проблемы в «поверхностном рассмотрении этого вопроса» и, как он пишет, неулавливании «следственных связей вторжения турок в Крым», подозревая под этим то, что «Крым мог стать одним из вероятных плацдармов для нападения турок на Молдавию». Этот автор написал интересную работу, опирающуюся как на документальный, так и на археологический материал, в которой выявлено много новых деталей самого хода завоевания (Руев В.Л., 2014), но нельзя забывать, что внешняя политика (и история вообще) очень многогранна. То, что видится с одной стороны (в данном случае из Крыма и Молдавии), совсем иначе выглядит со стороны противника (т. е. Османской империи). Все-таки главным для османов в то время было не подчинение Крыма и Молдавии, а преодоление генуэзско-венецианского торгового противостояния. Остальное – будни имперского строительства. Потому-то они и не спешили с внутренними преобразованиями в княжествах (подчиняя, но не разрушая собственную государственность своих пограничных вассалов) и с установлением своего господства над ханством. Для понимания крымских событий важно то, что хан Менгли-Гирей был освобожден и снова возведен на престол именно османскими войсками. Турецкий историк А.Н. Курат выявил в османских архивах письмо хана, датированное июлем 1475 г., адресованное какому-то высокопоставленному лицу османской администрации. Точно установить адресата публикатор не смог, предположив, что, возможно, оно адресовано

садразаму (командующему, т. е. великому везиру, стоявшему тогда во главе османских войск, действовавших в Крыму). Это, однако, маловероятно, так как тогдашний садразам Гедик Ахмед-паша упоминается в тексте письма в качестве одного из фигурантов описываемых событий. В письме хан благодарит бога за освобождение, сообщает, что Кафа теперь вошла в «мир ислама» (дар уль-ислам). Сам он послушен и покорен падишаху, обязуется быть другом друзей падишаха и врагом его врагов, что зафиксировано в клятвенном обязательстве, составленном им вместе с Ахмед-пашой (ахд ве шерт кылдук), и при этом просит защитить от происков каких-то врагов, желающих опорочить его перед султаном. Знаменательно, что в письме он называет себя уже не «братом», как раньше, а рабом падишаха (Kurat A.N, 1940, док. VI; османский текст документа и его толкование – наше и других авторов см. в приложении).

Изучавший джучидо-османскую дипломатическую документацию М. А. Усманов констатирует, что именно после 1475 г. в крымских документах наряду с появившимися в них самоуничижительными формами интитуляции адресантов начинает исчезать и один из основных атрибутов монарших чингизидо-ханских посланий – оттиск квадратных печатей (Усманов М. А., 1979, с. 131). Следовательно, именно с этого времени можно говорить об изменившемся статусе крымского ханства и о начале какой-то подчиненности его османским султанам.

В Крыму тогда, хотя Менгли-Гирей и был восстановлен на ханском престоле с османской помощью (что было отмечено даже в русских летописях), фактически продолжала бушевать внутренняя анархия (Смирнов В. Д., 2005, т. 1, с. 215–233.). Этим пытались воспользоваться как другие татарские юрты Восточной Европы, так и Польско-Литовское государство. Последнее с первых лет существования Крымского ханства играло в его судьбе, как мы уже отмечали, значительную роль. В предосманский период оно снова восхотело получить собственный выход к Черному морю, а потому активизировало свою политику в отношении Молдавии и причерноморских генуэзцев, а также более активно стало вмешиваться в крымские дела. Казимир Ягеллон, поддерживая дружеские отношения с Большой Ордой, не прочь был разделить с ней сферы влияния

и потому не препятствовал ее стремлению в Крым. Пытавшийся противостоять этому Менгли-Гирей летом 1476 г. был наголову разбит (Inalcık H., 1944, с. 211–214) и снова лишился ханского престола, полученного было с помощью османов. Какое-либо вмешательство османов в эти события не просматривается, но известно, что сам хан после своего свержения сумел укрыться в Стамбуле. Как пишет В.Д. Смирнов, проанализировавший имевшиеся в его распоряжении известия по этому поводу, не все источники это подтверждают, а объясняют вообще по-разному (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 218–235). Опубликованное в 1940 г. А.Н. Куратом письмо Эминека султану снимает многие сомнения. После 1476 года и до весны 1478 г. Менгли-Гирей действительно находился в Стамбуле. Письма Эминека и некоторые известия о крымских событиях того времени, доходившие тогда до Москвы, подробно изложены в работе А.М. Некрасова, являющейся в настоящее время наиболее подробным и документированным исследованием этого периода крымской истории (Некрасов А.М., 1990, с. 36–56). Некоторые предположения этого автора, однако, на наш взгляд, вызывают сомнение (см. наш комментарий к письму Менгли-Гирея в приложении).

Нам представляется, что после утверждения османской власти на крымском побережье суть событий, развертывавшихся тогда в ханстве и северо-западном Причерноморье, состояла в следующем: в начале 1475 г. османские войска предприняли поход против Молдавии, незадолго до того отказавшейся платить дань османам и вошедшей в вассальные отношения с Польшей, а затем (так как Польша, занятая борьбой с Тевтонским орденом, не могла помочь ей тогда в борьбе против османского подчинения) и Венгрией. Молдавский господарь Штефан чел Маре (Стефан Великий – 1457–1504), установив отношения с Венецией, папством, правителями Мангупа, антиосманской оппозицией в Валахии и Трансильвании, попытался стать объединителем антиосманских сил в Европе. Османам не сразу, но в конце концов удалось сломить молдавское сопротивление (Paracostea Ș., 1973; Cemil T., 1991, 1992; Семенова Л.Е., 1984 и 2006). В их военных предприятиях против Молдавии активное участие принимал крымский карачи-бек Эминек с ширинскими

войсками. Именно Эминек, глава ширинского рода, фактически возглавлял тогда проосмански настроенную часть крымского общества. Он, как и Менгли-Гирей, был обижен кафинцами – в 1475 г. лишен должности тудуна, ханского представителя в Кафе. Позднее же, как мы увидим далее, именно он сыграл значительную роль в дальнейшем становлении ханства и судьбе Менгли-Гирея (не стоит, правда, называть его тогдашним правителем ханства, как это делает И. Барбаро – см. приложение к главе 1. Этого не было, да и не могло быть, так как Эминек не был чингизидом).

В Крым (очевидно, после какой-то неудачной попытки Менгли-Гирея организовать поход против Большой Орды) вторглись вначале ордынские войска «царевича» (так в русских документах, см.: Сборник Русского исторического общества. СПб, 1884, т. 41, с. 9) Джанибека, поддержанные братом Эминека Хаджике с частью недовольных Эминекон ширинцев и племенем барын во главе с Абдуллой, а позднее, но в том же 1476 г., и основное войско Большой Орды. Именно к этому времени А.М. Некрасов, вслед за М.Т. Сафаргалиевым (Сафаргалиев, 1960, с. 270–271) и А.П. Григорьевым (Григорьев А.П., 1987, с. 28–84) и вопреки мнению К.В. Базилевича (Базилевич К.В., 1948, с. 45–46), В.Д. Назарова (Назаров В.Н., 1983, с. 42), Э. Кинана (Keenan E, 1966, с. 33–47), относит известный «ярлык» хана Большой Орды Ахмата, сохранившийся в «Синодальной рукописи» XVII в., где сообщается, что ордынский хан стал в Крыму «всеми четырьмя копыты», а крымские царевичи «по ордам разбежались» (цит. по: Некрасов А.М., 1990, с. 46–47; о документе см. также Зайцев И.В., 2004–1, с. 72).

Как видим, хан, признавший свою зависимость от османов, в 1476 г. потерял власть, но это никак не было связано с его согласием на османское подчинение либо каким-то недовольством, проявленным в его адрес этими новыми его покровителями. Виной тому – племенная, внешнеполитическая и династическая борьба в регионе. Менгли-Гирей вынужден был укрыться при султанском дворе в Стамбуле. Как явствует из опубликованных в настоящее время его писем, по своим насущным проблемам он мог обращаться непосредственно к султану, т. е. явно сохранял свой высокий социальный статус (Kurtoglu F., 1938, документ XII, с. 648), хотя в крым-

ских преданиях сообщается, что его чуть ли не пытались продать, как простого раба, на стамбульском рынке.

В эти годы между Стамбулом и Большой Ордой шли оживленные посольские пересылки. В одном из писем Мехмеда II хану Большой Орды Ахмату султан сообщал, что он овладел районом Кафы (Мемлекет-и Кефе), т.е. явно обозначил свое присутствие в Крыму, а также писал о своем походе в Молдавию. И в этом письме, и в ответе Ахмата, подтверждавшем «дружбу» и «братство» двух правителей, не содержится каких-то сведений о Крымском ханстве. Султан явно принимал данность, не стремился к конфликту и признавал верховенство Большой Орды над татарским Крымом. Подробно отношения Большой Орды с Османской империей и в том числе их переписку проанализировал И.В. Зайцев (Зайцев И.В., 2004–1, с. 49–82).

Остававшийся верным османам Эминек Ширинский продолжал держать их в курсе происходящего на полуострове. Ни один из появлявшихся там ордынских или местных ханов и ханычей так и не сумел справиться с внутренней анархией, и в конце концов Эминек обратился к султану Мехмеду II с просьбой «от всех беев и всего населения», которое явно устало от смут и раздоров, прислать в Крым Менгли-Гирея и сделать его их ханом (Kurat A.N., 1940, документ IX; об этом ходатайстве Эминекка говорит и Барбаро – см. приложение к главе 1). В.П. Мыц предполагает, что фактическим правителем Крыма оставался тогда Эминек. Доставку же Менгли-Гирея из Стамбула в Кафу он расценивает как «откровенный политический шантаж Мехмедом II правителей Крымского ханства». Самовольное же будто бы бегство хана из Кафы в Солхат, описанное Барбаро (см. приложение к главе 1), трактуется этим исследователем как некое нарушение Менгли-Гиреем данных османским властям «обязательств» (документы о которых, как подчеркивает В.П. Мыц, до сих пор не обнаружены) и «овладение престолом Крымских ханов без «благословения» на то Мехмеда II» (Мыц В.П., 2009). Это последнее утверждение вызывает сомнение. Внутренние распри после прибытия в Крым Менгли-Гирея, конечно, сразу не прекратились, но достоверно известно, что зимой 1478–1479 гг. с османской помощью (или,

по крайней мере, с их поощрения) Менгли-Гирей в третий раз вошел на ханский престол. Он сам в одном из своих более поздних писем писал, что в 1478 г. по приказу султана вернулся в Крым (Kurtoğlu F., 1938, док XII). Османское покровительство оказалось тогда единственной возможностью, которая позволяла Крымскому ханству сохранить для себя какую-то форму государственного обособления. Потому-то нельзя не согласиться с утверждением турецкого профессора Х. Иналджика: «У Крымского ханства перед угрозой Сарая, который никогда и ни при каких обстоятельствах не хотел признавать его существования, не осталось иного выхода, кроме как опереться на Османскую империю» (Inalcik H., 1944, с. 210).

Итак, это было выгодно Крымскому ханству, но и Османской империи давало возможность не только сокрушить «неверных» генуэзцев, но и распространить свою власть на единоверных татар, представ перед ними не как завоеватель, а как «умиротворитель... и водворитель в их стране порядка» (Смирнов В. Д., 2004, т. 1, с. 221). Эминек предложил для этого удобный момент, но само это событие могло произойти лишь потому, что некие покровительственно-подчиненные (вассальные) отношения Менгли-Гирея и его ханства были уже установлены раньше. Поэтому нам представляется, что не стоит датировать начало османо-крымских вассальных отношений 1479 г. (т. е. вторичным османским утверждением Менгли-Гирея на ханском престоле), как это предлагают некоторые исследователи (см.: А. М. Некрасов, 1999; Schmidt Y., 1991). Процесс их установления и оформления не был одномоментным, но начало его восходит все-таки к 1475 г. Именно тогда Крым начал свое вхождение в османский мир, причем добровольно, пытаясь защититься от ордынской стихии. Османы же отнеслись к крымскому желанию благосклонно, но не проявляя какой-либо собственной инициативы в этом направлении.

Суть происходящего поясняет и еще одно характерное для того времени происшествие, на которое обратил внимание Ш. М. Мустафаев, являющийся в настоящее время наиболее серьезным исследователем анатолийской туркменской среды того времени и её противостояния османскому миру. Ибн-Кемаль, современник событий,

зафиксировал такой факт: Менгли-Гирей, подчинившись османскому султану, попросил себе белый головной убор (ak bōrk), т. е. такой, которые носили приближенные слуги султана и янычары – капы кулу. (Об истории и значении этого головного убора см.: И. Е. Петросян, 2019, с. 41). Этим он хотел выделить себя из массы воинов тюрок, носивших красные колпаки, показать себя преданным рабом трона (Мустафаев Ш. М., 2017, с. 335). Очевидно, он понимал, что ему и его ханству надо как-то отмежеваться от только что сломленной османами «тюркоманской» кочевой стихии Анатолии и влиться в имперскую структуру как некое особое, преданное династии, покровительствуемое ею вассальное подразделение. Не случайно и то, что позднее, при оформлении государственной структуры Османской империи, Крымское ханство рассматривалось османскими властями как часть Румелии, т. е. европейской части этого государства, тогда как соседствующие с ним северокавказские владения считались относящимися к Анатолии.

В 70-е гг. Османская империя все еще была занята проблемами Молдавии (см.: Гонца Г. В., 1984; Семенова Л. Е., 2006), подчиненность которой также постепенно вводилась в рамки еще одного османского пограничного вассала. В балканистической литературе бытует мнение, что после взятия Константинополя главной целью османской политики стало «приобретение ключевых позиций на Черном море и на Дунае, открывавших дорогу в Северное Причерноморье и в области Нижнего и Среднего Подунавья» (Семенова Л. Е., 2006, с. 78). Этот тезис, однако, требует уточнения. Если Среднее Подунавье могло служить для османов воротами в вожденную ими Центральную Европу, османский натиск на которую не прекращался на протяжении XVI–XVII веков, то Северное Причерноморье и Нижнее Подунавье оставались вне их экспансионистских интересов. Сохранение, несмотря на неоднократные мятежи и господарское своеволие, вассального статуса Дунайских княжеств, свидетельствовало о том, что османские власти рассматривали их как некий ограничительный барьер территориального расширения имперских владений в северо-восточном направлении. Статус самостоятельной административной единицы и мягкий вассалитет, предоставленные расположенному по соседству Крымскому ханству

в условиях, когда османские войска победоносно прошли по Крыму, сокрушив и генуэзцев, и христианское княжество Мангуп (подробности этих событий см.: Мыц В.П., 2009; Руев В.Л., 2014), также подтверждают удовлетворенность османских властей достигнутыми результатами и отсутствие у них тогда стремления развивать свою внешнеполитическую экспансию в этом направлении. Кафа и отторгнутые от Молдавии в 1484 г. Килия и Аккерман, взятые имперскими властями под свое непосредственное управление, должны были осуществлять контроль за этими пограничными вассалами (см.: Beldiceanu N., 1954, 1964, 1983).

Когда мы говорим, что Крым становится османской вассальной территорией, то, конечно, объясняем происходившие там события «а ля европейски» и потому в чем-то искажаем тогдашнюю реальность, позволяя читателю подходить к османо-крымским отношениям с мерками, характерными для европейской средневековой действительности. А между тем у османов были свои представления об отношениях государства-сюзерена и тех, как правило, окраинных владений, которым они под своим контролем позволяли сохранять собственные властные структуры и довольно значительную свободу в их внутри- и внешнеполитической деятельности. Еще раз повторим уже звучавший у нас тезис – это была иная, не европейская, культура отношений между народами, государственными структурами и религиозными конфессиями.

И.В. Зайцев пишет по этому поводу: «Политическая практика свидетельствует в пользу подчиненности ханов Крыма османским падишахам, тогда как с точки зрения исламской теории государственной власти крымские ханы оставались независимыми и суверенными монархами» («Османский мир и османистика», 2010, с. 289–297).

Попробуем разобраться в этом противоречии. Подчинение, причем добровольное, бесспорно, было, но при этом ханство не утратило права сношений с другими странами. Особым образом, но заключало выгодные для него соглашения, вело свои, не связанные с имперскими интересами войны, имело традиционное для востока право суверенного государя чеканить свою монету, а в первом столетии своего подчиненного существования даже и прославлять

в пятничной молитве имя своего хана как самостоятельного властелина своей земли (т. н. право хутбы) без какого-либо упоминания имени султана. И все это с разрешения верховного правителя. Конечно, это не похоже на вассальные подчинения европейского типа. И все-таки это было подчинение – добровольное, вынужденное, признанное обеими сторонами и толкуемое как милость, оказанная султаном просящей его об этом единоверной стране. То, что мы называем османским вассалитетом Крыма, складывалось постепенно и видоизменялось на протяжении веков. Это особая тема и особые отношения, требующие специального и тщательного рассмотрения. В ходе дальнейшего изложения материала об османско-крымско-российских отношениях мы отметим лишь те ее проявления, которые необходимы для понимания этих отношений. Пока же еще раз подчеркнем, что здесь была своя специфика, отличающая османский вассалитет от подобных отношений в Европе. Как справедливо подчеркивают В.В. Трепавлов, Д.А. Мустафина и И.А. Мустакимов, в востоковедной исторической литературе в применении к средневековью все еще не выработаны общие критерии для таких определений, как подданство, протекторат, вассалитет, союз, а потому нет единства в понимании этих терминов (Трепавлов В.В., 2015; Мустафина Д.А., Мустакимова И.А., 2017, с. 1457).

Существование Крымского ханства в рамках османской государственности на первых порах предоставило ему определенную свободу для становления местного общества. Крым оставался многонациональной и многоконфессиональной страной при крымско-татарском и исламском верховенстве. Социальная структура его еще не устоялась, приток кочевников продолжался, разграничение северных территорий не было завершено, внешняя опасность для существования ханства, исходившая прежде всего от ордынских сородичей, тоже не была устранена.

В исторической литературе, на наш взгляд, совершенно необоснованно большое внимание уделяется поискам документальных доказательств установления осmano-крымских вассально-протекторальных отношений. Обязательное наличие документа, оформляв-

шего вассалитет, причем определяющего не только форму покровительства синьора, но и права и обязанности вассала, – это явно европейский взгляд на проблему. Правда, упоминания о какой-то «договоренности» Менгли-Гирея с османскими властями действительно встречаются в османо-крымских источниках. Об этом говорится, как уже было сказано, в письме хана 1475 г., где он сообщает о своей послушности и покорности падишаху и некоем акте Гедика Ахмед-паши, фиксирующем это. Позже у османского историка Джаннаби глухо говорится о неких обязательствах Менгли-Гирея, предписанных ему в 1479 г. Более определенно о договоренности хана с османскими властями сказано у турецкого путешественника середины XVII в. Эвлии Челеби. Последний приводит слова тогдашних крымских знатоков своей истории, отвечавших на вопрос османских гостей: «А по какой причине Крымский остров вошел под руку рода Османов?». Ответ был таков: «Гедик Ахмед-паша с помощью Менгли Герай-хана захватил из рук генуэзских франков крепость Кефе, и крепости Судак, Керш, Балаклаву. Ин-керман и Сар-керман, какие битвой, какие милостью. ... Крепость Кефе стала тронем рода Османов. От наших ханов Менгли Герай-хан заключил договор с вашим султаном ... Пусть степи Крымского острова будут ханские, а крепости на побережье пусть все будут рода Османов. В качестве залога пусть один из крымских шахзаде находится в городе Янболи». С того дня половина Крыма – османская, а половина – ханская. Затем Менгли-Герай-хан с Баязидом Вели завоевали Аккерман и крепость Килию». В другом месте своих записок Эвлия повторяет те же сведения и добавляет фразу: «и вследствие этого Крымский остров получил устройство и порядок» (Эвлия Челеби, 2008, с. 237, 248). Эти сведения, очевидно, действительно отражают начальные формы османо-крымских взаимоотношений, и не только при Баязиде, но и ранее – при Мехмеде Завоевателе (1451–1481). Подчинение начиналось с признания османского верховенства, территориального разграничения, совместных военных действий и обеспечивалось заложничеством, хотя с этим последним, как мы увидим далее, все тоже было не так просто. Район же Янболу на протяжении всего османского времени оставался одним из главных мест, где на османской территории проживали ханские родичи.

Позднее авторы грани XVII–XVIII вв. и особенно XVIII в., например, Мухаммед-Гирея, говорят о существовании будто бы особого акта, фиксирующего формы крымских обязательств и османских обещаний, как о бесспорно имевшемся документе. Однако, проанализировав все эти материалы, в которых перечисляются взаимные обязательства сторон, В.Д. Смирнов пришел к выводу, что они не выходят за рамки тех приветственных речей, «с которыми султаны обыкновенно обращались к новонареченным ханам при церемонии облачения их в ханские регалии». Они постоянно повторялись в стереотипной форме при назначении и отправлении в Крым каждого нового хана (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 227–240).

На наш взгляд, это в чем-то сродни другой османской традиции – обещанию, которое давал янычарам каждый новый султан при опоясывании его мечом пророка, – повести их за легендарным «Красным яблоком», являющимся конечной целью исламских завоеваний (Фодор П., 1996, с. 24–28; Fodor P., 1989, с. 86–89). Это был определенный ритуал, а не какое-то документально оформленное обязательство. Так и крымский вассалитет был связан не с особым документом, соглашением, какой-то взаимной договоренностью и взятыми на себя взаимными конкретными обязательствами, а с теми традиционными отношениями, которые существовали в османо-исламском мире. И эти традиции там ценились выше, чем их какое-либо формальное оформление. Договоров как двусторонних обязательств вообще ни с кем в османской практике международных отношений не существовало. Вместо них в османском государственном делопроизводстве были широко распространены так называемые ахид-наме. Название происходит от арабского слова «ахд», в османском варианте – «ахид», означающего клятву. Ими султаны обещали что-либо исполнить, чем-то облагодетельствовать и т. п. Но эта «клятва» не была двусторонним соглашением, обещанием, даваемым договаривающейся с ними стороне. Это было согласие султана на исполнение обращенной к нему просьбы. Слово «клятва» для мусульманина могло означать лишь обещание богу. Клясться чем-либо или перед кем-либо, кроме Аллаха, мусульманину было запрещено (см. об этом: *Encyclopaedia of Islam*, 1980, т. 1; Зайцев И.В., 2008, с. 3–8). Такие запреты существуют и в хри-

стианстве, и в других религиях (см.: Стефанович П. С., 2004), однако в мусульманской среде, и особенно в сфере взаимоотношений с иноверцами, эти запреты были особенно строги и живучи. Поэтому-то и султан, давая ахид-наме (т. е. по названию клятвенное обещание), в земных делах продолжал считать себя свободным в своих действиях, да и сама эта клятва относилась лишь к нему лично и не могла рассматриваться как некий документ, оформляющий длительные отношения между договаривающимися субъектами. Так и в данном случае ахид-наме, фиксирующее переход Крыма под османское покровительство, означало лишь султанское согласие, выражение милости, проявленной в отношении страны, которая добровольно решила войти в состав Османской империи.

В последние годы эта, казалось бы, уже решенная В. Д. Смирновым проблема снова всплывает в работах по крымской медиевистике. А. В. Виноградов в своей книге, освещающей историю Крыма XVI в., пишет, что внутриимперское положение Крымского ханства определялось «с одной стороны, договорами Менгли-Гирея I с Портой 1475 и 1479 гг., неоднократно подтверждавшимися последующими ханами, а с другой – сложившейся на протяжении XVI в. практикой военно-политического контроля Стамбула над правителями Бахчисарая» (Виноградов А. В., 2007, с. 61). Что касается второго положения этого автора, то наличие контроля бесспорно, но его ужесточение и введение строгой практики согласованных действий – это уже проблема XVII в. Ранее же ханы имели относительную свободу, разрешенную им специальными указами Порты. О таких разрешениях мы будем говорить далее и приведем тексты соответствующих султанских указов, дающих ханам право самим определять свою позицию в отношении соседей. В этом, кстати, также состояла одна из особенностей османского вассалитета, широко практикуемая в XVI в. и показывающая отсутствие как собственных ее имперских интересов, так и опасности для нее в том или ином регионе. Отсюда меньший и менее заметный контроль, но, конечно, не его отсутствие.

В отношении же договоров следует опять вернуться к проблеме османской специфики международных отношений. И это тем

более необходимо, потому что вопрос о договорах – уже не в назывном порядке, а опираясь, как он считает, на новые источниковые сообщения, недавно снова поставил И.В. Зайцев. Он цитирует уже разбиравшееся нами письмо Менгли-Гирея 1475 г. некому османскому сановнику, в котором, по его мнению, определенно говорится о подписании ханом и Гедик Ахмедом-пашой документа, решившего судьбу ханства. И.В. Зайцев подчеркивает, что письмо не было известно В.Д. Смирнову, а подлинность и время написания его не вызывают сомнения. На этом основании исследователь с безапелляционной категоричностью утверждает, что мнение В.Д. Смирнова об отсутствии османо-крымского договора «лишается основания» (Зайцев И.В., 2009. с. 146). Однако обратим внимание на текст письма и используемую в нем терминологию. Для того документа, который историки позднее стали называть словами соглашение или договор, там используются термины «ахд ве шерт», а это существенно меняет дело.

И ранее турецкий исследователь Х. Иналджик, не отрицая того, что, возможно, существовало какое-то не дошедшее до нас распоряжение султана, связанное с вхождением Крымского ханства в состав империи, писал, что такой документ мог представлять собой лишь султанское «ахид-наме». (Inalcık H., 1944, с. 224). Как и все иные принятые в османском делопроизводстве документы категории «ахид-наме» (см.: Inalcık H., 1965, с. 216; Kololziejczyk D., 2000, с. 3–7), он был распоряжением определенного (конкретного, и касающимся только его) султана, действенным лишь в период его правления. Следовательно, такой документ не мог предписать Крымскому ханству некий длительный статус его пребывания внутри империи. Опять повторяю: условия взаимоотношений ханства со своим сюзереном вырабатывались и совершенствовались на протяжении веков совместного османо-крымского сосуществования. Все обязанности, льготы, выплаты и поощрения ханству, которые давались ему во времена внутриимперского существования, складывались постепенно. Они касались правил утверждения ханов, провозглашения хутбы, чеканки монет, различных выплат ханству за счет имперских доходов, участия ханских войск в османских войнах и денежных поощрений их за это, заложенничества и проживания

отставных ханов на османской территории, контроля за наследованием власти, участия глав виднейших крымских родов в выдвижении своих ставленников на ханский престол, форм связей крымской аристократии с османскими придворными кругами, взаимного контроля пограничных вассалов друг за другом, обязанности донесений обо всем происходящем в ханстве и на его границах в имперский центр и многого другого. В 1475 г. процесс включения ханства в османскую имперскую структуру только начинался. Очевидно поэтому, что следует согласиться с поддержавшими в вопросе о вассалитете В.Д. Смирнова французскими историками А. Бенниксеном и Ш. Лямерсье-Келькежё: «узы вассальной зависимости» между ханами и падишахами не были, по-видимому, определены формальным соглашением. В XV и в начале XVI в. ханы сохраняли полную власть в области внутреннего гражданского и военного управления. Они только признали османского падишаха верховным сюзереном, что давало ему право, впрочем, весьма формальное, потребовать от них присоединиться во главе татарских армий к великой армии империи (цит. по: Зайцев И.В., 2009, с. 144; Бенниксен А., 1972).

И.В. Зайцев в своей докторской диссертации «Крымская историографическая традиция XV–XIX веков» подробнейшим образом проанализировал три сохранившихся рукописных текста так называемой «Анонимной истории» (Зайцев В.И., 2009, с. 135–157). Ранее о ней писали В.Д. Смирнов, З. Абрахамович, А.Н. Некрасов. С парижской рукописи сочинения был сделан перевод на французский язык, опубликованный Казимирским и Жобером (библиография там же). Главное внимание в своем анализе этого сочинения И.В. Зайцев сосредоточил на том, что в этой истории, «составленной на закате ханства (около 1782 г.) каким-то ностальгически настроенным представителем крымской знати, сохранился текст (а скорее адаптированный шаблон) соглашения, которое в 1475 г. определило статус крымских ханов и их отношение к османским падишахам» (там же, с. 156–157).

Свои соображения относительно нереальности существования подобных документов в исламском имперском государственном делопроизводстве, где существовала своя особая практика внутри-

имперского подчинения народов и областей (как, кстати, и союзных отношений с другими странами) и не всегда понятные европейцам способы их официального оформления, мною уже были высказаны. Напомню, что не только историки, но и европейская дипломатия не раз попадала впросак, не понимая этой специфики. Примером такого непонимания может служить (хотя и поздний, но один из наиболее впечатляющих) дипломатический провал шведского короля Карла XII, бежавшего после разгрома под Полтавой на османскую территорию и считавшего, что у него имеется договор с Портой о совместной борьбе против России. Когда же великий везир после Прутской победы над Петром I подписывал мир с Россией, шведские интересы в нем учтены не были. На упреки Карла о несоблюдении турецкой стороной союзной договоренности ему ответили, что у Порты нет обычая с кем-либо заключать какие-либо договоры и она действует лишь исходя из своих собственных интересов (см.: Орешкова С.Ф., 1971). Если так можно было поступить с одним из европейских монархов, то о каких договорных обязательствах можно говорить в отношении правителей, признавших османский сюзеренитет и вошедших в османское имперское содружество (о том, как сами османы приобщались к европейской практике международных отношений и какие ошибки делали на этом пути, см. нашу работу 2015 г.)?

Между тем тексты неких договорных документов, правда, довольно позднего времени, действительно существуют, и это требует объяснения. Тот же И.В. Зайцев подметил, что «накануне падения ханства у части крымской элиты возникает стремление увековечить собственную историю» (там же, 2009, с. 135). Как нам думается, дело не ограничивалось лишь увековечиванием. Было стремление и к возвеличиванию, подчеркиванию особого статуса ханства в османской государственной структуре. К тому же к этому времени элита уже была в какой-то степени знакома с европейской практикой международных отношений и государственного строительства. Отсюда вытекало и появившееся у нее европейское понимание договоров как взаимных обязательств.

В XVII–XVIII вв., когда был установлен более сильный контроль османского имперского центра за северными вассальными

территориями, а само это направление постепенно становится главным объектом внешнеполитического внимания империи, в правящих кругах не только Крыма, но и других османских вассальных государственных образований региона явно возрастает интерес к европейскому международному праву. Тогда-то и стали искать какие-то документы, якобы дарованные султаном своим вассалам и гарантирующие их особый статус внутри Османской империи. Наибольшую активность в этом плане проявила знать Молдавии и Валахии, которая даже прибегла к некому «воссозданию» таких документов-капитуляций (т.е. по сути дела к составлению неких фальшивок собственного сочинения. См.: Орешкова С.Ф., 1961). В Дунайских княжествах за образцы для подобного «творчества» брались османские документы, гарантировавшие определенные льготы европейским торговцам, осуществлявшим свои операции на территории империи. По-турецки они именовались имтиязат, а в европейские языки вошли с названием капитуляции (т.е. некие статьи – капитулы). Не было учтено, правда, что в османской практике такие документы хотя и существовали, но относились лишь к торговым делам и никогда не использовались ни как политические соглашения, ни как документы, регулирующие внутриимперские взаимоотношения. В «воссоздаваемых» же капитуляциях содержались будто бы султанские акты, обещавшие княжествам в обмен на уплату дани некую автономию в османской имперской структуре. В отношении княжеств эта проблема широко обсуждалась в историографии Румынии и среди наших специалистов, занимающихся румынской историей (подробно эта проблема была освещена Л.Е. Семеновой, 1987, 1991, 1998, а особенно 2006, с. 20–65). Был сделан вывод, что эти «документы» не отвечают реалиям XVI в. Это позднейшие измышления, призванные возвысить роль княжеств в империи и помочь им вырваться из-под османского владычества. Прослежено даже авторство этих текстов, время появления и попытки их использовать в дипломатических переговорах конца XVIII в.

Что-то похожее, как нам представляется, намечалось в XVIII в. и в исторической публицистике Крыма. Тогда-то и заго-

ворили о крымско-османских договорных соглашениях, обещавших будто бы особый статус Крымскому ханству. Но ведь о подобных документах ранее не упоминалось ни в одном из султанских бератов, которые санкционировали назначение или смещение ханов. Не упоминалось о них и в случаях явного превышения султанскими властями своих традиционно принятых полномочий, например, при казни хана Инает-Гирея по распоряжению Мурада IV, т.е. тогда, когда предоставлялся случай напомнить об этом «акте государственной важности». Очевидно, как писал В.Д. Смирнов, приводя вышеуказанные доводы, такое соглашение не могло быть реальностью, а порождалось лишь проявившейся позднее «национальной гордостью» наследников Менгли-Гирея (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 41). Напомним, что это Восток, власть силы и покорности этой силе, некая возможная изменчивость во внутренней сути отношений, но при сохранении постоянных обычаев и традиций – все это не нуждалось в документальных обязательствах, но было порой крепче европейских международных договоров. Так и отношения ханства и Порты держались не документом, а «хранившимся с обеих сторон преданием» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1. с. 244.).

Для понимания настроения крымской элиты XVIII в. и тех властных полномочий, которые она хотела бы себе гарантировать внутри имперского государства (либо в некой иной структуре своего будущего постимперского существования – ведь речь идет о периоде, когда в Европе уже начинали думать о разделе османского наследства), приведем те пункты, которые включались в якобы заключенные с султаном в XV в. соглашения.

Первый вариант султано-ханских соглашений – так называемый «восточный»: 1) Никто из нас не должен творить убийства, если бы даже, в противность закону, и выступил один против другого. 2) Оказывая во всех делах друг другу помощь, мы будем мстить врагам нашим. 3) Имеющие быть после тебя (т.е. Менгли-Гирея) ханы будут присягать мне и тем, кто будет после меня; отрешение и назначение (ханов) пусть принадлежит падишаху османскому. 4) Назначение кадиев для народа, находящегося в Кафе, Мангупе и их окрестностях, равно как и взимание десятины, тоже

принадлежит османцам. Крымские же ханы не должны в это вмешиваться, а османский падишах не касается права хана чеканить свою монету. (Смирнов В.Д., 2005, с. 240; Зайцев И.В., 2009, с. 140. В основе текста – перевод Казимирского из «Анонимной истории» 1782 г.).

Есть еще варианты этого «договора», фигурирующие в различных европейских изданиях – от Пайсонеля до Хаммера, которые В.Д. Смирнов суммировал в семи пунктах: 1) Султан никогда не должен возводить на ханство никого, кроме царевичей из рода Чингизидов. 2) Порта никогда ни под каким предлогом не может подвергать смертной казни никого из фамилии Гераев (Гиреев). 3) Владения ханов и другие местопребывания членов дома Гераев должны быть признаваемы неприкосновенными убежищами для всех, кто бы ни находил в них себе приют. 4) На общественной по пятницам молитве, хутбе, после имени султана должно быть поминаемо имя хана. 5) Ни на какую письменную просьбу хана не должно быть отказа со стороны Порты. 6) Хан во время похода имеет пятибунчужный штандарт. 7) Во всякую кампанию хан должен получать от Порты сто двадцать кисетов золота на содержание своей лейб-гвардии и восемьдесят кисетов на своих мурз и капыкулу. (Смирнов В.Д., 2005, с. 236). Перечисляя все эти пункты существовавшего будто бы договора, В.Д. Смирнов делает логичный вывод: знакомство с ними «утверждает в нас убеждение, что предание об этом договоре принадлежит к области вымысла» (там же, с. 240).

Что же касается ахд-наме и шертной грамоты (ахд ве шер), о которых идет речь в опубликованном А.Н. Куратом письме Менгли-Гирея, то сомневаться в их существовании действительно оснований нет. Как удачно сформулировала Л.Е. Семенова, «Порта посредством односторонних актов приводила в состояние зависимости более слабые страны, которые под угрозой войны или завоевания были вынуждены откупиться» данью или иной формой подчинения. Это-то и оформлялось султанским ахид-наме» (Семенова Л.Е., 2006, с. 54). Надо только не забывать об особом характере таких документов, придающем иную суть взаимоотношениям и их условности.

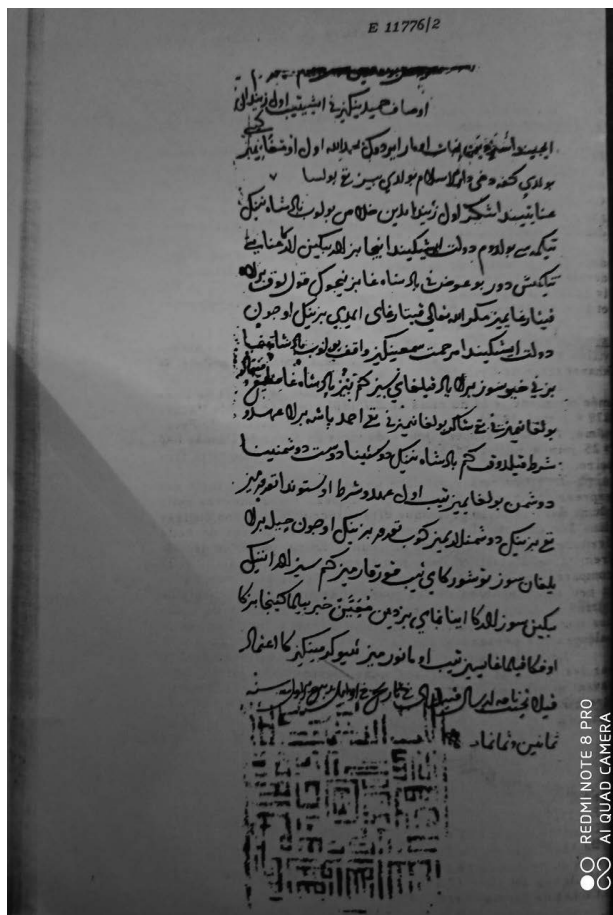
И. В. Зайцев (там же, с. 146) подчеркивает, что используемая в подобных документах формулировка «быть друг другу другом и недругу недругом» типична для джучидских шертных грамот. О шертных грамотах и этой формулировке мы будем в дальнейшем еще говорить подробнее в главе об установлении русско-крымских отношений, а пока же лишь отметим, что ахд (ахид) – наме и шертные грамоты – это однотипные документы. «Ахд ве шерт» дословно переводится как «клятва и условие». Но это не договор, а жалование, милость правителя, обещающего перед богом взять под свое покровительство того, кто выразил желание признать его верховенство. Кстати, термином ахд османские источники, описывая еще первые завоевания Орхана, фиксировали сдачу османам ранее осажденных ими византийских крепостей (Петросян И. Е., 2019, с. 22). Здесь тоже имелись в виду милость, взятие под покровительство, а возможно, и некие льготы как плата за отказ от сопротивления.

Итак, еще раз подчеркиваем: в Восточной Европе после падения Золотой Орды и по крайней мере до конца XVII в. (а порою и позднее, как это произошло с Карлом XII) все отношения между государственными образованиями строились в традициях иной, не европейской политической культуры. Это касалось и формы дипломатических документов, и тех формально-протокольных разногласий, которые возникали порой между взаимодоговаривавшимися сторонами, и менталитета местных правителей. Новые государства региона переживали период своего становления и утверждения в окружающем их мире, приходя в него со своими представлениями, амбициями, усваивая культуру взаимоотношений как Европы, так и мусульманского Востока.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Арабописьменный текст османского документа

Документ хранится в стамбульском архиве Топкапы (E.11.776/2).
Воспроизводится текст, опубликованный в сборнике османских документов, подготовленном французскими исследователями (*Le Khanat ...*, 1978, с. 56).

Письмо Менгли-Гирея I было написано 5–15 июля 1475 г., т. е. спустя всего лишь пять-шесть недель после взятия Кафы османами. Оно было впервые напечатано турецким историком Акдес Нимет Куратом в 1940 г. в его источниковедческом труде «Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы» (Kurat A. N. Ankara, 1940). Ученый отмечает, что при публикации он располагал лишь фотографией этого документа, представляющей часть письма (19 его последних строк). Ему неизвестен его адресат, а последние строки документа прикрывает оттиск куфической печати Менгли-Гирея.

Книга А. Н. Курата, где опубликовано это письмо, была переведена на русский язык и издана в Казани. Это письмо, однако, было оставлено без перевода, хотя и сопровождается транскрипцией, сделанной на кириллице.

Фотокопия этого письма была опубликована также французскими историками в их «Сборнике документов Крымского ханства, извлеченных из архива музея дворца Топкапы» (Le Khanat... P., 1978, с. 56), там же помещен его перевод на французский язык (с. 57). Именно из этого издания нами был заимствован текст публикуемого здесь документа.

С публикацией А. Н. Курата был знаком К. В. Базилевич, в работах которого имеется перевод этого письма на русский язык (1948, с. 37; 1952, с. III). Этот перевод цитирует А. М. Некрасов (1990, с. 43, 55), оценивший его как более точный, чем позднее сделанный французский.

Это первый из имеющихся в распоряжении историков документ, фиксирующий установление некой зависимости Крыма от Османской империи. Я сознательно привожу здесь именно османский текст письма. Этим я адресуюсь к востоковедам, которые, ознакомившись с текстом, смогут увидеть использованную в нем терминологию и лучше оценить содержание. Пока же, как нам представляется, этот документ исследователями до конца не понят и недостаточно осмыслен.

А. М. Некрасов пишет по этому поводу: «Указание на заключенный Менгли-Гиреем с Гедик Ахмед-пашой «договор и условия» этого договора обычно рассматривается историками как доказательство возведения Менгли-Гирея султанской властью на престол сразу после падения Кафы в качестве османского вассала». Видя в этом расхож-

дение с рассказами османских хроник о пленении хана и пребывании его в Стамбуле, он объясняет это следующим образом: по его мнению, «в письме Менгли-Гирея вовсе не говорится о восхождении его на ханский престол, а лишь о принесении им клятвы верности султану». И еще: здесь «речь идет о договоре между Гедик Ахмед-пашой и Менгли-Гиреем, а не о договоре последнего с султаном» (там же, с. 43–44). Как явствует из этой цитаты, А.М. Некрасов обратил внимание на то, что в письме хана употреблен термин «договор и условие» (*ahd ve şert*), т. е. присутствует некая специфика в устанавливаемых отношениях. В ожидании же его, что кроме соглашения с великим везиром должен был быть и еще некий удостоверяющий документ от султана, и в утверждении, что принесение клятвы верности султану еще не есть возвращение Менгли-Гирея на ханский престол, на наш взгляд, присутствует недоучет этой специфики. Ведь *ахд/ахид* – это и есть султанское распоряжение, от имени султана провозглашенное в данном случае великим везиром Гедик Ахмед-пашой, садразамом крымского похода. Тогдашнее же повторное воцарение Менгли-Гирея в Крыму подтверждают и сообщения Русских летописей (которые, кстати, А.М. цитирует): «туркове ... Ази-Гирееву Орду, Крым и Перекоп, осадилша ... посадилша у них менишого сына Ази-Гиреева Мендли-Гирея» и более позднее, приводимое и нами в тексте: хан Большой Орды «Мендли-Гирея согна, его же турки посадилша». Эти сообщения напрямую перекликаются с известиями, которые содержатся в разбираемом нами источнике.

В последние годы, с легкой руки Э. Кинена и американских исследователей его школы, к сообщениям русских летописей стали относиться весьма недоверчиво. А.М. Некрасов также пишет, что летописные свидетельства «не бесспорны» (с. 46). Конечно, в них, как и в других источниках такого характера, не может не быть многого субъективного. Однако в данном случае, думается, к сообщениям летописей следовало бы отнестись с большим доверием. Ведь в Москве, где только что был подписан документ о союзнничестве с Менгли-Гиреем (о чем подробнее см. следующую главу), за судьбой подписавшего его хана следили очень пристально.

Свидетельство анализируемого нами источника и употребление в нем терминов *ахд ве шерт* говорят о том, что отношения между Крымским ханством и Османской империей с самого начала строились на провозглашенной от имени султана милости к стране, кото-

рая сама добровольно пожелала подчиниться Великому государству. Это-то и было зафиксировано ахид-наме, которым султан обещает ей свое покровительство и в чем дает клятву (ахид) богу. Обращая внимание на наличие в тексте терминов: твой раб, мир ислама, ахд ве шерт, которые не позволяют истолковывать это письмо как документ, говорящий о некоем двустороннем соглашении и каких-то османских обязательствах, возлагаемых на себя султаном в отношении этого нового имперского приобретения. Еще раз повторяю: это не договор, а выражение султанского благоволения и обещание султанского покровительства.

Именно этот документ И.В. Зайцев считает главным аргументом в своем опровержении той системы доказательств, на которую опирается В.Д. Смирнов, утверждая, что никакого особого документа, обещающего ханству особый статус в османской имперской структуре, не существовало. Нам же представляется, что этот текст можно воспринять лишь как еще одно подтверждение точки зрения В.Д. Смирнова. Сомнений в подлинности этого документа у специалистов нет. Он действительно был выявлен в османском архиве лишь в 1940 г. и В.Д. Смирнову был неизвестен. Но сама суть его – ахд ве шерт типична для османской деловой документации и не вносит чего-то нового в понимание принципов складывания имперской структуры этого государства. Публикуя османский текст, предлагаю специалистам еще раз подумать об особенностях османского вассалитета, тех особенностях международных отношений, которые бытовали тогда в исламском мире, и в том числе среди тюркских государств Восточной Европы, и используемой в подобных случаях терминологии, оформлявшей вассальные отношения. Их следует принимать со всей их спецификой, не пытаясь вводить в рамки принятых в Европе форм и норм международных отношений.

Глава 4

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И МОСКОВИЯ: ПЕРВЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

В непосредственные дипломатические отношения Крымское ханство и Московское княжество вступили в первой половине 70-х годов XV в., воспринимая друг друга как возможного (и тогда единственного) союзника в борьбе за свое самостоятельное государственное существование. И Крым, и Московия продолжали еще оставаться политически зависимыми от Большой Орды.

Ранее в Москве восторженно оценили помощь Хаджи Гирея, сорвавшего своим наступлением в 1465 г. поход ордынских войск на ее владения (см. летописное свидетельство об этом в Приложении), но крымский хан не проявил в то время какой-либо заинтересованности в установлении связей с далеким северным, незначительным по его представлениям, христианским княжеством. Преследуя собственные цели во внутриордынской борьбе, он традиционно пытался сохранять дружеские отношения с Великим княжеством Литовским. Был подтвержден данный еще Тохтамышем ярлык, предоставлявший Литве право на владение западнорусскими землями. Этот документ и ряд последующих крымско-литовских актов реконструируются обычно на основании упоминаний о них в более позднем ярлыке 1506 г. (см.: Хорошкевич А. А., 2001, с. 41–44, 114; а также Петрунь Ф., 1928, с. 170–175; Гайворонский А., 2010 и др.). Текст ярлыка 1506 г. мы публикуем в Приложении к этой главе.

Названия «Западная Русь» и «западнорусские земли» употребляются в исторических работах для районов Литовского княжества, заселенных славянскими народами. Южная часть этих территорий, ближе всего расположенная к Крымскому ханству, тогда

еще не называлась Украиной. Термины «Украина» (не просто как окраина государства, а как название определенной этнической территории) и «украинская народность» входят в употребление лишь в конце XVI в. (Українська народність, 1990, с. 44–45).

Южные территории Западной Руси и их население в свое время сильно пострадали от монгольского нашествия, да и позднее славянское пограничье не раз подвергалось набегам кочевников. В XIV–XV вв. степные просторы Восточно-Европейской равнины стали особенно привлекать их в связи с упоминавшимся нами уже экологическим кризисом и изменившимися в результате его маршрутами кочеваний, а также социально-политическим неблагополучием более восточных районов.

Крымское ханство в целях собственного самосохранения пыталось вести борьбу с Большой Ордой (и другими кочевыми сообществами) в заперекопских, а позднее и в прикаспийских степях. В украинской историографии поэтому основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея зачастую называют «стражем украинской земли», «охранителем покоя украинской земли» и т. п. (Крымский А., 1996, с. 117, 183; Гайворонский О., 2007, с. 23). По этой логике после 1465 г. его можно характеризовать и как «спасителя» Московии. Объективно, однако, следует все-таки исходить из тех реальных целей, которые ставил перед собой сам хан, и той политики, которой он руководствовался. Хаджи-Гирей защищал Крым и ближайшее прикрывавшее его Причерноморье как базу собственной государственности и тем лишал Большую Орду вождельных ей пастбищ и мест для зимовок. Украинское приграничье действительно оказалось тогда в стороне от больших татарских перемещений, но это не исключало пограничных разбойных проникновений, в том числе и с крымской территории.

Находящаяся далеко на севере Московия в 1472 г. сумела отстоять себя во время очередного похода на нее армии Большой Орды, возглавлявшейся ханом Ахматом, который, как свидетельствовали очевидцы, двигался на Русь «со всеми силами своими», оставив дома только «старых, больных и малолетних». Было сожжено несколько городов на правобережье Оки, но переправиться

на левый берег московские войска татарам не позволили. Хан вынужден был отступить («побежа», как сказано в русских летописях). Именно после этих событий, по наблюдениям А.А. Горского, Московское княжество перестало выплачивать «выход» (дань) Большой Орде, стало вести себя как независимое государство, заключая собственные военные союзы, в том числе и против Большой Орды. В дипломатических документах слово Орда стало употребляться во множественном числе, что означало приравнивание Большой Орды к другим татарским ханствам (см.: Горский А.А., 2000, с. 156–159, 167) и признание их независимого друг от друга существования (в том числе и самостоятельного Крымского ханства). Вопрос о времени прекращения уплаты Русью дани орде дискутируется в исторической литературе. В.Д. Назаров относит это событие к несколько более позднему времени (Назаров В.Д., 1983, с. 33–42), но укрепление международного престижа Московии в 70-е годы XV в. сомнения не вызывает.

В этих условиях и Крымское ханство начинает смотреть на Москву как на возможного союзника. В определенной степени к этому его подтолкнула и позиция Литвы, которая при династических распрях в ханстве, начавшихся после смерти Хаджи-Гирея (1466), разуверилась в своем крымском союзнике. Борясь с Московским княжеством за западнорусские земли, она пошла на сближение с Большой Ордой, противницей как Московского княжества, так и Крымского ханства. В Литовской метрике так передается реакция крымцев на измену Литвы: «Казимир король, опустивши нас малых в сиротстве нашем, стал искать Темир-Кутлуевых детей Ахмата и сынов его Муртазу и Шиг-Ахмета» (цит. по Хорошкевич, 2001, с. 114–115).

Первые связи Крыма и Москвы были установлены не правителями этих бывших ордынских улусов, а представителями верхушки крымских карачи-беев, посещавших Московию еще при Василии II, т. е. до 1462 г. (РИО, т. 41, с. 36), когда начал самостоятельно княжить Иван III. Наибольшую активность в этом плане проявляли ширинские беи Мамак, Эминек (в русских дипломатических документах его называют Именек), Кудаш, Когут и некоторые

другие. Явный интерес к Московии был и у крымских (местных) торговцев, которых представлял некий Хози-Какос. В исторической литературе его называют не то евреем, не то армянином, так как среди крымского купечества преобладали тогда именно эти две этнические группы. И.В. Зайцев, знакомясь с опубликованными турецким профессором Х. Иналджиком таможенными регистрами Кафы (Inalcık H., 1996, с. 45, 74), установил, что Хаджи-Какос принадлежал к известной семье крымских торговцев и финансистов по фамилии Гёкгёз (в переводе с тюркского – голубоглазый), активно продолжавшей торговую деятельность в Кафе и позже. В реестрах эта семья зарегистрирована как иудейская (см.: История татар, т. 4, с. 258). Люди Какоса не раз ездили в Москву, а для контактов с ними в Крым был отправлен московский толмач Иванча. Именно он и привез в Москву официального посла Менгли-Гирея Ази-Бабу (так его называли в русских документах. Правильно, очевидно, Хаджи-Баба) (см.: РИО, т. 41, с. 1–15; Хорошкевич, 2001, с. 43, 44, 45, 116).

Татарский текст ярлыка, привезенного от крымского хана Великому князю Ивану III в 1474 г., до нас не дошел, но есть его изложение в материалах ответного посольства боярина Никиты Васильевича Беклемишева, уже в марте того же года отправленного в Крым.

Вся крымско-татарская дипломатическая переписка за 1474–1521 гг. была опубликована в Сборниках императорского исторического общества (далее РИО), тт. 41 и 95 (СПб., 1884 и 1895). Именно из этого издания мы заимствуем приводимые нами в приложении дипломатические материалы тех лет. Они позволяют не только узнать конкретную историю первых сношений этих государств, но и понять их характер и особенности.

Русь тогда еще не освободилась от ордынской зависимости. Все правители-чингизиды именовались ею как «цари». От них принимались «ярлыки» и «жалование», т. е. отношения воспринимались как отношения вышестоящего к нижестоящему. В 1474 г. хан писал, что хочет московского князя «жаловати в братстве и в любви и в дружбе», сообщал ему это «свое жалование» и «ярлык прислал». О формальном неравноправии устанавливающихся тогда между

Московией и Крымом дипломатических отношений свидетельствовало и использование формул: для хана – «слово мое», а в ответных посланиях – «челом бью». Например, «Менгли-Гирею царю, брату моему, князь великий Иван челом бьет». Этим как бы соблюдалась субординация ордынского времени и определенные ранговые отношения. Само слово «князь» приравнивалось к крымским (и иным) карачи-беям. Именно так московские дипломатические документы их и именовали. Ханы же воспринимались как нечто более высокое – цари (помнилось, что золотоордынские ханы давали русским князьям ярлыки на княжение).

Отметим сразу, что такое ранговое неравноправие сохранялось в дипломатической переписке и после 1480 г., т. е. после фактической ликвидации зависимости русского государства от Орды.

Москва приняла эти несправедливые для себя формы интитуляции. Более того, предлагая Менгли-Гирею в 1474 г. три варианта союзных отношений (см. Приложение), и сама придерживалась их.

М.А. Усманов, до сих пор остающийся наиболее авторитетным специалистом по джучидской палеографии и дипломатике, отмечая такие особенности оформления отношений между Москвой и Крымом, подчеркивает, что это была сознательная политика Ивана III, заинтересованного в союзных отношениях с Крымом и в их совместном противостоянии Большой Орде и Литовскому княжеству, а потому соглашавшегося на формальные уступки, зная амбиции джучидов. Таких уступок не боялись ни в отношениях с Большой Ордой, ни уж тем более с таким далеким территориально и на рубеже XV–XVI вв. считавшимся не опасным для Московского княжества Крымским ханством (см.: Усманов М.А., 1979, с. 200–201). Главным для Москвы было то, что в крымских предложениях прозвучало «другу другом быти, а недругу недругом быти». К тому же использованная в ярлыке формула «братом себе и другом» говорила о признании Крымом за Московским княжеством определенного государственного статуса, дающего ему право быть партнером ханства.

С точки зрения делопроизводственной практики получалось противоречие. Русские Великие князья сознательно шли на формальное признание некой зависимости от джучидского хана, но, как

отмечает М. А. Усманов, видели «условность, даже ложность своей зависимости» (Усманов, 1979, с. 202). Хорошо зная ордынские обычаи и чувствуя все нюансы взаимоотношений, Москва делала уступки по неважным для себя вопросам, но удовлетворяющим крымских ханов, поскольку последние в борьбе с Большой Ордой на первый план в своем противостоянии с ней выдвигали преодоление ее притязаний на верховенство среди джучидов.

Мы располагаем, к сожалению, не подлинниками крымских документов о сношениях с Москвой, а их переводами на русский язык. Однако, по авторитетному свидетельству того же М. А. Усманова, эти тексты представляют собой не «литературно-изысканные» переложения, а документальные подстрочники, способные передать все тонкости «содержания особых оборотов, условностей», «намек и общий тон посланий» (Усманов, 1979, с. 192). Это свидетельствует о высокой квалификации тогдашних переводчиков канцелярии Великих князей и общности той культуры международных отношений постордынской Восточной Европы, в рамках которой существовали тогда и Москва, и Крымское ханство.

Отметим также, что в крымских документах Московского княжества, не только в 1474–1475 гг., но и после установления зависимости Крыма от Османской империи, употреблялось выражение: «Князь Великий послал видети твое здоровье, вольного человека» (РИО, т. 41, с. 25 и др.). Формула – ездить, чтобы «видети твое здоровье», была общепринятой и означала установление дипломатических отношений. Обращение же «вольный человек» опять служило некой поддержкой амбиций Крымского хана, уже ставшего к тому времени вассалом османов (с 1475 года). Прекращение употребления этого эпитета А. Л. Хорошкевич, вслед за В. В. Трепавловым, связывает с событиями 1487 г., когда на казанском престоле был водворен Мухаммед-Эмин и это ханство фактически превратилось в протекторат Москвы. Как считают указанные выше ученые, Иван III по-новому стал воспринимать статус своего собственного государства и постепенно отказывался от подобострастных формулировок не только в отношении Казанского, но и Крымского ханств (Хорошкевич, 2001, с. 114–121; Трепавлов В. В., 1993, с. 47, а также

другие работы этого автора), хотя каких-то демаршей по этому поводу не предпринималось, а само это изменение, очевидно, было спокойно воспринято крымской стороной.

Итак, в 1474 г. Москва и Крымское ханство впервые обменялись посольствами. Об этом событии свидетельствуют следующие документы: ярлык-послание хана, предложившего союзные отношения (типологическую характеристику таких посланий дает Усманов, 1979, с. 277–282), ответ князя, отправленный с послом Беклемишевым, в котором предлагаются три варианта возможного союза, и, наконец, ответная шертная грамота Менгли-Гирея.

Слово «шерть» (арабо-тюркское) означает «условие». Хан принял договорные условия, близкие к одному из вариантов княжеских предложений, и по этому поводу дал свое заключение – шертную грамоту. Договоренность состоялась, но, в отличие от европейского понимания этого, здесь не было двусторонне подписанного соглашения. Хан сам единолично обещал соблюдать определенные условия отношений с договаривающейся с ним стороной. Такая практика была характерна не только для поздних джучидов, но и вообще для мусульманского мира. Шертные грамоты – это документы, однотипные с уже упоминавшимися нами ахд (ахид) – наме османских султанов. Они означают клятвенные обещания, но в них, как мы уже писали, выполнять определенные взятые на себя обязательства султан клянется не договаривающейся с ним стороне, а Богу (см.: *Encyclopaedia of Islam*, 2-ed., 1980, т. 1). Клясться чем-либо, кроме Аллаха, мусульманину было запрещено. Это отметил И.В. Зайцев в своей очень интересной статье 2008 г. (с. 3–9), но сам он почему-то не использовал этих сведений в своих последующих работах, касающихся османо-крымских взаимоотношений. «Неверным» не положено было давать какие-то обещания и подписывать с ними двусторонние договоры, а потому не существовало единых идентичных текстов договоров, а были отдельные документы, подписанные и утвержденные правителями каждой из договаривавшихся сторон. С крымской главный удостоверяющий документ – это шертная грамота. Как писал по этому поводу известный исследователь проблемы М. Бережков, шертные грамоты на Руси так и воспринимались – «клятвы, присяги»,

само слово «шертъ» в русских текстах могло заменяться на «правда, рота», «крепостная ротная грамота» либо оставлялось без перевода, так как этот вид документов был достаточно известен и понятен по смыслу» (Бережков М., 1894, с. 3–4), т. е. опять мы видим иную, чем европейская, но общую для двух этих государств документальную практику международных соглашений.

Шертная грамота 1474 г. удостоверяла союзные отношения Крымского ханства с Московским княжеством. Однако буквально через несколько месяцев, о чем мы писали в прошлой главе, Менгли-Гирей был свергнут. Наступило смутное для Крыма время. В Москве следили за происходившим в Крыму и даже пытались возобновить отношения с Джанибеком (см. грамоту к нему в сборнике РИО, т. 41, с. 13), одним из чингизидов, недолго побывавшим на крымском престоле. В конце концов, однако, в апреле 1479 г. снова возобновились контакты с Менгли-Гиреем, которому Иван III писал, что он «слышав твое здоровье, тому весми обрадовался». И далее: «Бог тебя помиловал, на отца твоего место и на твоём юрте осподарем учинил». Последовала новая серия посольских пересылок и ханских грамот, завершившаяся союзным соглашением 1480 г. (документы этих переговоров см. в Приложении).

Главная мысль нового документа (как и документа 1474 г.) состояла в следующем: «быти нам везде заодин, другу другом быти, и недругу недругом быти». В 1474 г. еще не уточняли, кто друг, кто недруг, хотя в предложениях Великого князя это было объявлено. Союзники тогда еще присматривались друг к другу – хан в 1474 г. предлагал Москве отношения такие же, как у него «еси с королем», и более того, как выяснил посол Беклемишев, не хотел «великому князю... на его недруга на короля помогати». Иван III также напоминал, что и у него сохраняются посольские пересылки с Большой Ордой и он не склонен «старины нарушать». Однако постепенно обе стороны шли на уступки, что, кстати, отвечало тогда их взаимной выгоде. В 1480 г. было четко обозначено: «А на Ахмата Царя быть нам с тобой за один». Это положение, бесспорно, стало для Ивана III успокаивающим моментом во время вскоре произошедшего «стояния на Угре», хотя по сути дела и не было реализовано на практике.

Польско-литовский король также объявлялся общим недругом. «Коли ты на Короля пойдешь, или пошлешь, и мы на него пойдём и на его землю»; или «Король пойдет на тебя, на моего брата, на Великого князя, или пошлет, и мне так же на Короля и на его землю пойти. А буду и в шерти с Королем, а тебе моему брату Великому князю како-во дело будет с королем, и мне шерть сложить».

Расстановка сил на последние два десятилетия XV в. четко определялась, но колебания в проведении твердой политической линии, особенно с крымской стороны, как мы увидим далее, все-таки оставались.

Для Московского княжества было важно, что Крымский хан дал тогда обещание: «А мне Менгли Гирею Царю твою землю, и тех князей, которые на тебя смотрят, не воевати, ... а без нашего ведания люди наши твоих людей повоюют, и придут к нам и нам их казнити, а взятое отдати и головы людские без окупа нам тебе отдати». Кроме того, Москва сумела отговориться от постоянного «выхода», т. е. от зафиксированной дани, а обещала лишь «поминки», т. е. подарки хану, его приближенным и крымской знати. Все это меняло характер отношений. Джучидский хан стал восприниматься не как покровитель, а как равноправный союзник, хотя, повторяю, с формально дипломатической стороны московский князь и шел на некоторые уступки. Общая же направленность крымско-московских взаимоотношений – это постепенное, но «последовательное утверждение равенства сторон» (Хорошкевич А. Л., 2001, с. 140).

Распад Орды и даже прекращение политической зависимости от нее не избавили, однако, русские земли от татарских набегов, а соперничавшие в Орде группировки делали татарскую опасность порой «совсем непредсказуемой» (Назаров В. Д., 1983, с. 5). Это способствовало тому, что Иван III в борьбе с Большой Ордой стал последовательным союзником и помощником Менгли-Гирея, хотя и предпочитал действовать не своими силами, а привлекать к ответным на ордынские набеги вылазкам (и оказанию помощи походам крымцев на Орду) не своих воевод, а татарских (в том числе крымских) царевичей (ханов и ханычей), многие из которых, не поладив с правящей династией или потерпев поражение в династийной

борьбе, искали убежище в Московском княжестве (как показывает один из документов Приложения, такое убежище на всякий случай резервировал для себя в 1480 г. даже сам хан Менгли-Гирей). При дружеских отношениях с Иваном III пребывание таких возможных ханских соперников в Москве вполне устраивало и Менгли-Гирея.

После бегства от Угры (об этом событии существуют многочисленные разносторонние серьезные исследования – см., например, такие, как Алексеева Ю.Г., 1989, Назарова В.Д., 1983 и др.) хан Ахмат был свергнут. В Орде начались внутренние распри. В этих условиях ордынская опасность для Москвы отходит на задний план, а в задачах коалиции с Крымом как более важные начинают восприниматься отношения с Великим княжеством Литовским.

Московское княжество, рассматривавшее себя как Великое княжество вся Руси (Хорошкевич А.Л., 2001, с. 4), видело в Литве главное препятствие своей объединительной миссии. Иван III настойчиво требовал от Крыма соблюдения шертного обещания – «с королем не мириться», напоминая об этом в своих посланиях 1482, 1483, 1484 годов. При этом он настаивал, чтобы в случае нападения литовцев на Русь «царь (т. е. Менгли-Гирей) сам сел на коня», а не посылал против короля брата или сыновей, как это было в период «угорщины» (об этом названии московско-ордынского противостояния 1480 г. см.: Назаров В.Д., 1983, с. 3), когда маневром, отвлекающим Литву от Москвы и оказания ею помощи хану Ахмату был поход не хана, а лишь крымских ханычей на Подолию. Менгли-Гирей, однако, до 1482 г. все еще проявлял колебания с окончательным выбором союзника. Он продолжал вести переговоры и с Литвой, обменивался с ней посольствами. В Литовской метрике (РИБ, 1910, т. 27, с. 329–330) упоминается о новом ярлыке, данном Менгли-Гиреем королю Казимиру в 1480 г. Есть предположение, что именно тогда к землям юго-западной Руси, объявлявшимся уступленными в свое время Литве Тохтамышем и Хаджи-Гиреем, были добавлены Новгород, Псков, Великие Луки, т. е. те места, которые в это время принадлежали уже Московскому княжеству (Некрасов А.М., 1990, с. 57–58; Хорошкевич А.Л., 2001, с. 144–146). Эту антимосковскую

акцию связывают обычно с успехами литовского посольства в Крым, возглавлявшегося Иваном Борисовичем Глинским (РИБ, т. 27, № 293, с. 330–335: Хорошкевич А.Л., 2001, с. 145).

Сравнение московско-крымских ярлыков с литовско-крымскими показывает, что первые выглядят как документы двух независимых государств, хотя и имевших не совсем равных по рангу правителей. В противоположность этому отношения Литвы с Крымом и Большой Ордой продолжали сохранять золотоордынские традиции подчиненности. Литва пыталась ярлыками постордынских тюркских правителей упрочить и узаконить свою власть над Юго-Восточной Русью, что в тогдашних условиях уже превращалось в некий анахронизм.

Поход крымцев в 1482 г. на Киев подтвердил, наконец, намеченную ранее расстановку сил в регионе. По словам русских летописей, поход спровоцировало «неисправление королевское, что приводил царя Ахмата Большой Орды со всеми силами на великого князя», т. е. в русском общественном сознании он воспринимался как отзвук событий 1480 г. на Угре. А.М. Некрасов, приводя это объяснение летописи, обратил внимание на то, что акция, когда хан «землю Киевскую учинил пусту», не упоминается в материалах русско-крымских отношений того времени, и делает вывод, что связь похода 1482 г. с просьбами об этом Великого князя московского не была столь прямой и непосредственной, как это представлено в летописи. Суть же в том, что после некоторых колебаний 1480–1482 гг. Менгли-Гирей сделал, наконец, выбор в вопросе о союзниках в пользу Московского княжества (см. Некрасов А.М., 1990, с. 58–59). А.Л. Хорошкевич отметила и другое последствие Киевского похода 1482 г. Во время нашествия крымских войск на Киев в его окрестностях собрались «князья Одоевский, Вяземский, Можайский, Трубецкой, Воротынский, Козельский со своими отрядами», а также представлены были «вся земля Смоленская, Витебская, Полоцкая, Волынская, Подольская, Брестская». Им, однако, не удалось воспрепятствовать нашествию. Отсюда вывод: «неспособность войска княжества Литовского противостоять набегам крымцев подрывала веру в целесообразность пребывания православных князей в этом политическом образовании». А потому

1482 г. можно рассматривать как «переломный в сознании православной элиты восточных районов Литовского княжества и в их отношениях к этому государственному образованию. Несколькими годами позднее большая часть перечисленных выше князей оказалась на стороне князя всея Руси Ивана III» (Хорошкевич А.Л., 2001, с. 146).

Перманентно возникавшие в последние годы XV в. и первые два десятилетия XVI в. войны между Литовским и Московским княжествами – 1487–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512, 1514, 1517–1518 (Хорошкевич, 2001) – во многом определяли общую ситуацию в регионе, оказывая воздействие и на ход размежевания сил в восточноевропейском тюркском мире, где завершалась история Большой Орды и шло становление Крымского и Астраханского ханств (см. Зайцев И.В., 2004–1, 2004–2).

На юго-западе крымские и отчасти ордынские интересы переплетались с османскими, так как владения последних к этому времени приблизились к низовьям Днепра. Там им противостояли Польша, Молдавия и венгерские Ягеллоны, претендовавшие на контроль над Молдавией. Литва, находившаяся в унии с Польшей, продолжала считать правобережье Днепра своим. Во времена Менгли-Гирея татары неоднократно пытались воздвигнуть на литовском берегу свои укрепления. Самым известным из них был Тягин («Тягинский замок» у впадения реки Тягинки – в 30 верстах от устья Днепра. Так определяет его положение Хорошкевич, 2001, с. 148. Позднее в этом районе была возведена крепость Бендеры). В 1492 г. к тому же началось строительство Очакова (Смирнов В.Д., 2005, с. 260, 267; Хорошкевич, 2001, с. 150). Все это вызывало дипломатические претензии и ответные военные набеги, приводившие к разрушению крепостей. Османские коменданты Килии и Аккермана (крепостей, завоеванных османами в 1484 г. и превращенных в объекты непосредственного имперского подчинения – см.: Beldiçeanu N., 1983) совместно с крымцами не раз совершали ответные вылазки на литовские земли (Некрасов А.М., 1990, с. 67–68). Более того, Менгли-Гирей высказывал тогда даже планы (не имевшие, правда, реальных возможностей для своего осуществления) совместно

с Иваном III разделить литовские владения. К своему ханству он предполагал присоединить Киев, а московскому князю отдать Вильно (Вильнюс) (см.: РИО, т. 41, с. 181–187).

После смерти короля Казимира (1492) временно распалась персональная польско-литовская уния. В 1492–1501 гг. Литва существовала как отдельное государство под управлением Великого князя Александра, который лишь в 1501 г. был избран королем Польши, т. е. сумел возобновить персональную польско-литовскую унию.

Южная политика Польши и Литвы имела для каждой из этих стран свою специфику. Польские короли с 80-х годов XV и на протяжении всего XVI в. пытались сохранять мирные отношения с Османской империей и конфликтные ситуации решать дипломатическим путем. Как подсчитали польские ученые, в Стамбуле в XVI в. побывало около пятидесяти польских посольских миссий (Базылев Л., 1979, с. 12–28). Османы также не стремились восстанавливать против себя Польшу. Их завоевательные устремления в это время были направлены в Центральную Европу. Польша же тогда не привлекала османов как объект завоеваний, находясь на том фланге их продвижения в Европу, на котором им выгодно было сохранить спокойствие. В историографии поэтому принято говорить о Польше тех лет, что она оказывалась «в пределах османской орбиты» сосуществования (Abrahamowicz Z., 1983, с. 34; Kortepeter С.М., 1972, с. 235). Этому не мешали ни яркая польская антиосманская публицистика (о ней см.: Гейштор А., 1979, с. 29–39), ни воинственное настроение шляхты, ни пограничные конфликты. Правивший в Польше в последнее десятилетие XV в. Ян Ольбрехт (Альбрехт) вел с князем Александром переговоры о совместной с Литвой борьбе с «перекопским» царем и османами (Хорошкевич А.Л., 2001, с. 150; Некрасов А.М., 1990, с. 58, 78), но на самом деле он был озабочен лишь сохранением в своей вассальной зависимости Молдавии, в чем его интересы сталкивались с Венгрией и Османской империей, но дальше этого региона вмешиваться в борьбу не собирался. С османами же, даже по молдавскому вопросу, он пытался решить споры мирным путем (соглашения 1484, 1492, 1501 гг., см.: Kolodziejczyk D., 2000, с. 200–215).

Молдавское княжество вынуждено было лавировать между Польшей, Венгрией, Османской империей (см.: Семенова Л.Е., 2006, с. 66–111). Временами оно начинало платить дань османам, но потом отказывалось от выполнения этой повинности. Оно не раз пропускало через свою территорию османские и крымские войска, совершавшие набеги в литовские владения нижнего Приднепровья и в Подолию, а порою и польские отряды, угрожавшие османским причерноморским крепостям, но так и не предпринявшие реальных шагов к их отвоеванию (см.: РИО, т. 41, с. 181 и др.; Некрасов А.М., 1990, с. 67).

В 1492 г. при посредничестве Москвы был заключен молдавско-крымский союз (Гонца Т.В., 1984, с. 37), хотя опасность для самой Молдавии, исходившая от крымского сюзерена Османской империи, так и не была снята с повестки дня. Господарь Молдавии Стефан Великий (1457–1501) поддерживал дружеские отношения с Иваном III, особенно активизировавшиеся после женитьбы (1483) Ивана Молодого (сына московского князя) на дочери Стефана Елене Волошанке. Ее окружение в Москве пыталось играть ведущую роль в определении внешнеполитического поведения Московского княжества по отношению к османо-крымским соседям. Именно к этой среде относился тогдашний руководитель московской внешней политики Патрикеев и первый московский посол в Османскую империю Михаил Плещеев, чуть не проваливший намерение Ивана III установить добрососедские отношения с османами (подробнее об этом см.: Мейер М.С., 1996: Смирнов Н.А., т. 1. с. 71–72).

Первые дипломатические контакты Москвы и Стамбула были установлены при посредничестве крымского хана. Межгосударственным официальным документом, знаменующим начало этих отношений, считается письмо Ивана III султану Баязиду II (1492). Однако еще раньше, в 1485 г., османский наместник в Кафе через возвращавшегося из Венгрии московского дипломата Ф. Курицина передавал Ивану III информацию о желании султана установить дружеские отношения с его страной, после чего московский князь запрашивал крымского хана, «каковой дружбы хочет турецкой» (РИО, т. 41, с. 77; подробнее об этих переговорах см.: Мейер М.С.,

1996). Дипломатические документы того времени показывают, как неспешно, но последовательно обе страны шли к установлению отношений. Вскоре после М. Плещеева в Стамбул было отправлено посольство А. Голохвастова, и между странами начался более или менее регулярный обмен посольскими миссиями, были урегулированы и торговые связи, отвечавшие двусторонним интересам.

Османская военная помощь (главным образом артиллерией и технически грамотными воинами) в 80–90 гг. XV в. не раз выручала Менгли-Гирея в его противостоянии с Большой Ордой. Однако каких-либо собственных намерений к проникновению в восточно-европейский регион османы тогда не проявляли.

Для понимания расстановки сил внутри региона следует учитывать, что в 1487 г. московскими войсками была взята Казань, после чего там сменился правитель. Новым ханом стал Мухаммед-Эмин, на первых порах действовавший как союзник Москвы. Дружеские отношения с Москвой и Крымом установили тогда и ногаи. Большая Орда, основные силы которой сосредоточились в Нижнем Поволжье, пыталась освоить для своих кочевий Предкавказье, но там ей успешно противостояли адыгские (черкесские) племена. (Некрасов А.М., 1990, с. 64–67, 68). Нехватка пастбищ заставляла большеордынских ханов («Ахматовых детей», как их называют московско-крымские документы) все более активно искать себе прибежище в Причерноморских степях. Потому-то в 80–90-х гг. XV в. усиливается их натиск на крымское ханство. Были даже попытки вторгнуться на сам полуостров. Менгли-Гирей и Иван III, будучи союзниками, обменивались постоянной информацией о положении в регионе.

Продолжала существовать угроза ордынских набегов и для Руси, пограничье которой не раз страдало от разбойных вторжений. Есть сообщение, например, что в 1492 г. под Алексин приходили ордынские казаки, но были отбиты русскими воеводами. Во время русско-литовской войны 1487–1494 гг. не раз появлялись слухи о вступлении в войну Большой Орды, бывшей в союзе с Литовским княжеством. Опасность с ордынской стороны явно сохранялась. Но главным фронтом борьбы для Руси была все-таки Литва, а для Большой Орды – Крым. Бывало, что крымские ханы в помощь

Москве организовывали набеги на литовские владения, а Иван III посылал свои войска на Орду, продолжая по-прежнему для этого использовать служивших ему крымских ханычей, союзные казанские войска, отряды ногайских мурз и лишь некоторые небольшие подразделения своих собственных войск. Основные же русские силы и сам князь действовали на литовском фронте.

Мир с Литвой (1494) дал новые возможности для более тесного сотрудничества Московского княжества с Крымом и Османской империей. Именно в этом году в Москву впервые был направлен османский посол, который, правда, не сумел доехать до страны назначения, так как не был пропущен литовскими властями, которые распоряжались Приднестровьем (Некрасов А.М., 1990, с. 69). Обе страны – и Московское княжество, и Османская империя принимали меры к налаживанию торговых связей, тем более что традиционный молдавский торговый путь в это время не функционировал из-за постоянно происходивших там военных стычек (см.: Мохов Н.А., 1974; Сыроечковский В.Е., 1932). А.М. Некрасов справедливо подчеркивает, что не торговые интересы «лежали в основе султанской инициативы» (Некрасов А.М., 1990, с. 70), но и полностью не учитывать их значения тоже не стоит. Вызывали озабоченность османов и слухи, ходившие в Европе после женитьбы Ивана III на Софье Палеолог, что король русских якобы собирается принять католичество и присоединиться к организуемым папой антиосманским коалициям, на что обращает внимание А.Л. Хорошкевич (Хорошкевич, 1971, с. 198–199). Все это, бесспорно, оказывало свое влияние. Главным, однако, было желание османских властей обезопасить свои владения там, где они в тот момент не намеревались продолжать завоевания. Потому-то мы видим в этом регионе помощь Менгли-Гирею, но не чрезмерную (большие его запросы не удовлетворялись); постепенное вовлечение в вассальную зависимость от османов Молдавии; дипломатические пересылки с Москвой, но без каких-то обещаний союзных отношений. Знаменателен для понимания османского отношения к региону и известный приказ Баязида Менгли-Гирею об отводе его войск от Аккермана (Белгорода-Днестровского). Султан явно не хотел больших осложнений, а в данном случае были жалобы польской стороны на нападение

крымского хана совместно с османскими пограничными войсками на польско-литовскую территорию. Хану не возбранялось производить набеги на соседей, но лишь из своих собственных владений (чем он и воспользовался в том же году). Гарнизоны же османских крепостей не должны были в этом участвовать, и имперские власти оставались как бы ни при чем (см.: РИО, т. 41, с. 209).

В то же время, однако, ханские владения османы подчеркнуто рассматривали как нечто неприкосновенное для их соседей. В 1500 г. хан Большой Орды Шейх Ахмед просил кафинского пашу разрешить ему, из-за бескормицы и угрозы нападения адыгов и ногайцев, переселиться со своими стадами и людьми на территорию между Доном и Днепром. Этот район считался подвластным крымским ханам. Подчинение Крыма османам было известно в Большой Орде, что порой сдерживало ее натиск на крымские территории. Так, Иван III в одном из своих посланий крымскому хану сообщал о поступивших к нему сведениях из Большой Орды: «хотят идти на Менгли-Гирея на царя, только не будет у него турецкого помочи». В противном же случае поход не состоится, так как турков они «блюдут добре». И вот в 1500 году, оказавшись в отчаянном положении, ордынцы пытаются прибегнуть к османской помощи и просят у них разрешения поселиться на землях крымского хана. Однако тогдашний наместник Кафы шахзаде Мехмед отказался помогать им, заявив, что «земли и воды по Непру... Менгли-Гиреевы» и потому распоряжаться ими не в его (Мехмеда) компетенции (РИО, т. 41, СПб., 1883, с. 321–323).

Большая Орда к этому времени фактически осталась без союзников. Литовский князь Александр восемь лет удерживал у себя присланного из Орды посла, не отвечая на призыв о совместной борьбе с Москвой и Крымом (Хорошкевич А.Л., 2001, с. 153; Зайцев И.В., 2004–1, с. 99). У него были надежды сделать Крым своим союзником и оторвать его от Москвы, но этого не произошло, хотя начавшаяся новая война с Литвой и отвлекла московские силы от союзного с Крымом антиордынского направления внешнеполитической активности. Большая Орда также искала себе союзников, пытаясь привлечь на свою сторону даже Москву, для чего и туда посылала свое специальное посольство (Хорошкевич А.Л., 2001, с. 156).

Менгли-Гирей готовился к последней, решающей схватке с Большой Ордой, о чем он подробно сообщал своему московскому союзнику: писал о противостоянии их армий в 1501 г. под Каневым, о расчетах Орды укрыться в степях у Аккермана, о нарастающей слабости Орды и начале фактического ее распада, когда многие ее члены пытаются кочевать «на рознь». И, наконец, о генеральном сражении двух татарских юртов в июне 1502 г., когда, по словам Менгли-Гирея, он «цареву Орду достал еси» (РИО, т. 41).

Разгромленный крымцами Шейх-Ахмед еще несколько лет пытался создать новое объединение разрозненных ордынских улусов, но безуспешно. В 1504 г. он прекратил борьбу и нашел себе убежище у литовского князя. В районе Астрахани в это время складывается новое ханство, фактический преемник Большой Орды, но былой силы оно уже не имело (о нем см.: Зайцев И. В., 2004–1, 2004–2). Размежевание тюркских сил в южных степях продолжалось. Именно с этого времени главной силой, оказывающей влияние на ход этого размежевания, становится Крымское ханство.

В это время Крымское ханство, вступив в османскую государственную структуру, еще не начало чувствовать тех пределов своей самостоятельности, которые позднее будут ставить ему османские имперские интересы. В начале XVI в. эти интересы на Восточную Европу не распространялись.

Русь до смерти Менгли-Гирея (1515) продолжала считаться другом и союзником Крымского ханства, но возросшие амбиции Гиреев, объявивших свое ханство новой Великой Ордой, начинают мешать их былому взаимопониманию, хотя сюзерен Крыма – Османская империя, установив дипломатические отношения с Московским княжеством, признала, что Иван III «Божием милостию Русской и Восточной и Дештской стороны колика городов государь еси». Употребление в султанском послании титула «Дештский государь» говорило о восприятии османами Московии как одной из наследниц былой Золотой Орды (Зайцев И. В., 2004–1, с. 94). Сама Османская империя в отношении Восточной Европы проявляла сдержанность. Это было не то геополитическое пространство, в котором она стремилась распространять свою власть.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Отклики русских летописей
на события 1465 г. и подчинение османами
Крымского побережья (1475 г.)**

В русском летописании (в так называемом Воскресенском списке – ПСРЛ, СПб., 1859, т. 8, с. 151) под годом 6973 засвидетельствовано:

«Того же лета поиде безбожный царь Махмуд на Рускую землю со всею ордою и бысть на Дону. Божией же милостию и его пречистые Матери приде на него царь Азигирей*, и би его и орду взя, и начаша воевати промеж себя, и тако Бог избави Рускую землю от поганных».

*Так на Руси писали тогда имя Хаджи-Гирея.

ПСРЛ, т. 8, с. 181:

«Год 6983 (1475): О взятии Кафы и Крыма. Того же лета Туркове взявши Кафу, и гостей Московских много побиша, а иных поймаша, а иных пограбив на откуп подаваша. Азигирееву орду, Крым и Перекоп осадиша дань давать, и посадив у них меньшего сына Азигиреева Менлигирея*, а два брата его, Азигиреева же дети, убежаша, а приходи воевода**, а сам царь*** не бывал».

И далее там же, с. 183:

«Год 6984 (1476). Того же лета посла царь Ахмат Ордынский сына своего с татары, и взя Крым и всю Азигирееву Орду, а сына Азигиреева Менлигирея* сынал, его же Турки посадиша»****.

*Так по-разному передавалось имя Менгли-Гирея.

** Гедик Ахмед-паша.

*** т. е. османский султан.

**** Эта фраза показывает, что в Москве хорошо знали о событиях 1575 г., произошедших в Крыму после первых дипломатических контактов Менгли-Гирея с Московским государством. Документы об этих контактах см. далее.

***Документы посольства боярина
Никиты Васильевича Беклемишева, отправленного
от великого князя Ивана Васильевича (Ивана III)
к крымскому царю Менгли-Гирею
(составлены в марте 1474 г.)***

«Лета 82 (1474), марта. Микитино Беклемишова посольство ко царю к Менли-Гирею, Кади-Гирееву сыну.

І. Правити посольство Миките Васильевичу Беклемишову царю Менгли-Гирею. Князь великий Иван челом бьет: прислал еси ко мне своего посла Ази-Бабу, а приказал еси ко мне с ним свое жалованье и ярлык свой с ним прислал еси. А в ярлыке твоём пишеть, жалуючи мене, братом себе и другом назвал еси. А что мне от тебя твой посол Ази-Баба учнет говорить, ино пишеть в ярлык, что то твои речи, и мне бы тому верити. — Князь великий Иван челом бьет: посол паки твой Ази-Баба говорил мне твоими речьми так: что хочешь меня жаловати, в братстве и в дружбе и в любви держати, по тому, как еси с королем в братстве, а другу другом быти, а недругу недругом быти. А коли мой посол к тебе приидет, и ему к тебе прямо ити. А пошлинам даражским и иным пошлинам всем некоторым не быти. И ярлыком ми dokonчальным хочешь жаловати и правду свою на том на всем хочешь пожаловати дати. — Князь великий челом бьет: и яз слышев твое жалованье и ярлык твой видеви и поверя Ази-Бабиным речам, по твоему ярлыку, послал есми к тебе бити челом моего боярина Микиту, чтобы еси пожаловать: как мя еси учал жаловати, так бы еси и до конца жаловал по тому, как еси ко мне приказал с своим послом с Ази-Бабой, другу бы еси моему другом быти, а недругу недругом. А яз твоему другу хочу другом быти, а недругу твоему недругом быти. И ярлык бы еси свой dokonчальный пожаловал дал по списку по тому, на чем ми твой посол Ази-Баба твоим словом молвил и правду дал, и шерть бы еси пожаловал на том мне дал. А яз челом бью.

II. Да просити ярлыка докончального по списку. А не всхоchet царь ярлыка дати по списку, ино говорити Миките так: посол твой Ази-Баба осподарю моему великому князю на том молвил твоим словом и правду дал, что тебе ярлык дати осподарю моему по тому списку, занеже ему осподарь мой князь великий тот список являл, да на том меня и послал х тебе, а Али-Баба меня на том взял что тебе пожаловати, ярлык докончальной дати по тому списку. Да о том говорити накрепко, чтоб ярлык докончальной дал по тому списку. И станут таки за то, а ярлыка по списку не дадут, ино Миките молвити: коли уж царь по тому списку ярлыка не даст, на чем Ази-Баба моему осподарю правду дал и на чем меня с собою взял, и царь бы пожаловал велел мне явити тот ярлык докончальной, как у него с королем записано. Да видеv Миките то докончание королево, писати в великого князя докончание о братстве и о любви потомуж. А будет в том докончание в королеве написано так: се яz Менли-Гирей царь пожаловал есмь, взял есмь с своим братом с королем братство и любовь: ино за то не стояти, вписати жалованье в ярлык потомуж. А даст царь ярлык по списку великого князя, что с Микитою послан, а захочет в тот ярлык вписать то: се яz Менли-Гирей царь пожаловал есмь, взял есмь с своим братом, с великим князем Иваном, братство и любовь: ино Миките жалование то отговаривати, как будет пригоже, а писати по списку; и отговорится, ино велми добро, а не отговорится, ино в тот ярлык вписать же. А захочет царь писати в ярлык о поминках так: а поминки великому князю Ивану слати ко мне к Менли-Гирею царю потомуж, как король шлет ко мне поминки. И Миките то отговаривати, а такова ярлыка не взяти. А учнет царь говорити о том, чтобы вписать в ярлык о великого князя поминках так: а поминки ко мне к Менли-Гирею царю великому князю Ивану слати; а поминков ему моих не умаливати, – ино то отговаривати ж; а не отговорися, ино то в ярлык писати. Да как даст Бог дело ся учнет делати, царь пожалует, ярлык таков даст, ино говорити о том, чтобы уланы и князи со царем на том ярлыке шерть дали; а не захотят уланы и князи шерти дати, – ино о том говорити двема князем, Именеку да Авдуле, чтобы те два князи шерть дали а том ярлыке великому князю. А говорити о том накрепко. И восхотят дати шерть, да захотят у Микиты от того поминков,

а без поминка не захотят шерти дати. И Миките им молвити: осподарь мой князь велики поминков со мною о том не прислаа; а коли дружбы для своею моему осподарю на том ярлыке шерть дадите, и яз вам от себя поминков дам, а вы шерть дадите. Да от того им Миките дати по сороку соболей тем двема князем, Именеку да Авдуле; а будет мало, ино и по два сорока дати; а не захотят таки и те два князя, Именек да Абдула, шерти дати, ино говорить им о том накрепко, да то спустити. А болшое бы царь пожаловал шерть дал на том ярлык великому князю.

А захочет царь писати в ярлык в dokonчалной о царе о Ахмате именем так, чтобы князь велики на моего недруга на Ахмата царя был со мною заодин: коли пойдет на меня царь Ахмат, и он бы тогда царевичем своих на Орду отпустил. И Миките о том говорить так: коли пожалуешь, ярлык dokonчалной осподарю моему дашь по списку по тому, что со мною прислан, ино в том списке писано межи вас с моим осподарем другу другом быти, а недругу недругом, а быти вам везде заодин; ино коли межи вас с моим осподарем на том правда будет, ино твой недруг Ахмат царь и осподарю моему велкому князю недруг будет; а дело ваше вообще будет на вашого недруга; ино боле того о твоём недруге в ярлык что писати? Да то Миките однолично отговаривати, чтобы именем о царе Ахмате в ярлык не писати. — А станет царь за то, а захочет таки писати то имянем в ярлык; а будет не мощно Миките того отговорити, ино молвити Миките так: коли велишь именем о царе о Ахмате в ярлык в dokonчалной писати, и ты бы пожаловал велел вписати в ярлык именем же, что ти с моим осподарем, с великим князем, на царя на Ахмата быти заодин: коли пойдет Ахмат царь на моего осподаря на великого князя, и тебе на царя на Ахмата пойти, или брата своего отпустить с моими людьми. Также и на короля, на его недруга, быти с моим осподарем заодин: коли осподарь мой князь велики на короля пойдет, и тебе на короля пойти и на его землю; или король пойдет на моего государя на великого князя, или пошлет, и тебе также на короля и на его землю пойти. А осподарь мой князь велики на твоего недруга на Ахмата царя с тобою заодин: коли пойдет на тебя царь Ахмат, а осподарю моему то будет вестно, и он царевичев своих на Орду отпустит. — А взмолвит царь

о том, чтобы князь велики своих послов к моему недругу ко царю к Ахмату не посылал. И Миките то отговаривати, а говорити так: осподарю моему послов своих к Ахмату царю как не посылати? Или его послом в моему государю как не ходити? Осподаря моего отчина с ним на одном поле, а кочюет подле отчину осподаря моего еже-лет; ино тому не мощно быть, чтобы межи их послом не ходити. Да за то Миките не иматси, чтобы послу великого князя к Ахмату царю не ходити.

Да как уже князь велики Микиту отпустил с Москвы, и он за Микитою грамоту послал с Богучаровым о том: малогодь царь роты не даст, а ярлыке даст, ино Миките ярлык взять и без роты. А давши ярлык, да захочет Микиту к целованью привести на том, чтобы великому князю к нему целовати наперед, а без целования ярлыка не даст, и Миките целовати, да у целования выговорити, чтобы царь роту дал перед великого князя послом, которого к нему пришлет с его послом.

III. А се списки, по тому ярлыка просити у царя докончалного. Наперед просити ярлыка по первому списку; а не даст по первому, ино просити ярлыка по другому списку; а не даст по другому, ино по третьему списку просити ярлыка.

Первой список. Вышняго Бога волею, яз Менли-Гирей царь с своим братом, с великим князем Иваном, взяли есмя любовь и братство и вечный мир, от детей и на внучата, быти нам везде заодин, другу другом быти, а недругу недругом быти: хто будет друг мне Менли-Гирею царю, тот и тебе друг великому князю Ивану; а хто будет мне Менли-Гирею царю недруг, тот и тебе великому князю Ивану недруг. А кто будет друг тебе великому князю Ивану, тот и мне друг; а хто будет тебе недруг, тот и мне недруг. А мне Менли-Гирею царю твоей земли и тех князей, которые на тебя смотрят, не воевати, ни моим уланом ни князем ни казаком. А без нашего ведания люди наши твоих людей повоюют, а придут к нам, и нам их казнити, а взятое отдать и головы людские без откупа нам тебе отдать. А коли мой посол от меня пойдет к тебе к великому князю Ивану, и мне его к тебе послати без пошлин и без пошлинных людей; а твой посол ко мне придет, и он идет прямо

ко мне. А пошлинам даражским и иным всем пошлинам некоторым не быти. А на сем на всем, как писано в сем ярлыце, яз Менли-Гирей царь с своим уланы и со князми тебе брату своему великому князю Ивану молвя крепкое слово, шерть есми дал, жити нам с тобою по сему ярлыку.

Другой список. Вышняго Бога волею, яз Менли-Гирей царь, пожаловал есмь, взял есми с своим братом, с великим князем Иваном, любовь и братство и вечной мир от детей и на внучата, быти нам везде заодин, другу другом быти, а недругу недругом быти: хто будет друг мне Менли-Гирею царю, тот и тебе друг великому князю Ивану; а хто будет мне Менли-Гирею царю недруг, тот и тебе великому князю Ивану недруг. А хто будет друг тебе великому князю Ивану, тот и мне друг; а кто будет тебе недруг, тот и мне недруг. А мне Менли-Гирею царю твоее земли и тех князей, которые на тебя смотрят, не воевати, ни моим уланом ни князем ни казаком. А без нашего ведания, люди наши твоих людей повоюют, а придут к нам, и нам их казнити, а взятое отдати, и головы людские без откупа нам тебе отдати. А коли мой посол от меня пойдет к тебе к великому князю Ивану, и мне его к тебе послати без пошлин и без пошлинных людей; а твой посол ко мне придет и он идет прямо ко мне. А пошлинам даражским и иным всем пошлинам некоторым не быти. А поминки ко мне к Менли-Гирею царю тебе великому князю Ивану слати; а поминков ти моих не умаливати. А на сем на всем, как писано в сем ярлыце, яз Менли-Гирей царь с своими уланы и со князми тебе брату своему великому князю Ивану, молвя крепкое слово, шерть есми дал, жити нам с тобою по сему ярлыку.

Третий список. Вышняго Бога волею, яз Менли-Гирей царь с своим братом, с великим князем Иваном, взяли есми любовь и братство и вечный мир, от детей на внучата, быти нам везде заодин, другу другом быти, а недругу недругом быти: хто будет друг мне Менли-Гирею царю, тот и тебе друг великому князю Ивану; а хто будет мне Менли-Гирею царю недруг, тот и тебе великому князю Ивану недруг. А хто будет друг тебе великому князю Ивану, тот и мне друг; а хто будет тебе недруг, тот и мне недруг. А на моего недруга на Ахмата царя быти ти со мною заодин: коли пойдет на меня царь Ахмат, и мне к тебе весть послати, и тебе моему брату великому

князю Ивану отпустить царевичев своих на Орду. А пойдет на тебя Ахмат царь, и мне Менли-Гирею царю на него пойти, или брата своего отпустить с своими людьми, а быть ми на него с тобою заодно. Также ми и на короля, на твоего недруга, быть с тобою заодно: коли ты на короля пойдешь, и мне на него пойти на его землю; или король пойдет на тебя на великого князя, или пошлет, и мне также на короля и на его землю пойти. А твоее ми земли и тех князей, которые на тебя смотрят, не воевати, ни моим уланом ни князем ни казаком. А без нашего ведания наши люди твоих людей повоюют, а придут к нам, и нам их казнить, а взятое отдать, и головы людские без откупа нам тебе отдать. А коли мой посол от меня пойдет к тебе великому князю Ивану, и мне его к тебе послать без пошлин и без пошлинных людей; а твой посол ко мне придет, и он идет прямо ко мне. А пошлинам даражским и иным всем пошлинам некоторым не быть. А на сем на всем, как писано в сем ярлыце, яз Менли-Гирей царь с своими уланы и со князми тебе брату своему, великому князю Ивану, молвя крепкое слово, шерть есми дал, жити нам с тобою по сему ярлыку.

IV. А се говорити Миките князем Именеку да Авдуле. Князь велики велел вам говорити: издавна ваши передние с нашими передними же меж себя братство и дружбу держивали, и добра своего меж себя смотрили. И до наших отцов и до нас ныне царь прислал ко мне своего посла Ази-Бабу с своим жалованьем и ярлык свой с ним прислал, братом и другом себе назвал, а вперед братства и дружбы со мною хочет. Яз, по его жалованию и по его ярлыку, послал есмь к нему бити челом своего боярина Микиту. И вы бы нам дружбу свою чинили, дело бы есте мое у царя делали, чтобы царь пожаловал, жалование свое ко мне учинил до конца по тому, как ми его посол Ази-Баба на чем молвил и на чем с собою взял боярина моего Микиту. А даст Бог моя дружба и мое добро перед вами будет.

А Карач мурзе молвити: князь велики приказал х тебе: и переж сего дружба твоя к нам была, а моя дружба х тебе была, сам как попомнишь, коли еси был здесь у меня. И ты бы попомнил то ныне, абы еси нам дружбу свою чинил, у царя бы еси мое дело делал, чтобы

царь пожаловал меня по своему жалованию и по своему ярлыку, и как ми на чем его посол Ази-Баба его словом молвил и на чем взял с собою моего боярина Микиту. А даст Бог моя дружба перед тобою будет.

А се говорити Миките от великого князя Хозе Кокосу. Князь велики Иван Васильевич велел тебе поклониться. Да подати грамота верючая. А се с тое грамоты список: От великого князя Ивана Васильевича, Володимерского и Новгородского и Московского и всеа Руси, Хозе Кокосу. Что от нас тебе учнет говорити боярин мой Микита, и ты бы ему верил, то есть наши речи, а нам бы еси служил и дело бы еси мое делал до конца. А даст Бог, ино нашо жалование тебе будет. — Князь велики велел тебе говорити: прислал еси ко мне своего шурина Исупа, и грамоты свои ко мне с ним прислал еси, и ярлык царев верющей с ним ко мне пришел и княжа Мамакова грамота, и речь ми еси ко мне с ним наказал, что еси до царя мое челобитье, и мои речи все донесл, о чем есми к тебе посылал свои грамоты, и дело еси мое делал у царя. А приказал еси ко мне цареву жалование, что мя царь жалует о всем по тому, чего яз хочу. А Исуп ми молвил, что царь хочет мя жаловати и свыше в братстве и в дружбе с собою учинити также, как король с ним в братстве. Да на том мне Исуп и крепко слово молвил. И яз, по Исуповым речам и по твоим грамотам и по цареву ярлыку и по Мамакове грамоте, послал есми к тебе своего человека Иванчю толмача на твои руки, чтобы еси мое дело делал до конца, а мне бы еси тем служил, цареву бы жалование по тому ко мне учинилось, и ярлык бы свой пожаловал таков дал. Да и чаял есми, по Исуповым речем и по твоим грамотам, царева жалования, такова ярлыка, с его послом а с своим человеком с Иванчею вместе. И нынеча пак царь прислал ко мне своего посла Ази-Бабу, а приказал ко мне с ним свое жалование, братом и другом себе назвал. А прочное жалование его не исполнилось, ко мне ярлыка докончального с ним не прислал, а прислал ко мне с ним ярлык верющей: что мне Ази-Баба учнет говорити, ино в ярлык пишет, что то цареви речи, и мне бы тому верити. А ты прислал ко мне с моим человеком с Иванчею свои грамоты, а пишет в твоей грамоте то, что царь меня жалует, братом себе и другом назвал и вперед братства и дружбы хочет. А о чем ему яз челом бью,

и ты пишеши, что из того ни из чего не выступит. А Ази-Баба мне говорил здесе царевыми речми так, что царь хочет меня жаловати, в братстве и в дружбе и в любви держати, потомуже, как с королем в братстве, а другу другом быти, а недругу недругом быти. А коли мой посол к нему придет, и ему ко царю прямо ити. А пошлинам даражским и иным пошлинам всем никоторым не быти. И ярлыком мя таким dokonчалным хочет жаловати и правду на том на всем хочет пожаловати дати. Да на том здесе Ази-Баба и правду дал, что царю меня пожаловати о всем по тому. И яз, слышав цареву жалование и ярлык его видеи и поверя Ази-Бабиным речем, по цареву ярлыку, а большое веря твоим грамотам, послал есмь нынеча ко царю бить челом своего боярина ближняго Микиту. И ты бы ми тем послужил до конца: как еси почил мое дело делати, так бы еси и кончал, чтобы царь пожаловал, как учал жаловати, по тому бы и жаловал, как ко мне приказал с своим послом с Ази-Бабою, и как в твоих грамотах ко мне писано, ярлык бы ми свой dokonчалной пожаловал, а дал по списку по тому, на чем ми его посол Ази-Баба молвил и правду дал, и шерть бы ми пожаловал на том дал. А даст Бог за твою службу жалование мое перед тобою будет. — Да молвити ему Миките, чтобы еси нынеча на легкие поминки не подивил, занже есми ехал легко; а вперед аж даст Бог осподаря моего великого князя жалованье перед тобою будет.

Память Микитие. Молвити ему Кокосу от великого князя о том: коли будет ему к великому князю грамота послати о каких делех, и он бы жидовским писмом грамот не писал, а писал бы грамоты русским писмом, или бесерменским. — Кокосу ж молвити. Князь велики приказал к тебе: что еси ко мне писал в своей грамоте о людех, которые наши люди попали Мамаку в руки, и ты мне служа тех людей у Мамака взял в дружбу; ино то чинишь гораздо, что нам служишь; даст Бог за твою службу жалование наше перед тобою будет. Да пишешь в грамоте то, что противу тех людей дал еси Мамаку вздаря на четыре тысячи алтын, да на те люди положил еси на тысяча алтын платя; ино яз того не слышал перее того до твоей грамоты. А нынеча как твоя грамота ко мне пришла, и яз по тех людей послал, да их о том выпросил. И те люди так сказывают, что еси их у Мамака взял, а денег ден на них не дал Мамаку

ничего, дали деи Мамаку от себя посул сами семь сот алтын, да на царевых деи дворян взяли на них триста алтын, да сто алтын деи тому дали, у кого сидели пойманы; а платяя деи у тобя взяли семь однорядок, да семь сорочек, да семь колпаков; а боле деи того у тобя не взяли ничего. И они сказывают, что иные к тебе противу того платяя и вздарие послали; а которые не послали, а те нынеча к тебе шлют, а тебе за твое добро челом бьют. А мое жалование перед тобою будет.

V. Да лучится Миките быти в Кафе, ино говорити Миките Кокосу ж да и Кафинцом; а будет где пригоже, молвити чтобы грабежа над великого князя гостьми не было в Кафе. А се говорити Булгаку Петрову, кунсолосу кафинскому, и Кафинцом; послати его Миките в Кафу:

Князь велики Иван Васильевич, осподарь мой, велел тебе говорить: посылал есми к вам своего толмачя Иванчю о том: что есте пограбили моих людей, Гридку Жука да Степанка Васильева и их товарищов, взяли есте у них всякого товару на две тысячи рублей; и яз к вам приказывал, чтобы есте нашим людям их товар весь поотдавали. И вы отвечали моему Иванче так: отправит князь велики товар наших купцов кафинских, что их пограбили царевичевы казаки, мы его людям товар их весь отдадим. Ино яз к вам и первое сего приказывал, царевич великого царя род тахтамышев, а уланов и князей и казаков у него много: как к нему приежжают люди многие на службу, так от него отъежжают люди многие; и нам почему ведати, хто будет ваших купцов пограбил? А у нас тот грабеж не бывал. А наши люди в том пограблены безлеп; ино чтобы есте наших людей товар поотдавали весь; а дороги бы есте купцам не затворяли на обе стороны: наши бы люди в ващу землю ходили доброволно, а ваши бы купци в нашу землю в наше осподарство ходили доброволно. Коли ж пак так не учините, нашим людям их товару не отдадите, ино то уж не мы путь затворяем, вы путь купцом затворяете; и нам того, ож даст Бог, не заложити, того нам всяко искати, как бы нам то своим людям отправить».

Эта инструкция, данная первому московскому посольству в Крым, опубликована в «Сборнике императорского русского исторического общества» (далее РИО). СПб., 1884, т. 41, с. 1–9.

***Перевод шертной грамоты Крымского Царя
Менли Гирей, утвержденной крестным целованием
Великого Князя Иоанна III Васильевича,
о сохранении взаимной дружбы и братства.
Писана в 1474 году***

«Вышняго Бога волею, яз Менли Гирей Царь пожаловал есмь, взял есми с своим братом, с Великим Князем Иваном, любовь, и братство, и вечный мир от детей и на внучата; быти нам везде за один, другу другом быти, а недругу недругом быти. Кто будет друг мне, Менли Гирею Царю, тот и тебе друг, Великому Князю Ивану, а кто будет мне Менли Гирею Царю недруг, тот и тебе, Великому Князю Ивану, недруг; а кто будет друг тебе, Великому Князю Ивану, тот и мне друг; а кто будет тебе недруг, тот и мне недруг. А мне Менли Гирею Царю твоея земли, и тех Князей, которые на тебя смотрят, не воевати, ни моим Уланам, ни Князем, ни Козаком; а без нашего ведания люди наши твоих людей повоюют, а придут к нам, и нам их казнити, а взятое отдать и головы людския без окупа нам тебе отдать. А коли мой посол от меня пойдет к тебе послати без пошлин и без пошлинных людей; а твой посол ко мне придет, и он идет прямо ко мне. А пошлинам Даражским и иным всем пошлинам ни котрым не быти. А на сем, на всем, как писано в сем ярлыще, яз Менли Гирей Царь с своими Уланы и со Князьми, тебе брату своему Великому Князю Ивану, молвя крепкое слово, шерть есми дал жити нам с тобою по сему ярлыку».

Таким был первый утвержденный двумя сторонами документ о союзных отношениях Московского княжества и Крымского ханства. Фактически он не был претворен в жизнь из-за событий в Крыму и утери власти ханом Менгли-Гиреем.

Опубликован: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1823, т. 5, с. 1.

*Документы посольства Ивана Белого
от великого князя Ивана Васильевича
к царю Менгли-Гирею (даны 30 апреля 1479 г.)*

«Лета 87, апреля 30, поехал Иванчина Белого ко царю к Менгли-Гирею, к Ази-Гирееву сыну.

А се говорити Иванче царю Менгли-Гирею, Ази-Гирееву сыну.

Князь велики челом бьет. — Князь велики велел тебе говорити: прислал еси ко мне своих людей, Алача да Сырпяка, и ярлыки свои с ними прислал еси, а в ярлык писал еси, и люди ми твои сказали твое здоровье, что Бог тебя помиловал, на отца твоего месте и на твоём юрте осподарем учинил. И яз, слышав твое здоровье, тому есми обрадовался. — Князь велики велел тебе говорити, чтобы еси пожаловал, не подржал себе на сердце о том: хотел есми послати своего доброго человека твое здоровье видети с добрыми поминками; ино на Литву проезда нет, а полем пути истомны. И государь мой послал меня своего паробка здоровья твоего видети. А даст Бог как буду у своего осподаря, и государь мой к тебе пошлет своего доброго человека с добрыми поминки. — Князь велики велел тебе говорити: писал еси ко мне в своих ярлыках и словом ми говорили твои люди о том, что еси как пожаловал меня, братом и другом себе учинил, и правду мне дал, так и ныне жалуешь, на том стоишь, и вперед хочешь жаловати, братство свое и любовь ко мне и свыше хочешь полнити. И ты бы пожаловал, как еси слово свое мне молвил, по тому бы еси жаловал; а яз как на чем тебе по своей вере молвил, на том и стою, и вперед аж дест Бог и до живота хочю на том стояти; а добру есми твоему везде рад. — Князь велики велел говорити: писал еси ко мне в своих ярлыках с своим человеком с Алачем о своем недруте о царе о Зенебеке, чтобы мне твоего для дела к себе его взяти. И яз его к себе взял и истому есми своей земле учинил тебя для, и вперед есми хотел его у себя држати твоего для дела.

А се говорити Иванче царю наедине. Князь велики велел тебе говорити: писал еси ко мне в ярлык в своем и словом ми от тебя Сыр-

пьяк говорил о том: каково по грехом придет твое неверемя, им мне бы твоя истома поднять. Ино яз добру твоему везде рад, чтобы дал Бог ты здоров был на отца своего месте на своем юрте. А коли по грехом придет каково твое неверемя, и яз истому твою подойму на своей голове.

А вспросит царь Иванчи о том: зачем на Литву проезда нет? И Иванче молвити так: твой, господине, человек от тебя проехал на Литовскую землю тайно; а как отведали то, что к моему осподарю твой человек поехал на Литовскую землю, ино, господине, нынеча в Литовской земли по всем местам стерегут того, чтобы осподаря моего великого князя человек не проехал к тебе. — А учнет царь посла своего посылати к великому князю; ино говорити о том: как пожаловал царь, великого князя братом и другом себе учинил и правду на том дал, по тому бы и жаловал, посла бы своего послал без пошпин.

А услышит Иванча, что царь переменился, а понимают язык, да отведают того, что царь переменился, будет не Менли-Гирей на царстве, и Иванче ся воротити назад».

Данный документ свидетельствует, что миссия Иванчи Белаго была фактически разведывательной. До Москвы дошли слухи, что Менгли-Гирей снова получил в Крыму ханский пост, но уверенности в правильности этих слухов не было. Это гонцу и предстояло проверить. Далее в этом документе следует пропущенный нами раздел, в котором гонцу поручается установить контакты не только с ханом, но и с Эминекон Ширином.

Документ опубликован: Сборник РИО, т. 41, с. 15–16.

*Документы посольства от великого князя
Ивана Васильевича, отправленного к царю Менгли-Гирею
с боярином князем Иваном Ивановичем Звенцом
для заключения договора о союзе против общих
неприятелей – царя Ахмата и короля Казимира;
проекты ярлыка, который следовало непременно
получить об этом союзе от царя Менгли-Гирея
(даны 16 апреля 1480 г.)*

«Лета 88 (1480), отпущен с Москвы князь Иван Звенец месеца апреля 16.

А се говорити князю Ивану Ивановичю Звенцю царю Менгли-Гирею, Ази-Гирееву сыну.

Князь велики Иван челом бьет. Князь велики послал видети твое здоровье, волного человека. — Князь велики велел тебе говорити: пожаловал еси, братом и другом себе меня учинил еси, другу другом быти, а недругу недругом быти, и ярлык еси пожаловал дал и шертъ еси ко мне на том учинил с своими уланы и со князьми. — Князь велики велел тебе говорити: прислал еси ко мне своих послов, Темешъ улана да Лухбердея дувана, и ярлыки свои с ними прислал еси. А в ярлыкех в своих писал еси и словом ми говорили твои послы, что еси как пожаловал, меня братом и другом себе учинил, и ярлык шертной дал и правду мне дал с своими уланы и с князьми, так ныне по первому своему ярлыку и по своей правде жалуешь, на том и стоишь, и вперед хочешь жаловати, братство свое и любовь ко мне хочешь полнити, другу моему хочешь другом быти, а недругу недругом быти. И ты бы пожаловал, как еси свое слово мне молвил, по тому бы еси и жаловал; а яз на чем тебе молвил и правду дал, на том и стою, и вперед аж дасть Бог и до живота хочю на том стояти, а твоему другу есми друг, а недругу недруг, а добра твоего везде хочю смотреть. — Князь велики велел тебе говорити: и наперед сего приказывал еси ко мне и в ярлыкех своих писал еси о своем недрузе о Зенебеке о царе, чтобы мне твоего для дела к себе его взяти. И яз его к себе взял и держал

есми его у собя и истому есми своей земли чинил тобя дела. — Князь велики велел тебе говорити: нынеча еси ко мне ярлык свой прислал да и с своими послы еси приказал и с моим человеком с Иванчею о своей братье и царех о Нурдовлате да о Айдаре, что недруг твой король взял их к себе и держал их в своей земле на Киеве, а на твое лихо; и мне бы твоего для дела оттоле их к себе взяти. И из их к себе взял твоего для дела, а держу их у собя и истому своей земле и своим людем чиню тобя дела. — Князь велики велел тебе говорити: и говорили ми от тобя твои послы, да и с моим еси человеком с Иванчею ко мне приказал, чтобы из на твоего недруга на Ахмата царя был с тобою заодин, а тебе со мною быти на него заодин: коли пойдет на тобя Ахмат царь, и мне бы царевичев своих отпустить на Орду; а на меня пойдет Ахмат царь, и тебе самому всести на конь, да на него пойти, или брата своего отпустить с своими людами. И из с тобою на Ахмата царя один человек: коли пойдет на тобя Ахмат царь, и из царевичев своих отпущу на Орду; а пойдет на меня Ахмат царь, и ты бы на него пошел, или брата своего отпустил с своими людьми; так же бы еси и на вопчаго нашего недруга на короля был со мною заодин, а из с тобою на него заодин. А пожаловал бы еси, на том мне по первому своему ярлыку и по первой шерти крепкое свое слово молвил с своими уланы и со князьми, да и ярлык бы еси свой пожаловал дал по списку. А из как на чем тебе молвил, так по той по своей правде с тобою заодин, и как ми Бог поможет.

Да как отдела все дела, ино князю Ивану говорити царю о том. Князь велики велел тебе говорити: правда учинилася меж тобя и меня, и ярлык еси пожаловал шертной дал. А в ярлыке в шертном написано так: кто твои люди повоюют моих людей без твоего веданья, а придут к тебе, ино тех казнити, а взятое отдать, а головы без откупа отдать. Осенесь пак твои люди приходили на мою Украину и головы поимали; и ты бы пожаловал, по своей правде, велел те головы все сыскав отдать моему боярину, а тех бы еси лихих велел показнити, чтобы вперед так не чинили. А что твои люди попали в руки моим людем, которые приходили на мою Украину, и из тобя для тех людей не велел побити и к тебе есми их отпустил.

Да о том говорити князю Именеку, да просити на то ярлыка по списку. А учнет царь говорити так: ярлык есми шертной брату

своему великому князю дал и правду есмь на том ярлыке межи собою с великим князем учинили, что другу другом быти, а недругу недругом быти. И яз ныне по тому ярлыку и на той правде стою: другу есмь его друг, а недругу недруг. Ино иной ярлык на то о чем писати? — И князю Ивану о том говорити так: то, господине, свое жалование к моему государю к великому князю в ярлыках своих писал еси и с послы еси с своими приказал, что еси как пожаловал, на чем свое крепкое слово молвил моему осподарю и правду дал с своими уланы и со князьми, на том и ныне стоишь, другу его хочешь другом быти, а недругу недругом быти. И осподарь мой князь велики тебе и о том челом бьет, чтобы еси по тому по своему по первому ярлыку и по первой своей шерти жаловал; а осподарь мой как тебе на чем молвил и правду дал, на том и стоит. А о Ахмате царе приказал еси именем к моему государю к великому князю с своими послы, да и с его человеком с Иванчею, чтобы с тобою осподарь мой на Ахмата царя был заодин; также еси и о короле именем приказал к моему осподарю, что король взял в себе твою братью да держал их у собою на твое лихо, и король тебе недруг же. И государь мой князь велики, покрепляючи того, хочет у тебя на то опришнего ярлыка, что вам быти заодин на тех на волчих ваших недругов, а по той же по передней вашей правде, а не изнова шерти у тебя на том хочет. А с послы с твоими осподарь мой князь велики говорил о том ярлыке и список им являл, и они ялися за то, что тебе ярлык дати по тому списку осподарю моему великому князю, по передней по вашей правде.

Да о том говорити накрепко, чтобы царь дал по списку. И учнет царь ярлык давати, а станет о той строце, что написано в списке так: «а пойдет царь Ахмат на тебя на моего брата на великого князя и мне Менли-Гирею царю на Ахмата царя пойти, или брата своего отпустить с своими людьми». А захочет то слово написати в ярлык так: «пойдет Ахмат царь на тебя на моего брата на великого князя, и мне Менли-Гирею царю на Орду пойти, или брата своего пустить с своими людьми», — ино молвити так: коли, господине, на Орду пойдешь, то на него же пойдешь; а хочешь, господине, в ярлык так написати: «коли на моего осподаря Ахмат царь пойдет, и тебе тогда на Орду пойти, или брата послати с своими людьми», — и ты, господине, так и вели написати в ярлык. Да взяти ярлык по другому списку слово

в слово. А учнут которые строки писати в ярлык не по списку, ино не по списку ярлыка не имати.

А вымолвит царь о том, чтобы брат мой князь велики послов своих к моему недругу ко царю Ахмату не посылал. И князю Ивану то отговаривати, а говорити так: осподарь мой князь велики как тебе на чем молвил и правду дал, на том и стоит, а на твоего недруга с тобою один человек. А послов своих осподарю моему к Ахмату царю как не посылати? Или его послам к моему осподарю как не ходити? Осподаря моего земля с ним на одном поле, ино тому немощно быти, чтобы меж их послом не ходити. Да за то князю Ивану не иматся, чтобы послу великого князя к Ахмату царю не ходити.

А учинится тамо весть князю Ивану Звенцу, что Ахмат царь на сей стороне Волги, а попочюет под Русь, а хотя и ярлыка ещо не даст Менли-Гирей царь, ино князю Ивану о том говорити царю Менли-Гирею, чтобы по своему жалованью и по своей правде и как к великому князю приказывал с своими послы и с его человеком с Иванчею, что на Ахмата царя с великим князем один человек, и он бы пожаловал, на Ахмата царя пошел, или брата своего отпустил с своими людьми. Да о том говорити князю Именеку: коли Ахмат царь попочюет под Русь, и он бы дружбу свою великому князю чинил, а царю бы говорил, чтобы царь пожаловал пошел на Ахмата царя, или брата своего отпустил с своими людьми; а не пойдет Менли-Гирей царь и брата с людьми не отпустит на Орду, ино о том говорити, чтобы на Литовскую землю пошел, или брата отпустил с людьми. Да о том говорити и князю Именеку. А будет Ахмат царь за Волгою, ино о том и не говорити, ни царю, ни князю Именеку.

Да то памитовати князю Ивану. Учнет царь посылати посла своего к великому князю, ино говорити о том: как пожаловал царь великого князя братом и другом себе учинил и правду на том дал, по тому бы и жаловал, посла бы своего послал без пошлин.

II. А се списки, по тому ярлыка просити у царя. Наперед по первому списку просити ярлыка. А не даст по первому списку, ино по другому списку ярлык взяти.

Первой список. Менли-Гирею слово брату моему, великому князю Ивану. Промеж нас братство и дружба учинилася, другу

другом быти, а недругу недругом быти; а на том есми тебе крепкое слово молвя, ярлык дал и шерть есми тебе а том учинил с своими уланы и со князми, а ты мне правду дал. И яз пак по первому своему ярлыку, по своей шерти, другу твоему друг, а недругу твоему недруг; а ты по своей правде моему другу друг, а недругу моему недруг. А на Ахмата царя быти нам с тобою заодин: коли пойдет на меня царь Ахмат, и тебе моему брату великому князю Ивану царевичев твоих отпустить на Орду с уланы и со князми. А пойдет на тебя Ахмат царь, и мне Менли-Гирею царю на Ахмата царя пойти, или брата своего отпустить с своими людьми. Также и на короля, на вопчего своего недруга, быти нам с тобою заодин: коли ты на короля пойдешь, или пошлешь, и мне на него пойти и на его землю; или король пойдет на тебя на моего брата на великого князя, или пошлет, и мне также на короля и на его землю пойти. А буду и в шерти с королем, а тебе моему брату великому князю каково дело будет с королем, и мне королю шерть сложити, а быти ми на него с тобою заодин. А на том на всем, как писано в сем ярлыце, яз Менли-Гирей царь с своими уланы и со князми, по первому ярлыку и по первой шерти, крепкое свое слово тебе есмя молвили от детей и до внучат, в прок, правды деля. С нишаном ярлык послал есми.

Другой список. Менли-Гиреево слово брату моему, великому князю Ивану. Промежи нас братство и дружба учинилася, другу другом быти, а недругу недругом быти; а на том есми тебе крепкое слово молвя, ярлык дал, и шерть есми на том тебе учинил с своими уланы и со князми; а ты мне правду дал. Яз пак по первому своему ярлыку и по своей шерти другу твоему друг, а недругу твоему недруг; а ты по своей правде моему другу друг, а недругу моему недруг. А на Ахмата царя быти нам с тобою заодин: коли пойдет на меня царь Ахмат, и тебе моему брату, великому князю Ивану, царевичев своих отпустить на Орду с уланы и со князми; а пойдет на тебя Ахмат царь, и мне Менли-Гирею царю на Орду пойти, или брата своего отпустить с своими людьми. Также и на короля, на вопчего своего недруга, быти нам с тобою заодин: коли ты на короля пойдешь, или пошлешь, и мне на него пойти и на его землю; или король пойдет на тебя на моего брата на великого князя, или пошлет, и мне также на короля пойти и на его землю. А буду и в шерти с королем, а тебе

моему брату великому князю каково дело будет с королем, и мне королю шерть сложити, а быти ми на него с тобою заодин. А на том на всем, как писано в сем ярлыце, яз Менли-Грей царь с своими уланы и со князьми, по первому ярлыку и по первой шерти, крепкое свое слово тебе есми молвили от детей и до внучат, в прок, правды деля. С нишаном ярлык послал есми.

III. Память князю Ивану Звенцу. Как отговорив большие речи царю, ино после того на четвертой ли день, на пятой ли, ити ко царю с Лухбердей дуваном, да говорити ему от великого князя речи наедине.

Князь велики велел тебе говорити: прислал еси ко мне ярлык свой и словом еси ко мне приказал со Лухбердей дуваном, да и с моим еси человеком с Иванчею приказал о том: по грехом каково дело станется о юрте отца твоего царя, и тебе бы ко мне прийти в мою землю, а мне бы твоя истома поднять; да и грамота бы ми свою на том к тебе послати, по твоему списку написавши с крепостию. Ино яз добру твоему везде рад, чтобы дал Бог ты здоров был на отца своего месте на своем юрте; а то бы твое лихое дело неслася. А коли, по грехом, станется таково твое дело, останешь своего юрта, а придешь к нам, и яз истому твою подойму и добра твоего хочю смотреть. А каковы еси у меня грамоты хотел, и яз такову грамоту по твоему списку написавши, к тебе послал с своею печатью.

Да изговоривши ту речь царю, тутож ему дати грамота великого князя с золотою печатью. А се список с грамоты, такова грамота послана ко царю с золотою печатью:

Дай, Господи, тебе лихо не было, брату моему Менли-Гирею царю. А нешто ти ся станет каково дело, в юрте отца твоего царя дело будет, а придешь ко мне к великому князю Ивану, к брату своему, собою почет в головах, от меня от великого князя и от сына и от братии и от великих князей и от добрых бояр тебе царю, брату, и твоему брату и твоим детям и великим князем и добрым слугам никакова ми вам лиха не учинити, добровольно придешь, добровольно куды восхочешь пойти – пойдешь; а нам тебя не держати. А сколько сила моя имет, печаловати ми ся царева отца твоего места, Орды досягати, надеясь на Бога, печаль свою учиню, другу друг, а недругу недруг буду. А опроче сех слов, и на коне учиню по той правде, как есми

тобе по своей вере молвил и крест целовал. Так молвя из своих уст, сю крепкую грамоту с золотою своею печатью дал есми.

А учнет царь говорити о том, что в той грамоте в великого князя в крепостной не написано запрещения, как царь в своем списке писал. И князю Ивану то отговаривати так: тех, господине, слов по христьянскому закону немошно молвити, чтобы, господине, за те слова христьянину убиту быти, а молвити того нелзе. А осподарь мой князь велики с тобою в правде молвя тебе свое слово, по своей вере, на всем добре и крест на том целовал. Ино, господине, во христианском законе тое правды, крестного целования, выше нет; и осподарь мой по той по своей правде и нынеча тебе молвил и в грамоте в своей ту крепость написал; и ты бы, господине, себе на сердце того не держал, что моему осподарю лиха твоего хотети, везде добру твоему осподарь мой рад.

(Далее следует пропущенный в нашей публикации раздел IV, касающийся молдавских дел и молдавско-московской переписки).

V. А се говорити князю Именеку. Князь велики велел тебе говорить: Менли-Гирей царь пожаловал меня, братом и другом себе учинил, и ярлык свой дал, и правду ко мне учинил с своими уланы и со князми, что другу другом быти, а недругу недругом быти. А ты нам дружбу свою чинил, дело еси напе у царя делал, и правду еси ко мне со царем учинил. Нынеча пак царь ко мне прислал послов своих. Темешь улана да Лухбердея дувана; а ты своего человека прислал. А приказал ко мне царь с своими послы, да и ты ко мне приказал с своим человеком, что как пожаловал меня царь, братом и другом себе учинил, и ярлык дал и правду ко мне учинил с своими уланы и со князми, так и ныне жалует, на том и стоит, и вперед хочет жаловати, братство свое и любовь ко мне хочет полниги. А ты также ко мне приказал, что на той на своей правде стоишь, на чем еси ко мне со царем правду учинил; а мне бы на своей правде стояти, на чем яз царю правду дал. Ино яз как на чем молвил царю и правду дал, на том и стою. Царь пак ко мне приказал, да и ты, о цареve брате о Нурдовлате да о Айдаре о царех, чтобы мне царева для дела к себе их взяти. И яз их к себе взял, а держу их у себя и истому своей земле и своим людем чиню, царева для дела. Да приказал ко мне царь, да и ты о том, чтобы яз с Менли-Гиреем на Ахмата царя да и на короля был заодин. Ино яз, по своей правде, с Менли-Гиреем

царем один человек и на Ахмата царя и на короля; а царь бы пожаловал, по своей правде, со мною был заодно на Ахмата царя и на вопчего нашего недруга короля. А нынеча есми послал ко царю своего боярина князя Ивана; и ты бы, по передней по своей правде и по своему приказу, дружбу свою нам чинил, а у царя бы еси наше дело делал. А яз аж даст Бог и вперед хочю к тебе свою дружбу держати.

(Далее опять пропущен небольшой оправдательный раздел (VI), касающийся молдавско-московской переписки).

Документ опубликован: РИО, т. 41, с. 17–23.

***Грамота Крымского царя Менгли-Гирея
к Великому князю Ивану III Васильевичу,
данная в подтверждение прежних обязательств
о союзе против короля Польского Казимира
и Ордынского царя Ахмата (1480 г.)***

Менли Гиреево слово брату моему Великому Князю Ивану: Промеж нас братство и дружба учинилася, другу другом бытии, а недругу недругом бытии. А на том есми тебе крепкое слово молвя, ярлык дал, и шерть есми тебе на том учинил с своими Уланы и со Князи: а ты мне, правду дал. И яз пак попервому своему ярлыку и по своей шерти, другу моему друг, а недругу моему недруг; а ты по своей правде моему другу друг, а недругу моему недруг. А на Ахмата Царя быти нам с тобой за один. Коли пойдет на меня Царь Ахмат, и тебе, брату моему, Великому Князю Ивану, Царевичев своих отпустить на Орду с Уланы и со Князми. А пойдет на тебя Ахмат Царь, и мне, Менли Гирею Царю, на Ахмата Царя пойти, или брата своего отпустить с своими людьми. Также и на Короля, на вопчего своего недруга, бытии нам с тобой за один. Коли ты на Короля пойдешь, или пошлешь, и мне на него пойти и на его землю; или Король пойдет на тебя, на моего брата, на Великого Князя, или пошлет, и мне также на Короля и на его землю пойти. А буду и в шерти с Королем, а тебе

моему брату Великому Князю, каково дело будет с Королем, и мне Короля шерть сложить, а быти ми на него с тобою за один. А на том на всем, как писано в сем ярлыце, яз Менли Гирей Царь, со своими Уланы и с Князми, по первому ярлыку и по первой шерти, крепкое свое слово тебе есми молвили от детей и до внучат, в прок правды дея. С нишпаном ярлык послал есми.

Документ опубликован: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1823, ч. 5, с. 2.

Грамота Великого князя Ивана III Васильевича к Крымскому Царю Менгли-Гирею (апрель 1480 г.)

Дай Господи тебе лихо не было, брату моему Менли Гирею Царю; а нешто тис я станет, каково дело о юрте отца твоего Царя дело будет, а придешь ко мне к Великому Князю Ивану к брату своему почет в головах, от меня от Великого Князя, и от сына, и от братий, и от Великих Князей, и от добрых бояр тебе Царю брату, и твоему брату, и твоим детям, и Великим Князем, и добрым слутам, никакова ми вам лиха не учинити: добровольно придешь, добровольно куды восхочешь пойти пойдешь, а нам тебя не держати. А сколько сила моя иметь печаловатими ся, Царева отца твоего места Орды досягати; надеяся на Бога, печаль твою учиню, другу друг, а недругу недруг буду. А опрочее сех слов иначе не учено, по той правде, как есми тебе по своей вере молвил и крест целовал. Так молвя из своих уст, Сю крепкую грамоту с золотою своею печатью дал есми.

Документ опубликован: Собрание государственных грамот. М., 1823, т. 5, с. 2.

Грамота показывает, что Менгли-Гирей и его окружение, хотя и вернули себе к этому времени свои властные полномочия в ханстве, еще не обрели силы и уверенности в возможном их сохранении. В Москве это знали, явно пытались поддержать этого хана и сохранить с ним и его ханством начавшиеся ранее дружеские отношения.

***Грамота к великому князю Василию Иоанновичу
от царя Менгли-Гирея, которой [хан] требует дани,
исстари наложенной на владения князей Одоевских***

Менгли-Гиреево цареву слово, великому князю Василию брату моему, слово то: всякой же год писал есми к тебе в своем ярлыке с бакшайшем, которые наши годовые поминки, да бакшайшу, который ему идет езде, то еси к нам прислал. А изстарины при великом князе Иване потому ж с Одоевских князей, которые посылали к нам наши поминки, и тому бакшайшу, что на подовоши шло, посылаал там, да взявши тамо, да с бакшайшом к нам посылаал. И ты бы нынчи брат мой, по старине, чтоя... нам идет с одоева, без ущерба собравши, сполна прислал к нам с нашим человеком с бакшайшом. А и всяков же год сполна недали не потому прислали, и ныне бы по старине, собрав бы еси, да и с бакшайшой к нам прислал еси. Да сколько нам собрав с Одоева пошпенно с бакшайшом и ты бы то написал на список, да тот список к нам прислал с своим послом, который к нам с Мегмедшей пойдет; а бакшейшово конем его и ему корм с Одоевских волостей, так ведая, то веси ему конем его корм давал досыти. Молвя, жуковиною запечатав синим нишаном, ярлык послал есми.

Документ опубликован: «Записки Одесского общества истории и древностей». 1863, т. VI, с. 392.

Выше публикуемая грамота показывает, что отходившие к Москве южнорусские районы Литовского княжества переставали платить Крыму дань, которая им ранее предписывалась крымско-литовскими соглашениями. Претензии на эту дань крымские власти продолжали высказывать, но, как чувствуется и из этого ярлыка, и из общей атмосферы крымско-московских отношений того времени, особой настойчивости они до поры до времени не проявляли.

Любопытен ответ великого князя на изложенную выше конкретную претензию Менгли-Гирея, содержащийся в наказе, данном московскому посольству И. С. Кубенского, отправленному в Крым в апреле 1500 г.:

«...молвити ... опосле всяких дел. Князь великий велел тебе говорити: писал еси к нам в своей грамоте с своим человеком с Бекпеншем о Одоевских князех: что которую тебе подать давали, и они бы тебе и ныне потомуже ту подать давали. Ино Одоевских князей болших не стало, а отчина их пуста, а ныне князи Одоевские нам служат, наши слуги, мы их кормим и жалуем их своим жалованием; а иных князей Одоевских жеребьи за нами, и что тебе давали и твоему человеку, ино их яз тебе жаловал, а им нечего давати, отчина их пуста. А и ныне твоего человека яз же жаловал, а им нечего давати, отчина их пуста. А и ныне твоего человека яз же жаловал, а им нечего давати. И ты бы Одоевских князей впредь свою пошлину отложил, да и драг бы еси к ним не посылал по свою пошлину, меня деяя».

(Сборник РИО, т. 41. с. 306).

При Менгли-Гирее пограничные проблемы удавалось как-то урегулировать. Они, однако, всплыли вновь, когда на иной почве при Мехмед-Гирее отношения между Крымом и Московией обострились. По ордынским представлениям, регион южнорусских земель, уступленный Ордой литовским князьям и обязанный платить дань, распространялся на значительно большую территорию, чем приграничная полоса, отошедшая при Менгли-Гирее к Московскому княжеству. Об этом свидетельствует публикуемый нами далее крымско-литовский документ.

1506–1507. Ярлык крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду

Починаю, Господи, у твое имя. Великое Орды великого царя Мендли-Кгиреево слово, правое руки и левое великого улуса темником, и тысячником, и сотником, и десятником, вланом, князем и всим Руским людем, бояром, митрополитом, попом, чернцом, и всим черным людем и всему посполству. Даем вам ведати, шгож великии цари, дяды наши, и великий царь Ачъжи-Кгирей, отец наш, коли их потны

кони были, до великого князя Витовта, до Литовское земли в гостиное поехали, великую ласку и честь видали; и за то... пожаловали Киевом, в головах, и многие места дали. Ино, потомуж, Литовское земли великий князь Казимир, брат наш, за Литовскими князи и папы просили нас; и мы их прозбу ухвалив... как нас Бог на столцы отца нашего посадил: ино што великии цари, дяды наши, и великий царь отец наш.... дали потомуж: Киевскую тму, со всеми входы и данми, и з землями и з водами; Володимерскую тму, со всеми входы и данми, и з землями и з водами; Великого Луцка тму, со всеми входы и данми, и з землями и з водами; Смоленскую тму, со всеми входы и з данми, и з землями и з водами; Подолскую тму, со всеми входы и з данми, и з землями и водами; Каменецкую тму, со всеми входы и з данми, и з землями и водами; Браславскую тму, со всеми входы и з данми, и з землями и водами; Сокалскую тму, со всеми входы и данми, и з землями и водами; Звинигород, з выходы и з данми, и з землями и водами; Черкаassy, з выходы и данми, и з землями и водами; Хачибиев Маяк, з водами и землями; ино почонши от Киева, и Днепром и до устья, и Спепорож и Глинеск со всеми их людьми, Жолваж, Путивль з землями и з водами, Бирин, Синеч, Хотеп, Лосичи, Хотмышл, со всеми их землями и водами, и данми и выходы; Черниговскую тму, со всеми выходы и данми, и землями и водами; Рылеск, з выходы и данми, и з землями и водами; Курскую тму, з выходы и данми, и землями и водами; Сараева сына Егалтаеву тму, Милолюб, з выходы и данми, и з землями и водами; Мужеч, Оскол, Стародуб и Брянск, со всеми их выходы и данми и з землями и водами; Мченек и Люботек, Тулу город, со всеми их выходы и данми, и з землями и водами; Берестей и Ратно, и Козелеск, Пронск, Волконск, Испаш, Донець, со всеми их выходы и данми, и з землями и водами; Ябу городок, Балыклы, Карасун, городок Дашков, городицо Тушинь, Немир, Мушач, Ходоров, со всеми их выходы и з данми, и з землями и водами. Ино великий князь Казимир, брат наш, з Литовское земли князи и паны, ... штобы доброта множила: для того и мы теж с уланы и князи порадив... а брат наш, великий князь Казимир, Андреева сына маршалка, а с ним пана Ивашков сын, пана Ивашенцо... коли до мене от брата моего в посольстве приехали; ино мы, повышая брата нашего,... Псков и Великий Новгород пожаловали дали есмо, и Резань и Переяславль в головах,

люди тмы, города и села, и дани и выходы, и з землями и з водами и с потоками, к Литовскому столцу придали есмо. Ино вы, имены вышпей писаныи, города, князи и бояре, ... наперед сего великому князю Витовту, брату нашому, а потом великому князю Жикгимонту, брату нашому, ... и великому князю Казимиру, брату нашому, как есте служивали, ино и ныне, потомуж, великому князю Жикгимонту, брату нашому, служите, колко городов дани и выходы сполна давали. А которые люди напотом, повышая, дали есмо, не молвите: «Перво того не служивали есмо, и дани и выходу не даивали есмо»; никоторые вымовки не мейте, дани и выходы давайте, от нынешнего часу служите. Ино и ныне великий князь Жикгимонт, брат наш, з Литовское земли князи и папы... для того, штобы межи нами доброта была; и мы с уланы и князи порадив... от брата нашего, великого князя Жикгимонта, пан Юрьи Зиновьевич, а пан Якуб Ивашенцович, маршалок, и писарь Татарский Темирчин сын князь Абрагим, от брата нашего в посолстве приездили. Ино первые цари, дяды наши, и царь отец наш пожаловал которыми ярлыки, а потом и мы которым ярлыком пожаловали, милуючи, Жикгимонта брата нашего, в Литовской земли столец ему дали есмо... сесь наш ярлык з ласки... по первому ж сполна дани и выходы и службу... не будете ль то сполна служити, и вам никоторого ж добра не будет, будете воеваны и граблены, сего нашего ярлыка не будете ль послушными... штобы есте не сплосилися, для того под золотым нишпаном и под алыми тамгы ярлык дан, по пророка нашего смерти, девятьсот лет и тринадцать лет, щастливого месяца Сафара 21 дня, в пятницу. Писан в город Веселом.

Из Литовской Метрики, хранящейся при Правительствующем Сенате в С. Петербурге. В заглавии грамоты отмечено: Лист от царя Татарского Мендли-Кирея до панов рад и всех Русских людей о Киеве и инии земли.

Документ опубликован в книге «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией». СПб., 1848, т. 2. При издании отмечено, что список неисправный и со многими пропусками в тексте. Это единственный известный нам документ, где упоминаются ярлыки ордынских ханов, дарующие литовским князьям южнорусские земли. Оригиналы текстов их,

очевидно, не сохранились, хотя само существование этих документов сомнения не вызывает. Для начала XVI века упоминание о былых ордынских пожалованиях было явным анахронизмом. Государственное размежевание между Литвой и Московией было уже иным, но, вспоминая ордынские ярлыки, литовские власти все еще не отказывались от своих претензий не только на ранее находившиеся в составе их государства территории, но даже, как видим из публикуемого документа, претендовали на Псков, Великий Новгород, Рязань и другие – более восточные – поселения, никогда им не принадлежавшие. Документ подтверждает, что подспудно антимосковские настроения все еще продолжали бытовать не только в литовских, но и в крымских правящих кругах. Эти настроения и вышли на поверхность при Мехмед-Гирее, когда к ним прибавилось нежелание Москвы помогать Крыму против Астрахани.

Далее публикуются документы первых межгосударственных контактов Московии с крымским сюзереном – Османской империей.

***Грамота, в списке, великого князя Иоанна III Васильевича
к турецкому султану Баязету II о причинах пресекавшейся
в Кафе и Азове торговли с турецкими подданными.
Писана в Москве в 1492 году августа 31***

Салтану великому Царю: межи Бессерменских Государей, великой еси Государь, над Турскими и над Азямскими Государи волен еси, польской и морской Государь еси, Салтан Баязит Величеству твоему.

ИОАНН.

Божией милостию един правой Осподарь всяя Руссии вотчич и дедич иных многим землям от севера и до востока Государь, Величеству твоему слово наше то: межи нас с тобою наши люди не ежживали нашего здоровья видети, только наши гости из наших земель в твои земли ездят. Нашим и вапшим людем много корысть бывала, и наши гости нам били челом, и сказывали нам, что им в твоих землях от твоих

людей велика сила чинится, и мы своих гостей речей не слушали, в Азов и в Кафу ежелеть есмя своих гостей отпускали. И нынча наши гости нам били челом и сказывали нам, что летось велми велика сила в твоих землях от твоих людей над нами учинилась, в Азове твой Папа велел им ров копати и камень на город носити, также в Азове и в Кафе и в иных в твоих городех, товар у них оценив возмут, да половину цены дадут, а другия не дадут. Еще наших гостей будет человек пять или шесть в одном котле, и один человек из них разболится какою болезью, да еще жив, Бог един волен в животе и в смерти; а они от него всех его товарищов отошлют, а у тех у всех его товарищ товар запечатуют, и как тот человек умрет, и они у всех у них товар возмут, а назовут тот товар того мертвого человека; а и не умрет, и они половину товару отдадут, а другие не отдадут. Еще слышим, ни в которой земле такая сила не чинится над нашими гостьми, как в твоей земле: разболится человек, да учнет товар свой довати брату своему, или племяннику, или с товарищем своим учнет посылати к жене своей, да к детям, и они еще у живого у него товар его отоймут, а товарищов его к нему не припустят. Да и ныне, сказывают, многие силы нашим гостям в твоих землях от твоих людей чинится, и мы ныне тех для дел, на сей весне своих гостей в Азов и в Кафу и в иные твои города не отпустили; где над нашими гостями сила чинится, и мы там своих гостей не отпускаем. На перед того, сказывают наши гости, в ваши земли ежжиwali, одну тамгу платили, а сила над нами ни которая не бывала. Ныне при тебе ново в твоих землях, твои люди над нашими гостми учали силу чинити, твоему величеству ведомо ли то, или неведомо? Будет по твоему велению твои люди над нашими гостьми такую силу чинили, и мы и впред своих гостей в твои земли не хотим отпускати. Еще одно слово то: отец твой славной и великой был осподарь, слышал есми, с нами хотел того, чтобы меж нас наши люди ездили здоровья нашего видети, и послал был к нам своих людей; ино так Божия воля ссталася нынче, отца своего то делопоманув, чего дея меж нас наши люди не ездят нашего здоровья видети. О тех о всех делах написав свою грамоту, к нам бы еси послал, чтобы нам ведомо было.

А писан на Москве в лето девять десять десятое, месяца Августа 31 день.

А на подписи: Салтан Баязитову Величеству.

Текст опубликован: Собрание государственных грамот и договоров. Часть 5. М., 1823, с. 13.

Это первый из дошедших до нас документов межгосударственных сношений Османской империи и Московского княжества. До этого, как уже говорилось в тексте нашей работы, между этими двумя государствами были попытки установления дипломатических отношений при посредничестве крымского хана и возвращавшегося из Европы московского дипломата Ф. Курицына. При этом замечательно, что инициатива в установлении отношений исходила, что особо подчеркивает турецкий исследователь Х. Иналджик (*The Ottoman State ...1974*), от османской стороны, заинтересованной в поступлении в империю мехов, рыбьей кости (моржовых клыков), ловчих птиц и некоторых других экзотических товаров. Уже было нами сказано, что эту торговлю пытались перехватить польско-литовские торговцы, но в связи с военными действиями в Молдавии и временным закрытием молдавского торгового пути это их посредничество перестало себя оправдывать. Нужны были прямые торговые связи, хотя между Москвой и османскими владениями не было тогда ни общей границы, ни какой-либо политической заинтересованности друг в друге. Правда, Москва проявила особое внимание к османским военным действиям в Крыму в 1475 г., что нашло отражение, как проследил М.С. Мейер, во всех главных российских летописях (Мейер М.С., 1996, с. 66, 110). И это понятно: ведь как раз именно в это время начали завязываться союзные отношения между Московией и Крымским ханством. Позднее в Москве стало известно, что посланный из Крыма по султанскому распоряжению османский посол не был пропущен литовскими властями через свою территорию и не смог добраться до страны назначения. Потому-то Иван III в 1497 г. и посылает своего посла Михаила Плещеева в Стамбул. Ответное султанское послание, привезенное им, мы публикуем далее.

***Перевод с грамоты турецкого султана Баязета II,
изъявляющей дружественное расположение его
к великому князю Иоанну Васильевичу (1497 г.)***

Великоименитой Хумаюн Баезит султан Мухаммедевич.

Ныне в своей земли, Божиею милостию Анатолийской и Румской земли, Белого и Черного моря, и Караманский и меньшаго Рима и иных многих земель государь, салтана Магаммеди царя сын, султан Баязид. А (ты) всяя России и восточной и Полской и иных многих земель князь Иван. К моему порогу послал ты вчастие доброе своего посла, от своего правого сердца, чистаго добраго человека Михайла. Посольства его путь до меня дошел. Мене как видел и твою грамоту полную мне дал, и яз ее взяв, приложил к своему сердцю. И что в той грамоте написано было, и что твой посол своим языком говорил от тебя, то до меня дошло от твоего правого сердца; и разумел есми, единичества со мною хочешь: каков бы ты ко мне, таков бы яз к тебе, и по сем меже бы нас послы наши ходили часто, и гости свои в мою землю отпущай, и пришед, увидят нашу правду к собе, и к тебе скажут. Что о тех гостех писал ты ко мне переж сего, о всем твой посол и твоя грамота ведомо мне дала с правдою. И познав яз то ныне твоему послу своим языком говорил, и грамоты свои к тебе послал, и он тебе мои речи скажет и грамоты подаст. А твой посол мне по пошлине службу полную учинил; а ныне у мене посол твой отпросился назад, и яз его отпустил в свою страну, и он от меня и пошел, дай Бог твой посол поздорову дошел до тебя, мое здоровье и дружбу и любовь тебе скажет, от меня тебе великий поклон, и кто мне друг и тому великий поклон. А писан по конец месяца редчебюль мюрадчед девять сот второго лета в Константине граде.

Документ напечатан: Сборник РИО, СПб., 1884, т. 41, с. 244.

Обращаю внимание на дружеский тон послания, а также еще раз подчеркиваю, что в титулатуре Ивана III использовано выраже-

ние: «Польской и иных многих земель князь». Польской, Поле – это и есть тот самый Дешт-и Кыпчак, владение Золотой Орды, одной из наследниц которой османы признали Московию.

К вышеприведенной грамоте было присоединено еще одно султанское распоряжение, касающееся торговли в Кафе и других турецких городах (опубликовано там же: Сборник РИО, т. 41, с. 244–247). В нем перечисляются почти дословно все те претензии, которые были изложены московским князем в 1492 г., и даются конкретные обещания не допускать впредь по отношению к московским купцам подобных враждебных действий. «А гостей своих в мою землю на их промысел отпускай, как прежде сего люди твои приездили, как при дедех и отцех наших было, а ныне свыше того будет, а из нашии заповеди никто не смеет выступити. А сыну своему приказал есми Божию заповедь творити добре крепко» (там же, с. 246). Сын султана, о котором говорится в тексте, – это османский наместник в Кафе («у меня в Кафе сын мой Магомед-султан, да с ним дядька его»). О нем еще будет вестись речь в следующей главе нашей работы. Сейчас же лишь отметим: в этом предписании специально подчеркивалось, что султанские распоряжения о московских купцах распространяются и на Крым. Само же это султанское распоряжение наводит на мысль, не является ли оно с его конкретной росписью того, как османским властям надлежит оберегать иностранных купцов, первым султанским указом о льготах купцам-христианам, т. е. документом того типа, которые в Европе называются Капитуляции (по-турецки – имтиязат)? Обычно первой Капитуляцией, выданной султаном европейскому монарху, считается та, что была дана французскому королю в 1535 (по другим предположениям в 1565) году. К сожалению, более ранний документ о льготах московским торговцам вовремя переподтвержден не был. Как и прочие ахид-наме, он действовал лишь в период правления издавшего его монарха, а позднее оказался забытым. России вплоть до второй половины XVIII в. почти при каждой посольской пересылке приходилось снова ставить перед султанским правительством вопрос об обеспечении безопасности российских купцов, торговавших на территории Османской империи. Более того, все возраставшее невнимание российских внешнеполитических служб к особенностям межгосударственных отношений на Вос-

токе и постепенный переход к европейской дипломатической практике сослужили России плохую службу. Ей пришлось заново учиться у Европы торгово-дипломатическим отношениям с Османской империей.

В XV–XVI вв. в самой Османской империи лишь закладывались традиции заключения торговых (капитуляционных) договоров с Европой. Россия стояла у их истоков, но не сумела воспользоваться этим в своих государственных интересах.

Глава 5

ВКЛЮЧЕНИЕ КРЫМА В СИСТЕМУ ОСМАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

По установившейся традиции, организуя управление вновь присоединенных земель, османские завоеватели в тех районах, через которые они не предполагали в ближайшем будущем развивать свою экспансию, сохраняли местных правителей, признавших их верховенство, и предоставляли им почти полную свободу в делах внутреннего управления своими владениями, а частично и в вопросах внешнеполитических сношений. Ежегодно большая часть таких областей должна была вносить в османскую казну определенные платежи (сальяне или харадж для немусульман), а в случаях приглашения султана – участвовать со своими войсками в османских военных экспедициях. Для присмотра за этими подвластными территориями в их землях или в ближайших к ним местностях располагались крепости с гарнизонами османских войск. Все правители таких территорий обязаны были сообщать в центр о происходящем на границе, в соседних странах и в расположенных поблизости других подвластных османам областях. Прекрасный пример такой переписки дает хранящийся в Москве (АВПРИ, ф. 26) архив мухафиза (коменданта) Хотина Ильяса Колчак-паши, захваченный русской армией в 1739 г. Он показывает (к сожалению, лишь для более позднего времени – XVIII века) активные контакты хотинского коменданта с Портой, вассальными княжествами Молдавией и Валахией, комендантами Очакова, Бендер и других окрестных крепостей, крымским ханом, пашой Кафы и даже некоторыми северокавказскими вождями племен. Порта постоянно напоминала об обязательности взаимного

обмена информацией между этими пограничными властителями и донесений об их содержании в центр. Так устанавливался строгий бюрократический контроль и даже нечто вроде взаимного шпионажа пограничных владетелей друг за другом, что не позволяло местным правителям проявлять какую-либо радикальную самостоятельность, особенно во внешнеполитической сфере. Другое дело, что Порты сама была не прочь поддерживать постоянную военную напряженность на границах даже тогда, когда не вела в том или ином районе военных действий и не имела намерения развивать свою экспансию в этом направлении. Пограничными вылазками она давала порой отдельным бейлербеям (и не только пограничных районов) подкормиться за счет грабежа соседних земель. Однако в случаях выхода за рамки дозволенной внешнеполитической активности правитель вассальной области тут же лишался своего поста. Это особенно хорошо видно на примерах Трансильвании (одного из, казалось бы, наиболее свободных европейских вассалов) и Крымского ханства. (История взаимоотношений многих из таких османских пограничных вассалов с Портой показана в книгах «Османская империя и страны...». М., 1984, 1998, 2001).

Османские крепости, присматривающие за пограничными вассалами, имели гарнизоны османских войск, используемых для карательных мер, а порой и помощи вассалам в случае внешней или внутренней опасности. Иногда такими опорными пунктами османской власти бывали целые области центрального имперского управления, такие как Будин (область с центром в Буде в Венгрии), позднее Подолия, а в Крыму – владения, отошедшие к османам от итальянских торговых городов с центром в Кафе (Феодосии). Как особый эялет (административная единица), кафинский район был оформлен лишь в 1568–1569 гг. (Inalcık, 1973, с. 106; Курникова О.М., 2015, с. 308–317.), но, что принципиально важно подчеркнуть, под юрисдикцией крымского хана эти территории никогда не находились (Öztürk, 2000; Игнатова О.М., 2005), а следовательно, каких-то земельных изъятий у ханства османские власти, включая его в состав империи, не производили.

Кафа управлялась османскими наместниками. Был период, когда пост таких наместников занимали члены султанского семей-

ства (конец XV в.). Первым из таких назначенцев был сын султана Баязида Мехмед. Как установил В.Д. Смирнов, в имеющихся турецких источниках нет точного указания на время, когда состоялось это назначение. В дипломатической переписке Менгли-Гирея с Иваном III в октябре 1495 г. этот факт констатируется как уже свершившееся событие. Более того, известно, что московский посол в Крыму с этим султанским сыном «корешевался» и передал ему ценный подарок – красного кречета, который ранее предназначался крымскому хану. Из этого можно сделать вывод, что в Москве знали о субординации во властных структурах Османской империи и видели в шахзаде особо важную персону.

Нельзя, однако, забывать и того, что у османов тогда действовало правило, по которому после смерти султана пришедший к власти наследник мог убить всех своих соперников, чтобы не иметь иных претендентов на свой пост. Баязид готовился передать власть сыну Ахмеду, а всех других своих детей отсылал в отдаленные уголки империи. Поэтому назначение в Кафу Мехмеда следует рассматривать не как возвышение османами значения своих крымских владений, а как место почетной, но ссылки. Шахзаде был молод и несамостоятелен в своих действиях. Но для нас важно, что именно он, как и крымский хан, стал посредником в установлении тех первых контактов Москвы и Стамбула, о которых говорилось выше. С ним связан также первый поход османских войск в Предкавказье против адыгских (черкесских) племен, о чем доносил в Москву из Крыма посол Мамонов в 1501 г., и отказ Большой Орде в просьбе разрешить ей кочевать в Приднепровье, о чем также уже шла речь ранее.

После смерти шахзаде Мехмеда (1504/1505 г. от р. Х.) в Крым был назначен внук Баязида Сулейман, сын другого шахзаде – Селима, начавшего немного позднее вопреки воле отца активно бороться за султанский трон. Селим самовольно покинул выделенный ему султаном пост бейлербея Трапезунда (Трабзона), т. е. в еще более отдаленном крае империи, и самовольно переехал в Крым к своему сыну Сулейману, откуда дважды совершал походы на Стамбул, добившись в конце концов трона и умертвив отца, брата Ахмеда и всех иных родственников мужского пола,

кроме собственного сына Сулеймана, ставшего позднее его наследником и известным в истории как Сулейман Кануни (Законодатель) – или Сулейман Великолепный, как его величали в Европе. Крым в период борьбы Селима за власть впервые оказался вовлеченным во внутриосманские династийные разборки.

Интересно проследить, как складывались отношения у Менгли-Гирея с Селимом, пребывавшим в Крыму и оттуда начавшим борьбу за султанскую власть. Хан вел тогда переписку и выполнял некоторые поручения официального наследника Ахмеда, но в то же время вынужден был сотрудничать и с Селимом. Он оказывал последнему всевозможные почести, выдал за него замуж свою дочь, выделил в его распоряжение некоторое количество войск, но отказался предоставить более значительную армию под командованием одного из своих сыновей. В.Д. Смирнов оценивает эти действия хана как поступок «умного, опытного и дальновидного» политика» (см.: В.Д. Смирнов, 2005, т. 1, с. 284), понимавшего, что исход борьбы двух шахзаде трудно предсказуем. Он же (В.Д. Смирнов) публикует интересный турецкий источник о перипетиях этой борьбы (помещен нами в Приложении к этой главе) и при этом так комментирует действия хана: «как... в душе он ни был расположен к царствовавшему султану Баязиду, но безнаказанное самовольство сына его Селима, бросившего свой трапезундский пост и поселившегося в кафинском вилайете, бывшем под управлением его сына Сулеймана, внушало хану убеждение, что рано или поздно этот энергичный человек добьется своего – сделается султаном, устранив своих соперников-братьев, несмотря на симпатии отца к среднему из них – Ахмеду. Перспектива нажать в будущем султана врага себе слишком была очевидна для Менгли-Гирея, чтобы он позволил своему взбалмошному сыну Мухаммед-Гераю затеять рискованное дело захвата и выдачи Селима» (Смирнов, 2005, т. 1, с. 288). В.Д. Смирнов обратил внимание и на то, что о пребывании Селима в Крыму нет упоминаний в дипломатических документах Москвы, которая, казалось бы, должна была внимательно следить за своим южным союзником. Возможно, правда, что внимание после разгрома Большой Орды ослабло, и какое-то время Москва ощущала себя спокойной за свои южные границы.

Настроение нового султана Селима, сосредоточившего усилия на азиатско-африканском направлении своей политики, хорошо передает еще один турецкий источник – хроника Аали, отрывок из которой мы также публикуем в переводе В.Д. Смирнова. Из него видно, что османы готовили к вступлению на крымский престол крымского ханыча Сеадет-Гирея, находившегося при султанском дворе в Стамбуле. Однако после смерти Менгли-Гирея (апрель 1515 г.) ханом стал его старший сын Мухаммед-Гирей (Мехмед-Гирей). Как показывают публикуемые нами турецкие свидетельства, его отношения с Селимом не могли не быть явно недоброжелательными. Возможно, его возвышению помогло то, что Селим воевал тогда далеко на юге. Й. Хаммер подчеркивает, что Менгли-Гирей умер за четыре года до возвращения султана Селима из азиатского похода (Hammer, т. II, с. 527). Документы же с извещениями о победах Селима над Сефевидами и в Египте, направлявшиеся в Крым, подборку выдержек из которых публикует В.Д. Смирнов, долгое время продолжали адресоваться Менгли-Гирею, т.е. даже информация о его смерти, очевидно, дошла до султанского окружения с явным запозданием. В турецких источниках есть сообщение о том, что при вступлении Мухаммед-Гирея на ханский престол тогдашний османский наместник Кафы Ризван-паша рекомендовал новому хану обратиться за утверждением к Порте, на что Мехмед будто бы ответил: «Разве над моим мечом возвышается (чей-то) меч, чтобы я просил у рода Османова об избрании на царство, переходящее ко мне по наследству?». И еще: «Какое касательство имеет род Османов к государству Дешт-и-Кыпчак, чтобы я получал от них назначение?» (Зайончковский, 1969, с. 19; а также Зайцев, 2010, с. 145). Эти заявления вполне отвечают той характеристике строптивого нрава старшего сына Менгли-Гирея, которая дается и в приводимых нами в Приложении турецких документах. Однако история показывает, что, приняв бразды правления в Крыму, Мухаммед-Гирей не выказывал какого-либо явного стремления освободиться от османской опеки. В ответе Сулейману, извещавшему его о своем воцарении на османском престоле, он просит нового султана не отказывать ему в той же милости, которой пользовался его покойный отец, называет себя верным, ничтожным, пре-

данным рабом султана. Это дает право В.Д. Смирнову утверждать, что «жизненный опыт научил пылкого Мухаммед-Гирея быть политиком ... и он, подобно отцу, старался ладить с султанами» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 299).

В 1521 г. Мухаммед-Гирей, однако, отказал тому же Сулейману в просьбе послать свои войска для поддержки османской экспедиции в центральную Европу. В исторической литературе этот отказ обычно трактуется как проявление некой более самостоятельной политики этого хана в сравнении с той покорностью в отношениях с османами, которую проявлял его отец Менгли-Гирей. Есть даже такая формулировка, что это «манифестация имперских амбиций хана» (Моисеев М.В., 2016, с. 55). Нам представляется, что такие утверждения не соответствуют действительности, так как бывали случаи, что и Менгли-Гирей не принимал приглашения султана, ссылаясь на собственные внутренние трудности. Так и в 1521 г. в письме Мухаммед-Гирея речь шла не о неподчинении хана центральным властям, а о действительно серьезных причинах, не позволявших ему выполнить султанское распоряжение. Об этом он и пишет в своем ответе Сулейману (см. документ в Приложении).

На протяжении всех лет своего правления Мухаммед-Гирей не просто воевал за восточноевропейские степи, но и вынужден был отстаивать свою власть от пришельцев из этого региона.

Само же османское распоряжение 1521 г. о приглашении крымцев к участию в первой европейской экспедиции молодого султана (ранее на азиатско-африканский фронт из-за географической удаленности крымские войска не привлекались) говорит о том, что Сулейман, как и его отец Селим, высоко ценил тогда боевые качества крымской кавалерии. В дальнейшем она стала постоянной участницей военных действий в Европе, а потом и на персидском фронте. Потому-то, в отличие от других османских владений приграничья, сохранявших после вхождения в империю свое внутреннее социальное устройство и платящих ежегодную дань – сальяне, Крым не только не вносил в казну каких-либо платежей, но при участии в крупных военных предприятиях империи сам получал из казны дотации, а также постоянные отчисления (например, таможенных сборов) от доходов Кафы.

Французские исследователи А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькежé оценивают период правления сына Менгли-Гирея Мухаммед-Гирея (1515–1523) как «ключевой для истории всей Восточной Европы» (Вост. Европа, с. 68). Именно тогда, по их мнению, началась «переходная эпоха от древнего ханства, кочевнического государства, наследника монгольской традиции чингизидской империи и Золотой Орды, к государству полуоседлому, являвшемуся протее и вассалом Османской империи» (там же, с. 69). Не будем вдаваться в освещение вопроса о характере и структуре Крымского ханства – это особая тема, достойная специального исследования, но отметим, что материалы внешнеполитических отношений ханства с соседними государствами, которыми мы оперируем, говорят несколько об ином. К тому же имеется великолепная (именно так ее характеризуют и французские исследователи) статья В.Е. Сыроечковского о структуре Крымского ханства, также наводящая на несколько иные размышления и выводы (Сыроечковский, 1940).

Крымское ханство почувствовало свою силу лишь после 1502 г., когда им была разбита Большая Орда, переставшая существовать как единое государственное образование. Гирей попытался выставить себя лидерами всех чингизидов, сохранявших еще свои позиции в Поволжье. Это отразилось, в частности, в том, что Менгли-Гирей внес изменение в собственную титулатуру – стал именоваться «Великим ханом Великой Орды». Тогда же крымцы начинают выказывать более серьезные претензии и к давнему (с 1474 г.) союзнику Крымского ханства – Московии. Первые конфликтные ситуации возникли между ними в связи с тем, что переходившие к Москве от Литовского княжества южнорусские города переставали платить «выход», который за них был обещан Литвой, получившей эти земли от Орды и давшей обязательство о выплате определенных платежей. Отсюда пограничные столкновения в районах Путивля, Одоева, Белёва в 1503, 1507, 1512, 1515, 1517 гг. Затем последовала полномасштабная война с Москвой в 1521 г., о которой мы будем говорить далее. Все это было, однако, производным от главного тогда для Крымского ханства конфликта – событий, происходивших на Южной Волге, где утверждалось Астрахан-

ское ханство и сосредоточивались оставшиеся от Большой Орды кочевые людские массы.

Еще Менгли-Гирей в 1508 г. объявил астраханский улус своим главным противником. Подтверждая с Василием III союзный договор, он уточнял: «И нынеча кто мне недруг, то и тебе недруг: астраханские Ахметиевы и Махмутовы дети цари. Бог даст, как весна станет, поискать нам их». Сокрушить Астрахань было невозможно без блокады ее с Волги, и в этом Менгли-Гирей надеялся на помощь Москвы, имевшей свой речной флот. Именно борьба за Астрахань стала определять в последние годы правления Менгли-Гирея, а особенно при Мухаммед-Гирее, отношения Крыма с Москвой и Литвой (Сыроечковский, 1940, с. 50, 70; подробности этой борьбы см.: Зайцев, 2004–2, с. 70–98; Моисеев М.В., 2016, с. 56–60). Интересы Москвы на этот регион тогда не распространялись. И.Г. Мамонову, отправляемому послом в Крым в ноябре 1515 г., было запрещено вписывать в шерть (напоминаю, шертные грамоты действовали лишь на период правления давшего ее хана, а в 1515 г. в Крыму, как уже отмечалось, произошла смена ханов, и, следовательно, шерть необходимо было снова подтвердить) Астрахань в качестве общего врага, взамен этого предлагалось «идти на Литву». Крым это не устраивало, так как там понимали, что «тактика астраханцев сводилась к тому, чтобы выждать, когда крымцы уйдут на Русь [в данном случае под Русью понималось направление похода – т. е. не только Московия, но и юго-восточные земли Литвы – *С.О.*], а потом напасть, и трех месяцев отсутствия рати вполне хватило бы для того, чтобы, ограбив крымские улусы, спокойно удалиться» (Зайцев, 2004–2, с. 80). Мухаммед-Гирей продолжал настойчиво требовать помощи Москвы и рассчитывал привлечь к планируемой им совместной крымско-московской экспедиции против Астрахани Казанское ханство. Итак, получалось, что Москва и Крым ставили друг другу неприемлемые, неинтересные другой стороне и фактически тогда невыполнимые условия. Их интересы явно расходились. Положение осложнялось тем, что Астраханскому ханству приходилось вести борьбу с ногайскими племенами, до этого (в 1509–1515 гг.) вытесненными крымцами на левый берег Волги и потому бывшими для Астрахани в те годы

не опасными. Теперь же под нажимом казахов, успешно продвигавшихся в это время в юго-восточное Поволжье, они снова возвращались на правый берег Волги (Исин, 1985, 1988; Атыгаев Н.А., 2015; Моисеев М.В., 2016). Борьба за южные степи обострялась. Отстраненность Москвы от этих проблем явилась главной причиной разрыва московско-крымского союза и крымского похода на Москву в 1521 г. Оправдывая его перед османским султаном, считавшим, исходя из своих собственных интересов, такой поход тогда несвоевременным, Мухаммед-Гирей сознательно преувеличил ту опасность исламскому миру, которая исходила будто бы от христианской Москвы. Французская исследовательница Ш. Лемерсье-Келькежé пишет по этому поводу: «...поскольку ни один другой источник не подтверждает... попытку насадить христианство в мусульманской цитадели на Волге [имеется в виду период смены ханов в Казани и возведение на ханский престол московского ставленника Шах-Али – Шигалея, как его называют в русских источниках – *С.О.*], можно считать... вероятным, что Мухаммед-Гирей намеренно очернял ситуацию, дабы убедить османского падишаха в серьезности обстановки в Казани. Это могло служить извинением отсутствия его войск в Молдавии и обоснованием готовящегося им похода на Московию» (Восточная Европа... с. 51–52). Оценивая эту ситуацию, хотелось бы обратить внимание еще и на следующее. Та же исследовательница выделяет три фактора, продолжавшие объединять государства, вышедшие из Монгольской империи и расположившиеся на огромной территории – от Крыма до Сибири и от Казани до Туркестана. Это – 1) Монополия чингизидов на монаршую власть, 2) Родство кочевых кланов и, в меньшей степени, 3) Ислам (там же, с. 79). Так вот, тут Мухаммед-Гирей пытается строить свои отношения с Османской империей, опираясь не столько на дештские, сколько на османские настроения, зная об обострении османо-сефевидского религиозного соперничества. Суть же отношений в тюркском мире Восточной Европы в это время состояла в ином. Кочевническая стихия, вырвавшаяся из былого подчинения, в условиях экологической перестройки и обострившейся межэтнической борьбы могла смести тогда все те островки новой государственности, кото-

рые только что вышли из недр Золотой Орды. Мухаммед-Гирей со всем своим воинским пылом полностью вписывался в эту стихию. Наметились новые союзы – казахско-астраханский и ногайско-крымский. В уже упоминавшемся нами оправдательном письме султану Сулейману крымский хан пишет: «На земле, которая была населена племенем ногаев и которую мы недавно завоевали, обожновались разбойники, называемые казахами, под предводительством своего хана. Они пришли как изгнанники и расположились там и смотрят на нас с алчностью. Если мы предпримем войну против короля Польши, они объединятся с ханом Хаджи-Тархана [Астрахани – С.О.], который также наш старый враг, и разрушат нашу страну» (см. текст в Приложении).

Создается впечатление, что Мухаммед-Гирей отчаянно метался в разные стороны, надеясь найти союзников. Были даже его обращения к Астрахани («старому врагу»), чтобы вместе с ней попытаться отвлечь Казань от союза с Москвой. Однако, нарушая старые союзы, он не мог найти новых. С Москвой он не раз переходил от конфронтации к союзу и наоборот. Для борьбы за Астрахань и Нижнее Поволжье ему явно нужен был московский речной флот, который Москва ему не намеревалась предоставлять в том объеме, который он требовал. Настораживало хана и то, что особые связи с Московским государством поддерживал тогда мятежный Ахмед-Гирей, его калга, брат и соперник.

Поход Мухаммед-Гирея в 1521 г., задуманный ханом как грандиозное общетюркское мероприятие с участием Сахиб-Гирея, крымского ставленника на казанском престоле, и некоторых других тюркских правителей, мог поставить Москву, как считают многие исследователи, «на грань национальной катастрофы» (Дагоев В.В., 2019, с. 225). Однако этого не случилось. Хотя у хана и было твердое намерение жестоко наказать бывшего союзника за уклонение от участия в его астраханских планах, но, не имея твердых тылов в тюркском мире, он не решился штурмовать город и, более того, вскоре был вынужден спешно покинуть театр военных действий, получив известие о походе астраханцев на оставшийся без защиты Крым. К тому же Москва пообещала выплачивать ханству дополнительные, более щедрые, поминки (см.: Фаизов С.Ф., 1994).

Именно с этого времени интересы двух государств, набравших силы в Восточной Европе, – Крымского ханства и Московии расходятся. Почти полувековые дружеские отношения забываются, нарастает конфронтация. Москва, видя ненадежность хана, стала пытаться решать вопросы, связанные с Крымом и своим южным пограничьем, не с самим ханством, а с его сюзереном – османским султаном, да и османские должностные лица в Крыму и Азове активизируют свои связи с Москвой, т. е. имперские власти тоже начали чувствовать ту неразбериху, которая царила тогда в тюркском мире Восточной Европы.

Между тем события развивались следующим образом: во время похода хана на Москву в Крым (как и предвиделось) вторглись астраханцы. Они захватили «без числа» скот, увели много пленных, «много народа из улуса, спасаясь, прибежало в турецкую Кафу» (Сыроечковский, 1940, с. 57).

Это разграбление и стало главной причиной срочного отхода Мухаммед-Гирея от Москвы и спешной организации похода на Астраханское ханство. Астрахань была взята объединенными силами крымцев и ногайцев, но последовавшее за этим столкновение между союзниками привело к гибели хана, его наследника и всего их ближайшего окружения, после чего последовал полный разгром крымской армии, а затем вторжение на полуостров и новое разграбление Крыма, теперь уже ногайцами.

По сведениям русских летописей, крымцы потеряли до 130000 воинов. Русский посол И.С. Морозов, ехавший в ту пору с посольской миссией в Стамбул, писал: «Крымские татарове из азсторокани бегли от нагайских мырз и за Дон возилися, и ...крымцы на Дону топли ...и мы, Государь, видели, по перевозам, к Азову идучи, днищ за пять и за шесть и за десять, по которым местом крымцы за Дон возилися... лежат теплых лошадей и верблюдов по берегу и по полю, и телег метано добре много; да и татарове... крымские по перевозом многие топли» (Дунаев Б.Н., 1916, с. 56). Бегство крымцев к Перекопу продолжалось до конца 1523 г. Вторгшиеся в Крым ногайско-астраханские войска угоняли в плен людей и скот, грабя страну более месяца. Городов взять они не могли, хотя и окружили Кыркор и Солхат и из их окрестностей «всё выпили и вывели»,

«из гор, из лесов волочили жены и дети и скот весь выгнали». Турки в эту резню и грабеж не вмешивались, крымчанам не помогали; «...князи... и мурзы утекли пеша к каменному городу, и турки их изволочили ужищем на город, а воротец им малых не отперли, да и никакова... татарина в город не пустили» (подборку таких сведений из материалов РГАДА см. у Зайцева, 2004–1, с. 95–99; часть этих материалов опубликована Б.Н. Дунаевым, 1916, с. 56–57).

И.В. Зайцев обратил внимание на то, что в турецких известиях об этих событиях (в частности, у Сейида Мухаммед Ризы в Асаб ас-сейар) говорится о том, что у Мухаммед-Гирея на первых порах было намерение переселить в Крым большое число астраханцев. Он же приводит сведения об эпидемиях начала 20-х годов в Крыму (Зайцев, 2004–1, с. 91). О малолюдстве крымских владений в свое время писал Ивану III и Менгли-Гирей (РИО, т. 41, с. 152). Затем эта проблема была как будто преодолена за счет тех людских ресурсов, которые ханство получило после разгрома Большой Орды. Но они, очевидно, были Мухаммед-Гиреем быстро растрачены в кочевнических разборках, и ему нужны были новые воины. Русские летописи сообщают, что хан «начал любить ногайских татар, их же было множество у него, и близь себя держал их» (ПСРЛ, т. XXI, с. 603). И хотя именно ногайцы были виновны в смерти Мухаммед-Гирея, тенденция новых переселений их в Крым не прекратилась и при его преемниках.

Местные кланы карачи были недовольны Мухаммед-Гиреем и, как известно, писали об этом Саадет-Гирею, который находился при османском дворе как султанский воспитанник и мог стать новым претендентом на ханский престол. В их письме Мухаммед-Гирей обвинялся в том, что он хочет вывести все население через Перекоп и «захватив Хаджи-Тархан (Астрахань), взойти там на трон и вступить в союз с кызылбашами». По сути дела, это означало бы попытку возрождения Большой Орды и конец собственной крымской государственности. Поэтому утверждение уже цитированных нами французских историков о том, что период правления Мухаммед-Гирея – это для Крыма последний всплеск в развитии «кочевнического государства, наследника монгольской традиции», нуждается в уточнении. Крымское ханство уже при Менгли-Гирее было далеко

не кочевническим сообществом, а имело довольно прочную оседлую базу. А.Л. Хорошкевич характеризует его как полукочевое-полуоседлое государственное образование, приближавшееся по своему типу к Казанскому ханству или государству Тимуридов в Средней Азии. (Хорошкевич, 2001, с. 88). Нам представляется, что земледельческие традиции в Крыму были даже более крепкими, и татарское население к ним уже достаточно приобщилось, а его кланы-карачи имели традиционные местные корни и были издревле связаны с определенными крымскими территориями (см.: Лашков Ф.Ф., 1884, 1895). Тенденция привлечения в Крым новых тюркских кочевников (как мы уже не раз отмечали) существовала и до Мухаммед-Гирея, но это было связано с необходимостью иметь мощные армейские силы для противостояния Большой Орде. После разгрома этой Орды многие ее улусы оказались на службе у Крымского ханства. Это и дало возможность Мухаммед-Гирею на первых порах успешно действовать в Поволжье. Сам же хан выказывал явное пренебрежение собственно крымской государственностью и попытался возродить нечто вроде новой Золотой Орды. Потому-то главы крупнейших крымских кланов, борясь за свое собственное Крымское ханство, и выступили против него, обратившись через Саадет-Гирея за помощью к Османской империи. Утверждение же, что Мухаммед-Гирей поддерживает связи с кызылбашами, в чем крымские беи в своем письме в Стамбул его обвиняли, вполне правдоподобно. Шиитская (кызылбашская) династия Сефевидов находилась в противостоянии с османами. Зная былые конфликты Мухаммеда, тогда еще калги, с Селимом и Сулейманом (см. материалы в Приложении), логично предположить расположенность хана к союзу с Ираном (а отсюда тяготение к шиизму), да и племенные традиции, сохраняемые Сефевидами, были для Мухаммед-Гирея ближе, чем османский централизм. Возможно, что и Астрахань его особенно влекла именно потому, что от нее легче поддерживать связи с Сефевидами. Тяготением к шиизму и вообще к религиозной стороне межгосударственных отношений можно объяснить и доводы о защите ислама, которые использовал этот хан для организации похода на Москву, хотя в это время религиозная подоплека (ни внутриисламская, ни исламо-христианская) в международных отношениях Восточной Европы на первый план не выступала.

По мнению французских исследователей, целью османских властей после гибели Мухаммед-Гирея стала борьба с господствовавшими в ханстве аристократическими кланами – карачи. Эта миссия была возложена на последовательно правивших в Крыму после Мухаммед-Гирея Саадет-Гирея и Сахиб-Гирея, назначавшихся из Стамбула и поддерживавших тесные связи с османскими властями. Нам, однако, видится, что ситуация в Крыму была несколько иной. Традиционное двоевластие – хан и кланы сохранялось до самого конца существования ханства, а позднее клановая структура татарского общества учитывалась российской администрацией при вписании крымско-татарской верхушки в российский господствующий класс (Лашков Ф.Ф., 1887, 1890). В османский период это двоевластие помогало имперским властям сохранять в ханстве (как этого разными методами османы добивались и в других вассальных подразделениях) определенную социальную нестабильность и тем облегчать себе возможность контроля за внутренней жизнью этого своего вассального владения. Кланов сохранялись, хотя и ставились в большее подчинение хану.

Состав карачи после астраханской авантюры Мухаммед-Гирея значительно изменился. Связано это было, очевидно, с ногайско-астраханским погромом и тем обезлюдением Крыма, на который обратил внимание И.В. Зайцев. В состав крымских карачи влился с подвластными ему массами ногайский род Мангытов, становившийся постепенно вторым по значимости и оттеснивший всех иных, кроме Широных.

Несмотря на последовавшие позднее преобразования в крымской государственной структуре, усилившееся влияние кочевнических традиций в Крыму так и не было преодолено. В связи с этим меняется и политика государства. Крымское ханство становится более агрессивным и по-кочевничьи непредсказуемым. На его внешнеполитическое поведение все сильнее оказывают влияние не задачи государственного строительства, борьба за независимость и даже не стремление к расширению пастбищной территории, а желание за счет ограбления соседствующих оседлых поселений обеспечить дополнительным кормлением наличествующие в нем кочевнические массы.

А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькежё восхваляют независимое поведение Мухаммед-Гирея в отношении Османской империи и считают правление этого хана «ключевым для истории всей Восточной Европы». Его изучение, по их мнению, позволит «исправить многочисленные ошибки, которые дезориентируют исторические исследования» и вслед за В.Д. Смирновым (издавшим свои книги в 1887 и 1889 гг. – *С.О.*) ввергают в заблуждение «классического османоцентризма», т. е. видения «в Крымском ханстве лишь колониально-зависимой территории Османской империи, где институты и идеология власти, а также политика были лишь несовершенным и грубым отображением таковых Блистательной Порты» (Восточная Европа..., с. 68).

Нельзя не согласиться, что это действительно «ключевой» период истории Восточной Европы, так как тогда была предпринята новая попытка воссоздать общетюркскую Орду, пожертвовав ради этого собственно крымской государственностью. Попытка эта оказалась явно неудачной и регрессивной для ранее уже сложившегося тюркского ханства. Потому-то представители верхушки крымского общества и обратились за помощью к османам. Возвеличивание же роли Мухаммед-Гирея и его кажущейся независимости от османских властей, как это делают французские историки, в этой ситуации, по нашему мнению, неправомерно.

Еще более серьезное возражение вызывает их явное огрубление точки зрения В.Д. Смирнова. Его главные обобщающие труды о Крымском ханстве благодаря помощи издательства «Рубежи XXI века» переизданы нами в 2005 г., так что теперь это не библиографическая редкость, и читатель с ними может ознакомиться. В них нет той категоричности, о которой пишут его оппоненты. Более того, В.Д. Смирнов не ставил своей задачей «представить полную историческую картину Крымского ханства», а намеревался дать «только свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках», т. е. рассматривал свой труд как некое справочное издание, где «другие исследователи, могущие обнять предмет шире», смогут наводить, «когда встретится надобность, справки в данных, которые заключаются в памятниках турецкой письменности» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 29). При

этом хотелось бы обратить внимание, что В.Д. Смирнов обычно подчеркивает встречающуюся разность в сведениях о крымских событиях, идущую из сочинений османских писателей и произведений, написанных по-турецки авторами крымского происхождения. «Османоцентризм» здесь явно не присутствует, хотя крымские события подаются на фоне османской истории, и это закономерно, ведь тогда это было единое государство. Современному русскоязычному читателю это должно быть понятно, так же как и то, что, говоря о периоде существования Российской империи и Советского Союза, нельзя уяснить историю Белоруссии, Украины, Средней Азии, Закавказья и других входивших в эти государства этнических сообществ без знания общегосударственных исторических реалий.

Как мы уже не раз подчеркивали, османский вассалитет – это особая политическая культура, причем не только восточноевропейского региона постордынского времени, но и османских внутриимперских отношений. Не учитывая этого, иногда трудно понять степень как самостоятельности, так и внутренней подчиненности в поведении османских вассалов и, в частности, Крымского ханства.

Абсолютно неуместно в данном контексте, с нашей точки зрения, использование французскими исследователями определения «колонияльно-зависимые территории». Это-то уже явный «европоцентризм» и реалии абсолютно иного хронологического периода. Крымско-османские отношения относились к совершенно другой идеологической среде и в них использовались иные методы подчинения. Кстати, и термин «вассалитет» не совсем соответствует османским реалиям. Историкам, однако, его приходится использовать, так как не находится иного, лучше бы османского, эквивалента для определения тех государственных подразделений, которые как самостоятельные единицы были включены в Османскую империю. Потому-то все время и приходится подчеркивать, что это вассалитет особый и иная культура международных и внутригосударственных отношений. Ее проявление все явственнее начинает заявлять о себе в тот трудный период воссоздания крымской государственности, который наступил после гибели Мухаммед-Гирея.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ТУРЕЦКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ
АНОНИМНОГО АВТОРА, НЕКОГО ХРАНИТЕЛЯ
СУЛТАНСКОЙ ПЕЧАТИ (НИШАНДЖИ-ПАШИ),
переведенное на русский язык и опубликованное
В.Д. Смирновым (Крымское ханство под верховенством
Оттоманской Порты, т. 1. с. 286–288)**

«Узнав о пребывании шах-заде Селима в Крыму, наследник султанского престола Ахмед пишет хану письмо: «Брат мой Селим нашел у вас прибежище. Его цель пробраться в пределы румилийские; но если вы ему не поможете, это ему не удастся. Вот наш скромный его величеству хану подарок, состоящий в высочайшей грамоте (берате), по которой все находящиеся в кафской области владения, в особенности с девятью славными и известными крепостями, пусть будут ваши, только не пропускайте, пожалуйста, в ту сторону* моего брата». Письмо это было прислано нарочным человеком».

«Случилось так, что именно во время встречи падишаха** с ханом туда явился человек султана** Ахмеда и доставил хану письмо его. Когда хан узнал, в чем дело, сердце его пришло в смущение. Он в рассеянии думал: «Если у вступившего на нашу территорию царевича есть намерение перебраться в Румилино, то препятствовать ему не подходяще нам: это было бы неблагоприятно. Он был расстроен этим».

«А у хана тогда был сын, по имени Мухаммед-Гирей, такое отродье, по натуре своей склонный ко всякому злу и безнравственности. Как только он увидел ту владетельную грамоту (мюльк намеси) султана Ахмеда, то обрадовался и, обращаясь к отцу своему, говорит: «султан Ахмед такую оказывает нам милость – шлет грамоту, даруя нам такие владения, области и крепости. За такую любезность и благоволение нам надлежит тоже порадовать его – задержать брата его».

«Великодушный хан, чтобы опровергнуть возмутительные мысли сына, говорит ему: «Сын, если твоя цель и желание составляют крепости и владения, то тебе и шах Селим в них не откажет: проси у него».

«В одну ночь хан учредил пир султану Селиму. Сборище было, по татарскому обычаю, большущее. На пиру этом Мухаммед-Гирей встал на ноги, держа в руках бокал, и говорит: «Селим султан, отцу твоему недолго осталось жить; царствование над Румом твое будет; тебе скоро придется сесть на престол. Если я в ту пору тебя попрошу нечто, ты исполнишь?» – Падишах отвечал: «Что тебе желательно, царевич?» – «Отдай нам во владение находящиеся в кафской области крепости и пристани, и мы их заберем во дни твоего благополучия». – Тогда султан Селим со свойственным ему красноречием соизволил сказать следующее: «Царевич, мы – цари, а не в правилах и обычаях царских, да и с исстари действующими законами не сообразно, дарить области и владения; цари земли берут, но никому не дают. Драгоценных камней, серебра, золота, денег и чего-либо из других царских сокровищ сколько хочешь, дано будет, отказа не будет; но только не хоти земли и владений». – Ханский сын сел, а султан Селим встал и ушел в свою палатку.

Тогда Мухаммед-Гирей обращается к хану, своему отцу, с укоризною и говорит: «Вот посмотри-ка, что говорит этот шут! Султан Ахмед, с расстояния в два месяца пути, жалует нам области, крепости, шлет владетельные грамоты; а этот сам, будучи у нас в руках, в нашем кулаке, слышал ты, какие речи говорит? Этот скверный шут не то чтобы дать нам владения, а еще, если сделается падишахом, так, я уверен, и наши-то владения возьмет. Я не упущу случай и захвачу его». Сказав эти слова, он встал. Хан стал его удерживать; ничто не помогло; он пошел собирать войско. Хан был очень огорчен и встревожен поступком его. А при нем был младший сын его по имени Сеадет-Гирей, умный, рассудительный юноша, смывленный, сведущий, сообразительный, совсем еще молодой, розолицый, розовощекий, лукобровый, светоч приличный трону и короне мира. Хан в ту же ночь привел его и говорит ему: «Сын, я тебя дарю Селим-хану. Власть над царством румским ему подобает. Отцу его осталось недолго жить. Царство ему достанется. Вот брат встал с беседы с ним и ушел, с тем, чтобы наутро идти на него с войском. Его цель и намерение нехорошие. Сейчас же спешь к Селим-хану и сегодня же ночью удаляйтесь с нашей земли; как можно скорее переправьтесь на ту сторону Узю (Днепра) к Ак-Керману».

«В ту же минуту он послал Сеадет-Гирея. Тот в полночь явился к падишаху и изложил слова хана. Как только стало известно положение дел, на реке Узю были приготовлены лодки, и тотчас же живой рукой со всей свитой и челядью до света переправились на ту сторону Узю. А Мухаммед-Гирей приходит с тридцатью тысячами татар к тому месту, где был лагерь, и видит, что там уже никого нет, пусто. Подивились и разошлись восвояси. А падишах, поблагодарив Господа за это, спасся».

КОММЕНТАРИЙ:

* в ту сторону – т. е. в расположенные за Днепром османские владения, так называемую Румелию (у Смирнова – Румилию).

** В тексте Селим несколько раз именуется падишахом, хотя в описываемое время он еще падишахом не был, а лишь боролся за этот титул. Также Ахмед и Селим несколько раз называются султанами – титулом, присваиваемым царевичам в Крыму, но не употребляемым в отношении османских шах-заде.

Вышеприведенный анонимный источник В.Д. Смирнов сверил по нескольким имевшимся в его распоряжении текстам. Его правку мы учли при этой публикации.

Отрывок из ХРОНИКИ АЛИ «КЮНГУ-ЛЬ АХБАР» (именно так транскрибировал это название В.Д. Смирнов. В нашем тексте далее «КУНХ АЛИ АХБАР»)

«Однажды ночью его присутствие Селим-хан вдруг потребовал к себе Пери-пашу* и задает ему такой вопрос: «Кто самый страшный для нас враг наш?» – «Кызыл-баш**», – отвечал Пири-паша: в то время в большой известности был шах Исмаил Ардебилли***, его-то и предпочел паша всем прочим неприятелям. Но падишах совсем не одобрил слов везира и возразил ему: «Врешь, ты ошибаешься: я больше всего опасюсь татар, быстрых как ветер охотников на неприятелей, потому что если они пустятся, то в один день сделают пятишестидневную дорогу; а если побегут, таким же образом мчатся. Особенно важно то, что их лошадям не нужно ни подков, ни гвоз-

дей, ни фуража; когда они встречаются глубокие реки, то не дожидаются, как наши войска, лодок. Пища их, как и само тело, не велика; а что они не хлопочут о комфорте, это только доказывает их силу. Теперь гром барабана могущества моего донесся до небес; триумф победоносности и мужества моего на равнине Чалдыранской и при покорении Египта**** сжег не одну тысячу династий. Если хан Крымский тоже будет повиноваться моей власти, т.е. если он, поступив в список пользующихся моей милостью рабов моих, станет есть жалованье из нашей казны и носить наше знамя, и если он из славных сынов своих доблестного сына своего Сеадет-Герая пришлет на службу к нашему августейшему стремени в качестве заложника, то ладно будет; если же нет, то вот уж готово и поле войны и арена битвы; вот уж готовы герои побоища и мужи брани и кровопролития». Затем по высочайшему повелению дано было знать тому достопочтенному хану грамотой о назначении ему тысячи акче дневного содержания, а по триста акче состоящим у него в службе приближенным и агам; при этом было послано из императорского нейхгауза благодатное знамя. В то время как к господину хану прибыла государева грамота и благодатное самодержавное знамя, ясно стало, что требовалось высочайшим повелением. Но некоторые бестолковые мурзы сопротивлялись, говоря: «Разве мы слуги османам, что ли?» и начали было затевать бунт. ...

Но хан, который слышал эти толки, победил эти безумства таким разумным ответом: «Во-первых, высокопоставленный падишах пожаловал нам тысячу акче дневного содержания. С поздравлением и приветствием прислал грамоту и знамя; нашим приближенным и благожелателям тоже назначил жалованье. Прознав же, что мое сердце из всех моих сыновей всего больше лежит к Сеадет-Гераяу, потребовал его к себе. Это значит, что он нашел приличным, чтобы он, получив хорошее царское воспитание и образование, приобрел таким образом качества, делающие его достойным занять отцовское место. Так что же в этом обидного-то? ... Если бы мы, послушавшись ваших бестолковых разглагольствий, встали в оппозицию и побрели бы в пустыню мятежничества, то все равно что подложили бы огня в сухой бурьян. Он пришел бы на нас с огромным, как море, войском, с пушками и ружьями, и мы понесли бы достойное наказание. А в слу-

чае нашего неминуемого бегства он бы сровнял с черной пылью наши сады и нивы и разрушил бы подобно нашим жилищам дома нашей чести и имени. А раскаяние потом пользы не принесет, да и смыслу в нем не было бы. От ваших же разглагольствований нам толку мало». Так сказал хан и заявил эмирам, что он лучше желает повиноваться воле падишаха и имеет расположение и готовность послать Сеадет-Герая. И действительно, он отправил милого, как глазной хрусталик, сына своего Сеадет-Герая на службу к Высокому Порогу и при этом послал падишаху грамоту, заключающую благодарение за бесчисленные щедроты его и признательность за благодеяния и дары его. Селим-хан, этот гордый, как Александр, и могущественный, как Соломон, самодержец, приложил попечение к наилучшему воспитанию царевича».

Завершается этот фрагмент хроники Аали выводом: «Таким-то манером было установлено подданство Крымского хана****. В случае же, когда он не слушался повелений, издавалось законное разрешение наказать его; а иначе, если бы сносить его строитивость и противление, то нечего было бы и издавать разрешение о наказании, потому что какое же было бы средство удалить самостоятельного государя, господина хутбы и монеты?!».

КОММЕНТАРИЙ:

* Пири Мехмед-паша – великий везир Селима I и Сулеймана I в 1518–1523 гг.

** Кызыл-баш, т. е. красноголовый. Так турки называли персов, «по употребительному у них рыжему цвету бараньих шкур, из которых они делали свои большие шапки». Примечание В.Д. Смирнова.

*** Шах Исмаил I (1501–1524), создатель Сефевидского государства, до своего воцарения в Иране был шейхом Ардебиля.

**** Имеются в виду успешные военные кампании Селима I против сефевидского Ирана (1514) и сокрушение мамлюкской державы в Египте (1516–1517).

***** В.Д. Смирнов при публикации этого текста подчеркивает присутствие в нем «очевидного анахронизма». Действительно, подчинение ханства произошло значительно раньше восточных побед Селима и везирства Пери Мехмеда-паши. Сам этот разговор султана с везиром мог происходить лишь тогда, когда Менгли-Гирей уже не было в живых, а Сеадет уже многие годы находился при султанском дворе, т. е. это воспоминание о былом. Сама же суть событий передана здесь вполне правдиво. То, что Селим вспоминал о них в период своего наивысшего могущества, свидетельствует о том, что крымские события и крымские войны произвели на него в свое время сильное впечатление.

Послание крымского хана Мухаммед-Гирея I османскому султану Сулейману (1521 г.)

Его правосудному халифскому величеству — да усилит его Аллах — Владыка Всемогущий!

Повергаемое к праху счастливой государевой Порты — да укрепит её Аллах — Владыка Вседарящий! — Вашего покорнейшего, подобного рабу слуги таково.

Недавно посредством одного из султанских рабов, образца равных себе по имени Хусейн-бей, к нам прибыл обязывающий к повиновению падишахский указ, из славного содержания которого мы узнали, что Ваша августейшая особа с благим предзнаменованием и войском, подобном у морю, изволит направиться с великой священной войной на проклятых венгров — да ослабит их Аллах — Владыка Всемогущественный! Мы просим Аллаха Всемогущественного и Всещедрого — да возвысится его слава, а Его милости изольются на все Его создания! — чтобы Вам [было предназначено] вернуться на трон халифа в добром здравии, отяготившись добычей, с победой и одолением. Вашему же преданному рабу было приказано выступить против короля Польши.

Этот [Ваш] раб, его сыновья, младшие и старшие, все помощники и сподвижники — все мы являемся искренними и преданными рабами [нашего] господина, падишаха обетованной четверти мира. И [наша] страна, и [наш] народ принадлежат [Вашей] августейшей особе, находящейся под счастливым сочетанием звезд.

Наши обстоятельства и положение таковы, как они будут изложены [ниже].

Некоторое время назад польский король направил к этому [Вашему] смиренному рабу посла и, чтобы эта страна не подвергалась набегам, обязался выплачивать ежегодную дань (джизью) в пятнадцать тысяч флоринов, на чем мы утвердили клятву (йемин) и помирились. Этот Ваш раб, по их просьбе, чтобы они нам доверяли, всегда оставляю ему в качестве заложника одного из беев и мирз из клана, известного под названием Ширин, а его [т.е. польского короля] человек

постоянно находится при нас. И они платят нам установленную дань каждый год. Сейчас один из вышеупомянутых мирз, сын Девлетек-бей, мирза по имени Эвлия, находится там в заложниках, и пока другой бей или мирза из них [Ширинов] не заменит его, он не может вернуться [в Крым]. Если же, нарушая договор, мы нападём на них, этого мирзу они навсегда заключат в тюрьму или же убьют, и тогда весь клан Ширин, и его беи, и его мирзы восстанут против нас. Порядок в стране будет нарушен, и страна устремится к гибели.

[Кроме того], наш старый притеснитель и кровный враг, хан Престольного Владения Шейх-Ахмед хан, удерживается королем [Польши]. Если они [поляки] увидят с нашей стороны проявление враждебности, они его освободят, и порядок в стране будет нарушен.

Ханом страны, известной под названием Казань, был наш брат Мухаммед-Эмин. В связи с тем, что после его кончины беи и мирзы [Казани] направили к нам пятнадцать надежных людей и попросили этого вашего раба дать им нового ханы, я отправил туда моего младшего брата Сахиб-Гирея в сопровождении нескольких людей. До его прибытия [в Казань] московский князь изгнал кади города Казани и для управления делами мусульман назначил [христианских] священников и построил церкви. Когда он [таким образом] силой заставлял мусульман соблюдать церемонии неверных и, действуя противно шариаду, навлек на мусульман печаль, мой вышеупомянутый брат вступил в город и стал ханом.

Узнав об этом, московский князь послал большое войско, приказав ему сторожить переправы, чтобы полностью прервать сообщение [между Крымом и Казанью]. Из-за этого мой брат, говорят, находится в тяжелом положении. Узнав о положении [в Казани] из письма, которое смог тайно доставить приехавший [оттуда] человек, мы решили оказать помощь и поддержку моему брату. Для прекращения смут, чинимых этими идолопоклонниками, ожесточенными против ислама, мы сели на коней с намерением идти на них в надежде на победу и одоление. Прошло три месяца с тех пор, как войску нашей страны был дан приказ отправляться [в поход]. Половина войска, состоящего из людей клана Ширин, уже миновала местность под названием Инджеке и ожидает Вашего раба в месте, известном [под названием] Сют [Молочные воды]. После того как наше войско решит отправиться [в поход]

на какую-либо страну, его уже невозможно вернуть, поскольку [воины] не являются нашими наемными слугами. Они кочевники, люди степей. Даже те воины, которые находятся здесь [в Крыму], следуя за ними [в поход], сами выбирают себе командующим какого-либо бей.

Ранее завоеванную нами землю, населенную племенем ногаев, заселило многочисленное племя [таифе], известное под названием казахов, прикочевавшее под предводительством своего хана. Теперь они внимательно наблюдают за нами. Если даже нам представится возможность и мы предпримем поход в страну [польского] короля, они, объединившись с нашим давним недругом ханом Хаджи-Тархана, придут и разорят [нашу] страну. В этом году все наши враги находятся в седле.

Этот [Ваш] преданный раб также намеревался подняться в седло и направиться в поход, когда прибыл этот [Ваш] указ, коему подчиняется весь мир. Действительное положение таково, как оно изложено [выше]. Нам же остается лишь подчиняться указам, исходящим от Порты, являющейся прибежищем Вселенной.

Да продлится [простирающаяся над Вами] сень могущества и тень счастья с помощью Божией на сто тридцать лет.

Слабейший из рабов Божиих, бедный Мухаммед Гирей.

Это письмо крымского хана Мухаммед-Гирея I было опубликовано Ш. Лемерсье-Келькежё в 1971 г. (османский текст и французский перевод), а позднее в издании «Le Khanat... », 1978, с. 110–117. Османский текст и его русский перевод опубликованы также в «Документах по истории Волго-Уральского региона...» и в сборнике переводов работ французских историков «Восточная Европа... ». Перевод письма имеется и в приложении к «Истории татар», т. 4. В ряде русскоязычных работ этот документ цитируется в собственных переводах авторов (например, у Зайцева И.В., 2004, с. 83). Между всеми этими переводами имеются довольно значительные стилистические расхождения, хотя содержание передается точно.

Палеографическое описание документа содержится в публикации И.А. Мустакимова (Документы...) и в статье Остапчука В. (Ostapchuk V., 1987, с. 269).

О недоразумении, связанном с неверным прочтением Ш. Лемерсье-Келькежё этнического термина казах (не казак, как у французской исследовательницы), говорится в нашем тексте.

* * *

*Письмо представителей клана Ширин в Стамбул,
которое, как предполагают, было передано
находившемуся тогда при султанском дворе
Саадет-Гирею (начало 1523 г.)*

Его Величество могущественнейший и счастливейший султан – да продлит Аллах его благоденствие до дня Страшного суда!

По припадании лицом к священному праху у ног Его величества султана – гордости султанов и изъявлению ему покорности дружественное изложение и искреннее изъявление таково.

Что касается Ваших искренне преданных слуг, слава и благодарение Богу, мы находимся в добром здравии и почитаем долгом денно и нощно возносить молитвы за вечное продолжение Вашего благополучия. Вместе с тем мы пребываем в беспокойстве и печали, поскольку наш государь перестал совершать добрые дела. Проводимые им в обществе персидских еретиков дни и ночи сводятся к нарушению закона веры, а также он пьет, не поднимая головы. Важные дела страны оказались в запущенном состоянии. Из-за многочисленности тиранств и притеснений, чинимых подданным его сыновьями, они, естественно, вызвали ненависть к себе сановных и знатных людей и всех жителей государства, которые с мольбой пали к нашим ногам.

Он (хан), наш государь, направил к кызылбашам в качестве своих доверенных лиц двух людей. Кроме нас этого никто не знает. Также он хочет вывести все население через Перекоп, поскольку намеревается, захватив Хаджи-Тархан [Астрахань], сделать его столицей и вступить в союз с кызылбашами. Мы не согласны с этим: наши отцы и деды никогда не ходили в том направлении. Мы являемся слугами Его Величества хуавендигяра и не хотим восставать против него, попирая его хлеб-соль. Вы, сын нашего государя, вот уже семь или восемь лет находитесь на службе у хуавендигяра. Пусть Вас питает надежда на то, что однажды, в благодатные дни правящего хуавен-

дигяра, Ваши желания исполнятся. Сейчас мы бы хотели, чтобы Вы приложили усилия и рвение, обратились к беям и папам и действовали должным образом, так как все здесь требуют Вас.

Мои старшие братья ... (далее идет значительный перечень братьев, мирз, беев и огланов, причем не только из Ширинов, но и из других кланов – С.О.) – все они просят у Господа – да будет он велик и превозвышен! – Вас; рискуя головой ради Вас, они объединились и скрепили это клятвой.

Клянемся Богом и душой Его Посланника, в наших словах нет лжи. И если нет доверия этой клятве, пусть Его Величество худавендигяр пошлет Вас сюда! Давайте же мы покончим с их врагов делом при благословенных днях правления худавендигяра и с Божьей помощью прежде, чем Вы прибудете!

А после этого окончательный приказ – за Высоким Двором.

Это письмо, как и предыдущее, было выявлено в материалах Архива стамбульского музея дворца Топкапы (Topkapı Sarayı Muzesi Arsivi – TSMA) учеными группы А. Беннигсена. Османский текст и его французский перевод были опубликованы – Bennigsen A. Lemerrier-Quelquejau Ch., 1972; Le Khanat, 1978). Русский перевод этого документа опубликован в «Документах по истории...», с. 61–62 и в книге «Восточная Европа...», с. 84–85. Дополнительные палеографические сведения об источнике см. у Остапчука В. и Мустакимова И.А. (Ostapchuk V, 1987, с. 269; Документы... с. 63).

Глава 6

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ СААДЕТ-ГИРЕЯ И САХИБ-ГИРЕЯ. УСИЛЕНИЕ ОСМАНСКОГО ВЛИЯНИЯ

После гибели Мухаммед-Гирея в оставшемся без правителя Крыму ханом был провозглашен один из младших сыновей Мухаммеда-Гирея Гази-Гирей, но в то трудное время этот юный ханыч явно не годился на эту должность.

Ширины, недавно обращавшиеся к жившему при султанском дворе Саадет-Гирею (см. Приложение к главе 5) с жалобами на предыдущего хана, теперь отправили в Стамбул своего представителя – Мамыш-бека с просьбой к султану назначить в Крым ханом этого, проживавшего при султанском дворе, представителя дома Гиреев. Случай беспрецедентный, и В.Д. Смирнов, а за ним и многие другие исследователи, оценивают его как нечто негативное для судеб ханства: «Миссия Мамыш-бека, естественным образом, сразу уронила значение ханского достоинства в глазах султана и Порты вообще» (Смирнов В.Д., 2005, с. 301). Однако в тот момент речь шла не о сохранении достоинства, а о спасении крымской государственности, хотя бы в некой урезанной вассальной форме. Это был вынужденный поступок, дававший ханству шанс продолжить свою государственную историю.

Саадет-Гирей к этому времени провел при султанском дворе свыше десяти лет. Он был воспитан там и, как свидетельствуют современники, «проникся османским духом» (об этом см.: Зайцев И.В., 2004, с. 124; Сыроечковский В.Е., с. 60). В.Д. Смирнов обратил внимание на то, что только в первые годы пребывания этого ханыча при султанском дворе его можно считать заложником (хотя

в исторической литературе его так именуют постоянно). Он был любимым сыном Менгли-Гирея, и отец мог беспокоиться о его судьбе и безопасности. Позднее обстоятельства сложились иначе.

У османов существовал институт заложничества. Тот же В.Д. Смирнов напоминает о детях сербского короля, которых Баязид I взял к себе в заложники и тем получил некую гарантию подчиненности Сербии османам. Использовали такую практику и крымские ханы. В 1521 г. в уже упоминавшемся нами письме султану (см. документ в Приложении к главе 5.) Мухаммед-Гирей сообщает, что после военного конфликта ханства с Польшей у польского короля в качестве заложника, «чтобы они [нам] верили», был оставлен бей из рода Ширинов, «сын Девлетек-бея, мирза по имени Эвлия». Хан ссылается на это обстоятельство, объясняя султану невозможность своего похода против Польши: если «мы нападём на них, этого мирзу они навсегда заключат в тюрьму или убьют, и тогда весь клан Ширинов, и его беи, и его мирзы, восстанут против нас. Порядок в стране будет нарушен, и страна устремится к гибели».

С Гиреями в Османской империи, однако, складывалась иная ситуация. После смерти Менгли-Гирея соперничество и вражда между братьями притупили любые родственные чувства. Пребывание в Стамбуле для них становилось «гостбищем» (так называл это В.Д. Смирнов), а по сути дела спасением от внутренних неурядиц. Османы приняли такую систему: «они завели у себя резервный штат кандидатов на ханское звание из Гераев, которых они по мере надобности отправляли в Крым и сажали на ханский престол, сменяя одних лиц другими соответственно с обстоятельствами и собственными выгодами» (Смирнов В.Д., 2004, т. 1, с. 302). Первым таким назначенцем и стал Саадет-Гирей.

К этому времени в Крыму произошли большие перемены. Политика Мухаммед-Гирея, а затем и его гибель сняли запреты на проникновение в ханство посторонних кочевых объединений. Ногайские орды стали свободно кочевать в заперекопских степях. Река Молочные воды, ранее служившая водоразделом кочевого пространства для этих двух тюркских сообществ, перестала быть границей ханства. В.Е. Сыроечковский подчеркивал: «В то время, когда на полуострове происходил сдвиг в сторону развития оседлого зем-

леделия, ногаи снова приносили с собой скотоводство и старые приемы кочевого земледелия. Разница в хозяйстве и приемах быта по сю и по ту сторону Перекопа становится резче» (Сыроечковский В.Е., с. 61). После 1523 г. ногайское проникновение и усиление кочевых традиций захлестывают и территорию самого Крыма, а ногайский род Мангытов вскоре вливается в крымскую элиту, превратившись в один из основных кланов карачи-беев. В Крыму усиливаются внутренние противоречия, совладать с которыми крымское общество едва ли смогло бы без османской помощи. Попытка Мухаммед-Гирея перенести центр ханства в район Астрахани оказалась не только опасной для крымской государственности, но и регрессом для социально-экономического развития полуострова. Кочевые традиции усилились и в хозяйстве, и в политике.

Саадет-Гирей, опираясь на присланные вместе с ним в ханство османские военные силы, на первых порах попытался быть по-османски жестким правителем: сразу же казнил многих находившихся в Крыму Гиреев и некоторых мятежных карачи-беев (правда, то, что среди них преобладали представители местных крымских мангытов, несколько оправдывало хана, поскольку воспринималось как месть за убийство ногаями Мухаммед-Гирея).

В период ордынского кризиса массовые казни, даже принцев крови, были весьма распространены (История татар, т. IV, с. 81), но в Крыму в тот момент кровавые расправы Саадета с представителями местной элиты были восприняты как нечто чуждое, привнесенное из другого, османского, мира, и это сразу настроило крымских карачи-беев против нового хана. Он, однако, в первые годы своего правления был неуязвим. Его охраняли османские войска (20 тысяч конных и 500 пищальников – ружейных стрелков), прибывшие с ним в Крым по распоряжению султана, чтобы, как писал в Москву командир турецкого гарнизона Азова, «побереечь нового царя доколе укрепится» (Документ цитируется Зайцевым И.В., 2004–1, с. 95; Сыроечковским В.Е., с. 58; Дунаевым Б.Н., с. 57).

Восстанавливая крымскую государственность и укрепляя собственную власть, Саадет-Гирей начал вводить в ханстве новые управленческие структуры и создавать армейские подразделения, подчи-

нявшиеся ему лично. Было объявлено о создании отрядов капы-кулу (дословно – «рабов [монарших] дверей), некоего подобия османских янычар. Этим хан надеялся ослабить свою зависимость от тех традиционных ополчений, которые собирали карачи-беи из воинов своих кланов. В Крыму тогда злословили, что в ханские войска набирают «мерзавцев и разбойников» со всего полуострова. Позднее эти отряды начали пополняться военнопленными черкесами, а потом «рабами», которых в Крыму стали получать в качестве дани с подчинившихся ханству северо-западно-кавказских племен. В дополнение к этому на постоянной основе в ханстве стали присутствовать и подразделения секбанов – вооруженных огнестрельным оружием и артиллерией воинов, получавших жалованье из стамбульской казны. Это явно усиливало османское влияние в Крыму, а Саадет-Гирею помогало удерживаться у власти в стране, разоренной, ограбленной, обезлюдевшей в результате авантюрной политики предыдущего хана. Саадет-Гирей тогда, по сути дела, заново и по-новому воссоздавал крымскую государственность. В административной структуре ханства появились новые должностные лица и служители двора, среди которых было немало турок. Это не новое явление для ханства, находившегося в вассальных отношениях с Османской империей. Еще в начале 1523 г., т.е. при Мухаммед-Гирее, московский посол И. Колычев обращал внимание, что в Перекопе «и кади, и ага, и приказные люди – все турчане». Теперь же это коснулось и центральных органов управления ханством. В.Е. Сыроечковский констатирует, что жизнь ханства тогда «поднималась на новую, более высокую ступень, с более сложным содержанием и с большими внутренними противоречиями» (Сыроечковский В.Е., с. 60–61).

Наладить отношения со степными районами Восточной Европы Саадет-Гирей пытался дипломатическим путем, в чем он, казалось бы, вначале и преуспел. Один из ширинских беев в первые годы правления Саадета говорил в Москве, что союзниками Крыма стали с «Асторхан во главе, да и Агыш князь [один из ногайских предводителей], и Казанская земля, и король [польско-литовский], и черкасы [черкесо-адыги], и тюменская земля [район северо-восточного Кавказа]». (Цит. по: Зайцев И.В., 2004–2, с. 101). Уверенности в прочности этих союзных отношений, правда, у хан-

ского окружения тогда не было. В предполагавшейся новой шерти с Москвой в 1524 г. Саадет-Гирей среди общих врагов называл и Казань, и Астрахань, и ногаев. Москва по-прежнему против этого возражала, ссылаясь на старые шерти, где «Азсторокан... и Нагаи и Казан... не писаны» в качестве противников (там же, с. 104).

Сами эти предложения Москве явно показывали, что во внешнеполитических представлениях хана тогда было много неясностей, но что явно проявляется, так это отсутствие у Саадета стремления к воссозданию единой общеордынской державы, верховенствующей в Дешт-и Кыпчак. Надо было прежде всего защитить собственные владения, вернуть назад «тысячи жителей Крыма», оказавшихся беженцами за пределами полуострова, и как-то заново организовать жизнь в стране (Сыроечковский В.Е., с. 58).

Для Крымского ханства сохранявшаяся опасность со стороны тюркских сородичей постепенно все теснее и теснее переплеталась с нараставшими внутренними распрями. Против хана выступил его брат Ислам-Гирей, во время воцарения Саадета находившийся в астраханском плену и потому уцелевший при первых расправах хана со своими соперниками. Ислама стали поддерживать многие представители крымской карачи-знати, в том числе и большая часть клана Ширин, ранее пригласившего Саадет-Гирея на ханство. Те жесткие условия подчинения, которые, по османскому образцу, попытался ввести в Крыму этот хан, их явно не устраивали. Несколько раз власть в ханстве переходила из рук в руки. По московской информации, из Стамбула был послан даже некий чауш (офицер-порученец, используемый османскими властями для выполнения различных дипломатических миссий. В источниках встречается и иное написание названия этой должности – чавуш), чтобы помирить этих соперничавших между собой Гиреев.

Изгнанный в конце концов за Перекоп Ислам-Гирей продолжал собирать силы, перемещаясь по заперекопским степям и предкавказью – от района Очакова до Астрахани. Он планировал создать для борьбы с Саадет-Гиреем широкую коалицию, пытаясь привлечь к ней как тюркских, так и христианских владетелей восточно-европейских земель. Польско-литовские власти, откликнувшись на его призыв, отпустили тогда даже находившегося в Литве в плену

последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмеда, что свидетельствовало о том, что достижение новой расстановки сил в регионе и некого государственного передела они рассматривали как вполне реальную возможность и хотели принять участие в этих событиях. Создаваемая коалиция, однако, распалась, так и не начав действовать (подробно эти события описаны у Зайцева. См.: 2004–1, 2004–2; Материалы российской дипломатической переписки по этому поводу см.: Дунаев Б.Н., 1916). Были тогда обращения Ислам-Гирея и к Москве, в которых он выставлял себя законным правителем Крыма (см. письмо Ислама в Приложении к этой главе).

Ислам-Гирей пытался привлечь к себе внимание и османского султана, предлагая расширить османские владения в регионе: «Вся эта страна принадлежит нашему Счастливому Падишаху. Да смогут к ней присоединиться и другие страны». И про себя: «Если наш Счастливый Падишах этого захочет, я отправлюсь в Эждерхан [Астрахань], неся знамя; если я стал бы его ханом, я заставил бы произносить хутбу во имя нашего Падишаха и сделал бы эту страну богатой и процветающей» (см.: Восточная Европа..., с. 62, а также это письмо в Приложении). Предложение Ислам-Гирея султаном Сулейманом принято не было. В те годы в этом направлении расширять сферу своего влияния османы явно не планировали. А их верный вассал Саадет-Гирей, зная это, соответственно строил свою политику в регионе.

Для отношений Крыма и Московского княжества все эти события интересны тем, что в контакты с Москвой тогда вступали как хан, так и его соперник. Последний вел с ней собственную дипломатическую переписку, сообщал в удобном для себя духе о событиях в Крыму. Подобным же образом, кстати, поступал ранее калга Мухаммед-Гирея Ахмед-Гирей, имевший своей резиденцией западную часть левобережья Днепра и пытавшийся взять в свои руки крымскую политику в отношении северных христианских государств. Письма этих оппозиционных ханам Гиреев порой вводили Москву в заблуждение, но в конце концов московские власти ситуацию в ханстве уясняли.

Саадет-Гирею в Стамбуле явно было дано указание, предписывавшее не допускать конфликтных отношений с Москвой. Азов-

ский комендант писал Московскому Великому князю: «Государь, брат твой, Сулемен Царь, посадил на царство Саидет Гирея Салтана. А молвил Государь наш: «Яз тебя с своим братом, с Великим Князем Василием Ивановичем смирю». А не велел ему никакова казака под твою украйну отпускати» (Дунаев Б.Н., 1916, с. 57). Каких-либо личных антипатий к Москве у Саадет-Гирея также не было. Еще в Стамбуле он принял от московского посланника «Опасную грамоту», гарантирующую его безопасность и приглашающую на жительство в Москву. Москва, следовательно (как и Стамбул), все еще оставалась для ханычей, не имевших власти, возможным местом укрытия от боявшихся их соперничества правящих сородичей.

Уже в первые годы своего правления Саадет начал переговоры с Москвой о новой шертной грамоте. Местные условия, однако, внесли свои коррективы. Назревал московско-казанский конфликт, оказавший влияние и на отношения Крыма и Москвы.

Вернемся к событиям несколько более ранним. Еще в 1518 г. умер казанский хан Мухаммед-Эмин. С его смертью пресеклась династия, шедшая от Улу-Мухаммеда. Ближайшими наследниками были касимовские ханы (на них-то и сделала ставку Москва) и крымский Сахиб-Гирей, брат Мухаммеда-Эмина по матери. Часть казанской знати обратилась в Крым к Мухаммед-Гирею с просьбой прислать им нового хана. Об этой просьбе крымский хан писал в Стамбул в уже не раз цитированном нами письме 1521 г. Об этом же сообщают русские летописи. Сахиб-Гирей, бывший не только возможным наследником казанского престола, но и младшим братом по отцу Мухаммед-Гирея, находился тогда в заточении. Правящий в Крыму его старший брат оберегал свою власть от конкуренции и этого своего ближайшего сородича, а потому ограничивал его свободу. Отправление Сахиб-Гирея в Казань, т. е. подальше от Крыма, было хотя и почетной, но по сути ссылкой. Напомним, что это было еще до Саадет-Гирея, а тогда прямых расправ, казней и убийств в своей семье Гирей все еще старались избегать. Даже с калгой Ахмед-Гиреем, открыто выступившим против него, Мухаммед-Гирей пытался договориться. Конечно, заговоры, подосланные убийцы (как это произошло позже с Ахмед-Гиреем) и т. п. случались,

как в любых правящих семействах, но откровенные кровавые расправы пришли в крымскую династию лишь вместе с Саадет-Гиреем и усвоением османской политической практики.

Назначение в Казань Сахиб-Гирея для правившего крымского хана Мухаммед-Гирея было прежде всего возможностью избавиться от потенциального конкурента и совсем не означало какого-то объединения ханств, тем более что сам Мухаммед-Гирей каких-либо прав на казанский престол не имел, так как относился к другой ветви джучидов (братом с казанскими правителями Сахиб был лишь по матери). Тем не менее союзные отношения и политические контакты между ханствами после назначения в Казань одного из Гиреев, конечно, укрепились. Необходимость поддерживать Казань в ее противостоянии Москве, как уже говорилось (опять напоминая письмо Мухаммед-Гирея 1521 г.), было использовано крымским ханом как оправдание перед Портой за его самовольный поход на Москву. Сахиб-Гирей с казанскими войсками в 1521 г. воевал вместе с крымцами против московских окраин. Этот поход, следовательно, был совместным мероприятием двух татарских государств, что делало его особенно опасным для Москвы. Лишь уже описанное нами астраханское нашествие на Крым сорвало татарские планы и несколько ослабило тот урон, который этот поход нанес Московскому княжеству.

Положение Сахиб-Гирея в Казани оказалось очень неустойчивым, причиной чего были внутренние распри казанской знати, а позже и боязнь московской мести за поход 1521 г. Поздравляя Саадет-Гирея с восхождением его на крымский престол (1523 г.), Сахиб-Гирей жаловался, что «князь Великий московский поставил город на Суре на реке», чем угрожает «моему юрту Казани». «И ты бо ко мне прислал пушек, и пищалей, и янычан, а не пришьлешь ко мне пушек, и пищалей, и янычан, и мне противу московских воевод стоять не мочно» (цит. по Зайцев И. В., 2004–1, с. 125).

Саадет-Гирей тогда сам еще только утверждался в Крыму и не имел возможности действительно помочь Сахиб-Гирею, да и, как мы уже говорили, Порта едва ли поддержала бы его конфликт с Москвой. Именно поэтому, очевидно, он попытался прибегнуть к некому дипломатическому воздействию на Московского князя. Для этого был использован османский купец Искендер, ренегат

из мангупских греков, который ехал через Крым в Москву «на салтана рухляди купить» и вез с собой стандартную дружескую грамоту от султана. Использовать купцов как дипломатических курьеров было в османских традициях – купцам это прибавляло авторитета, а султанское правительство имело возможность лишний раз напомнить о себе тем, с кем у него не было стремления ни воевать, ни поддерживать более тесные отношения.

В Москве с более пристальным вниманием, чем они того заслуживали, относились к таким визитам. Там стремились к упрочению отношений с могущественной османской державой и ждали от султана присылки «большого» посла, надеясь заключить с ним договор о дружбе, чем урегулировать и свои отношения с османским вассалом – Крымским ханством.

Искендер уже второй раз ехал в Москву и знал об этой ситуации. Также и крымские власти, лучше, чем окружение московского князя, осведомленные об османской практике межгосударственных отношений, понимали тщетность московских ожиданий и нежелание османских властей переводить отношения с далекой Москвией в политическую сферу.

Вокруг российско-османских отношений в это время начинал формироваться клубок дипломатических интриг, активную роль в которых пыталась играть греческая диаспора в Москве. После попадания греческих земель под османское владычество, найдя приют в единой России, многие греческие эмигранты сыграли заметную роль в культурной и религиозной жизни российского общества. Однако их патриотическое стремление к освобождению собственной родины заставляло порой действовать активно антиосмански и вопреки интересам приютившей их страны. Соответствующие настроения проявлялись порой и в той греческой среде, которая формировалась в недрах османских правительственных кругов и выполняла дипломатические поручения в рамках сношений Порты с европейскими странами. Купец и дипломатический агент, грек, хотя и принявший ислам, Искендер, очевидно, не был чужд таких настроений (см. о нем: Дунаев Б. И., 1916).

Ханское окружение решило попытаться использовать миссию Искендера в своих целях. Ему было поручено, будто бы

от имени османского султана, передать московским властям, что Сахиб-Гирей официально «заложились за государя нашего [т.е. султана Сулеймана – *С.О.*]» и что, стало быть, теперь Казань «юрт османского государя», находится под защитой Османской империи, и князь бы Великий к Казани «рати не посылал» и «с Саип Гиреем бы, еси царем, помирился» (Дунаев Б.Н., 1916, с. 77; Зайцев И.В., 2004–1, с. 125, а также документы в Приложении). Этим, как сказано в одном из дипломатических свидетельств того времени, они надеялись «на силу на отоманскую» и «грозу пушают» (Дунаев Б.Н., с. 57).

Эту дипломатическую авантюру подробно изложил И.В. Зайцев в статье «Мнимый протекторат: Казанское ханство и Османская империя в середине 20-х гг. XVI в.» (Зайцев И.В., 2004–1, с. 121–130). Он пишет: «Идея “заложить” Казань за султана зародилась в Крыму и была детищем антимосковски настроенных крымских кругов, желавших удержать Москву от вмешательства в казанские дела и с помощью угроз ввязать в спор Османскую империю». Полностью поддерживая мнение И.В. Зайцева о спровоцированном Крымом самозваном вмешательстве в это дело Искендера, думаю, однако, что процитированный выше вывод можно несколько расширить и уточнить. Дипломатический демарш Крыма был направлен не столько против Москвы, сколько в поддержку Гиреев на казанском престоле и тем сохранения прежнего статуса Казани. Расчеты строились на ничем не подкрепленной умозрительной надежде, что угрозой возможного вмешательства османов можно припугнуть Московское государство и тем уберечь сложившееся в этом районе статус-кво. Москва, однако, имела иную информацию. Московский посол Иван Семенович Морозов, сопровождая которого Искендер ехал в Москву, сообщил, что при отпуске от султанского двора великий везир Ибрахим-паша говорил ему: «Хочет Государь наш часа того послать к вашему государю большого посла доброго своего человека, и о тех о всех делах к Государю к вашему Салтан с своим послом отпишет же, а ныне Государь наш посылает Изкиндера с тобою вместе з деньгами соболей купити, да и тебя проводить, а не посольством». Да и сам купец также в начале их совместного пути в Москву говорил послу «не одинова»: «Ныне, деи, яз

иду не посольством, послал, деи, меня Салтан з деньгами рухляди купити да и тебя проводитьи, а речи, деи, от Салтана к Вашему Господарю за мною не великие». О том, что у него есть к Москве еще и «великие дела», Искендер заговорил лишь после посещения Крыма, куда он ездил один, а посол дожидался его в Белгороде-Днестровском – Аккермане (Дунаев Б.И., с. 70). Догадка, что новые «великие дела» поручены ему были именно в Крыму, напрашивается сама собой. В официальной грамоте султана, врученной Искендером, выражалось лишь желание, «чтоб и в нынешних временах между нами обема [т.е. Османской империей и Москвой – *С.О.*], как было наперед того живот и приятельство, – да и ныне поновится». Далее же в ней говорилось о давних традициях торговых связей с Москвой и высказывалась надежда, что Искендер будет «убережен и оборонен от всякого зла» и «сколько уже захочет и денег станет, только рухляди да купит» (там же, с. 75). На приеме в Москве он сам говорил, что какие-либо договоренности с Москвой ему «делати ...не наказано. Послал [султан – *С.О.*] со мною грамоту и яз то доведз» (там же, с. 77).

Крымское желание припугнуть Москву мнимым недовольством султана московско-казанским конфликтом было высказано Искендером при приеме его в Москве, но оно явно не сработало. К этому времени в Москве уже было известно от поддерживавшего тесные связи с ней командира османского гарнизона в Азове, что султану даже самому Саадат-Гирею в случае опасности «не пособить». Османскими властями ему дан совет «самому от любова борониться», так как земля эта «далекая». (Дунаев Б.И., 1916, с. 58). Обращаем внимание: говорилось не о занятости султана на других фронтах военных действий (а тогда как раз шло османское утверждение в венгерских областях, еще не был окончательно подавлен египетский мятеж и назревал конфликт с кызылбашами) и не о «лихом поветрии», бушевавшем тогда в Стамбуле, а именно о том, что земля «далекая», т. е. труднодоступная и неинтересная для османов в плане расширения их имперской территории.

Московские власти на заявление Искендера предложили, чтобы: «Посылал Саип Гирей Царь к Салтану, – ино то он ведает», что Казань «изначала юрт Государя нашего». Следовательно, этого

обращения они не испугались, да и сам Искендер далее на этом вопросе не останавливался, больше интересуясь закупкой рухляди и судьбой мехов, не распроданных посольством Семенова и оставленных в Стамбуле.

Более того, в Москве на попытку Искендера (Скендера русских источников) вменить Османскую империю в казанские дела реагировали полным непринятием такой возможности и, более того, всех распространявших слухи об османской опасности для Восточной Европы стали объявлять шпионами. На церковном соборе 1525 г. за высказывания о том, что московскому князю от турок не устоять: «пойдет турской и ему либо карач [харадж] дати, или бежать», осудили даже Максима Грека, известного культурного деятеля, греческого эмигранта, одного из признанных духовных авторитетов тогдашнего русского общества. (Подробно об этом см.: Дунаев Б.И., 1916; Смирнов И.И., 1946, 1948, 1956; Флоря Б.Н., 1999; Зайцев И.В., 2004—1). Само же такое запугивание Москвы османской опасностью было для балканской эмиграции одним из главных методов (в этот период не имевшим положительного эффекта) втягивания Российского государства в антиосманскую борьбу.

Крымский дипломатический демарш по поводу османского вассалитета Казанского ханства к тому же опоздал (об этом см.: Смирнов И.И., 1946, с. 54; Зайцев И.В., 2004, с. 126). Реальная ситуация в Казани тогда уже изменилась. Следует, однако, отметить, что руководители московской внешней политики не только разобрались с сутью миссии Искендера, но и начали с этого времени лучше понимать ту внешнеполитическую позицию, которой придерживалась Османская империя. А именно, что у нее нет каких-либо конкретных планов расширения своего влияния в восточноевропейском регионе. С этого времени Москва строит свои отношения с татарскими юртами, исходя только из своих интересов и возможностей, без оглядки на Османскую империю.

В Казанском же ханстве произошло следующее: уже в 1524 г. Сахиб-Гирей покинул Казань, передав власть племяннику Сафа-Гирею. Этого последнего хана Москва вынуждена была признать казанским правителем, поскольку плохо организованный москов-

ский поход на Казань не дал ожидаемых московскими властями результатов (Худяков, 1991, с. 93). Сафа-Гирей был ханом в Казани в 1524–1531, 1535–1546, 1546–1549 гг. Перерывы в его правлении связаны с внутренней борьбой в ханстве. Попытки Москвы утвердить там более лояльных себе правителей из касимовской ханской династии и тем обезопасить свои восточные границы, особенно страдавшие от набегов казанских татар в 30-е гг. XVI в., усиливали эту борьбу, но не были единственной и главной ее причиной. Судьбы Казанского, как и Крымского, ханств зависели прежде всего от того, насколько успешно эти государственные образования сумеют обуздать кочевую составляющую своих обществ и установить согласие между верхушками своих ведущих кланов. Крымскому ханству в этом помогала Османская империя, хотя, правда, и она, оставив ханство на века своей далекой пограничной периферией, скорее оказала консервирующее, чем реорганизующее воздействие на его развитие.

Казанское ханство не ужилося под протекторатом Московского княжества, утверждавшегося было при Иване III. Гипотетически Московия, как оседлое земледельческое государство, могла помочь развитию казанской государственности, сохранив ее в неких довольно слабых формах вассальной зависимости. К какому-то более значительному подчинению Казани Москва тогда не стремилась. Это было ей и не под силу, да и нежелательно, так как приблизило бы ее границы к ареалу размещения кочевых орд (История татар, т. IV, с. 390). После падения Большой Орды (1502) влияние кочевнических сил явно усиливается и в самом ханстве, и на его границах. По соседству оформляется Ногайская Орда, апогей могущества и влияния которой приходится как раз на 30-е гг. XVI в. (там же, с. 238, а также подробнее Трепавлов В.В., 2001). Есть сведения, что кочевки ногаев заходили на земли Казанского ханства, хотя это и не считалось захватом его территории, а имело в своей основе какие-то взаимные договоренности (Моисеев М.В., 2016, с. 54). Именно в эти же годы особенно активизируются и грабительские набеги казанцев на пограничные оседлые поселения Московии, с которой к тому же у Казанского ханства было не определено еще и территориальное размежевание, продолжались столкновения в районах

Вятки, Перми и др. Но было и мощное примиряющее воздействие – торговые интересы и посредничество в волжской торговле. В ханстве были силы среди знати и в торгово-ремесленных кругах, выступавшие за укрепление собственной государственности, чему мешали внешние воздействия и внутренняя борьба кланов. Крымские ставленники на казанском престоле, хотя и называли это ханство «своим юртом», были там чужаками. Сахиб-Гирей фактически бросил свой ханский пост при первых же трудностях. Известно его оправдание: «Мысль наша была х Крыму итти на свою землю. От таковой мысли от них пошли есми, а не они нас от себя отослали. Таково божья величества судеб дело, землю нашу нам в мысль вложил, от того юрта нас отвел, слава богу» (цит. по: «История татар», т. 4, с. 306). Сафа-Гирей оказался более тесно и долго связанным с Казанским ханством. Историки пишут о нем: «Он был энергичным и мужественным, упрямым и резким, решительным и настойчивым человеком с авантюристическим складом характера, обладал несомненным талантом полководца и организатора, был изворотливым политиком и дипломатом» (см. главу А. Бахтина и Б. Хамидуллина в «Истории татар», т. IV, с. 306). Он строил свою политику на анти-русском настрое части казанского общества. В 1531 и 1533 гг., будучи свергнутым с казанского престола, вместе с частью крымской знати пытался поднять Крым в поход на Москву. К этому времени относится его послание Василию III: «Мне тебя воевати не перестати и тебе мстить хочу, и где будет твой недруг и аз с ним соединачусь» (там же, с. 311). Антирусские настроения этого хана особенно бескомпромиссно стали проявляться во второй период его правления (1535–1546). Именно тогда наблюдается массовое бегство в Москву преследуемых им представителей оппозиционной казанской знати, многие из которых обвинялись в промосковских настроениях. Сам же хан умело пользовался дипломатическими интригами: «стремился заручиться поддержкой Ногайской Орды, Астрахани, Крыма и Литвы, координируя с ними свои действия против России. Когда было выгодно, затевал «мирные» переговоры, срывая тем самым готовившиеся ответные походы русских войск на Казань, когда угроза вторжения исчезала, прерывал переговоры и посылал свои многочисленные отряды на разграбление русских земель»

(там же, с. 316). Казанские вторжения в 30-е и первую половину 40-х гг. (для России это период очередной войны с Литвой, малолетства Ивана Грозного и боярского правления) наносили большой урон русскому государству. Как вспоминали современники, казанцами все было опустошено даже в 18 милях от Москвы (Курбский А.М., с. 8). Самому же ханству это не шло на благо. Сафа-Гирей, по свидетельству ногайского мирзы Юсуфа, «привел многих нагих и голодных людей крымских. Да почал над казанскими людьми насилие чинить» (Посольская книга, 1995, с. 243). О том же сообщают русские летописи: «...От царя ныне казанским людям вельми тяжко, у многих князей ясаки поотбирал да крымцам подавал», а сам «копит казну да в Крым посылает» (ПСРЛ, т. XIII, с. 99; т. XXIX, с. 135). В этих условиях набеги на Русь и возможности обогащения за счет противника помогали хану отвлекать народ и местную знать от желания бороться с засильем крымских пришельцев и производить какие-либо внутренние усовершенствования.

Казанское соседство и казанская опасность не могли не волновать московские власти. Однако вплоть до января 1552 г. русское правительство не ставило перед собой задачи присоединения Казани к своему государству. Оно считало более выгодным для себя сохранить ханство как вассальное, но самостоятельное государственное образование. Российские внешнеполитические интересы тогда были направлены главным образом на запад и юго-запад, на собирание древнерусских земель. Восток и юго-восток рассматривались лишь в плане обороны от татарских набегов. Напомним упорное нежелание Ивана III и Василия III участвовать вместе с Крымским ханством в борьбе за Астрахань.

На протяжении всей первой половины XVI в. московские власти пытались посадить на казанский трон своих ставленников. Хороших организаторов среди них, однако, не оказалось. В конце концов неспособность этих казанских ханов московской ориентации справиться с местной вольницей, обезопасить московские пределы и торговые интересы от кочевнической непредсказуемой агрессивности изменили ситуацию (см. об этом: «История татар», т. 4, с. 330). Успех же Ивана IV на этом поприще предопределил будущую имперскую судьбу России.

Ряд российских исследователей, зная об ультимативной претензии посольства Искендера и о сохранении в Казани власти Гиреев, до сих пор продолжают истолковывать эти события как «поворот в русско-турецких отношениях от дружеских к враждебным». И даже более того, что Турция «провозглашением своего протектората над Казанью выражала стремление выступить в роли гегемона в системе татарских государств Восточной Европы» (Смирнов И.И., 1948, с. 120). Это утверждение в исторической литературе зачастую звучит как хрестоматийно привычное. Так, в вышедшей в 2014 г. фундаментальной «Истории татар» (т. 4), где авторы соглашаются с тем, что факт турецкого вассалитета над Казанью «убедительно опровергнут» С.Х. Алишевым (1990, с. 15), но тем не менее традиционно утверждают, что сам этот период «знаменует собой поворот в истории русско-турецких отношений XVI в. – от дружеских, какими они были при Селиме I, к враждебным» (с. 305). Похожая констатация сохраняется и во многих работах по истории Руси: «Казанский хан Сухиб-Гирей официально (? – С.О.) объявил себя вассалом султана, и посол Сулеймана заявил об этом в Москве» (Флоря Б.Н., 1999). Некая османская угроза историками усматривается как что-то постоянно присутствующее в регионе, и отказаться от этой идеи специалисты по истории Восточной Европы до сих пор никак не могут.

Дипломатическая документация тех лет показывает, что дело обстояло иначе. Отношение Османской империи к России и Казанскому ханству было не дружественным и не враждебным, а скорее равнодушно-нейтральным. Далекая северная восточноевропейская равнина османов мало привлекала. Интересны были лишь поступающие оттуда экзотические товары, такие как меха, моржовые клыки, ловчие птицы и т.п. (см. подборку статей на эту тему в книге «Восточная Европа», 2009). Потому-то поощрялись торговые связи, но не выказывалось никакого желания перевести отношения в область политики, и уж тем более намерения расширять свои имперские границы в это далекое северное пространство. Другое дело, что порой сами татарские юрты, желая придать себе дополнительный вес в глазах Москвы, пытались преувеличить свою близость с Османской державой, будто бы обещающей им помощь и защиту.

На подобные случаи, встречавшиеся в ногайско-российских отношениях, обратили внимание французские историки группы А. Беннигсена (там же). Османских откликов на подобные заявления мы не видим, да и московское правительство действовало тогда, исходя лишь из собственных выгод, без оглядки на какое-то будто бы возможное османское вмешательство. Незначительный для межгосударственных отношений Восточной Европы инцидент с миссией Искендера в историографии оказался возведенным в принципиальный рубеж московско-татарских отношений, что, на наш взгляд, является абсолютно искусственной выдумкой современных историков.

Османское воздействие на регион не шло далее Крымского ханства, и то проявлялось лишь в критические моменты его истории. В самом Крымском ханстве продолжалась ожесточенная внутренняя борьба. Саадет-Гирей не выдержал противостояния с Ислам-Гиреем и значительной частью крымского бейства (в том числе и клана Ширин, пригласившего его в свое время на ханство, но затем выступившего против его методов управления), отказался от власти и вернулся в Стамбул. Бесхозный ханский престол остался его противнику Ислам-Гирею, но тот не решился принять власть без санкции Стамбула (что, кстати, свидетельствует о том, что в Крыму в это время османское верховенство принимали безоговорочно) и запросил согласия султана. Из Стамбула ответили отказом. Ханом был назначен Сахиб-Гирей, который, после того как покинул Казань, успел еще раз побывать в заточении в Крыму, помочь Саадет-Гирею в один из трудных моментов борьбы с Ислам-Гиреем, быть назначенным султанским постановлением калгой (наследником Крымского хана), поучаствовать во внутренних распрях на стороне Саадета, чем вызвать недовольство части крымской знати, в 1531–1532 гг. попытаться вместе с временно потерявшим власть Сафа-Гиреем организовать поход на Москву, что, однако, не встретило поддержки в Крыму, и, наконец, покинуть Крым и укрыться в Стамбуле при дворе Сулеймана Кануни.

Став новым крымским ханом, Сахиб-Гирей (1532–1552) оказался более успешным, чем Саадет, проводником османского вли-

яния в Крыму. Он прибыл на полуостров с еще более значительным, чем предыдущий хан, османским военным конвоем, который, как писал В.Д. Смирнов, «с одной стороны, имел целью, вероятно, поддержать престиж нового хана в глазах крымцев, среди которых много было приверженцев удалого Ислам-Гирая, а с другой стороны, он должен был служить внешним выражением усиления верховенства Отоманской Порты над Крымским ханством, ибо османские войска, конвоировавшие хана, не были в полном его распоряжении». Этим учреждался «непосредственный благовидный надзор за ханом в пределах его собственных владений» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 307). Именно с этого времени выделение денег из османской казны на содержание в Крымском ханстве корпуса так называемых секбанов стало постоянной статьей расходов (Kellner-Hankele, 1995, с. 832; Зайцев, 2009, с. 148).

Сахиб-Гирей оставил о себе память как об удачливом администраторе и реформаторе, строителе крепостей и городов (в том числе и новой столицы ханства – Бахчисарая), послушном вассале Османской империи и злейшем враге Московского государства. Именно при нем османские ограничения самостоятельности Крымского ханства начали проявляться в более полной мере, но хан на протяжении 20 лет преуспевал, не выходя за рамки вассальной дозволенности. Он регулярно отправлял султану отчеты о своих действиях, запрашивал разрешение на многие предлагаемые им для внедрения в жизнь ханства новшества. Известно, например, о его просьбах узаконить новую подать на торговцев-немусульман и превратить Гезлев (Евпаторию) в портовый город. Просьбы эти, как известно, были удовлетворены. И более того, в 1539–1540 гг. хану был дан ферман о том, что султан «дает ему полную власть в управлении».

При Сахиб-Гирее были продолжены и усовершенствованы те административные и армейские преобразования, которые начал его предшественник, но наиболее значимой в его организаторской деятельности внутри страны (и этим он выделяется среди других крымских ханов, как предшествовавших ему, так и последующих) была попытка закрепить население внутри полуострова. Именно к периоду его правления восходят большинство известных исследователям жалованных грамот на землю (см. публикации Григо-

рьева В.В., Лашкова Ф.Ф. и др.). С этой же целью он решительно начал бороться с кочевничеством внутри полуострова. В одном из опубликованных в русском переводе турецком сочинении имеются сведения о том, что хан приказывал даже рубить телеги у тех, кто не хотел переходить на оседлость, принуждая тем кочевников отказаться от привычного образа жизни (Негри, с. 265).

При назначении Сахиба в Крым султан потребовал от него наведения порядка в стране и готовности к участию в священной войне (Le Khanat ..., с. 123). Укрепив Перекоп так, что он стал надежно защищать полуостров от возможных новых ногайских набегов, хан сумел стать активным участником османских походов в Молдавию. Там султанская армия в то время, усиливая османские позиции в этом вассальном княжестве, приводила в повиновение проявлявшего, по мнению стамбульских властей, излишнюю самостоятельность воеводу Петра Рареша (см.: Османская империя и страны, 1984, с. 186–201). В эти походы вместе с ханом отправлялись ополчения крупнейших крымских кланов. Турецкие источники скрупулезно перечисляют всех главнейших крымских мирз и огланов, сопровождавших хана, – следовательно, на это в султанском окружении обращали особое внимание. Уже в первом таком мероприятии крымцы были торжественно встречены парадным построением султанских войск, троекратными залпами из ружей и пушек. Султан дружески побеседовал с ханом. Вся крымская знать была допущена к целованию султанской руки. Всем татарским высшим беям раздали дорогие подарки, а затем состоялся роскошный пир. Описывая эту церемонию, В.Д. Смирнов делает вывод: «Умный султан знал, что делал: он, кажется, с той единственной целью и вызвал крымцев, чтобы дать им случай воочию убедиться в его величии и могуществе и тем утвердить их в мысли о необходимости подчинения верховенству Отоманской Порты, располагающей достаточными силами для поддержания, где следует, своего престижа», а также «дать им понять, что для них даже, пожалуй, и лестно было иметь такого могущественного суверена и покровителя, каким предстал перед ними султан турецкий в Яссах» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 308). Что же касается впечатления от татарской орды, произведенного ею на султанское окружение, то оно было явно негативным.

Потому-то в дальнейших военных предприятиях периода правления Сулеймана Кануни ее почти не использовали.

Перед Сахиб-Гиреем, как и перед его предшественником, остро стояла проблема взаимоотношений с местной клановой аристократией, которая ревностно продолжала оберегать собственную самостоятельность и право диктовать ханам свою волю. Сахиб-Гиреем была проведена реорганизация в среде высших карачи-беев, т. е. руководителей главных тюркских кланов, стоявших у истоков крымской государственности. В их среду были включены руководители племени мансуров. Ногайские племена мангытов – мансуров (тех, из которых когда-то вышел знаменитый Удегей) и ранее не раз использовались ханами для разрешения внутренних конфликтов. После 1502 г. часть их была размещена на территории полуострова. Теперь же их беи были официально объявлены входящими в высшую крымскую знать, стали законными членами ханского дивана и участниками выборов ханов.

Мангыты – это многочисленный и сильный ногайский клан. Они с этого времени начинают оттеснять Ширинов от их бывшего верховенства в крымском обществе. Ширины, следовательно, перестают быть той единственной силой, которая способна была производить смену ханов и определять пути развития крымской государственности. Им предстояло думать не о влиянии на ханов, а о борьбе за первенство с мангытами. В результате самовластие хана явно усиливалось. Кланов, соперничая между собой в решении государственных вопросов, начинают отходить на второй план. Меняются представления об их авторитетности не только внутри ханства, но и в межгосударственных сношениях. Е. Сыроечковский, изучая переписку Великого княжества Литовского, подметил, например, что лишь три клана – Ширин, Мангыт и Барын стали упоминаться как достойные получать поминки от иностранных правителей (Сыроечковский В.Е., 1940, с. 60).

Создавая новые управленческие должности в ханстве, Сахиб стал назначать на них представителей клана Седжеут, не отличавшиеся многочисленностью и особым влиянием, а потому назначенцы из этого клана становились послушными исполнителями воли ханов. Так клановая система начинает сливаться и переплетаться с новой

административной структурой. Все это свидетельствовало о том, что в Крыму постепенно начали реорганизовываться некоторые главные составляющие ордынского социального наследия.

Для понимания тогдашней внешнеполитической ситуации в Восточной Европе любопытно обратить внимание на то, что отдельные сходные элементы социальной структуры, в свое время лелеемые Ордой, почти одновременно во всех государствах региона начинают выступать как мешающие новому государственному строительству. Наиболее заметна в этом отношении была почти повсеместно обострившаяся борьба кланов. Даже в Московии, являвшей собой нечто обособленное в этом мире (как христианская область с сугубо земледельческим хозяйством и более прочными собственными государственными традициями), к 50-м годам стала явственной необходимость избавления от боярского своеволия. Поражает синхронность в появлении такого осознания жизненной важности социальных преобразований, наблюдаемая одновременно во многих государствах постордынской Восточной Европы, развивающихся на разной хозяйственной основе и имеющих разный уровень политической зрелости. Те же государства, которые не сумели ответить на требование времени (например, Казанское и Астраханское ханства), утратили вскоре свою государственность.

В это же время Великое княжество Литовское пошло на более тесное слияние с королевской Польшей. Их персональная уния переросла в государственное объединение (1569). Нужна была сильная власть правителя, чтобы сохранить какую-то степень собственного государственного обособления (сравним с вхождением Крыма в состав Османской империи). Король Сигизмунд-Август, чтобы сломить литовскую оппозицию, отделил от Литвы ее украинские земли и передал под управление Польской Короны. Крымско-литовские отношения и ранее в международном плане зачастую представлялись как часть польской политики. Теперь же, к концу XVI в., утратив общую границу с Крымом, Литва полностью оказалась отстраненной от юго-восточных дел, перешедших в ведение польской канцелярии и польских гетманов (Колодзейчик Д., 2014, с. 113).

Социально-политические изменения в христианских государствах региона пошли разными путями. Б.Н. Флоря, показывая, что Иван IV своими преобразованиями и опричными расправами направил страну по пути, отличному от того, по которому шло развитие стран Западной Европы, подчеркивает, что на Руси «государственная власть приобрела столь широкие возможности для своих действий, какими она, пожалуй, не обладала ни в одной стране средневековой Европы», а наметившийся было процесс формирования сословного общества «был оборван». При этом он обращает внимание на то, что в «слабо заселенной аграрной стране с редкой сетью городов» было маловероятно, что там сможет развиваться «сословное общество» западного типа. Скорее всего, государственное развитие там пошло бы путем, близким к тому, что произошло в польско-литовском государстве, где всевластное дворянство «отстранило от активного участия в политической жизни городское сословие и резко ограничило власть монарха». Оно, как известно, стало проводить государственную политику, ориентированную лишь на обслуживание собственных интересов. Права других сословий попирались, усилилось своевластие магнатов. Такое государство в конце концов пришло к краху, не выдержав конкуренции соседей и вызовов нового времени.

Чтобы определить ту форму организации общества и государства, которая бы оптимально обеспечивала поступательное развитие в тогдашних исторических условиях Восточной Европы и позволила противостоять государствам, формировавшимся по соседству, Б.Н. Флоря считает необходимым дополнительное целенаправленное изучение не только русской, но и европейской истории (Флоря Б.Н., 1999). Думается, что этого недостаточно. Нельзя исходить лишь из европейского опыта. В постордынском мире была своя специфика, свои особенности взаимоотношений земледельческого и кочевого хозяйств, возможностей их сосуществования и соперничества, свои связи с восточными традициями. Без учета всего этого трудно оценить достижения и просчеты местных государств. Мы же обратим внимание лишь на то, что середина XVI в. для региона была переломным периодом в его истории. Суть этого перелома – в изменении объективных условий существования

и осознании необходимости нового подхода к организации общества, который бы вывел регион из ранее привычной колеи развития. Кризис XIV в. завершался. От многих тянувшихся с докризисных времен традиций надо было отказываться. Сложились новые условия жизни. Не все в них находили свое место. Кочевнические общества становились анахронизмом, а их идеология, ментальность, политические амбиции, да и хозяйственные возможности трудно вписывались в новые условия. Положение осложнялось еще и тем, что кочевничество, номадизм все еще не исчерпал свой воинский потенциал, который иссяк, по мнению Ф. Броделя, лишь к XVIII в. (Бродель Ф., т. 1, с. 112; об этом также Мустафаев Ш.М., 2017, с. 329).

Сахиб-Гирей (в отличие от Саадета) еще до начала своего крымского правления психологически был настроен антирусски, но продолжавшееся противостояние с Ислам-Гиреем, хотя и подчинившимся султанскому распоряжению, но не смирившимся с положением второго лица в государстве (см. письма его султану в Приложении), и внутренние распри в ханстве не позволяли этому хану вести активную антирусскую борьбу. Ислам-Гирей, действуя в Причерноморье, фактически перекрыл хану возможности проявлять какую-либо агрессивную инициативу в отношении северных христианских государств. Этот мятежник, как показывает его дипломатическая переписка и материалы русских летописей, пытался выкалывать себя другом Москвы, предупреждал ее о готовящихся против нее татарских набегах, но и сам принимал участие во всех антирусских пограничных акциях, поддерживая Сафа-Гирея и привлекая тем к себе часть крымской знати. Складывалась парадоксальная ситуация: Ислам-Гирей говорит о дружбе и сотрудничестве, а действует порой очень враждебно. Сахиб-Гирей в своих посланиях в Москву пишет злобой, но вынужден быть сдержанным. Лишь после убийства Ислам-Гирея, осуществленного с поощрения хана союзником Сахиба ногайским беем Баки (1537 г.), произошел набег ханычей на северные земли (1539–1540 гг.), совершенный с целью захвата полена. Фактически он оказался неудачным. Нагруженное добычей и ясырем крымское войско не сумело благополучно вер-

нуться назад, пострадав от рано начавшихся морозов и неожиданно напавших на него считавшихся тогда союзными Крыму ногайцев (см.: Остапчук В., 2002, с. 398).

Лишь тщательно подготовившись, в 1541 г. хан, наконец, решился предпринять давно им лелеемый поход на Москву. Казалось бы, все благоприятствовало крымцам. С ними шел изменивший Москве князь Семен Бельский, обещавший показать новые броды через Оку (о нем см.: Зайцев И. В., 2004, с. 131–158). Не было возражений Порты против этого мероприятия. В венгерских кампаниях султана тогда было временное перемирие, да и Бельскому султан якобы пообещал помочь в добывании его отчины – Рязани, отобранной у него Москвой. Хан сумел мобилизовать для похода максимально возможные крымские войска, их поддерживали ногаи и Казань. Были сочувствовавшие этому мероприятию даже в среде московского боярства (Шмидт С. О., 1954, 1961; Османская империя и страны, 1984, с. 136–185). Однако, подойдя к Оке в неожиданном для русских месте, крымские войска не сумели быстро организовать переправу. Сказались внутренние противоречия среди разнородных татарских масс и подозрительность в отношениях друг к другу между крымским ханом и Баки-беем (ногайско-мангытским беем, ранее организовавшим убийство Ислам-Гирея). Момент неожиданности был упущен, и крымская армия вынуждена была отступить, пограбив, правда, заокские районы. Сахиб-Гирей опять разразился дипломатическими угрозами. Его письма Москве по форме, пожалуй, наиболее грубые из всей московско-крымской переписки. Главное в них – обещание натравить на Москву османского султана (см. Приложение). Обращаем внимание, что говорится об османской угрозе как о чем-то новом для Московии, угрозе, которую хан может устроить Московии в будущем, и это еще раз подтверждает, что у самой Османской империи каких-то не то что действий, но и планов на продвижение в Восточную Европу до сих пор явно не просматривалось.

В советской историографии крымской проблемы, однако, мнение о наличии у Османской империи неких «наступательных планов» в этом направлении широко распространено. Пожалуй, наиболее ревностным сторонником этой точки зрения был И. Б. Гре-

ков (см. вышедшие под его редакцией и с его обобщением излагаемого в них материала книги «Россия, Польша и Причерноморье» и «Османская империя и страны...», 1984, т. 1).

И.Б. Греков считал себя относящимся к тем «исследователям, которые шли за В.Д. Смирновым» и «не отделяли политики Крыма от политики Турции в восточной части Европейского континента,... считали, что допускаясь иногда «самостоятельность» Крымского ханства в тогдашней международной жизни Восточной Европы на самом деле была лишь хорошо продуманной тактикой Стамбула, обеспечивавшей ему осуществление определенных стратегических задач в данном регионе» (Россия, Польша и Причерноморье, с. 303). Это, конечно, явное утрирование смирновской точки зрения. Нам представляется сомнительным, чтобы у османов были такие стратегические задачи, и уж абсолютно неверным приписывание такого толкования событий В.Д. Смирнову.

И.Б. Греков огрубляет точку зрения В.Д. Смирнова с иной стороны, чем группа А. Беннигсена (и, пожалуй, именно с таким огрублением французские ученые и борются, приписывая подобное понимание проблемы Василию Дмитриевичу.). Греков утверждает, что с 1475 г. Крым находился «под полным контролем Стамбула». Его «хорошо продуманная тактика» делала ханство «инструментом», «рычагом, с помощью которого она (Турция – С.О.) добивалась реализации» своих планов в регионе. Сама же она не могла занять «позицию «изоляционизма», «не могла оставаться безучастной к развитию политических событий в Восточной Европе, не могла пустить на самотек происходившие здесь закономерные процессы становления национальных и многонациональных государств». И хотя сам И.Б. признает, как он выражается, малую «рентабельность» и «малую эффективность» вмешательства Турции в политическую жизнь данного региона», именно с османским влиянием он связывает как многие события крымской истории, так и многие трудности московско-польских взаимоотношений. Османская империя предстает порой в его изображении могущественной и разноплановой в своем влиянии, чего никак не могло быть. По нашим представлениям, изучение политического развития региона требует большей осторожности и конкретики в объяснении каждого значи-

мого события этой сферы. Клубок противоречий здесь разматывался по своим законам и со своей спецификой, порожденной конкретными условиями и определенным временем. У Грекова же знание будущего региона порой затмевает ту временную реальность, в которой описываемые им события происходили.

Сулейман Кануни, по Грекову, «осуществлял последовательную антимосковскую политику» (Османская империя и страны..., 1984, с. 252). Но ведь мы же видим, что, утверждая свои позиции в Центральной Европе и Средиземноморье, этот султан явно пытается четко обозначить северные пределы своего государства. В венгерских землях был создан Будинский бейлербейлик (т.е. район был взят под непосредственное имперское управление). Именно его османские власти считали стратегически важным для будущей борьбы с Габсбургами. Пока же (в 1541 г.) османы удовлетворились тем, что Фердинанд Габсбург за оставшиеся под его властью венгерские земли обязался платить харадж султану. Трансильвания была превращена в вассальную османскую территорию, за которой присматривало еще одно бейлербейство – Темешвар. Восточнее, после Молдавского похода 1538 г., под османское управление были взяты земли прудо-днестровского междуречья и крепости Бендеры и Очаков. Очаковская крепость, основанная крымцами и ранее подчинявшаяся Крымскому ханству, при последних двух ханах не раз оказывалась в руках мятежников – вначале Ахмед-Гирея, а позднее Ислам-Гирея. Османы, взяв крепость в свои руки, ограничили тем западные границы Крымского ханства, контролировать которое они могли теперь не только из Кафы и Азова, но и из этой, ранее татарской, крепости (см.: Османская империя и страны, 1984; История османского государства, 2006, с. 28–29; Kaldi-Nady G., 1974; Beldiceanu N., Zerva G., 1959; Guboglu M., 1956, 1987). В 1540 г. из договора с Венецией было исключено разрешение торговать на Черном море (История османского государства, с. 521). Все это позволило османскому центру смотреть на свои владения в этом регионе, по крайней мере к востоку от Трансильвании, как на некую глубинную территорию империи, неинтересную в плане расширения имперских земель, но и не заставляющую видеть какую-либо опасность со стороны имеющихся там соседей.

На любопытную особенность историографии, рассматривающей тогдашнюю крымскую историю и крымско-российские отношения, обратил внимание И.А. Мустакимов (Документы по истории..., с. 414–424). Описывая работы тюрко-татарских авторов конца XIX в. и тех, кто после 1917 г. работал в эмиграции, он отметил, что, как правило, они подчеркивают «сопряженность» политики Османской империи и Крымского ханства, но не видят в XV–XVI вв. каких-либо османо-казанских контактов. Более того, от крымцев в Казань шли тогда успокоения, что «подчинение неверным еще не означает выхода из состава «дар уль-ислам». Безразличие османов к событиям в Поволжье объявляется обычно политической ошибкой султана Сулеймана Кануни, которую, вслед за турецким историком XIX в. Ахмедом Джевдет-пашой, объясняют опасением усилить поволжскими приобретениями позиции своего склонного к мятежам крымского вассала. В этих рассуждениях есть определенный резон. Османы, отодвинув от себя «туркоманский мир» на Востоке, не стремились приближаться к нему на далекой, заморской, северо-восточной окраине своих владений. Однако, как нам представляется, проблема состояла не только в этом. Восточная Европа вообще была не тем геополитическим пространством, где они хотели бы строить свою имперскую государственность. Недаром и позднее, в XVIII в., на начальных этапах российско-османских межимперских территориальных разграничений в Северном Причерноморье, при всем естественном нежелании уступать свою территорию османские дипломаты не раз говорили русским, что с ними-то, в отличие от европейцев, они всегда смогут договориться (см. переговоры в преддверии Немировского конгресса 1737 г. Орешкова С.Ф., 2015). Некие объективные геополитические закономерности в территориальном размежевании государств, расселении народов и культурно-ментальном оформлении их идеологии все-таки, очевидно, существуют.

В отличие от дореволюционной и татарской зарубежной местная татарская историография советского времени, по оценке И.А. Мустакимова, стала развиваться в рамках «построений общесоюзной исторической науки», т.е. восприняв «историографическую традицию подозрительного отношения к... Османской импе-

рии» и «до абсурда» развивая «тезис российской историографии об активности и антирусской направленности османской политики на постордынском пространстве» (там же, с. 420, 422). А это, как видно из наблюдений за османской политикой того времени, для этого времени явно не просматривается.

Вернемся, однако, к конкретному рассмотрению дальнейших событий осmano-крымско-российских отношений. С 1534 г. у Османской империи начинается долгий период войн с Ираном (см.: Vascque-Grammont J.L., 1987, 1991 и др.) и встает вопрос об определении пределов возможного и выгодного для империи продвижения османского государства в этом направлении. В районе Северного Кавказа эта миссия была возложена на Сахиб-Гирея. Его биограф Реммал-ходжа сообщает о больших военных операциях этого хана против черкесов и кабардинцев в 1539, 1542, 1544, 1551 гг. (Остапчук В., 2002, с. 297–400). А.М. Некрасов, специально изучавший это направление крымской политики, пишет еще о двух походах хана 1545 г. (Некрасов А.М., 1990, с. 103–108). Небольших стычек крымцев с черкесами с захватами пленных и добычи, очевидно, было еще больше. Реммал-ходжа подчеркивает, что обо всех своих кавказских предприятиях хан обязательно докладывал в Стамбул. Это свидетельствует, во-первых, о постоянном внимании имперских властей к этим мероприятиям, а во-вторых, о том контроле, который становился привычным и принимаемым вассалом как нечто естественное в его отношениях со своим сюзереном.

Походы крымцев в Черкесию обычно начинались по распоряжению кафинских наместников, т. е. были выполнением имперского задания. Если целью похода было приведение к покорности западных адыгов, войска шли через Керчь, а паша Кафы предоставлял им корабли для переправы. На кабардинцев рейды организовывались с севера, через Азов и Предкавказские степи. Поводом для походов обычно были нападения черкесов на османские крепости, построенные в этом регионе еще в первые десятилетия XVI в. Известно, что в 1515–1519 гг., например, были воздвигнуты крепости Темрюк в устье Кубани и Кызыл-Таш на острове Адахун (Эвлия Челеби, 1979, с. 46). А.М. Некрасов обращает внимание на то, что

строились они исключительно турецкими строителями, а крымские войска привлекались лишь для охраны (Некрасов А.М., 1990, с. 86–87). Действительно, один из находившихся тогда в Крыму московских послов сообщал в 1519 г., что к хану «присылал ... турецкой, чтоб послал людей своих к Черкассам, беречи людей его, которые город делают». Хан тогда тотчас отправил «детей своих, Казы-Гирея да Бабея, да Темошь-мирзу Мамешева сына Ширина, а с ними ... восемь тысяч людей». Эта послушность тогдашнего хана Мухаммед-Гирея еще раз убеждает нас, что сотрудничество с османскими властями было уже в то время для хана привычным, а его отказ 1521 года от похода на Польшу, который истолковывается исследователями как непокорность и проявление независимости, был вызван действительно уважительными причинами (об этом см. в главе 5).

Еще в 1518 г. хан Мухаммед-Гирей писал московскому князю: «Из Черкасс к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, а они нам хотят дати подать, также где и недруг мой будет, и они на нашей службе со всею ратью хотят быть готовы. ...также и из Тюмени и оттоле к нам люди пришли, и тех людей речи таковы же». Крымско-адыгские связи тогда действительно были весьма тесными. Черкесские отряды упоминаются среди участников похода 1521 г. на Москву. На район Северного Кавказа тогда на 10 лет были приостановлены крымские набеги (Некрасов А.М., 1990, с. 88). Очевидно, отношения местных племен были установлены не только с крымским ханством, но и с теми османскими должностными лицами, которые ведали гарнизонами в построенных в этих землях крепостях. В более поздний период в черкесских районах отдельные племена находились в крымском, а другие в османском подчинении. Такая властная чересполосица начинала складываться уже в рассматриваемый нами период.

Во времена Сахиб-Гирея отношения в северокавказском регионе обострились, и османские власти силами крымского хана начали наводить там свой порядок. Вождь черкесского племени жане Кансавук считался тогда вассалом Порты, получал от османских властей жалование и должен был держать черкесов под кон-

тролем. Реммал-ходжа сообщает, что за неисполнение этих обязанностей хан намеревался жестоко наказать Кансавука. Тот, однако, сумел откупиться, пообещав передать султану, хану и кафинскому паше значительное число рабов-черкесов. Этот дар был принят. Обращает внимание тройной адресат этих выплат, а кроме того, по сведениям Реммала-ходжи, на обратном пути хан позволил своему войску еще и пограбить местное население и захватить дополнительный «ясырь» (Остапчук В., 2002, с. 398). Собственно, для крымского воинства именно ясырь – пленные были главной целью черкесских походов. Все свои описания ханских экспедиций в этот район Реммал заканчивает фразой: возвращаются в Крым с большим числом пленников. Напоминаем, что черкесские рабы были не только товаром для продажи, но и использовались в качестве воинов в войсках ханских капыкулу. И еще знаменательно, что хан брал с собой в кавказские рейды лишь избранных, заслуженных воинов, предупреждая, что простонародью (реайе) там не место. «Черкесы небольшой народ, слишком большое войско имело бы недостаток в добыче» (там же, с. 402). В этом, думается, не только рациональность грабителя, но и расчет будущего совладельца этих мест. Пока же формальное подчинение западно-адыгских племен хотя и существовало, но местные племена оставались разбойно-непокорными и продолжали совершать нападения на османские крепости. Крымцы удовлетворялись возможностью вдобавок к официальной дани получать некоторые дополнительные доходы, умиротворяя непокорных. К более жесткому подчинению региона они пока не стремились. В османских же финансовых документах с 40-х гг. XVI в. присутствует графа, предусматривающая выплату жалования черкесским беям и фиксирующая поступление податей с черкесов (Berindei M., Veinstein G, 1979, с. 417).

С восточными районами Северного Кавказа связь была еще менее обусловленной. Описанный Реммалом поход на кабардинцев 1544 г. вообще не был связан с какими-либо их провинностями, а по сути дела был крымским вмешательством в их внутренние распри, что опять-таки дало ханским войскам возможность захватить значительное число пленников.

Племена Кабарды и Тюмени (района Северного Кавказа, примыкающего к Каспийскому морю) принимали в эти годы активное участие в судьбах Астраханского ханства, способствуя порой даже утверждению на астраханском престоле своих ставленников (см.: Некрасов А.М., 2002; Зайцев И.В., 2004–2). Претендовали на контроль за этим ханством также различные ногайские племенные объединения. В 1545 г. поход на Астрахань совершил и Сахиб-Гирей. Предлогом для этого послужило разграбление астраханцами торгового каравана, идущего из Казани в Крым. В этом походе Сахиба, в отличие от черкесских экспедиций, участвовали уже не только избранные, но и весь «народ», более того, за уклонение от похода грозили наказанием (Остапчук В., 2002, с. 402–403). В отличие от Мухаммед-Гирея и Ислам-Гирея, связывавших какие-то свои планы с Астраханью, Сахиб лишь разрушил этот город и увел его жителей в Крым. Сам он писал по этому поводу Ивану IV: «Людей их и улусы их там не оставили, всех пригнали к себе, ...юрт... хотели есми держати, да затем покинули, что место недоброе» (цит. по: Некрасов А.М., 1990, с. 109). Разрушение Астрахани крымскими войсками вызвало недовольство ногаев, попытавшихся в отместку совершить нападение на полуостров, но отбитых ханом, как подчеркивает Реммаль, лишь благодаря пушечному и мушкетному огню, т.е. оружию, полученному от османов (Остапчук В., 2002, с. 398–399). В 1547 г. новый поход вдоль Северного Кавказа позволил хану своими «данщиками» подчинить кабардинцев и кайтаков (племена Северного Дагестана). Подчинение это оказалось, однако, недолгим, так как уже в 1549 г. один из ногайских вождей констатировал: «Тюмень и Черкасы Кабартейские нам здались». Положение на Северном Кавказе было, следовательно, неустойчивым, твердого размежевания территорий и властных полномочий еще не произошло.

Сахиб-Гирей, отказавшись от Астрахани, явно обозначил этим некие границы своих интересов в юго-восточных степях. Несмотря на его агрессивные заявления и угрозы своим северным соседям, объективно сложилось так, что, по имперским указаниям, главной ареной внешнеполитической активности этого хана стал Северный Кавказ. Очевидно, именно это и не позволило

ему реализовать свои антирусские политические намерения. Более того, понимая, что для крымской государственности наибольшую опасность представляет грозящая с северо-востока кочевая периферия, этот умный государственный деятель отказывался и от участия в происходившей тогда борьбе Османской империи с Ираном за Закавказье. Исследователи и многие современники считали этот отказ причиной того, что вскоре Сахиб-Гирей по приказу султана был свергнут со своего поста. Другой причиной недовольства османских властей называют земельный конфликт одного из ханских приближенных с кафинским пашой за некие пограничные владения, истолкованный современниками как ханское попользование на прерогативы кафинского паши. Конфликты у вассала с надзирающими за ним имперскими управленцами, конечно, были, и причины для недовольства всегда можно было найти. Любопытно другое. Имперские власти вынуждены были прибегнуть к хитрости, чтобы сместить своего вассала. Сахиб-Гирей, видимо, сумел крепко утвердиться в ханстве. Начав с жестких мер, когда каждый бей, являясь по вызову к хану, не был уверен, что вернется назад живым, он сумел так реорганизовать и ослабить крымскую знать, что она, погрязнув в своих бейских интригах, стала смотреть на хана как на некоего верховного судью и умиротворителя. Недовольство было, но внутренних сил для свержения хана явно не хватало. Стамбульские власти воспользовались тем, что сам Сахиб-Гирей просил прислать в Казань в качестве нового хана одного из живущих при султани Гиреев (Сафа-Гирей умер в 1549 г., очередная просьба в Крым о присылке нового хана от части казанской знати опять поступила). Выбор пал на племянника хана Девлет-Гирея, что сам Сахиб приветствовал. В 1551 году по приказу Порты хан отправился в очередную экспедицию против черкесов, чтобы наказать их за ограбление паломников, возвращавшихся из Мекки. Поход был успешен. Нагруженное трофеями войско возвращалось назад. К этому времени в Кафе высадился Девлет-Гирей с традиционным османским конвоем. Сахиб-Гирей это знал и предполагал, что этот хан отправится далее в Казань. Указания от Порты, однако, были иными. По стамбульскому распоряжению Девлет-Гирей захватил власть в самом Крыму, устроив

кровавую расправу над всеми остававшимися на полуострове сыновьями Сахиба. Сам хан уже в Тамани был арестован и тут же убит. Столь жестокая расправа с послушным и успешно управлявшим ханством вассальным правителем была явным актом устрашения. Имперские власти, возможно, опасались излишней самостоятельности Сахиба. В османских источниках, правда, говорится лишь о том, что хан не сумел установить дружеских контактов в султанском окружении и пал жертвой царящих там интриг, т. е. выдвигают на первый план личные, а не служебно-властные отношения (подробно об этих придворных интригах см.: Смирнов В. Д., 2005, т. 1, с. 315–318). Но есть моменты, заставляющие подумать и о некоторых принципиально иных причинах. Девлет-Гирей по просьбе Сахиба должен был занять ханский престол в Казани. Отправлением туда султанского ставленника и Крым, и сама Османская империя оказались бы втянутыми в борьбу с Москвой за этот татарский юрт. Как мы видим, Девлет-Гирей туда не поехал, а был использован для укрепления османского влияния в Крыму. Османские власти, следовательно, устранились от казанских дел, где явно назревали большие перемены, предоставив событиям в этом ханстве развиваться без их участия. Возможно, что именно в отношениях с Казанью и Москвой и заключалась главная причина устранения Сахиб-Гирея. Его антимосковский настрой был хорошо известен, а Османская империя не хотела для себя серьезного конфликта в далеком и неинтересном для нее северном регионе. Потому-то она и пожертвовала этим успешным вассалом, сумевшим подчинить себе Крым, послушно выполнявшим все указания Порты, но способным вовлечь империю в ненужную ей авантюру. Крым лишился тогда серьезного государственного преобразователя, а Москва – врага, антимосковский настрой которого мог дорого обойтись самой крымской государственности. Кстати, и Москва тогда была очень предупредительно-уступчива в отношении Османской империи. Б. Н. Флоря (Флоря Б. Н., 1979, с. 84) обратил внимание на то, что в эти годы московскими властями официально была отклонена просьба черкесских князей дать им «помочь» против султана. Мотивировали они это тем, что «турской салтан в миру» с московским царем (ПСРЛ, СПб.,

т. XIII, вторая половина, с. 259). Осторожность и нежелание обострять отношения у Москвы и османов, следовательно, были взаимными.

В крымской же истории наступает новый период, в котором начинавшиеся было Сахиб-Гиреем преобразовательные намерения отходят на задний план. Он оказался последним ханом, который, как вслед за османским историком Джанеби пишет В.Д. Смирнов, еще пытался вернуть самостоятельную славу дома чингизидов (Крымское ханство..., т. 1, с. 318).

И еще одно замечание, касающееся событий этого времени. Во всех государствах восточноевропейского региона наблюдается борьба правителей с аристократической верхушкой. Младший современник Сахиб-Гирей Иван IV Грозный сумел сокрушить боярскую оппозицию. Методы его действий до сих пор вызывают осуждение, а порой и содрогание, но дело было сделано и дальнейший путь страны предначертан. В тюркских постордынских государствах позиции знати были намного сильнее. Отказ от кочевнических традиций еще явно не вызрел. За каждым из аристократических семейств стоял клан, «поколение», родовое сообщество. Сахиб-Гирей ослабил Ширинов, усилив их соперников Мангытов, но сам столкнулся с непомерными амбициями последних. В 1541 г. именно боязнь измены мангытов остановила хана в его тщательно подготовленном походе на Москву. Далее последовала расправа с верхушкой мангытов. Жестокость хана в отношении Баки-бея и его родичей красочно описана в османских источниках, цитируемых В.Д. Смирновым. Клан же, выдвинув новых руководителей, сохранил свои позиции. Принижая роль кланов, способствуя возрастанию их соперничества и подчиняя их себе, хан создавал в ханстве новую обстановку, но не сумел довести до конца свои радикальные преобразования крымского общества. Кочевая стихия продолжала определять внешнеполитическую агрессивность ханства в отношении оседлых соседей, а османское верховенство лишь несколько сдерживало ее и порой использовало в своих внешнеполитических целях.

Следующий хан – Девлет-Гирей во многом оказался совсем иным правителем, чем Сахиб.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Две далее публикуемые грамоты адресованы османским пограничным администраторам. Их адресаты, содержание и тон показывают, что Московское государство в этот период стремится иметь более тесные контакты с имперской пограничной администрацией, а не с вассальным княжеством, поведение которого в отношении соседей становится в это время более враждебным и непредсказуемым.

***Грамота, посланная Бургану аге азовскому
с Иваном Семеновым***

«Великий Государь Василей, Божию милостию един правый Государь всяя Руси и иным многим землям восточным и северным Государь и Великий Князь володимерский, московский, ноугородский, псковский, смоленский, тверский, югорский, пермьский, вятцкий, болгарский и иных, Брата нашего Сюлемен Салтанову слуге Бургану аге азовскому. Каковы будут вести в Азове, — и ты б нам служил: о вестех бы еси нас без вести не держал. А нечто услышиш про нашего недруга про крымского: нечто похочет крымской идти на нашу украйну, — и ты б нам служил: нас бы еси о том без вести не держал. А мы тебя за твою службу жаловати хотим. А ныне послали есмя к тебе свое жалованье с своим послом с Иваном Семеновичем. Писан на Москве. Лета ... (1523) апреля.

***Грамота, посланная к Магмед бекъкулу
(командиру янычарского гарнизона) азовскому***

«Великий Государь Василей, Божию милостию един правый Государь всяя Руси и иным многим землям восточным и северным Государь и Великий Князь володимерский, московский, ноугород-

ский, псковский, смоленский, тверский, югорский, пермьский, вятцкий, болгарский и иных, Брата нашего Сюлемен Салтанову слуге Магмед беккулу азовскому. Что нам служиши и нас о вестех без вести не держиши, — ино то делаеши гораздо. И мы, ож даст Бог, за твою службу тебя жаловати хотим. А ты б и вперед нам служил. И каковы у тебя будут вести, и ты б к нам о вестех отписывал. И нас бы еси о вестех без вести не держал. А ныне послали есмя к тебе свое жалованье, с своим послом с Иваном с Семеновичем с Морозовым...

...Да велели есмя оставить послу своему Ивану в Азове станицы казаков своих; и ты б им велел быти в Азове. Да каковы будут у тебя вести в Азове, — и ты б тех казаков к нам отпущал по станице или поскольку будет пригож, чтоб яз безвестен не был. Писан на Москве. Лета... (1523) апреля.

Обе вышеприведенные записи заимствованы из публикации Б.И. Дунаева «Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке». М., 1916.

Прием купца Искендера при дворе Московского князя.

Это описание также взято из публикации Б.И. Дунаева (СПб., 1916)

... выслушал Князь Великий грамоты Салтановы, что Салтан прислал с Иваном с Семеновым и Скиндерем, да говорил з бояры, что ему Скиндеря к Салтану отпустить, а с ним своего доброго человека послати не пригож, того для, что Салтан большего посла не прислал и с Искиндерем приказу от него нет, каким меж их крепостем быти. А послати с ним рухляди для молодого человека, что Иван оставил рухлядь во Царь-Городе Великого Князя. И сентября (?) велел Князь Великий Скиндерю быти на дворе. И как Скиндерь на двор приехал, и Князь Великий к нему выслал с ответом Федора Карпова, да Шигону, да диакон меньшого Путятина, да Труоана Ильина. А се ответ Искиндерю.

Ответ Великого Государя Василия, Божию милостию Государя всея Руси и Великого Князя, Сюлемен шах Салтанову Скиндерю Саке.

Шыгона говорил: «Великий Государь Василей, Божнею милостию един правый Государь всяя Руси и иным многим землям восточным и северным Государь и Великий Князь, велел тебе говорить: «Прислал к нам брат наш, Сюлемен Салтан, вместе с нашим послом с Иваном тобя Скиндеря, и говорил еси нам от Сюлемен Салтана, что с нами в дружбе и в братстве хочет быть по тому ж, как с нами был в дружбе и в братстве отец его, Салим шах Салтан, а нам бы с ним по тому ж быть в дружбе и в братстве, и люди бы наши меж нас на обе стороны ездили здоровья нашего видети, да и гостем бы нашим на обе стороны путь был чист без всякие зацепки, и зауморком бы на обе стороны не быть. А в грамоте в своей Салтан с нашим послом с Иваном и с тобою то ж к нам писал. И как мы были в дружбе и в братстве с отцом с его, с Салим шах Салтаном, и брат наш, Салим шах Салтан, писал к нам в своих грамотах, как есть пригож нашему Государству. А ныне которые грамоты привез к нам ты от Сюлемен Салтана, и в тех грамотах Сюлемен Салтан писал к нам не по тому, как есть пригож нашему Государству».

Шыгона ж говорил: «Великий Государь велел тебе говорить: «Да говорил нашему послу Ивану Ибреим паша, что Салтан о братстве и о дружбе посылает к нам своего большего посла. И ты от нас молви брату нашему Сюлемен Салтану: мы с ним в дружбе и в братстве хотим быть по тому, как с нами был в дружбе и в братстве отец его, Салим шах Салтан. А он бы по тому ж с нами был в дружбе и в братстве и в грамотах бы в своих писал к нам, как есть пригож нашему Государству, по тому ж, как к нам писал отец его, Салим шах Салтан. ... И выслушав ответ, Скиндерь говорил: «Говорили есте в ответе, что говорил Ибреим паша Ивану, что Салтан посылает ко Государю своего великого посла. И Государь мой послал меня посольством, а о большем после слово не бывало». И Федор ему с товарищи говорили: «Скиндерь, прислал тобя наперед того Салтан к нашему Государю посольством, чтоб Государь наш с Салтаном был в дружбе и в братстве. И Государь наш тогда высылал к тебе говорить бояр своих, что с Салтаном в дружбе и в братстве хочет быть, да и о том велел с тобою говорить своим бояром, каким грамотам меж Государя нашего и Салтана быть о дружбе и о братстве. И ты говорил, что с тобою о том не приказано, а ныне от Салтана Государя нашего боярину о том слова никоторого не было.

И в грамоте того Салтан ко Государю нашему не писал, да и с тобою о том сказываеш, приказу нет. Ино что Салтанова дружба, и как ему быти с Великим Князем?» Скиндерь говорил: «Государь наш Сюлемен Салтан, и ныне со Государем вашим хочет быти в дружбе и в братстве, а о том делати со мною не наказано. Послал со мною грамоту и яз то доvez».

И Федор с товарищи ему говорили: «И ныне Государь наш тебя к Салтану отпускает, а к Салтану посылает с тобою свою грамоту». Да Искиндерь же говорил: «Говорили есте мне о Казани, что Казань юрт изначала Государя нашего. Ино Саип Гирей Царь присылал ко Государю нашему сее весны бити челом, а заложился за Государя нашего: и то юрт Государя нашего, и Князь бы Великий х Казани рати не посылал». И Шыгона ему говорил: «Посылал Саип Гирей Царь к Салтану, – ино то он ведает, а то изначала юрт Государя нашего». И Скиндерь же говорил: «Да говорили вместе в ответе, что Государь наш к вашему Государю писал не по пригожу в своей грамоте, ино что непригожество?» И Шыгона ему говорил: «Наперед того писал ко Государю нашему отец его, Салим шах Салтан, и опосле паки того Сюлемен Салтан писал ко Государю нашему по пригожу, как есть пригож Государю нашему». И Скиндерь говорил: «Яз того не ведаю, что будет непригож писано и не так, как Государю пригож.

(И князь Великий велел к нему послати запись, что непригожество. А се запись. – «Иван Шыгона и днак Меньшей велели тебе сказати»: «Приказал еси к нам, что мы тебе говорили в ответе от Великого Государя, что Государь ваш Сюлемен Салтан писал к нашему Государю не так, как есть пригож Государю нашему и как писал отец его, Салим шах Салтан, ко Государю нашему и нам бы тебе сказати, что непригожество. И наперед сего отец его, Салим шах-Салтан, писал ко Государю нашему в своих грамотах Государю нашему «братом», а ныне в тех грамотах, которые грамоты ты привез от Салтана ко Государю нашему, Сюлемен Салтан «брата» Государю нашему не писал, – то непригожество Государю нашему»).

...А Князь Великий с Скиндерем к Салтану послал свою грамоту, а о рухляди с своими людьми Князь Великий к Салтану послал грамоту ж. А се грамоты к Салтану с Скиндерем. А поехал Скиндерь

на Путивль да на Крым, а Доном просился, и Князь Великий его Доном не пустил: некоторое прозябло слово от Скиндеревых людей и от сторонних, что Скиндерь послан смотреть месть на Дону ставити город, и того деяя Доном не пущен. ... И поехал Скиндерь с Москвы (?) сентября.

Текст помещенной далее грамоты Василия III показывает, что дипломатический демарш Искендера не был воспринят в Москве как какая-либо заинтересованность Порты в судьбах Казанского ханства, да и сам Искендер не рассматривался как политически значимая фигура, а лишь как обычный купец, традиционно используемый османскими властями для передачи грамоты, подтверждающей продолжение установленных ранее между Москвой и Стамбулом дипломатических отношений.

Грамота султану Сулейману от Великого князя Василия

«Бог наш Троица, иже прежде век сый и ныне есть, Отец и Сын и Святый Дух. Великий Государь Василей, Божиею милостию един правый Государь всея Руси, и иным многим землям восточным и северным Государь, и Великий Князь володимерский, московский, ноугородский, псковский, смоленский, тфферский, югорский, пермьский, вятский, болгарский и иных. Сюлемен шах Салтану, Государю константинопольскому, и беломорскому, и черноморскому, и наталейскому, и римскому, и караманскому, и румскому и иных земель Государю и брату и доброму приятелю. Посылали есмя к тебе своего посла Ивана Семенова сына Морозова и ты нашего посла Ивана к нам отпустил, а с ним прислал еси к нам Скиндеря, а в грамоте в своей к нам писал еси с нашим послом с Иваном, и словом еси отказал нашему послу Ивану, и с Скиндерем еси к нам в своей грамоте тож писал, что с нами в дружбе и в братстве хочеш быти по тому ж, как с нами был в дружбе и в братстве отец твой, Салим шах Салтан, а нам бы

с тобою по тому ж быти в дружбе и в братстве и послы б наши межи нас ходили на обе стороны нашего здоровья видети, да и гостем бы нашим на обе стороны путь был чист безо всякие зацепки, и зауморков бы на обе стороны не было. Да говорил нашему послу Ивану папа твой Ибреим, что ты вместе с нашим послом с Иваном послал к нам Скиндеря о некоторых о своих потребах, а большего своего посла к нам о дружбе и о братстве посылаеш часа того. И ты б к нам послал своего посла, и был бы еси с нами в дружбе и в братстве по тому ж, как с нами был в дружбе и в братстве отец твой, Салим шах Салтан. А мы с тобою по тому ж в дружбе и в братстве хотим быти, как с нами был отец твой, Салим шах Салтан, и послы б наши межи нас ходили на обе стороны нашего здоровья видети, да и гостем бы нашим на обе стороны путь был чист безо всякие зацепки, и зауморков бы не было на обе стороны. А как будет у нас твой большей посол, и мы тогда о всех о тех делех с твоим большим послом велим говорити своим бояром, и о дружбе и о братстве тогда покрешим, и вместе с твоим большим послом пошлем к тебе тогда своего большего посла. А ныне послали есмя к тебе вместе с Скиндерем своих торговых людей Алексейка Можаятина да Мурзу Черного, да Опалю Кузмина, а с ними вместе велели есмя послати послу своему Ивану Семенову своего человека Шемета того деля: посылали есмя свою рухлядь с своим послом с Иваном на некоторые свои потребы, и ты нашего посла Ивана вборзе к нам отпустил, и он тое рухляди продать не успел. И Иван говорил папе твоему Аязу, чтоб той рухляди велел указати во Царе-Городе место, где та рухлядь положить. И Аяз папа велел Мурату чеушу указати место ту нашу рухлядь положить и взяти велел ту рухлядь Мурату чеушу. И посол наш Иван ту нашу рухлядь во Царе-Городе оставил, а отдал ее Мурату чеушу, да и список тое рухляди Иван послал с Муратом к Аяз папе, и Аяз папа тот список дал казначею твоему и дияку Аббисалому. И как до тебя дойдут те наши торговые люди Алексейко и Мурза и Опаля, и ты б к той нашей рухляди тем нашим человеком велел дати своих купцов по тому ж, как мы велели здесь дати Скиндерю своих купцов, что тебе купити потребная, и велел бы еси тем купцом ту нашу рухлядь продать и купити нам, что потребная, а пошлин бы еси в своих городех на тех наших людех некоторых имати не велел, занеже мы их послали

о своих потребах. И как ту нашу рухлядь изпродадут и купят, что нам потребная, и ты б тех наших купцов Алексейка и Мурзу и Опалю велел к нам отпустить, и проводить бы еси их велел до наших украин, чтоб им здорово и без страху дойти до наших украин. А что будет тебе которая потребная в наших государствах понадобится, и мы тебе также хотим дружбу свою держати. Писан в нашем государстве в нашем граде Москве лета 1524 сентября месяца».

По публикации Б. Н. Дунаева, 1916.

Письмо хана Сахиб-Гирея султану Сулейману (ноябрь-декабрь 1533 г.)

Его величеству обладателю могущества, счастья и великолепия, его присутствию моему государю, чьи желания достигнуты, а намерения исполнены — да не перестанет он пребывать в здравии и невредимости до Дня Воскресения!

По исполнению правила вознесения обязательных молитв — да не перестанут они быть благосклонно принимаемыми [Всевышним!] — за того, который является образцом деятельного разума, воплощением благоденствия и [объектом] глубочайшего почтения, да будет объято и постигнуто [падишахским разумом] следующее:

Если [Вашим величеством] будет изволено осведомиться о делах /нашей/ страны, то, как ранее [нами] было доложено, из-за того что Ислам* накладывал руку на дары, присылаемые сему немощному рабу из области неверных, Сафа-Гирей оскорбился и уехал в Казанскую землю. Ныне, в середине сего месяца джемазиль-эвель, прибыл посланник с его письмом, который сообщил, что [Сафа-Гирей] благополучно достиг вышеупомянутого вилайета и, в соответствии со своим желанием, стал [там] ханом, а знатные и простолюдины той страны, ввиду искреннего повиновения, убили своего прежнего хана* и разослали известия о восшествии вышеозначенного [Сафа-Гирея] на ханство. Сейчас, когда по отъезде вышеуказанного хана большинство находившихся при Исламе огланов и беков со многими извинен-

ниями пришли к этому чистому сердцем рабу и изъявили свое повиновение и покорность, вышеуказанный Ислам стал слаб и бессилен, и он не смог ничего сделать, кроме как умолять и упрасивать [своих сторонников].

Единственное всеобъемлющее желание и высокая мечта, обращающаяся [нами] к высокому Божескому чертогу, заключается в том, чтобы [их султанское величество] не переставали быть свидетелями того, как слыша о восседании и местопребывании их священного бытия и благой сущности в своей священной резиденции и благородной обители в здравии и благополучии, сердца их подданных наполняются радостью, восторгом и ликованием.

Да будет [Вам] с божьей помощью суждено счастье двух миров и осуществление [всех] желаний в двух обителях!

Документ опубликован Le khanat ..., с. 124–127; Документы по истории..., с. 69–73. В последнем издании перевод документа на русский язык и его описание сделаны И.А. Мустакимовым. О самом документе см. также: Ostapchuk V., 1987, с. 269–270.

Послание Ислам-Гирея султану Сулейману Кануни

Порогу – прибежищу справедливости и Двору – пространству благоденствия – да не перестанет он быть великим и одолевающим невзгоды времени! – донесение слабейшего из рабов Божьих состоит в следующем.

Прошло много времени с тех пор, как скончался мой отец, покойный Мухаммед-Гирей хан – да будет над ним милость [Божия]! – и мой дядя, его величество Саадет-Гирей хан, с Вашим священным указом и знаменем прибыл [в Крым] и стал ханом. Все это время сей раб не переставал болеть за страну. Иногда подстрекательства смутьянов, иногда двуличие, многочисленные интриги и угрозы нынешнего хана Сахиб-Гирея, бывшего тогда султаном, непрерывно ввергали страну в потрясения. Страна не находила защиты, а подданные – покоя. Тогда Высокая Порта назначила вышеозначенного

Сахиб-Гирей хана ханом и прислала его [в Крым]. С этого времени он не совершил ни одного правого дела и не сказал ни одного правдивого слова. Истинное же и подробное изложение обстоятельств многократно было докладываемо [нами] Вашей Высокой Порте. Если Его величество счастливый падишах – прибежище мира – да пребудет он во здравии! – пожалует мне, своему слуге, ханство, я по мере всех своих сил покажу такую службу, которая станет образцом для всего мира. Будет ли [мне] пожаловано ханство или не будет – [в любом случае] я [останусь] преданным и послушным слугой счастливого падишаха.

Уже сколько лет я кажусь причиной междоусобицы и нестроения в нашей стране. Моя просьба в Вашему [Высокому] порогу и надежда все подданных и вельмож залючается в том, чтобы ханом [вновь] был назначен и прислан [в Крым] бывший ранее ханом мой дядя Саадет-Гирей. [Ибо даже] если последует приказ нам вновь примириться с Сахиб-Гирей ханом, это будет невозможно. Собственно, причины этого [нами] неоднократно докладывались Вашей Высокой Порте. Это невозможно, [даже] если два мира станут одним. Если ханство будет пожаловано моему дяде Саадет-Гирею, я, твой слуга, больше не останусь в этой стране, не буду надеяться на [получение] ханства в этой стране, оставляю [свои] упования и отброшу все [свои] интриги. Если воспоследует священный указ счастливому падишаху и им будет оказана милость, с его знаменем и помощью хана я пойду на Астрахань, стану [там] ханом, прочту хутбу на /имя/ падишаха и сделаю ту страну обустроенной. И если будет повелено враждовать с племенем кызылбашей или другими врагами веры и государственной державы, пусть будет засвидетельствована моя доблестная служба! /И/ так будет.

Если же я не уеду, еще раз проявив неповиновение и приведя /какие-либо/ отговорки, пусть больше не будет доверия ни одному моему слову, а сам я – упаси Бог! – пусть буду считаться восставшим против Аллаха и Его посланника. И пусть меня постигнет /Ваша/ кара! Если в качестве хана будет прислан Саадет-Гирей хан, то – свидетельствую перед Аллахом и его Посланником – я не отрекусь от своего слова и обещания. Ведь [эта] страна полностью принадлежит счастливому падишаху; к стране может присоединиться

другая страна. Но покуда здесь находится Сахиб-Гирей, учитывая его прежние интриги и напуг с ним вражду, сей ничтожный, пока он жив, никуда не уедет. Надеемся, что счастливый падишах изъяснит своё милосердие в отношении подданных [нашей] страны. Некоторые наши слова относительно вышеуказанного доверено доложить [Высокой Порте] направленному к Вашему Высокому Порогу нашему послу, Вашему покорному слуге, шейх-заде Шабану. Об этом пусть будет расспрошено у него.

А право приказа принадлежит Высокой Порте.

Документ был извлечен из материалов Музея Топкапы и опубликован О. Гёкбилгином (Gokbilgin O., 1970, с. 462–469). С русским переводом он публикуется в «Документах по истории...» (с. 83–89) и в сборнике «Восточная Европа...». Стилистически оба перевода очень разнятся. Для нашей публикации был заимствован перевод И.А. Мустакимова. Описание документа см.: Ostapcsyuk V., 1987, с. 270 и «Документы по истории...», с. 88–89.

Письмо представителей крымской знати в Высокую Порту
(Документ не датирован, очевидно, относится
к концу 1533 – началу 1534 г.)

Высокому Порогу и Высочайшему Двору – да не перестанет он быть [хранителем] от невзгод времен! – нижайшее донесение состоит в следующем. Ранее сим нижайшим слугам от той Высочайшей Порты прибыл священный указ, коему повинуется /весь/ мир, в высоком содержании которого говорилось: «Мой священный указ заключается в следующем. Сахиб-хану – да будут вечными его благородные качества! – я пожаловал ханство, а Ислам султану я дал должность калги и повелел: пусть каждый из вас вновь побудет на том месте, на котором находился ранее. Пусть хан и Ислам султан отбросят взаимное охлаждение и восстановят между собой отношения. Изгоните находящихся около вас смутьянов, установите поря-

док в [своей] стране и постоянно ведите джихад, совершая налеты и набеги [за добычей]. В соответствии с [этим] священным указом мы без упущений сделали все от нас зависящее для улучшения [положения]. Из виновников смуты в стране Сафа-Гирей султан, Селим-Шах бек, Тахаллы мирза и убивший прежнего бека ширинов Юнус бека по имени Багырган, находившиеся при Ислам султানে, были отвергнуты и отъехали от вышеупомянутого Ислам султана. Сафа-Гирей султан уехал в Казань. Что касается смутьянов по имени Багырган, Селим-Шах и Тагаллы, они прибыли к его величеству хану и, оставаясь при нем, своими многочисленными интригами привели нашу страну в великое расстройство. Мы говорили его величеству хану: «Пошли людей, чтобы в соответствии со священным указом наказывать смутьянов, и не принимай их к себе, гони их [от себя], однако он не слушает нас. Вместо того, чтобы исполнить государев указ, он стал отовсюду собирать вокруг себя и делать аркебузирами негодаев, способных стать причиной разрушения государства, и множества смутьянов и мошеников. Такие неразумные и незаконные действия возбуждают негодование всего народа [нашей] страны и наносят ей вред. Народ нашей страны еще никогда не видел подобных дел. Все мы принадлежим счастливому и благоденствующему падишаху — да соделает Господь Всевышний каждый день его тысячью. Со времен наших отцов и дедов в нашей стране [был] порядок, совершались налеты и набеги [за добычей], и мы непрерывно возносили молитвы за благоденствие могущественного как небо хуавендигяра. [Прежние] ханы соблюдали [заповеданные им] законы и древние обычаи, [вследствие чего] все подданные благоденствовали, постоянно совершали походы и набеги на неверных, а наша страна была переполнена полоном. Нынешние ханы совершают действия, противные законоустановлениям своих славных предков, вводят много незаконных новшеств и совершают много неразумных действий. Уже более тринадцати лет в нашей стране царит беспорядок, среди нас не прекращаются смуты и мятежи, все наши прежние беки и мирзы уничтожены в междоусобицах; положение подданных находится в расстройстве, [ибо] они не могут ни совершать набеги за полоном, ни заниматься хлебопашеством. Разрушена не только наша страна, неисчислимый ущерб наносится и личным владениям падишаха. Эти рабы претер-

пели много несправедливости и притеснений. Нет [никакой] вероятности, что в будущем отношения между его ханским величеством и Ислам султаном наладятся. Мы пребываем в растерянности.

Таким образом, просьба и ходатайство этих рабов и всех жителей страны к его величеству счастливому хулавендигяре – да укрепит Аллах его помощников! – заключается в том, чтобы [он] пожаловал [такого] хана, который, следуя [заповеданным предками] законам и обычаям, поднял бы сих ничтожных рабов из праха, а нашу страну вновь привел в благоустроенное состояние. Если же будет решено, что ханом следует оставить нынешнего хана Сахиб-Гирея, то наша страна никогда не избавится от смут, и [это] будет пятном на совести падишаха – прибежища мира.

А в остальном издание [соответствующего] указа зависит от священного приказа высокой как небо Порты.

Документ был извлечен из архива Музея Топкапы О. Гёкбилгином, опубликован (О. Gokbilgin, 1970; Документы по истории..., 2008). Русский перевод см.: «Документы по истории...» и «Восточная Европа...». Нами использован перевод И.А. Мустакимова. Описание рукописи этого источника содержится в тех же изданиях, которые указаны в наших комментариях к предыдущему документу.

***Письмо Ислам-Гирея в Москву (1535 г.),
в котором он позиционирует себя перед Москвой
правлящим в Крыму ханом***

Великие Орды великого царя Ислам Гиреево цареве слово с своим братом с великим князем Иваном Васильевичем всяя Руси, и калга мой Сафа Гирей царевич; от сегодня вперед быти нам в доброй любви от детей и на внучата, братом и другом быти в прок, где нибуди другу другом быти, а недругу недругом быти, и на великого нашего недруга нам за один быти. А кто мне Ислам Гирею царю друг и калге Сафагирею царевичу, тот и великому князю Ивану брату нашему друг; а кто нам недруг, тот и великому князю Ивану брату

нашему недруг. А кто великому князю Ивану брату нашему друг, тот и нам друг; а кто велкому князю Ивану брату нашему недруг, тот и нам недруг. А на Ахматовых детей и Казимировых королевых детей Жигимонтом королем почен, или иной хто государь будет на великом княжестве Литовском и на Полском королевстве, и ни их детей будим за один. Пойдут на нас Ахматовы царевы дети, и ты брат наш князь великий Иван салтанов, и уланов, и князей пошлешь на их улусы недружбы чинити; а пойдут Ахматовы дети на тебя на брата нашего великого князя Ивана, и яз Ислам Гирей царь на Ахматовых детей сам пойду, и Калга Сафа Гирей царевич со мною пойдет, и с братьею своею, из детми своими рать свою пошлю, а яз Сафагирей царевич пойду. А ты брат наш князь великий Иван на вобчего нашего недруга на Литовскаго сам пойдешь или рать пошлешь, и яз Ислам Гирей царь сам пойду на его землю, и на люди, или калгу своего из братьею, и детей своих с своею ратью пошлю. А ныне что пойдет князь великий литовской и король польской на тебя на нашего брата на великого князя Ивана, или пак рать свою пошлет, и мы потому же на него, и на его землю сами идем, или калгу Сафагирея царевича и братью свою и детей своих своими людьми пошлем. А мне Ислам Гирею царю, и моему калге Сафагирею царевичю, и нашей братьи, и нашим детем, и уланом, и князем, и нашим казаком твоих брата нашего великого князя Ивановых земель, и твоих детей земель, и братья твоей земель не воевати; так же и князей, которые тебе служат, и твоим детем, и князя Трубетцкие, и иные князи, и нам на их землях не стояти, и не воевати нам их земель. Также и твоих украинских городов Путивля, Рыска, Новгородка, Радогоща, Стародуба, Чернигова, Почепа, Гомья; так же и опрочь того которые князи тебе служат, и твоим детем, и на вас которые смотрят, и нам тех ваших князей и земель так же не воевати. А без нашего веданья, или без нашия братьи веданья, и без наших детей веданья, и наши люди ваших людей повоюют, или ваших князей, которые вам служат, а к нам придут; и нам их казнити, а взятое отдать, и головы людские без окупа нам тебе отдать. Так же твои брата нашего послы или гости куды пойдут от тебя Доном, или полем; так же и от иных государей от кого нибудь пойдут к тебе брату нашему послы или гости: и нашим людям твоих послов, и гостей, и тех послов и гостей не имати, ни грабити: а кто

наших людей твоих послов, или гостей, и тех послов и гостей, которые пойдут к вам от иных государей от кого нибуди, пограбят, а к нам придут, и нам их казнить, а взятое велим отдати, а головы людские без окупа нам тебе отдати. А которые люди на нас смотрят, и те наших людей или гостей и торговцов твои люди или царевичевых люди пограбят, да к тебе придут, и тебе про то тех людей казнить, а взятое Куны, и головы, то ти нам отдати; а иначе то того не учинити. А коли наш посол от меня пойдет к тебе к нашему брату, к великому князю Ивану, и нам его к тебе послати безошлинно. А пошлинам никак ни быти. А твой посол брата нашего ко мне придет, и он идет прямо ко мне. А дорогам и пошлинам даражским, и иным пошлинам некоторым ни как не быти, ни силе, ни наступанью, ни грабежу, и не чти от меня от брата твоего от царя и от моего калги от царевича, и от моей браты, и от моих детей, и от иных царевичев, и от сенцев, и от уланов, и от князей, и от всех наших людей ни которому над твоими послы и над твоими людьми никак не быти; ни задержанья твоему послу, и твоим людям никак не быти. А в сем ярлык кон слова есмя молвили, иначе тому не быти; того дела яз Ислам Гирей царь в головах, и Калга мой Сафагирей царевич, и иные царевича наша братья и дети наши, и наши сенты, и уланы и князи крепко шерть дали есмя, и печать есмя свою золотую к сей грамоте велели приложити.

Опубликовано Ф. Ф. Лаиковым. «Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв.». Симферополь, 1891.

***Грамота крымского хана Сахиб-Гирея
великому князю Ивану IV
(доставлена в Москву в ноябре 1537 г.)***

... грамота ... царева о Казани.

Великие орды великого царя силы находца и победителя Саиб Киреево царево слово московскому князю Ивану Васильевичю. Ярлык от царя. Царем ведомо да есть от царьского седалища слово то.

Казаньская земля мой юрт, а Сафа Гирен царь брат мне. И после бы еси сего дня войны на Казанскую землю не чинил, так же еси, недружбу делая, рати своей не посылал бы еси, как было в прежних времена, послов своих и гостей посылал бы еси, межю бы вас доброй мир был. А как до тебя сесь наш ярлык доидет, а ты на него воиню поидеши, а по сего нашего ярлыка речем между собою миру не учините, и милосерднаго Бога милостию меня на Москве смотри. А не помысли себе того, что с одними татары буду, оприч тех, которые в наших волях татарские рати, а опроче пушечного и пищального наряду счасливаго хандикеря вселенского величества конную рать и янычен холопов взяв, иду. И дружба и недружба от кого придет, толды ведаеш. И опосле прибытка не будет. А хоти к нам с тем нашим паробком Дервиш Алеем, кого к нему прикошевав, куны и поминки пошлеш к нам, а с Казанью не помирився и ты не посылай, толко же с Казанским юртом помирись, и ты посылай, занеже кто ему друг, тот и мне друг, а кто ему недруг, тот мне недруг, так бы еси ведал.

И ныне сего дорогою к брату своему ко царю слугу своего Телелая послал есмы. И сем нашим писаным речем толко их поймеш, знамены то к нашему паробку к Телелаяу прикошевав своего человека, послал бы еси в Казань да отпустил бы еси наборзе. И после сего дни вперед к брату моему ко царю учнеш посылати, и яз наперед к тебе пошлю, и ты, своего доброго человека прикошевав, к нему учнеш за все посылати, потому наше одиначество от того дела познаетца.

Казань – мой стол и земля моя, а учнеш ее воевати, и ты мне недруг лих будеш, и только доброво миру с ним не учинишь, и ты бы себе никоторого иного мненья в мысли не держал, милосерднаго Бога милостью на Москве нас смотри.

И толко наше слово примеш, и ты над своим недругом будеш, и со мною содиначишся, иные земли многая моя рать, тое земли кунами сыгостны будут даваньем обычаино от Бога.

И толко что в сем ярлыке писаны которые речи, и ты их не примеш, и ты худ будеш, и недруг твои над тобою будет. Никак в мысли хитрости не держи, а опосле в думе не будет помочи. Нечто по первому реку Оку захребет себе хочеш держати, и ты на воду не надейся, Оки реки тебе не покажут. И ты б ранее себе прямо помыслил про свое дело, а не помыслишь себе того, и то как Магмет Кирен царь приходил, более того со

мною будет силы и рати и мочи, так бы еси ведал, оприч моеи рати будет со мною сто тысяч турской рати дя пять тысяч янычен, так бы еси ведал.

Молвя, жиковинью запечатав, грамоту послал есми.

Лета девятьсот сорок четыре года.

РГАДА. Ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. 8. Л. 419–421 об.

***Грамота крымского хана Сахиб-Гирея
великому князю Ивану IV
(доставлена в мае 1538 г.)***

Великие орды великого царя силы находца и победителя Сагиб Киреево цареве слово – Ивану князю заповедь от царя царем и от государского седалища слово наше то.

Наперед сего в присыльных твоих грамотах писаны были речи добрые, и мы по тем твоим речем хотели своего большего посла послати. И после того прислал еси к нам казака своего Янъкыдыра с своею грамотою, а в грамоте своей к нам писал еси, рекше, мы посла твоего Тимофея, которого еси посла в Волохи, у себя задержали, и нам бы его ныне к тебе отпустить со всеми его товарицы. И ты того человека своего Тимофея посылал к нашему недругу, и кто от кого к недругу дружбы для которой человек приедет, ино и тот человек недруг, которой ездил, и мне недруга как отпустить. Отец твой, нам роту и правду учинив, в миру ис Казани своего для добра к себя взял Елюку князя да Идил-Ази-дувана наших людей со всеми их товарицы да там их у себя и побил. И опосле того уже два года тому посылали есмя в Казань с Керенчею своего кадыя и твои люди на дорозе их, перенмав, да к тебе привели и мати твою их велела побить. И ты того ко мне не приказываешь, а ты к моему недругу посылал еси человека своего, и ты о нем к нам пишешь. А Тимофея мы ведь не убили, жив у нас, а наших бы еси так же живых держал да с нами говорил.

Да еще еси в своей грамоте писал, чтоб нам к тебе отпустить, а государского бы нам обычая, как всякой народ, чинить, не учинити, молвы еси. Ино государского обычая не держал отец твой, как неис-

кусный народ, имени своему убавление делал, заньже никоторон государь так не делывал.

Да еще еси писал, чтоб мне к тебе недружбы своей не объявляти. Ино яз к тебе недружбу свою объявляю, и мне ни от коле страха нет. А учну тебе недружбу чинить и моеи земле нет в том убытка никоторого. От милосердаго Бога надея ми есть, поиду на твою землю и государство твоё возму, а ты и захочеш мне лихо чинити, на мою тебе землю не ити. И ныне чо мне пишешь, сам себе меня недругом чинишь, и тебе от моеи недружбы убытка не будет. А более ста тысяч рати у меня есть и возму, шед, из твоеи земли по одной голове, сколько твоеи земле убытка будет и сколько моеи казне прибытка будет, и сколько мне поминков посылаешь, смети того, убыток свой которон более будет, то ли что своею волею пошлеш казну и что сколько воинною такою возмут, гораздо себе о том помысли. И только твою землю и твоё государство возму, ино все мои люди сыти будут. И ныне меня к себе тем словом зовещ, яз с одною своею ратью не иду и, хандыкереву величество с собою взяв, иду, смотри, какая недружба будет. Хандыкереву величество вселенную покорил от Востока и до Запада, Индию и черных людей арапов и азамов и кизылбаша, рягов, угорского короля да и оприч того многие земли поймал да и сам там витал. Ино и в твою землю мног достаточно ити витати. Даи боже нам ему твоя земля показати и с ним там витати. Про меня гораздо не знаешь, чаешь меня, как прежние наши были, а се иду. И ты на Москве со мною хочеш видетися или, Оки реки встречу пришед, видишься, а яз иду и ты будь готов. И аз схоронясь не иду, не молви после, как Магмед Кирей царь без вести пришел. И только того дела похочешь, ино добро сильно, и мы ити готовы.

Учнешь жо делать по нашему хотенью и по нашему слову, и ты б с сею дорогою, которово есмя наскоро послали к тебе, паробка своего прикошевав, к нему своего большего посла с своею казною наборзе бы еси его к Путивлю послал. А перед ним бы еси часа того послал к нам сказать, чтоб в малых днех у нас были. А нечто замочают и нам их не ждати, на конь всядем, так бы еси ведал.

Да еще еси к нам писал про Казань, рекши, на Казань царя посадил. Ино Магмед-Аминь царь з братом своим з большим с Алахам-царем о юрте спирались, и того для Магмед-Аминь царь к Москве пришел, и отец твой помочь ему свою дал, и он, шед, на Казани сел.

То правда есть и межи государем коли таково дело не бывает, ино тем ли он его на царство посадил, что помочь свою ему дал. С великим царем с Магмедом с упокоиником, з дедом нашим из Суздаля прадед твои Василен бился с ним да и в руки ему попал жив. И в те времена мочно было нашему деду твоего прадеда убить, а Московское государство с сею землею взятии, ино такова ему сила была и мочь. А он его простил, и горсти крови пощадел, и все то презрел и Москву ему опять отдал. И того прошлого добра не поминаешь, и ты котово своего человека к нашему недругу посылал Тимофея, и ты о нем пишеш. И моя еще которая и правда была.

И будеш по моему слову, ино вельми добро, и мы с тобою, по тебе посматрля, мир учиним. А не похочеш, и ты посмотриш, что мы тебе учиним. Да что много говорити, что в том прибыток будет. Ведаи, что в начале сего месяца маия пойду. А наперед сего, что послал слугу своего Баима, а ныне Токела, и яз в то место оставил у себя слугу твоего Григорья. А опосле которой казак твои Янъкыдыр приехал, и яз его к тебе отпустил. А срок есми учинил твоему послу сего маия месяца десятыи день. А на тот срок не будет посол твои и з казною и с нашими со всеми людьми и нам их не ждати, ити. А доколе у нас от тебя посол твои с казною будет, большего посла от нас не жди. А будет посол твои с казною наборзе у нас, и мы, по тому посматрля, своего посла пошлем. А только замотчает, на тот срок не поспеет, и ты истому и кручину увидиш. И ты себе промышляи. Молвя жиковинуу запечатав грамоту послал.

Лета 7044-го апреля месяца.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8. Л. 487 об. – 493 об.

• Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8. Л. 415.

• См. ответ Ф.И. Карпова крымскому гонцу: «Ведает царь и сам, что как пришел Сафа-Гирей на Казань и он какие государю нашему недружбы поделал, и государю нашему чего для в Казань... посылать» для переговоров о мире (РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 423 об., 424).

• Там же. Л. 475 об. – 476 об.

• Там же. Л. 486 об. – 487.

Грамоты Сахиб-Гирея в Москву, хранящиеся в РГАДА, опубликованы Б.Н. Флорей (Славяне и их соседи. Вып. 10, М., 2001, с. 238–239).

*Послание султана Сулеймана I Кануни
крымскому хану Сахиб-Гирею
(март 1545 г.)*

Указ Сахиб-Гирей хану

Ныне к нашим вратам – прибежищу счастья вы прислали письмо, /в котором/ согласно доставленного вам чавушем Мехмедом моему августейшему указу, уведомили о польских разбойниках, причиняющих ущерб подданным моего государства, и сообщили о том, что поскольку река Озю является мощной преградой между вами, их преследование представляется затруднительным. [Также вы сообщаете о том, что] направили вашего сына Эмин-Гирея – да будет вечным его превосходство! – в поход на Московину. [Далее] вы сообщаете о прибытии вести о том, что милостью Аллаха воители за веру добыли много трофеев и стали победителями. /Итак,/ ныне мусульмане победили, а враги веры его присутствия Предводителя рода человеческого были побеждены и разгромлены. Да не перестанут прибывать к моему вечно благоденствующему Порогу подобные радостные вести!

В своем вышеупомянутом письме вы [также] уведомили о том, что в соответствии с ранее прибывшим к вам августейшим указом находитесь в исправлении черкесских дел, и сообщили также некоторые сведения, относящиеся к Хаджи-Тархану и стране ногаев, [в частности о том, что] «если ногаи приблизятся к нашим краям, совершать движение в какую бы то ни было сторону будет невозможно. Если же неприятелей не будет близко, [мною] задумано [совершить поход] на черкесов».

Все, что сказано относительно этих вопросов [в вашем письме], было подробным образом представлено к подножию моего трона – прибежища вселенной, [после чего] стало [мне] известно и было [мною] постигнуто. Таким образом, [сейчас] у вас имеются как частные, так и общие сведения об обстоятельствах тех стран, и вы осве-

домлены о них во всех подробностях. В решении доложенных вопросов действуйте в соответствии с обстоятельствами, руководствуясь наибольшей целесообразностью так, как это надлежит [в интересах] веры и нашей державы.

Документ из Архива музея Топкапы. Опубликовано и переведен на русский язык И.А. Мустакимовым (Документы по истории..., с. 90–96).

Особенно обращаю внимание на последнюю фразу султанского указа, фактически предоставляющую хану свободу действий в районе Дешт-и Кыпчак. Как увидим далее, рамки этой свободы были еще более расширены в указах, адресованных наследующим Сахиб-Гирею ханам.

Глава 7

ДЕВЛЕТ-ГИРЕЙ

И МОСКОВСКО-КАЗАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Девлет-Гирей, выросший и воспитанный при султанском дворе, был использован, как мы уже писали, османскими властями как некий послушный Порте фигурант интриги имперского правительства против неугодного вассала. Цель этой интриги – свержение Сахиб-Гирея, т. е. решение проблемы Крымского ханства, хотя первоначально официально было объявлено о назначении Девлета ханом в Казань. Просьба казанцев о присылке им хана, переданная Порте самим Сахиб-Гиреем, фактически оказалась проигнорированной. В роковой для Казанского ханства период его истории османские власти явно уклонились от какого-либо участия в делах этого татарского государства. Сам Девлет-Гирей, вззошедший на ханский престол в Крыму в 1551 году, начал свое правление с того, что сразу же, по османскому обычаю, устранил всех своих возможных конкурентов из семьи Гиреев, и прежде всего, естественно, потомков Сахиба, и разрешил ханычам совершить набег на ближе всего расположенные к ханству литовские владения, которые могли дать добычу широким татарским массам, а не только избранным, как бывало при кавказских походах Сахиб-Гирея. Был сожжен Брацлав и разграблены его окрестности. В дальнейшем, однако, крымско-татарские набеги направлялись этим ханом почти исключительно против Московского государства.

Уже первая ханская антимосковская вылазка, состоявшаяся в 1552 году, большинством исследователей рассматривается как сознательно рассчитанная ханом попытка помешать Москве присоединить Казань к своим владениям. Позднее, как проследили В.В. Пенской и А.А. Новосельский, конфликты у Москвы

с крымскими татарами происходили почти ежегодно. Приводимые этими исследователями сведения несколько разнятся и охватывают не совсем совпадающие периоды. В.В. Пенской (2012, с. 13) пишет о 13 крымских походах на Москву, зафиксированных в российских источниках за время 26-летнего правления Девлет-Гирея. Сам хан ходил в 1552, 1555, 1562, 1564, 1565, 1571, 1572 гг., его дети-ханьичи (хан-заде) – в 1558, 1563, 1568, 1570, 1573 годах, и еще два набега планировались в 1556 и 1559 гг., но по разным причинам не состоялись. Кроме этого, в 1569 г. хан участвовал в османской экспедиции против Астрахани, присоединенной к российским владениям в 1556 г. А.А. Новосельский приводит в Приложении к своей книге (1948, с. 27–43) не просто перечень татарских набегов, но и их описания, содержащиеся в Летописях, Разрядных книгах, Посольских книгах по связям с Крымом, Турцией, Ногайской ордой и некоторых иных русских источниках. Это очень интересный и тщательно собранный материал, охватывающий период с начала Ливонской войны и до конца века. Он фиксирует не только крымские военные экспедиции, но и пограничные инциденты с другими татарскими сообществами. Во время Ливонской войны татарские вторжения не отмечены лишь в 1566, 1575 и 1579 гг. Далеко не все они сопровождались выдвижением какие-то политических претензий, особенно таких радикальных, как требование к Москве изменить ее отношение к Казани, а позже отказаться от власти над нею. Однако уже сам перечень походов показывает ту опасность татарских набегов, которая держала тогда в постоянном напряжении Московское государство. Книга Новосельского широко известна (в том числе переведена она и на турецкий язык). Поэтому мы не будем повторять приведенный им источниковый материал, а обратим внимание лишь на некоторые эпизоды.

Известно, что первоначальные московские планы Ивана IV в отношении Казани состояли в том, чтобы посадить на казанский престол своего ставленника, а саму Казань включить в состав Русского государства, сохранив при этом в неприкосновенности внутренние порядки ханства, т. е., по сути дела, были намерения вернуться примерно к тем же отношениям, которые существовали между Москвой и Казанью при Иване III. Как уже было сказано,

московские ставленники на казанском престоле оказались неудачными правителями и не только возбудили против себя местное общество, но и вызвали недовольство московских властей.

Походы на Казань московских войск зимой 1548–1549 и 1549–1550 гг. закончились неудачами. Поэтому в 1552 г. против Казани намечались еще более масштабные военные действия, руководимые самим царем (см: Разрядные книги). Однако до самого начала этого последнего похода по договоренности с имевшимися в Казани московскими «симпатизантами» (слово, употребленное В.В. Пенским) в Москве все еще надеялись решить казанскую проблему мирно, заменив неугодного местным жителям хана – Шах-Али московским наместником. Противники московского подчинения сорвали эту, уже было состоявшуюся, договоренность, что и спровоцировало новое военное вмешательство Москвы. Известно, что окончательное решение о военном походе на Казань было принято лишь в апреле 1552 г. До этого велись активные переговоры и сохранялась надежда на мирное решение вопроса. Город был завоеван в октябре после длительной и кровопролитной осады.

Казанское ханство было одним из тех постордынских государств, которому долгое время удавалось оставаться в стороне от разборок и размежеваний Большой Орды. Более того, в его хозяйственном базисе сильнее, чем у других ханств, присутствовала аграрная составляющая, связанная еще с давними булгарскими и добулгарскими традициями. У ханства были общие торговые и хозяйственные интересы с русскими княжествами. Все это дает возможность предполагать, что первоначальные планы Москвы по сближению этих двух государств и совместному сосуществованию могли иметь вполне реальные перспективы.

В вышедшем в 2014 г. в Казани четвертом томе «Истории татар» помещена очень интересная научная разработка Рафаэля Валеева об экономике татарских государств и, в частности, Казанского ханства (т. 4, с. 406–440). Исследование базируется на добротном источниковом материале. Выводы его убедительны и не вызывают сомнения. Показано, что в экономике казанского региона первостепенную роль играло земледелие, процветали различные

промыслы, на достаточно высоком уровне находилось ремесленное производство. Была развита торговля – как посредническая по Волжскому водному пути, так и местными товарами. Функционировали ярмарки, на которые стекались купцы из многих стран. Широкий товарообмен шел традиционно с Москвой и другими русскими княжествами. Все это подтверждает известное определение, которое дал ханству Иван Пересветов: «подрайская земля» (Сочинения, 1956, с. 182). Подчеркиваю, что картина нарисована добротнo и сомнений в достоверности приводимого в ней материала не возникает. Однако при прочтении встает резонный вопрос: почему, имея столь благоприятные условия для жизни и развитое хозяйство, из ханства, и раньше, а особенно начиная с двадцатых-тридцатых годов XVI века, совершались постоянные набеги на соседнюю Московию, более бедную природными ресурсами и хозяйственными возможностями (см.: Милов Л.С. Русский пахарь, М., 2008)? Думается, здесь объяснение то же, что при рассмотрении причин установления османского вассалитета в Крыму. Чингизидские традиции и продолжавшиеся кочевнические подпитки местного общества из соседних орд не позволяли самостоятельно вырваться из рамок социально-политического существования, характерных для кочевого общества, даже наиболее продвинутым в социально-экономическом плане регионам. Постоянный приток новых масс из Сибирских ханств и особенно Ногайской Орды нарушал социальную стабильность в ханстве, толкал на агрессивные вылазки в земли соседей. В набегах и грабежах участвовали, конечно, не только пришельцы, но и местная знать со своими приближенными. Это давало дополнительные доходы и уберегало от разграбления собственное население. Суть же проблемы состояла в том, что само ханство, без внешней помощи, оказалось не в состоянии вырваться из того чингизидского котла, в котором различные тюркские общности сложились, достигли определенного уровня развития, но, оставаясь в его недрах, не могли приспособиться к вызовам нового периода человеческой истории. Казанскому ханству, активно не претендовавшему на верховенство в джучидском мире и принимавшему к себе ханов из различных ветвей чингизидской династии, не хватило сил для собственной консоли-

дации и выступления в тюркском сообществе в некой самостоятельной направляющей роли, хотя оно и объединяло в своих пределах наиболее продвинутую в экономическом и социальном отношении часть тюркско-татарского мира. Правящие в нем ханы-пришельцы (как уже было показано на примере Гиреев) не приносили ханству благополучия, а заботились лишь об обогащении и сохранении собственной власти. Соседствовавшая же с ним Московия не увидела в нем защиты от агрессивного кочевничества, на что ранее явно надеялась.

При описании ханства все специалисты обращают внимание на наличие в нем противоборствующих политических сил, имеющих различные внешнеполитические симпатии. Историки зачастую так и пишут: промосковская партия, прокрымская, проногайская и т. п. Думается, что водораздел между этими партиями глубже, чем их внешнеполитическая ориентация. Настоящая работа посвящена истории Крымского ханства, а потому обратим внимание прежде всего на то, что в период существования самостоятельного Казанского ханства присылаемые и занимавшие казанский престол крымские ханычи, получая власть, не предпринимали каких-либо усилий к объединению Крыма и Казани в одно государство, хотя порой и действовали во внешнеполитических вопросах как союзники. Ту же ситуацию можно наблюдать в отношении Ногайской Орды, стремившейся оказать свое влияние на политическую жизнь Казанского ханства. Были и силовые стычки, во время которых ногайские войска доходили до столицы Казанского ханства, и переселение ногайского населения на территорию ханства, и династийные браки, которые играли большую роль в союзах и сближениях племен и ханств. Напомним о Нур-Султан, дочери ногайского правителя (см.: Бережков М.И., 1897), через сыновей которой породнились казанская, крымская и ногайские династии. В Казани ее сыновья принадлежали как к московской, так и к крымской партиям. Родство и политический расклад не только не совпадали, но порой в зависимости от политической конъюнктуры в ханствах, где у власти утверждались ближайшие родственники, последние резко меняли свои прежние внешнеполитические симпатии. Главным для них было удержание доставшейся им власти, и в связи с этим

уходило в прошлое стремление к объединению татарских юртов. То историческое время, когда на огромных территориях могли господствовать кочевые империи, ушло в прошлое. Ни уровень развития человечества, ни изменявшиеся природные условия Евразии не позволяли повернуть историю вспять.

Вспомним, что на просторах Восточной Европы более тысячи лет соседствовали два мира – «мир леса и степи». Между ними бывали периоды мирного сосуществования, но бывали и кровавые разборки, чему способствовали разные причины, но прежде всего не раз наблюдавшаяся в прикаспийско-причерноморских степях цикличность периодов теплых и засушливых, прохладных и влажных. Когда степь оказывалась неспособной прокормить свое скотоводческое население, кочевники становились особенно агрессивными в отношении более устойчивого к климатическим изменениям земледельческого населения лесостепных районов. Их привлекали не территории, малопригодные для их традиционных занятий, а лишь грабеж или дань, т. е. дополнительная возможность как-то подкормиться (см.: Толочко П. П., 1999, с. 195). Кочевая составляющая тюркских обществ Евразии превращалась к XV веку в тот тормоз, который мешал становлению новых постордынских государств и их приобщению к новому уровню мировой цивилизации.

Ногайская Орда и Сибирские ханства (а через них шло и продолжавшееся тюркское людское пополнение из Центральной Азии) служили наиболее массовыми поставщиками кочевого населения как в Казань, так и в Крымское ханство. В 50-е гг. XVI в. отколовшаяся от поволжских ногаев часть Ногайской Орды, руководимая мирзой Гази (Кази), переселилась на правый берег Волги, т. е. территорию, контролируемую Крымским ханством. Эта так называемая Малая (или Казиева) Орда постепенно превращалась в буферную силу, прикрывавшую Крым от ногайских набегов. Многочисленные конфликты внутри всех этих племен и ханств не позволяли им действовать едино. Каждое объединение боролось за собственное государственное становление. Время кочевых сообществ миновало, а оседлой их составляющей и аграрной хозяйственной базы не хватало для принципиально нового витка их развития, что про-

являлось даже в Казанском ханстве, где в этом плане были наиболее благоприятные условия. Постоянный приток кочевников оставался той силой, которая мешала успешному государственному становлению всех этих государственных образований.

Среди российских историков утвердилось мнение, что со времен разгрома Большой Орды, т.е. еще со времен Менгли-Гирея, в правящих кругах Крыма вынашивалась идея воссоздания единого тюркского государства под эгидой династии Гиреев (см., например, Хорошкевич А.Л., 2001, с. 100). Имперские идеи, возможно, и бродили в умах некоторых представителей верхушки ханства, но в политике их правители были мудрее и мыслили более реалистично. В.В. Трепавлов удачно назвал чингизидские имперские идеи некой «инерцией», которая временами давала о себе знать (Трепавлов В.В., 2009; его же предисловие к книге «Восточная Европа...», 2009). Отношения же тюркских государств между собой показывают, что в описываемый нами период каждое из них развивалось самостоятельно, хотя их правители и находились в ближайшем родстве.

Разгром Казанского ханства усилил антимосковские настроения в Крыму. Они подогревались известиями о продолжавшихся в Среднем Поволжье волнениях местного населения и появлением в Крыму казанских беженцев, надеявшихся на некий тюркский реванш. Это, конечно, сказывалось на настроениях в ханстве и не могло не способствовать появлению у Девлет-Гирея стремления к организации военных походов именно в сторону Москвы. Вылазки на север обычно давали крымчанам возможность подкормиться за счет грабежей и захвата пленных. Теперь же добавилось еще и стремление помочь этнически и религиозно близкому народу и родственной династии. В.Д. Смирнов пишет о Девлет-Гирее: «Совершая почти непрерывные набеги на соседние страны, он постоянно имел наготове довольно большую военную силу, с которой в состоянии был дать отпор всякому враждебному на него нападению, подавить всякое мятежное сопротивление своему господству внутри своих владений» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 319). Для военной активности, следовательно, у Девлет-Гирея были как внешние,

так и внутренние побудительные причины. Его долгое пребывание у власти расценивается некоторыми исследователями как особое преуспевание. Встречаются даже утверждения, что при Девлете «татарское государство достигло, пожалуй, вершины своего могущества и влияния» (В.В. Пенской). Более осторожны в своих выводах И.А. Мустакимов и А.И. Виноградов: Девлет-Гирею «удалось не только долго и относительно стабильно править ханством, пользуясь благоволением Высокой Порты, но и по мере возможности проводить внешнюю политику, отвечающую собственно крымским интересам» (Мустакимов И.А., 2015, с. 98–99; Виноградов А.В., 2007, с. 53–66). Нам представляется, однако, что почти тридцать лет правления этого хана были скорее регрессом в развитии ханства, временем, когда разбойно-кочевая стихия снова взяла верх. Попытки Сахиб-Гирея и его предшественников построить полноценное государство были забыты. Длительность пребывания у власти одного правителя, т. е. то, чего Девлет-Гирею удалось добиться, не означала благополучия государства и его народа, которые переживали отнюдь не лучшие времена.

В то же время думается, что поспешно и утверждение турецкой историографии о том, что взятием Казани, а потом и Астрахани Москва достигла верховенства в восточноевропейской степи. «Крымское ханство проиграло длительную битву за наследство золотоордынской империи, битву, продолжавшуюся полстолетия» (Inalcık Н., 1947, р. 61). Проблема восточноевропейского верховенства пока еще далеко не была решена. Зная будущее региона, исследователи невольно распространяют это свое знание на более ранний период. А ведь тяжелейшая борьба в регионе продолжалась, и альтернативность путей, по которым могла пойти его история, все еще не была исключена. Вспомним две линии общественно-политического развития, по которым развивалось тюркское общество Малой Азии – османскую и туркоманскую, переросшую позднее в сефевидо-кызылбашскую, обособившую себя не только политически, но даже и религиозно. Имея такого противника на востоке Малой Азии, османские власти явно не стремились создавать себе подобного же противника на северо-восточных рубежах своей державы. Это во многом и объясняет осторожность и умеренность их

политики в регионе Восточной Европы. Однако в самом тюркском мире Восточной Европы тогда все еще бытовали надежды на возможность собственного самобытного развития, сохранения своих государственных образований и продолжения экономической подпитки населения за счет грабежа соседних государств и народов.

Поход 1552 г. на Русь почти всеми авторами, писавшими о нем, воспринимается как некая сознательная попытка крымского хана помешать русскому завоеванию Казани. Он показывает, однако, что в Крыму тогда были плохо осведомлены о том, как развиваются события на севере. Конечно, было известно о московско-казанском конфликте и ожидавшемся третьем походе царя на Казань. Хан мог рассчитывать, что с уходом основных московских армейских сил в Поволжье ему удастся беспрепятственно пограбить Московию. Он сам возглавил предстоящий набег, но, не имея конкретных сведений о сроках московского выступления, явно поспешил. Сообщение о том, что крымская армада идет на русские земли, Иван IV получил в Москве, когда ни он, ни основная московская армия еще не выступили в казанский поход (напоминаю, что окончательное решение о походе было принято в Москве лишь в апреле 1552 г.). Царь успел изменить ранее намеченное направление движения своих основных сил, собиравшихся идти прямо на Казань, и направить их к Коломне – навстречу Девлет-Гирею. В планы хана явно не входило столкновение с московской армией. Уходить с пустыми руками тоже не хотелось. Как утверждают русские летописи, он собрал военный совет, на котором крымские «князи» ему предложили «аще хошешь срам свой покрыти, есть у великого князя град Тула на Поле, а от Коломны за великими крепостьми и леса и далеко от Коломны, и ты учинишь то же, что и в Литве Бряславлю» (ПСРЛ, т. XIII, с. 190). Хан, меньше года находившийся у власти, сам плохо знал обстановку, а потому не мог не последовать этому совету и не повернуть к Туле. Казань и какая-либо помощь ей (если даже такое намерение первоначально имелось у крымского хана) были забыты. Не случайно в советах крымской знати хану и упоминание о прошлогоднем бряславльском деле. Крымская рать стремилась прежде всего к добыче. Потому-то часть своих воинов

хан сразу же распустил «в войну», т. е. на грабежи окрестного населения. Сам же он два дня безуспешно осаждал тульскую крепость, после чего, получив известие о движении к Туле царских войск, спешно «от града утече», бросив обоз и распущенные для грабежей отряды. О боях с этими оставшимися татарскими войсками пишет в своих воспоминаниях князь А.М. Курбский, участвовавший в них и свидетельствовавший, что «зело мало осталось их, ... и в орду возвратилось». (Курбский А.М., История, стб. 16).

Итак, поход этот оказался неудачным. Новый крымский хан тогда еще не успел хорошо ознакомиться с расстановкой сил в регионе, и если даже намеревался оказать какую-то помощь Казани, то был к этому явно не готов. Складывается впечатление, что он и не ставил перед собой таких больших стратегических целей, а предпринял традиционную грабительскую операцию, для которой, по полученным в Крыму известиям, предоставлялся удобный случай. В российских летописях есть сообщение, что после возвращения в Крым Девлет-Гирей отправил в Москву послов, требовавших от Ивана IV прислать в Крым «поминки» в размерах, превышающих ранее принятые (вспомнив опять времена Мехмед-Гирея I). Из Москвы ответили на это: «...дружбу царя не выкупают, а похочет если царь мириться по любви, и царь и великий князь с ним миру хочет по прежним обычаям» (ПСРЛ, т. XIII, с. 241). Крымско-российские отношения с этого времени стали развиваться уже в иной исторической обстановке. С позиции силы с Москвой говорить стало непозволительно.

Научное издание

ОРЕШКОВА Светлана Филипповна

**КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XV – XVI вв.
(К вопросу о роли османского вассала в политическом
становлении постордынской Восточной Европы)**

Том 1

*Редактор Сидоркина Н. А.
Корректор Сидоркина Н. А.
Верстка Макеева Н. В.
Обложка Моева Д. С.*

Подписано 06.09.2021
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,13. Уч.-изд. л. 16,98
Тираж 500 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ООО “Белый Ветер”
115054, г. Москва, ул. Дубининская, дом. 68, корп. 3, оф. 6
(495)-651-84-56